УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ВИТЕБСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ П.М. МАШЕРОВА»

Факультет гуманитаристики и языковых коммуникаций

Кафедра истории и культурного наследия

СОГЛАСОВАНО
Заведующий кафедрой
_____ А.Н. Дулов
21.09.2021

СОГЛАСОВАНО
Декан факультета
_____С.В. Николаенко
21.09.2021

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
ПО УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

для специальности

1-02 01 01 История и обществоведческие дисциплины

Составитель: Г.Н. Яковлева

Рассмотрено и утверждено
на заседании научно-методического совета 05.01.2022, протокол № 2

УДК 94(100)”04/14”(075.8)
ББК 63.3(0)4я73
И90

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 2 от 05.01.2022.

Составитель: доцент кафедры истории и культурного наследия ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент **Г.Н. Яковлева**

Р е ц е н з е н т ы :
кафедра социально-гуманитарных дисциплин УО «ВГТУ»;
заведующий кафедрой историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы, доктор исторических наук, доцент *А.В. Мартынюк*

История средних веков для специальности 1-02 01 01 История
И90 **и обществоведческие дисциплины :** учебно-методический комплекс по учебной дисциплине / сост. Г.Н. Яковлева. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – 304 с.
ISBN 978-985-517-995-6.

Учебно-методический комплекс по дисциплине «История средних веков» предназначен для студентов специальности 1-02 01 01 История и обществоведческие дисциплины. Издание включает в себя тематическую карту и содержание учебного материала по дисциплине, планы семинарских занятий, отрывки из исторических источников, фрагменты исследований ведущих историков-медиевистов по ряду основных проблем Средневековья и относящиеся к темам семинарских занятий, списки рекомендованной литературы, а также тестовые задания для самостоятельной работы студентов и вопросы к экзамену.

УДК 94(100)”04/14”(075.8)
ББК 63.3(0)4я73

ISBN 978-985-517-995-6

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ 6
ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ 107
РАЗДЕЛ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ 236
Тестовые задания 236
Вопросы к экзамену 279
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ 281
Учебно-методическая карта дисциплины 281
Содержание учебного материала 283
Требования к курсовой работе 292
Самостоятельная работа студентов 293
Литература 300

ВВЕДЕНИЕ

Учебно-методический комплекс «История средних веков» для студентов специальности 1-02 01 01 История и обществоведческие дисциплины дневной формы обучения разработан на основе ОСВО 1-01 01 01-2021, учебного плана ВГУ имени П.М. Машерова и учебной программы по дисциплине «История средних веков».

1. Цель дисциплины – формирование у студентов фундаментальных знаний по истории Западноевропейской цивилизации и Восточных цивилизаций в период средних веков (V–XV вв.), используя такие понятия как: человек и природная среда, человек и материальная культура, материальное производство, социальная структура общества, формы общественной и политической жизни, управление обществом, сфера духовного производства и отношений, религия, менталитет общества и социальных групп, образ жизни различных слоев населения, взаимодействие и конфликты народов и цивилизаций; совершенствование навыков работы с историческими источниками.

Учебная дисциплина «История средних веков» изучает социальные, политические, экономические структуры, а также духовную и материальную культуру, менталитет и образ жизни в период средневековья (V–XV вв.). Именно тогда возникло большинство европейских стран и народов, сложились современные этнические границы.

Задачи дисциплины:

- формирование фундаментальных знаний о логике социальной истории и об основных этапах развития европейской и восточных цивилизации в период V–XV вв.
- выявление причинно-следственных связей и закономерностей исторического развития европейской и восточных цивилизаций в контексте европейской и мировой истории;
- формирование у студентов устойчивой системы знаний о материальных, культурных и духовных ценностях ведущих мировых цивилизаций эпохи средневековья, которые являются необходимым базисом для изучения последующих исторических периодов;
- приобретение теоретических и практических знаний, которые позволяют студентам правильно анализировать события и факты истории, делать необходимые выводы и обобщения.

2. Место учебной дисциплины в системе подготовки специалиста с высшим образованием, связи с другими учебными дисциплинами.

«История средних веков» является дисциплиной компонента учреждения высшего учебного образования для специальности 1-02 01 01 История и обществоведческие дисциплины (модуль «История средних веков и раннего Нового времени»). Она тесно связана с такими дисциплинами, как «История стран Европы и Америки раннего Нового времени», «Новая и новейшая история стран Латинской Америки», «Новая и новейшая история Азии и Африки».

3. Требования к освоению учебной дисциплины. Требования к компетентности специалиста.

Освоение учебной дисциплины должно обеспечить формирование следующих компетенций:

СК. Анализировать исторические события и процессы локального, регионального и глобального уровней периодов Средневековья и раннего Нового времени.

Информационно-коммуникационные компетенции:

- владеть методологией поиска нового (информации, идей и т.п.), методикой анализа и адаптации знаний к своим профессиональным потребностям,

- уметь преобразовывать информацию в специальные знания,
- формировать информационную культуру обучающихся.

Проектные компетенции:

- осознанно и самостоятельно планировать профессиональную деятельность,
- находить оптимальные решения инновационного характера,
- быть способными воплотить свои замыслы в инновационный проект и реализовать его,
- системно совершенствовать образовательный процесс,
- формировать у обучающихся способность к построению собственной образовательной траектории.

В результате освоения дисциплины «История средних веков» студенты должны

знать:

- основные факты, даты и понятия по истории средних веков;
- основные этапы развития феодальной системы, сущность феодализма;
- специфику работы со средневековыми источниками;
- закономерности и особенности развития производительных сил, производственных отношений, экономических и социальных структур и связей, государственных форм, менталитета, науки и искусства в период Средневековья;

уметь:

- анализировать исторические события и процессы локального, регионального, глобально-цивилизационного уровня и характера и давать им объективную научно-историческую оценку;
- чётко формулировать и обосновывать свою позицию по ключевым проблемам развития мировых цивилизаций в период средневековья и вести научный диалог по дискуссионным вопросам;
- ориентироваться в специальной литературе по профилю, грамотно реферировать учебную и научную литературу по предмету;
- уметь видеть связь явлений и процессов Средневековья с современностью;

владеть:

- полученными знаниями при решении педагогических, учебно-методических и научных задач;
- специальной литературой по профилю, умением грамотно реферировать учебную и научную литературу по предмету.

В процессе лекционных и практических (семинарских) занятий следует использовать такие ***методы и формы работы*** как интерактивные технологии обучения: выступления с презентацией, тематические дискуссии, дискуссии в малых группах и др.

4. Общее количество часов, отводимое на изучение учебной дисциплины «История средних веков» в соответствии с учебным планом учреждения высшего образования по специальности 1-02 01 01 История и обществоведческие дисциплины, составляет **124 часа (3 з.е.).**

5. Форма получения высшего образования – дневная.

6. Распределение аудиторного времени по видам занятий, курсам и семестрам.

Учебная дисциплина «История средних веков» изучается на **втором курсе** в **3 семестре**. Общее количество аудиторного времени, отводимого на ее изучение, составляет **56 часов**. Из них на лекционные занятия приходится **30 часов**, на практические занятия – **26 часов**, на УСР – **6 часов***.

** На контроль УСР отводится 2 часа.*

7. Форма текущей аттестации по учебной дисциплине: экзамен в 3 семестре.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

МАТЕРИАЛ К ЛЕКЦИЯМ

Материал к лекциям дан в виде ридера, включающего выдержки из работ ведущих медиевистов.

МОДУЛЬ 1
ВВЕДЕНИЕ. ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (V–IX вв.)

1. ЧТО ТАКОЕ СРЕДНИЕ ВЕКА?

«Средними веками» принято называть период, лежащий между античной древностью и Новым временем. Понятие «темного века», наступившего в результате заката величия Рима, и ожидание скорого нового расцвета («Возрождения») было присуще итальянским гуманистам XIV–XV вв., а в 1469 г. папский библиотекарь использует термин «Средний век» для обозначения времени, отделявшего высокие образцы античной словесности от «Нового века», т. е. времени, когда трудами самих гуманистов происходит возрождение античной образованности. Несмотря на видимую ясность такой периодизации, ее недостатки многочисленны.

Во-первых, хронологическая граница «Среднего века» предопределена к тому, чтобы быть подвижной. Для следующих поколений «Новым веком» было уже не время Петрарки, а их собственное. Поэтому граница «Нового времени» сначала отодвигалась все дальше от античной древности, а затем помимо «Нового времени» пришлось придумывать еще и время «Новейшее», современное (histoire contemporaine, contemporary history, die Zeitgeschichte), или даже «самоновейший период», «историю настоящего времени» (histoire des temps presentes). Таким образом, «Средние века» как период утрачивают свою «серединность».

Во-вторых, в самом термине «Средние века» уже была заключена оценка этого периода современниками. Средневековье виделось своеобразным «провалом» между эпохами – временем дикости, фанатизма, застоя, т. е. периодом, от которого мы хотим уйти как можно дальше. Античности можно и нужно подражать, Средневековью – нет. Такой подход укрепился в трудах философов-просветителей XVIII в. и определил восприятие эпохи следующими поколениями, что несколько затрудняло беспристрастное изучение Средневековья. Даже если и находились люди, бросавшиеся яростно защищать эпоху Средних веков, как некоторые романтики XIX в. или символисты века XX, они лишь меняли хулу на хвалу, что также не способствовало научной объективности. А попытки претворить «миф о Средневековье» в жизнь (как это делали, например, германские национал-социалисты) оказались и вовсе омерзительны.

В-третьих, термин «Средние века» возник для того, чтобы прилагаться исключительно к западноевропейской истории. Возможность его переноса на историю других регионов выглядит проблематичной: между чем и чем оказывается тогда «Средним» этот период, там, где не было ни своей Античности, ни Возрождения, как например, в России? Следовательно, этот термин является сугубо западным, а в самом его применении к другим регионам заложен ярко выраженный европоцентризм, представление о том, что Европа представляет собой единственно нормативный вариант человеческого развития, мерило успехов и, главным образом, неудач остальных цивилизаций. Когда говорят о «средневековом Китае», «средневековой Индии» или «средневековой

Японии», имеют в виду либо историю этих стран в ту эпоху, когда в Европе господствовало Средневековье, либо постулируют в этих обществах наличие черт, свойственных европейскому «нормативному» Средневековью. Разумеется, такой подход не вызывает энтузиазма у многих историков неевропейских стран, имеющих особые подходы к периодизации своей истории, особенно теперь, когда так часто говорят, что центр экономического, да и интеллектуального развития перемещается в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Но здесь мы сталкиваемся с еще одним неудобством, поскольку, в-четвертых, данный термин (впрочем, как и другие элементы принятой периодизации) обозначают одновременно и определенный тип общества, и хронологический период. Но два этих аспекта совпадают лишь применительно к крайней западной оконечности Евразии. Во всех остальных случаях не всегда понятно, о чем именно идет речь.

Не проще ли будет, говоря об определенном типе общества, прилагательное «средневековое» заменить на «феодальное»? К сожалению, при этом возникает еще большая путаница. … Понятие «феодализм» … обладает теми же недостатками, что и определение «Средние века» и «средневековый». Он в еще большей степени имеет ценностную окраску и еще более европоцентричен. Именно на европейском материале историки XIX в. описали характерные черты феодального строя, или «феодального периода». На сегодняшний день одни понимают под этим словом особую форму политической организации («расщепленный суверенитет»), другие – определенный социальный строй, третьи (в основном историки, так или иначе связанные с марксизмом) – особый способ производства, специфический тип отношений собственности. Мало того, что одному термину придается разный смысл, по-разному решается вопрос об универсальности феодализма. Одни – и их на сегодняшний день большинство – считают феодализм сугубо западноевропейским явлением, другие придают ему универсальный характер (в особенности те, кто опирается на учение о смене общественно-экономических формаций, постулируя в «феодализме» особую стадию, через которую в своем развитии проходило большинство народов Старого Света). В последние два десятилетия усилились сомнения в эвристической ценности понятия «феодализм» даже для Западной Европы. С другой стороны, сегодня раздаются призывы к возобновлению работы над содержательной стороной этого понятия, пусть даже несущего на себе отпечаток европоцентризма.

…Гораздо более важен другой вопрос: а можно ли говорить о некотором единстве этого периода? Когда историки … воспринимали развитие человечества как прямолинейное движение через пять последовательно сменяющих друг друга общественно-экономических формаций, то сценарий всемирной истории V–XV вв. был вполне ясен – это была история возникновения, развития и кризиса феодальной общественно-экономической формации. И разительное своеобразие различных цивилизаций, несхожесть их исторических судеб трактовались как неизбежные локальные вариации инвариантной системы, как колебания вокруг единой оси исторического развития. При всей несводимости региональных историй друг к другу, акцент ставился на единстве исторического процесса, причем единство это полагалось самоочевидным, априорным. А поскольку западный феодализм начали изучать раньше и для него раньше разработали понятийный аппарат, больше сохранилось источников, то усиленное внимание к истории Западной Европы периода феодализма объяснялось тем, что, разработав определенную методику анализа общества феодального типа, можно будет с успехом ее использовать для анализа истории других регионов.

По мере того, как эта и другие теории, рассматривающие историю как закономерное, прогрессивное движение от одного этапа развития к другому, утрачивали свою убедительность в глазах многих ученых, стало гораздо более привлекательным рас-

сматривать историю как совокупность различных цивилизаций, каждая из которых обладала своей логикой и своим ритмом развития.

Но в таком случае, о каком единстве человеческой истории может идти речь? Не получится ли так, что единство истории средневековых цивилизаций будет обеспечено лишь тем, что рассказы о них объединены под одной обложкой? Тогда правильнее было бы строить изложение не по хронологическому принципу, а по региональному, отдельно описывая историю Японии, Китая, стран Доколумбовой Америки, Византии и Руси.

На сегодняшний день по такому принципу организовано много солидных работ. Достаточно назвать восемь томов новой «Кембриджской средневековой истории» (в которых речь идет лишь о Европе) или семь «средневековых» томов пятнадцатитомной «Кембриджской истории Китая», в которых содержится в десятки раз более полная информация, чем та, которую можем сообщить мы. …

Мы предпочли пойти по пути синхронизации исторического материала... Но для нас важнее было показать взаимосвязь и взаимозависимость всех основных участников всемирно-исторического процесса.

Такой подход еще раз продемонстрировал, что речь не идет лишь о калейдоскопе сменяющих друг друга самобытных цивилизаций. Перенос центра внимания с отдельных регионов на весь мир в целом принес определенные плоды. Синхронный подход к изменениям, происходящим в мире за этот период, показывает, что там, где общества жили не в изоляции, а в более или менее постоянном взаимодействии друг с другом, они образовывали единую систему, в которой существенные изменения в одной из ее частей так или иначе сказывались на состоянии других ее сегментов. «Пояс цивилизаций», растянувшийся от Западной Европы и Северной Африки до Дальнего Востока, вполне можно назвать средневековой Мир-Системой, охватывающей уже к началу данного периода большинство населения Старого Света.

Но вправе ли мы говорить о своеобразном «мировом Средневековье», т. е. о таком периоде в развитии если не всех, то многих регионов, который обладал качественным отличием от предыдущих и последующих эпох? Отличием, за которым стояла бы реальность, а не только наши соображения удобства изложения или желания сохранить верность давней историографической конвенции? Если это так, то как можно определить хронологические рамки данного периода?

Существование верхней хронологической границы особых сомнений не вызывает. Можно говорить вслед за советскими историками о «феодальной формации», конец которой отмечен был «ранними буржуазными революциями» (после некоторых споров условной границей тогда стали считать Английскую революцию середины XVII в.). Можно вслед за известным французским историком Ж. Ле Гоффом взять на вооружение термин «долгое Средневековье», которое длилось до эпохи промышленного переворота XIX столетия. Некоторые же склонны начинать отсчет нового периода уже с XIII, а то и с XII в. Но все же господствующий в данный момент взгляд, согласно которому конец эпохи следует относить к рубежу XV–XVI вв., является чем-то большим, нежели всего лишь данью традиции. Похоже, что в этот период западноевропейское общество действительно начинает переходить в новое состояние. И что еще важнее, целый ряд географических открытий вывел степень взаимодействия различных частей Мир-Системы Старого Света на значительно более высокий уровень, более того, обеспечил быстрое ее расширение до размеров подлинной всемирности. С этих пор развитие все большего числа стран начинает определяться воздействием импульсов, идущих из Западной Европы, о чем будет рассказано уже в следующем томе.

Гораздо сложнее обстоит дело с определением хронологической границы, отделяющей Средневековье от Античности. Многие востоковеды вообще сомневаются в возможности проведения такого рубежа для их регионов. А где кончается Античность

и начинается Средневековье в истории Византии? Факт завоевания варварами Западной Римской империи, казалось бы, относится к числу бесспорных, но выясняется, что он был настолько растянут во времени, что далеко не всегда осознавался современниками, к тому же средневековые хронисты сохраняли уверенность в том, что они по-прежнему живут в эпоху Римской империи.

И все же увеличение масштаба исследования дает возможность увидеть некоторые существенные изменения. Эпоха «Поздней древности» привела в итоге к возникновению единой цепи империй: Римская империя, Парфянская держава (которую скоро сменит государство Сасанидов), Кушанское царство, империя Хань. На протяжении всего I тысячелетия до н. э., несмотря на многочисленные войны, население Мир-Системы увеличилось в разы, стремительно росло число городов, многие из которых приобретали характер благоустроенных мегаполисов. Произошло первое реальное смыкание мира, установление в достаточной мере постоянных экономических, политических и культурных связей между всеми частями ойкумены.

Но с II–III вв. н. э. все эти цивилизации сталкиваются с рядом тягчайших бедствий. Удивление историков вызывает та синхронность, с которой обрушилась империя Хань и затрещала по швам Римская империя, пораженная «кризисом III века». Последовавшие стадии стабилизации оказались недолгими, но стоили таких усилий, что обе империи, во всяком случае большие их части, подверглись завоеваниям варварских племен в течение двух ближайших веков. Период после Ханьской империи китайские историки позже назовут «эпохой Лючао» («Шести династий»). Любопытно, что автор одного из авторитетных китайских исторических трактатов XIV в. отводил ей такую же роль, какую его современник Петрарка приписывал «Темному веку». В обоих случаях речь шла о неких «серединных веках», отделявших Древность от времени «возрождения традиций».

Всемирная история: в 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян; Ин-т всеобщ, истории РАН. – М.: Наука. – Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П.Ю. Уваров. – 2012. – С. 1–4.

2. Ж. ЛЕ ГОФФ О ДОЛГОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

…Сохранность базовых общественных структур позволяет говорить о наличии неразрывных связей, скрепляющих европейское общество на протяжении пятнадцати веков, с IV по XIX в.

Маркс предложил свой подход к решению вопроса периодизации Средневековья, привязав его к понятию феодального способа производства. Не вдаваясь в подробности, следует признать небезосновательность концепции, соединившей способ производства с экономическим укладом и социальными структурами. Феодальный способ производства обусловлен, по Марксу, неравноправным договором между сеньором и теми, кто его содержит (прежде всего крестьянами); следствием этого неравноправия является обращение львиной доли прибавочной стоимости в феодальную ренту, следовательно, конечной целью становится не расширение производства, а простое воспроизводство затраченного. Согласно этой точке зрения, Средневековье приравнивается к феодализму и, соответственно, располагается между Античностью с характерным для нее рабовладельческим способом производства и Новым временем, где определяющим способом производства является капиталистический. Такое феодальное Средневековье занимает временное пространство между падением Римской империи и промышленным переворотом.

Период Средневековья также можно определить, исходя из доминирующей идеологии; не отражая материальную инфраструктуру общества и не являясь духовным двигателем его истории, идеология тем не менее представляет собой одну из существеннейших деталей функционирования общественного механизма. Долгое Средневековье – это эпоха господства христианства, являющегося одновременно и религией, и идеологией и находящегося в чрезвычайно сложных отношениях с феодальным миром, который оно оспаривает и утверждает единовременно.

Разумеется, это не означает, что сегодня христианство умерло или умирает; однако начиная с XIX столетия оно стало утрачивать ту ведущую роль в обществе, которую исполняло с IV по XIX в., а именно роль творца идеологии, принадлежавшую ему почти монопольно. Отсюда – невозможность серьезного изучения Средневековья в отрыве от исследования деятельности Церкви и влияния религии. Долгое Средневековье характеризуется прежде всего борьбой двух, почти равных по могуществу сил – Бога и Сатаны, хотя теоретически второй находится в подчинении у первого; сражение это происходит в человеке и вокруг человека. Долгое феодальное Средневековье – это борьба Дьявола и Господа Бога. Сатана рождается вместе со Средними веками и вместе с ними умирает.

Долгое Средневековье можно также определить на основании менее глобального подхода, нежели тот, который используется в двух вышеприведенных мною концепциях.

Долгое Средневековье вполне возможно представить как период, во время которого на Западе возникает (или же туда возвращается) трехфункциональная схема, выведенная Жоржем Дюмезилем; первые попытки сформулировать эту схему были сделаны в IX в. в Англии, а в XI в. она восторжествовала и обрела классическую формулировку: «oratores, bellatores, laboratores», «те, кто молятся», «те, кто сражаются», «те, кто работают», то есть священники, воины и крестьяне. Схема эта, положенная в основу деления общества, просуществовала до созыва депутатов от трех сословий в канун Французской революции. После промышленной революции утверждается совершенно иное трехфункциональное деление общества, а именно разработанное экономистами и социологами деление на занятых в первичной, вторичной и третичной сферах деятельности.

Если говорить о средствах передвижения и о контроле над пространством, то Средневековье окажется долгим временем телеги и лошади, заменивших в свое время тягловую силу людей и волов, а затем, в XIX в., уступивших место железной дороге.

Если поставить во главу угла здравоохранение, то Средние века будут представлять собой период, начавшийся разрушением античной системы общественной гигиены (термы) и завершившийся созданием современной больницы; это период лекарей-колдунов, страдающего и презираемого тела, время, не знающее ни стадионов, ни спорта, эпоха появления госпиталей, служивших сначала убежищами, а затем местами изоляции, но отнюдь не лечения.

С точки зрения культуры Средневековье – это период между исчезновением античных школ и введением всеобщего школьного образования в XIX столетии, время медленного освоения грамоты, период веры в чудеса, эра длительного диалога между культурой ученой и культурой народной, диалога, не исключающего ни борьбу, ни заимствования. Это время повествования, устного или письменного, время рассказа, «примера», поучительного анекдота, завещанного в IV в. восточными монахами Западу, время «бродячих» сюжетов, распространившихся в период между апофегмами отцов-пустынников и сборниками сказок XIX столетия, собранных фольклористами, пожелавшими оживить «спящую красавицу» народной фантазии…

Ле Гофф, Ж. Средневековый мир воображаемого. Пер. с фр. / Ж. Ле Гофф. – М., 2001. – С. 31–38.

3. ГУРЕВИЧ А.Я. О СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК ТИПЕ КУЛЬТУРЫ

…Членение исторического процесса на Древность, Средние Века и Новое время сложилось, как известно, к концу Эпохи Возрождения. Термином Medium Aevum гуманисты обозначали период, ознаменовавший упадок классической латыни, когда на смену литературному языку Цицерона и Горация пришло преобладание «кухонной латыни» или «мужицкого языка» (sermo rusticus). Возвращение к высоким стандартам латинской словесности происходит лишь с XIV–XV столетий, которые воспринимались гуманистами как время возрождения классической древности, и отсюда, собственно, произошло обозначение нового периода итальянской, а затем и европейской истории – Ренессанс. В дальнейшем эта трехчленная периодизация была распространена на историю в целом и сохранилась вплоть до наших дней, хотя понимание внутреннего содержания этих периодов, и в особенности Средневековья, неоднократно и подчас коренным образом изменялось. Изменялись и ныне продолжают пересматриваться хронологические рамки Средневековья.

Долгое время историки датировали начало этой эпохи прекращением императорской власти на Западе (476 г.), а ее завершение – окончательным падением Восточно-Римской (Византийской) империи под ударами турок (1453 г.). В дальнейшем эти временные рамки не раз оспаривались, сдвигаясь в обоих направлениях. Время начала Средневековья колеблется в построениях современных историков в диапазоне между III веком – периодом глубокого социально-политического кризиса Империи – и вплоть до X-XI веков, поскольку многие исследователи настаивают на мысли о живучести античных традиций вплоть до конца I тысячелетия. Таким рубежом склонны полагать смену первого и второго тысячелетий и те медиевисты, которые трактуют Средневековье как христианское (ибо как раз в это время в основном свершается христианизация Европы). Не менее широка амплитуда колебаний в датировке конца Средневековья: одни считают временем его завершения Великие географические открытия рубежа XV–XVI столетий или Реформацию, тогда как другие (Ж. Ле Гофф) говорят об «очень долгом Средневековье», простирающемся вплоть до конца XVIII или даже до первой трети XIX века. В основе столь глубоких разночтений лежат весьма несхожие и противоречащие одна другой концепции средневековой эпохи, но самая возможность столь разноречивых интерпретаций, несомненно, свидетельствует об условности и даже произвольности понятия «Средние Века».

Нелишне подчеркнуть: люди архаической древности, Античности или Средневековья не имели представления о том, что живут в «древности» или в «Средние Века», между тем как люди более близких нам периодов отчетливо сознают свою прописку в них, и это понимание – неотъемлемый и осязаемый фактор их мировоззрения. <…>

Как упомянуто выше, в современной историографии получила частичное признание идея о том, что Средневековье следовало бы завершать не XV или началом XVI столетия, но намного позднее. Подобная точка зрения питается, по-видимому как раз новым взглядом на культуру эпохи. Долгое время медиевисты, вопреки очевидности, приписывали «охоту» на ведьм средневековому мракобесию, предрассудкам народа и политике церкви. Однако на самом деле проблема куда более сложна. На протяжении длительного периода церковь осуждала веру в ведьм, считая ее заблуждением, и лишь к концу Средневековья изменила свою позицию. Ведьм стали преследовать наряду с еретиками, причем главным пунктом обвинения подозреваемых в колдовстве женщин и мужчин стали считаться уже не их магические действия, но их связь с дьяволом и служение ему. Расцвет демономании, появление все множившихся трактатов о могуществе Сатаны, возглавляющего своего рода антицерковь, относятся к XV–XVII векам. Необходимо подчеркнуть, что если вера в злокозненность ведьм встречается

у разных народов вне Европы, то только здесь эта вера и порождаемые ею массовые фобии получили разработанное теологическое обоснование. Необходимо также признать, что историками не предложено удовлетворительного объяснения этого глубокого и длительного социально-религиозного и психологического кризиса, который имел место, еще раз подчеркнем это, преимущественно в эпоху Ренессанса.

К числу аргументов в пользу концепции «очень долгого Средневековья» относится и такое явление, как вера в целительную мощь английских и французских монархов, прикосновение которых способно исцелить больных золотухой. Эта вера, свидетельствующая об особенностях мировоззрения широких слоев народа, сохранялась в Англии до второй половины XVIII, а во Франции вплоть до 30-х годов XIX века. Устойчивость традиционной картины мира доказывается и поражающей современного человека практикой судебных процессов над животными, птицами, насекомыми и другими существами; эти строго юридически обставленные судебные процедуры, засвидетельствованные источниками, начиная с XIII века, оставались в силе вплоть до XVII столетия. Они основывались на убеждении во всеобщем господстве права, которому подчинены все божьи творения, а не один лишь обладающий разумом человек. Наконец, не доказывает ли исключительную устойчивость народных поверий сделавшийся чуть ли не хрестоматийным казус святого Гинефора? О поклонении святой борзой – покровительнице больных новорожденных, поведал доминиканский инквизитор Этьен де Бурбон, в середине XIII века обнаруживший этот культ в сельской местности недалеко от Лиона и категорически его запретивший. Тем не менее, шесть веков спустя, в 70-е гг. XIX века лионский краевед узнал у крестьян той же местности, что они продолжают поклоняться святому псу.

Нетрудно видеть, что упомянутые феномены в первую очередь относятся к культуре простонародья, распространяясь вместе с тем и на образованных. Если в области материальной, социальной и политической жизни Средневековье в XVII–XIX столетиях казалось преодоленным и ушедшим в прошлое, то на уровне массовых верований и автоматизмов сознания оно действительно обнаружило чрезвычайную живучесть. Что этим доказывается? По-видимому, то, что тенденция членить поток истории на относительно четкие и последовательные периоды может привести и воистину приводит к неоправданным упрощениям. Периодизации же, унаследованные от наших отдаленных предшественников, подчас служат не столько средством организации материала, сколько препоной для более адекватного его познания.

Гуревич, А.Я. Средневековье как тип культуры / А.Я. Гуревич // Антропология культуры. – Вып. 1. – М., 2002. – С. 39–55.

4. ФЕОДАЛИЗМ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИЕВИСТОВ ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИЙ ФЕОДАЛИЗМА

Феодализм для многих людей является синонимом Средних веков, а слова «средневековый» и «феодальный» значат для них примерно одно и то же. Речь идет о словах и понятиях, глубоко внедрившихся в нашу культуру и возникающих в ней во множестве обличий. Идея феодализма как особого общественного строя, существовавшего в Европе в Средние века, родилась во Франции XVIII в. Накануне Французской революции наиболее одиозные факты общественной жизни квалифицировались как требующие отмены пережитки феодализма. Ученые XIX в. приложили немало усилий, чтобы сделать феодализм строгим научным понятием. Наука того времени стремилась понять историю общества как последовательную смену исторических эпох, зримо отличающихся одна от другой. И эпоха, предшествующая изысканиям просветителей

и ученых XVIII–XIX вв., получила название эпохи феодализма. Это понятие было введено в оборот с целью подчеркнуть глубину разрыва «их современности» с прошлым. Феодализм изначально осмыслялся как нечто качественно отличное от той современности, представая своеобразным «антимиром», от наследия которого просвещенные европейцы хотели поскорее избавиться. За этим словом скрывался технический застой и рутинное состояние техники, «кулачное право» одних и полное бесправие других, слабость государства и публичной власти, приоритет личной верности над отношениями, прописанными единым для всех законом, отсутствие гарантий частной собственности и политическая раздробленность, засилье церкви, фанатизм и невежество. Феодализм, как и собственно Средневековье, не только ругали; у него находились и почитатели из числа недовольных действительностью, ищущих идеалы в прошлом.

Другие же рассматривали период Средневековья как историю борьбы с феодализмом, поэтому особое внимание уделялось изучению «ростков будущего»: городов и их «коммунальных революций»; королевской власти как «представительницы порядка в беспорядке», стремящейся в союзе с городами обуздать феодалов; купцов и ремесленников, чей труд подрывал натуральность хозяйства; вольнодумцев, выступавших против невежества и всевластия церкви. При этом феодализм описывался при помощи категорий, свойственных европейскому обществу XIX в.: четкое классовое или сословное деление, унифицированные правила, по которым жило общество, предполагавшие наличие определенных свобод, общих для всех законов, общепринятое понимание собственности. При всем том, что феодальное общество не должно было походить на современное, в нем стремились отыскать четкое сословно-классовое деление, свои законы, свой тип собственности, свои правила, общие для всего Средневековья. В XIX–XX вв. Средние века изучали лучшие историки, достигшие впечатляющих результатов. Большинство из них видело ключ к пониманию этой эпохи в феодализме. Но мысль о феодализме как особом явлении в социальной жизни Средневековья получала двоякую интерпретацию.

Одно понимание феодализма подразумевало отношения внутри господствующего слоя средневековых обществ. По мнению исследователей, его основу составляли феодальные (или, по-немецки, ленные) институты, главными из которых являлись феод (или лен) и вассалитет. Феод представлялся особой формой землевладения всего военного класса – рыцарей средневековой Европы, выступавших сеньорами в отношении подчиненных им крестьян. Феод (феодальное поместье) был вознаграждением за службу и одновременно ее материальной основой. Он вручался рыцарю от лица вышестоящего сеньора, с которым его связывали особые личные отношения вассалитета. Вступая во владение феодом, рыцарь совершал ритуал оммажа (букв.: отдавал себя в руки своего сеньора, становился его человеком) и, принося клятву верности, «коммендировал» себя вышестоящему. Обязанности сторон при этом мыслились ограниченными и взаимными. Обладатель феода служил ровно столько, сколько предписывал обычай, и рассчитывал взамен на покровительство и уважение своих прав. Поводом к прекращению отношений могли быть нарушения с обеих сторон. Считалось, что такие вассально-ленные отношения пронизывали правящий класс сверху донизу, образуя связную феодальную иерархию. Король строил свои отношения с крупнейшими сеньорами своего королевства по тем же феодальным правилам. Подобный строй представлялся отстаивавшим эту картину историкам противоположностью государства, «феодальной анархией».

Другое понимание феодализма восходило к работам историков, испытавших влияние марксизма. В их глазах феодализм в Средние века распространялся на все общество и являлся прежде всего особой моделью производства и потребления материальных благ. Феодализму в таком смысле отводилось место между экономикой древности с характерным для нее рабовладением и капитализмом Нового времени с присущими ему явлениями отчуждения работника от средств производства, наемного труда, капитала, машинной индустрии и рыночных механизмов спроса и предло-

жения. В итоге картина феодализма была навеяна его противопоставлением рабовладельческой экономике, с одной стороны, и капитализму XIX в. – с другой. Предполагалось, что сеньоры («феодалы») обладали монопольной собственностью на главное средство производства – землю, передаваемую крестьянам в держание. Крестьяне обрабатывали ее самостоятельно, своими орудиями труда, и обладали определенной хозяйственной автономией. Поэтому эксплуатация их (получение феодальной ренты) предполагала внеэкономическое принуждение. Этим феодализм и отличался от капитализма, где у рабочего не имелось никаких средств производства (он обладал лишь своими рабочими руками) и потому для извлечения прибавочной стоимости достаточно было одного лишь экономического принуждения. На понимание феодализма в работах историков одновременно влияли известные факты аграрной истории Нового времени, воспринимавшиеся пережитками Средневековья, своего рода подсказками медиевисту, как то крупное землевладение и крепостничество, существовавшее в Европе к востоку от Эльбы. Отчасти и поэтому внимание историков сосредоточивалось на проблеме средневекового поместья, понятого в качестве экономического и правового института для эксплуатации крестьян, главного производителя материальных благ. Предполагалось, что сеньоры располагали двумя рычагами власти над крестьянами. Во-первых, считалось, что сеньоры сосредотачивают в своих руках земли, превращая крестьян в своих держателей. Так идея условного землевладения в качестве характерной особенности феодализма переносилась на крестьянско-сеньориальные отношения. Во-вторых, историки придерживались мнения, что большинство крестьян были людьми несвободными, лично зависимыми от сеньоров. Для удобства можно назвать первую концепцию «феодализмом в узком смысле слова», а вторую – в «широком». Между ними возможны точки соприкосновения. Иерархическая организация господствующего класса призвана была обеспечить должный уровень внеэкономического принуждения в условиях слабости государства, например в Европе X-XIII вв.

Но «узкое», правовое понимание феодализма не претендовало на универсальное значение, характеризуя лишь латинский Запад, и только иногда в качестве метафоры применялось к иным обществам, вступившим в период политической раздробленности. Концепция «феодализма в широком смысле слова», напротив, претендовала на универсальность для многих регионов, причем на очень длительном отрезке времени. С точки зрения советских историков, например, к феодальным относились общества и Киевской Руси, и Российской империи до реформы 1861 г. И даже общества, где подавляющее большинство крестьян были свободны, не зная власти сеньора, все равно могли считаться феодальными. В этом контексте налоги расценивались как «централизованная феодальная рента», взимаемая феодальным государством с целью последующего перераспределения в пользу феодалов. Однако в большинстве случаев, когда западные историки говорят о феодализме, они имеют в виду все же именно первое, более узкое значение.

На сегодняшний день ситуация такова, что большинство тех, кто профессионально занимается историей Западной Европы, региона, где родилось само понятие «феодализм», не разделяют ни той, ни другой концепции, считая вопрос о феодализме по меньшей мере дискуссионным. Отчасти это связано с накоплением новых знаний, которые плохо укладываются в старые схемы. Но основная причина сложного отношения современных историков к теме феодализма – и, можно заметить, к социальной истории вообще – лежит в иной плоскости. Речь идет об утрате доверия к принятому в XIX XX вв. способу описания общества в форме рассказа о его социальных институтах, согласно которому статус лиц, их взаимные права и обязанности воспринимались как некие устойчивые и предрешенные факты, и поэтому для занятия социальной историей достаточным казалось лишь описать общество в простых категориях и однозначных терминах. Историографией наших дней такие описания воспринимаются схематичными и недостаточными.

Один живой пример скажет об этой научной коллизии лучше всяких объяснений. В 1198 г. жителям деревни Фильине в Тоскане пришлось признать над собой власть города Флоренции и согласиться на уплату налога. Согласно достигнутой договоренности между представителями деревни и городскими властями, от налога, который платили простолюдины (pedites), должны были быть освобождены проживающие в Фильине рыцари и masnaderii (так называли вооруженных холопов). Как несвободные, они не отвечали за себя в полной мере и в данном случае не подлежали обложению. Делегация Фильине, отправившаяся во Флоренцию, состояла из шести рыцарей и шести pedites, один из которых был старостой-подеста. Когда пришла пора заплатить подать, то выяснилось, что сделать это некому. В Фильине нашлось 13 рыцарей, 148 masnaderii и только пять pedites. Эти пятеро были те самые люди, которые вместе с подеста подписали от имени коммуны договор с Флоренцией – они уже назвались pedites и взять своих слов назад не могли. Все остальные жители деревни, не претендовавшие на то, чтобы называться рыцарями, поголовно записались в masnaderii. Социальные обозначения не что-то пустое, но они подвижны и привязаны к жизненным ситуациям, которые историк зачастую не может знать. Человек в Средние века жил по обычаю своих предков, и лишь в суде и других особых обстоятельствах заходила речь о том, чтобы подыскивать юридические термины. Тогда играли роль те выгоды, которые имелась возможность из них извлечь. Укрыться под обозначением, акцентирующим зависимость, было так же обычно, как в других условиях доказывать свою свободу и бороться за нее. В свете этого «расплываются» основные характеристики феодального общества.

Всемирная история: в 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян; Ин-т всеобщ, истории РАН. – М.: Наука. – Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П.Ю. Уваров. – 2012. – С. 16–18.

5. А.Я. ГУРЕВИЧ ОБ АГРАРНОМ СТРОЕ ВАРВАРОВ

…В самом деле, общественный строй германцев историки разных направлений характеризовали и как первобытное равенство, и как господство аристократии и крупного землевладения, эксплуатировавшего труд подневольных крестьян. Экономический быт германцев понимали то как номадизм, то как переходную стадию от кочевничества к примитивному земледелию, то как «кочевое земледелие», то как переложное земледелие при преобладании скотоводства, наконец, как развитое земледельческое хозяйство. Ожесточенные споры вызывал и вопрос об общине, если одни историки находили в древней Германии общинно-родовой быт и видели в ней колыбель средневекового маркового устройства, то другие, отрицая любые намеки на подобное устройство, утверждали, что германцы знали частную собственность на землю. Теории, согласно которой германцы явились силой, разрушившей Римскую империю и обновившей Европу, противопоставлялась теория, отрицавшая какую бы то ни было катастрофу при переходе от древности к средневековью; германцы якобы постепенно проникли в империю и приобщились к ее цивилизации, близкой к их собственным социальным порядкам.

Такая полярность суждений об одном и том же предмете поневоле заставляет призадуматься: существует ли надежда получить сколько-нибудь объективное знание об этом предмете?

Поэтому очерк аграрного строя древних германцев приходится начинать с рассмотрения вопроса о памятниках, в которых он нашел свое отражение. Как уже сказано, историки в своих суждениях традиционно исходили из анализа сообщений античных писателей. Эти письменные свидетельства появляются с тех пор, как представители античной цивилизации вступили в контакты с германскими варварами… Строй жизни народов, живших за Рейном и Дунаем, неизменно виделся в противостоянии строю римской жизни.

Цезарь, который в ходе завоевания Галлии в середине I в. до и, э. вступил в более интенсивные отношения с германским племенем свевов, вторгшимся в эту страну, оставил довольно пространные описания германцев (два «германских экскурса» в «Записках о Галльской войне»). Но, конечно, Цезарь, политический деятель и полководец, был весьма далек от намерения собрать объективную информацию о свевах в чисто познавательных целях – он заботился и об оправдании и превознесении собственных действий в Галлии. Разгром свевов, огромные массы, которых перешли Рейн и захватили часть земель галлов, был нелегким делом даже для такого военачальника. … Хотя Цезарь форсировал Рейн, в глубь Германии он не заходил, и сообщаемые им сведения могли быть подчеркнуты лишь у прирейнских племен или у германцев, переселившихся в Галлию. Это не помешало Цезарю распространить сделанные им локальные наблюдения на германцев в целом.

Приблизительно полтора столетия спустя, в самом конце I и начале II в. н. э., о германцах писал Тацит: помимо повествования о войнах и переговорах римлян с разными германскими племенами … он сочинил книгу «О происхождении и местожительстве германцев» (более известную под названием «Германия»), содержащую разнообразные сведения о них. Частью они были собраны у очевидцев-воинов и купцов, но немалую долю сведений Тацит позаимствовал у других авторов, и, следовательно, эта информация могла уже устареть ко времени составления его труда.

…Значительная часть письменных известий о германцах не принадлежит очевидцам. Но и в тех случаях, когда автор повествования непосредственно общался с ними, подобно Цезарю, достоверность его сообщений подчас вызывает самые серьезные сомнения. Северные варвары были чужды грекам и римлянам и по языку, и по культуре, по всему строю своей жизни – они были выходцами из иного мира, который пугал и настораживал. Иногда этот мир внушал и другие чувства, например чувство ностальгии по утраченной чистоте и простоте нравов, и тогда описание германских порядков служило, как у Тацита, средством косвенной морализаторской критики римской пресыщенности и испорченности – у древних авторов существовала давняя традиция восприятия «примитивного человека», не испорченного цивилизацией, и связанные с нею штампы они переносили на германцев. … Читая эти сочинения, сталкиваешься в первую очередь с идеологией и психологией их авторов, с их представлениями о варварах, в большой степени априорными и предвзятыми, и вычленить из такого рода текстов реальные факты жизни германцев крайне трудно. Сочинения античных писателей характеризуют, прежде всего, культуру самого Рима, культура же германцев выступает в них сильнейшим образом преломленной и деформированной взглядами и навыками мышления столкнувшихся с нею носителей совершенно иной культурной традиции. Варварский быт служил античным писателям своего рода экраном, на который они проецировали собственные идеи и утопии, и все заслуживающие доверия фактические сведения в их сочинениях надлежит оценивать в именно этом идеологическом контексте. Трудности, встающие перед исследователем, заключаются не столько в том, что сообщаются неверные сведения о варварах – они могут быть правильными, но оценка их значения, их компоновка в общей картине, рисуемой античным писателем, всецело определяются установками автора.

…Однако отказаться от привлечения показаний Цезаря и Тацита в качестве главных свидетельств о материальной жизни германцев историки не решались до тех пор, пока не сложился и не приобрел достаточной доказательности комплекс других источников, в меньшей мере подверженных произвольному или субъективному толкованию, – данных археологии и связанных с нею новых дисциплин. При этом речь идет не о накоплении разрозненных вещественных находок, … а о внедрении в науку более точной и объективной методики исследования.

В результате комплексных археологических исследований с привлечением картографирования, климатологии, почвоведения, палеоботаники, радиокарбонного анализа, аэрофотосъемки и иных относительно объективных новых методов, в особенности же в результате успехов в археологии поселений, перед наукой в настоящее время открылись перспективы, о которых еще недавно даже и не помышляли. Центр тяжести в обсуждении древнегерманского материального быта явственно переместился в сферу археологии, и в свете собранного ею и обработанного материала неизбежно приходится пересматривать и вопрос о значимости письменных свидетельств о германских племенах. Если ряд высказываний римских писателей, прежде всего Тацита, … находит археологическое подтверждение, то наиболее важные их сообщения о социально-хозяйственной жизни в древней Германии оказываются, как мы далее увидим, в разительном контрасте с новыми данными о полях, поселениях, погребениях и культуре народов заальпийской Европы в первые века нашего летосчисления, данными, многократно подтвержденными и, несомненно, репрезентативными, лишенными элемента случайности.

…Обнаружение остатков поселений и следов древних полей коренным образом меняет всю картину материальной жизни Средней и Северной Европы на рубеже н. э. и в первые ее столетия. Есть основания утверждать, что упомянутые находки аграрного характера кладут конец длительным и продемонстрировавшим свою бесплодность спорам, связанным с истолкованием высказываний Цезаря и Тацита о германском земледелии и землепользовании – лишь в свете реконструкции полей и поселений становится вполне ясным, что эти высказывания не имеют под собой реальных оснований. Таким образом, если еще сравнительно недавно казалось, что археология может послужить только известным дополнением к анализу литературных текстов, то ныне более или менее ясно, что этим ее роль отнюдь не исчерпывается: самым серьезным образом под сомнение поставлены ключевые цитаты из «Германии» и «Записок о Галльской войне», касающиеся аграрного строя германцев, – они представляются продуктами риторики или политической спекуляции в большей мере, нежели отражением действительного положения дел, и дальнейшие попытки их толкования кажутся беспредметными.

И все же затруднение, которое испытывает исследователь древнегерманского общества, остается: он не может игнорировать сообщений античных авторов о социальной и политической жизни германцев, тем более что археологические находки дают куда меньше данных на этот счет, нежели об их материальной жизни. Но здесь приходится учитывать еще одно обстоятельство.

Интерпретация текстов античных авторов осложняется, помимо прочего, еще и тем, что они характеризовали германские отношения в категориях римской действительности и передавали понятия, присущие варварам, на латинском языке. Никакой иной системой понятий и терминов римляне, естественно, не располагали, и возникает вопрос: не подвергалась ли социальная и культурная жизнь германцев – в изображении ее латинскими писателями – существенной деформации уже потому, что последние прилагали к германским институтам лексику, не способную адекватно выразить их специфику? Что означали в реальной жизни варваров rex, dux, magistratus, princeps? Каково было действительное содержание понятий nobilitas или dignatio применительно к германцам? Кто такие германские servi? Что скрывалось за терминами pagus, civitas, oppidum? Подобные, вопросы возникают на каждом шагу при чтении «Записок» Цезаря и «Германии» Тацита, и точного, однозначного ответа на них нет. Комментаторы этих сочинений нередко указывают на германские термины, которые, по их мнению, должны были обозначать соответствующие явления реальной жизни, однако термины эти зафиксированы много столетий спустя, содержатся в северогерманских, преимущественно скандинавских, средневековых текстах, и привлечение их для-истолкования древнегерманского социального строя подчас рискованно…

…Вместе с уточнением исследовательской методики и переоценкой разных категорий источников наши знания о социально-экономическом строе германцев одновременно и расширились и сузились: расширились благодаря археологическим открытиям, которые дали новые сведения, до недавнего времени вообще не доступные, в результате чего вся картина хозяйства германцев выступает в ином свете, нежели прежде; сузились же наши знания о социальной структуре древних германцев вследствие того, что скептицизм по отношению к письменным свидетельствам античных авторов стал перерастать в полное недоверие к ним. Его источником явились, с одной стороны, более ясное понимание обусловленности их сообщений римской культурой и идеологией, а с другой – ставшие очевидными в свете находок археологов ошибочность или произвольность многих важнейших известий римских писателей.

Характеристика экономического строя древних германцев в представлении историков разных школ и направлений, как уже упоминалось была предельно противоречива: от первобытного кочевого быта до развитого хлебопашества. Сторонники помадной теории полагали, что в период, разделяющий «Записки» Цезаря и «Германию» Тацита, германцы переходили от кочевого быта к оседлости и начаткам земледелия. Однако постепенно наука отказалась от помадной теории – слишком уж бросались в глаза не согласующиеся с такими оценками указания Тацита и даже Цезаря. Цезарь, застав свевов во время их переселения, достаточно определенно говорит: свевов привлекали плодородные пахотные земли Галлии; приводимые им слова вождя свевов Ариовиста о том, что его народ на протяжении 14 лет не имел крова над головой, свидетельствует скорее о нарушении привычного образа жизни германцев, который в нормальных условиях, видимо, был оседлым. И действительно, расселившись в Галлии, свевы отняли у ее жителей треть земель, а затем заявили притязания на вторую треть. Слова Цезаря о том, что германцы «не усердствуют в обработке земли, невозможно понимать так, что земледелие им вообще чуждо, – попросту культура земледелия в Германии уступала культуре земледелия в Италии, Галлии и других частях Римского государства.

Хрестоматийно известное высказывание Цезаря о свевах: «земля у них не разделена и не находится в частной собственности, и им нельзя более года оставаться на одном и том же месте для возделывания земли» – ряд исследователей склонен был толковать таким образом, что римский полководец столкнулся с этим племенем в период завоевания им чужой территории и что военно-переселенческое движение огромных масс населения создало исключительную ситуацию, которая с необходимостью привела к существенному «искажению» их традиционного земледельческого уклада жизни. Не менее широко известны слова Тацита: «они каждый год меняют пашню и [все-таки] еще остается [свободное] поле». В этих словах Допш усматривал свидетельство существования у германцев переложной системы землепользования, при которой пашню приходилось систематически забрасывать для того, чтобы почва, истощенная экстенсивной обработкой, могла восстановить свое плодородие.

Аргументом против теории кочевого быта германцев служили и описания античными авторами природы Германии. Если страна представляла собой либо нескончаемый девственный лес, либо была заболочена, то для кочевого скотоводства попросту не оставалось места. …Следовательно, территория Германии в начале нашей эры не была сплошь покрыта первобытным лесом, и сам Тацит, рисующий весьма стилизованную картину ее природы, тут же признает, что страна «плодородна для посевов», хотя «и не годится для разведения фруктовых деревьев».

Археология поселений, инвентаризация и картография находок вещей и погребений, данные палеоботаники, изучение почв показали, что поселения на территории древней Германии распределялись крайне неравномерно, обособленными анклавами, разделенными более или менее обширными «пустотами», Эти незаселенные простран-

ства в ту эпоху были сплошь лесными. … Поля близ разобщенных между собой поселений были небольшими – места человеческого обитания окружал лес, хотя частично он уже был разрежен или вовсе сведен производственной деятельностью. Вообще необходимо подчеркнуть, что старое представление о враждебности древнего леса человеку, хозяйственная жизнь которого якобы могла развертываться исключительно вне лесов, не получило поддержки в современной науке. Мнение об отрицательной роли леса в жизни германцев диктовалось доверием историков к утверждению Тацита о том, что у них якобы мало железа. Отсюда следовало, что они бессильны перед природой и не могут оказывать активного воздействия ни на окружавшие их леса, ни на почву. Однако Тацит в данном случае заблуждался. Археологические находки свидетельствуют о распространенности у германцев железодобывающего промысла, который давал им орудия, необходимые для расчистки лесов и вспашки почв, так же как и оружие.

…Изучение обнаруженных на территории Ютландии следов полей, которые возделывались в древности, показало, что поля эти располагались преимущественно на местах, расчищенных из-под леса. Во многих районах расселения германских народов применялся легкий плуг или соха – орудие, не переворачивавшее пласта почвы (видимо, такое пашенное орудие запечатлено и на наскальных изображениях Скандинавии эпохи бронзы: его везет упряжка волов). В северных частях континента в последние века до начала н. э. появляется тяжелый плуг с отвалом и лемехом (подобный плуг был существенным условием для подъема глинистых почв, и внедрение его в сельское хозяйство … свидетельствовало о важном шаге на пути интенсификации землепашества. Климатические изменения (понижение среднегодовой температуры) привели к необходимости постройки более постоянных жилищ. В домах этого периода… наряду с помещениями для жилья располагались стойла для зимнего содержания домашних животных. Эти так называемые длинные дома (от 10 до 30 м. в длину при 4–7 м в ширину) принадлежали прочего оседлому населению.

…Типичной «исходной» формой германских поселений, по единодушному утверждению современных специалистов, были хутора, состоявшие из нескольких домов, или отдельные усадьбы. Они представляли собой небольшие «ядра», которые постепенно разрастались. Примером может служить поселок Эзинге близ Гронингена. На месте первоначального двора здесь выросла небольшая деревушка. Она возникла на невысокой искусственной насыпи, возведенной жителями для того, чтобы избежать угрозы наводнения, – такие «жилые холмы» насыпались и из поколения в поколение восстанавливались в приморской зоне Фрисландии и Нижней Германии, которая привлекала население лугами, благоприятствовавшими разведению скота. Под многочисленными слоями земли и навоза, которые спрессовывались на протяжении веков, хорошо сохранились остатки деревянных жилищ и различные предметы. «Длинные дома» в Эзинге имели как помещения с очагом, предназначенные для жилья, так и стойла для скота. На следующей стадии поселение увеличилось примерно до 14 крупных дворов, выстроенных радиально вокруг свободной площадки. Этот поселок существовал начиная с IV–III вв. до н. э. и вплоть до конца Империи.

…Заслуживают внимания слова Тацита о том, что германцы устраивают деревни «не по-нашему» (т.е. не так, как было принято у римлян) и «не выносят, чтобы их жилища соприкасались друг с другом; селятся они в отдалении друг от друга и вразброд, где [кому] приглянулся [какой-нибудь] ручей, или поляна, или лес». Римлянам, которые были привычны к проживанию в тесноте и видели в ней некую норму, должна была броситься в глаза тенденция варваров жить в индивидуальных, разбросанных усадьбах, тенденция, подтверждаемая археологическими изысканиями.

Вместе с поселениями приобрели константность и хозяйственные формы. Об этом свидетельствует изучение следов полей раннего железного века, обнаружен-

ных в Ютландии, Голландии, внутренней Германии, на Британских островах, на островах Готланд и Эланз, в Швеции и Норвегии. Их принято называть «древними полями» – или «полями кельтского типа. Они связаны с поселениями, жители которых возделывали их из поколения в поколение.

Особенно детально изучены остатки полей доримского и римского железного века на территории Ютландии. Эти поля представляли собой участки в виде неправильных прямоугольников. Поля были либо широкие, небольшой длины, либо длинные и узкие; судя по сохранившимся следам обработки почвы, первые вспахивались вдоль и поперек, как предполагается, примитивным плугом, который еще не переворачивал пласта земли, но резал и крошил ее, тогда как вторые вспахивались в одном направлении, и здесь применялся плуг с отвалом. Возможно, что обе разновидности плуга применялись в одно и то же время. Каждый участок поля был отделен от соседних невспаханной межой – на эти межи складывались собранные с поля камни, и естественное движение почвы по склонам и наносы пыли, из года в год оседавшей на сорной траве на межах, создали вязкие, широкие границы, отделявшие один участок от другого. Межи были достаточно велики для того, чтобы земледелец мог проехать вместе с плугом и упряжкой тяглых животных к своему участку, не повредив соседских наделов. Не вызывает сомнений, что наделы эти находились в длительном пользовании.

Площадь изученных «древних полей» колеблется от 2 до 100 га, но встречаются поля, достигающие площади до 500 га; площадь отдельных участков в полях – от 200 до 7000 кв. м. Неравенство их размеров и отсутствие единого стандарта участка свидетельствуют … об отсутствии переделов земель. В ряде случаев можно установить, что внутри огороженного пространства возникали новые межи, так что участок оказывался разделенным на две или несколько (до семи) более или менее равных долей. Индивидуальные огороженные поля примыкали к усадьбам в «кучевой деревне» на Готланде (раскопки в Валльхагар); на острове Эланд (близ побережья Южной Швеции) поля, принадлежавшие отдельным хозяйствам, были отгорожены от участков соседних усадеб каменными насыпями и пограничными дорожками. …Расположение участков и обособленный характер их обработки дают исследователям основание полагать, что в изученных до сих пор аграрных поселениях железного века не существовало чересполосицы или каких-либо иных общинных распорядков, которые нашли свое выражение в системе полей. Открытие следов таких» древних полей» не оставляет никаких сомнений в том, что земледелие у народов Средней и Северной Европы еще в доримский период было оседлым и более интенсивным чем предполагалось ранее. Таким оно оставалось и в первой половине I тысячелетия н. э.

Гуревич, А.Я. Аграрный строй варваров / А.Я. Гуревич // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. – Т. 1. – М., 1985. – С. 90–136.

6. Ж. ЛЕ ГОФФ О СИНТЕЗЕ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО И ВАРВАРСКОГО ЭЛЕМЕНТОВ

…Варвары, расселившиеся в V в. по Римской империи, отнюдь не были теми молодыми, но дикими народами, только что вышедшими из своих лесов и степей, какими они изображались их ненавистниками в ту эпоху или почитателями в Новое время. …Они прошли долгий путь эволюции во время своих нередко вековых странствий, завершившихся в конце концов нашествием на Римскую империю. Они много видели, много узнали, немало усвоили. В своих странствиях они вступали в контакты с разными культурами и цивилизациями, от которых воспринимали нравы, искусства и ремесла. … Их искушала культура соседних империй, они испытывали подчас восторженные чувства перед образованностью и роскошью, и, хотя эти чувства были поверхностны и проявлялись неуклюже, они свидетельствовали по крайней мере о почтении…

Варварский облик завоевателей был преображен благодаря и еще одному капитальному событию. Хотя часть их оставалась при языческих верованиях, другие, и их было отнюдь не мало, приняли христианство. Но по курьезной случайности, имевшей важные последствия, новообращенные варвары-остготы, вестготы, бургунды, вандалы, а позднее лангобарды – стали исповедовать арианство, объявленное Никейским собором ересью. В христианство их обратил «апостол готов» Ульфила, выходец из каппадокийских христиан, оказавшихся в 264 г. в плену у готов. Выросший среди готов, он еще мальчиком был отправлен в Константинополь, где стал приверженцем арианства. Вернувшись к готам в качестве епископа с миссионерской целью, он ради их наставления в вере перевел Библию на готский язык и сделал их еретиками. Таким образом, вместо религиозного единства он посеял раздоры и породил борьбу, впоследствии вспыхнувшую между варварами-арианами и римлянами-католиками. … Притягательность римской цивилизации для варваров оставалась, однако, неизменной. Предводители варваров приглашали римлян в качестве советников, перенимали римские нравы, украшали себя римскими титулами консулов, патрициев и т.д. Они выступали не в роли врагов, а в роли поклонников римского политического устройства. Их скорее можно было принять за узурпаторов римской власти… Но ни один варварский владыка не осмеливался объявить себя императором. Когда Одоакр сместил императора Западной Римской империи Ромула Августула, он отослал императорские инсигнии восточному императору Зенону в Константинополь, давая понять, что одного императора достаточно. … Теодорих, приняв римское имя Флавий, написал императору: «Я раб ваш и сын ваш» – и объявил, что единственное его желание – сделать свое королевство «похожим на ваше, двойником вашей беспримерной империи». Таким образом, оба лагеря как бы шли навстречу друг другу. Деградирующие, внутренне варваризирующиеся римляне опускались до уровня поднимающихся, обретающих внешний лоск варваров. Стоит, однако, заметить, что представление о вторжении варваров как о мирном переселении или, в шутку говоря, как о туризме далеко от реальности. Эта эпоха, несомненно, была смутным временем… Длинный меч великого варварского нашествия, который впоследствии стал и оружием рыцарства, накрыл Запад своей смертоносной тенью. Прежде чем постепенно возобновилось созидание. Западом надолго овладела исступленная сила разрушения…

Так, за четыре столетия, отделявших восшествие на императорский престол Карла Великого (800) от смерти Феодосия (395 г.), на Западе появился новый мир, возникший благодаря постепенному слиянию римского и варварского миров. Западное Средневековье обрело свой облик. Этот средневековый мир стал итогом встречи и слияния двух миров, тяготевших друг к другу, итогом конвергенции римских и варварских структур, находившихся в состоянии преобразования.

Римский мир начал самоотчуждаться самое позднее с III в. Его централизованная организация неуклонно распадалась. К великому разделу, изолировавшему Запад от Востока, добавлялась растущая изоляция отдельных частей Западной Римской империи. Торговля, которая была преимущественно внутренней (между провинциями), приходила в упадок. … Обрабатываемые земли забрасывались, и количество запущенных полей росло. Так вырисовывались черты средневекового Запада: разложение на самодовлеющие мирки, существующие среди пустынного пространства лесов, равнин и ланд…

В такое стратифицированное общество варвары-завоеватели просачивались или внедрялись силой без особых затруднений. И прежде всего потому, что они с давних пор не были кочевниками, часто останавливались на одном месте, и лишь давление внешних обстоятельств (перемены климата, натиск других народов), усиливаемое внутренней эволюцией, вынуждало их трогаться в путь. Повторим еще раз: завоеватели были оседлыми беженцами.

…Наконец, ясно, что в варварских обществах, мирно или с боем осевших на римской территории, не было равенства или его уже не было, если оно когда-либо существо-

вало. Перед побежденными варвар мог гордиться лишь своей свободой, дорогой для него тем более, чем он был менее значительной персоной. Дело в том, что далеко зашедшая социальная дифференциация среди завоевателей привела еще до их переселения к возникновению если не классов, то различных социальных категорий. Появились могущественные и слабые, богатые и бедные, которые легко превращались в крупных и мелких землевладельцев на занятых или захваченных ими землях. Юридические различия, проводимые в законах Раннего Средневековья, могут создать иллюзию пропасти между свободными варварами, рабы которых якобы происходили из подчиненных иноплеменников, и потомками римлян, иерархически делившихся на свободных и несвободных. В действительности же социальная реальность была сильнее, и она быстро отделяла «могущественных» людей варварского и римского происхождения от «смиренных» из обеих этнических групп. Таким образом, благодаря традиции сосуществования, которая в некоторых районах восходит к III в., за расселением варваров довольно быстро последовало их более или менее полное слияние с местным населением...

Ассимиляция варваров наталкивалась, конечно, на препятствия, из которых наиболее серьезными, надо полагать, для многих народов были их язычество и особенно арианство (до обращения в католицизм), а также их малочисленность. Впрочем, как сказал Марк Блок, «влияние одной цивилизации на другую не обязательно измеряется численным соотношением людей». Желание варварских народов после их расселения по римской территории разобщенными малыми группами сохранить свои традиции и обычаи, к которым они испытывали крепкую привязанность, чрезвычайно усиливалось страхом оказаться поглощенными, ввиду своей малочисленности, местным населением... Расчеты, согласно которым общее количество варваров, осевших на римском Западе, составляло 5% всего населения, недалеки от истины. Варвары поэтому стремились, по крайней мере поначалу, избегать городов, где была большая опасность их поглощения. Случалось, что вновь прибывшие варвары оседали в сельской местности целыми деревнями, о чем до сих пор напоминают их названия…

Варвары пытались воспринять по возможности все высшее, что осталось от Римской империи, особенно в области культуры и политической организации. Но здесь, как и во всем прочем, они ускорили, отягчили и усугубили упадок, наметившийся в эпоху поздней империи. Закат они превратили в регресс, утроив силу варваризации: своим варварством они амальгамировали варварство одряхлевшего римского мира и выпустили наружу дикие примитивные силы, скрытые ранее лоском римской цивилизации. Регресс был прежде всего количественным: загубленные человеческие жизни, разрушенные памятники архитектуры и хозяйственные постройки, быстрое сокращение народонаселения, исчезновение произведений искусства, разрушение дорог, мастерских, складов, систем орошения, уничтожение посадок сельскохозяйственных культур. Шло непрекращающееся разрушение, поскольку руины античных памятников служили карьерами для добычи камня, колонн, украшений.

…Регресс был также качественным, техническим, который на долгое время оставил средневековый Запад безоружным. Камень, который больше не умели добывать, перевозить и обрабатывать, уступил место возвратившейся в качестве главного строительного материала древесине. С прекращением ввоза соды из Среднеземноморья рейнское стекольное искусство исчезло, выродившись в грубые поделки, производимые в лесных хижинах близ Кельна. Происходило и падение нравов и, как будет видно,– вкуса. Пенитенциарии Раннего Средневековья … свидетельствуют не только о выходе наружу древних пластов крестьянских суеверий, но и о разнузданности всех сексуальных извращений, безудержности насилия и порока, проявлявшихся в побоях, ранениях, обжорстве и пьянстве… «В те времена было совершено множество преступлений... и каждый видел справедливость в своей собственной воле», – писал Григорий Турский.

…Наконец, мы видим упадок системы управления и уничижение власти. Франкский король, возводимый на трон поднятием его на щите, в качестве инсигний, вместо скипетра или диадемы, имел лишь копье, а его отличительным знаком являлись длинные волосы. Этакий царь Самсон с гривой волос, переезжавший из одного своего владения в другое в сопровождении нескольких писцов, домашних рабов и гвардии антрустионов. И ко всему этому прилагались дивные титулы, позаимствованные из словаря поздней Римской империи. Старший конюх именовался «главным конюшим», или коннетаблем, личные охранники – «палатными графами», и все это сборище пьяных солдат и неотесанных служащих величалось «славными, или именитыми, людьми».

…Если Запад начиная с позднеимперского периода как бы заскользил по наклонной, то в связи с классическим спором историков, было ли Раннее Средневековье эпилогом античности или прологом новых времен (хотя любая или почти любая эпоха разве не является переходной?), представляется, что преемственность между античностью и Средневековьем возобладала над разрывом.

Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж.Ле Гофф; пер. с фр.; общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; послесл. А.Я. Гуревича. – М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия,1992. – С. 19–39.

7. А. Я. ГУРЕВИЧ. ОБЫЧАЙ И РИТУАЛ ПО ВАРВАРСКИМ ПРАВДАМ

…Нормы права обычно не выступают в судебниках в виде абстрактных обобщенных постулатов, покрывающих широкую категорию явлений, а представляют собой конкретные юридические казусы, позаимствованные из жизни непосредственно и поэтому применимые лишь в строго аналогичных, вполне сходных случаях. Трудно согласиться с высказывавшейся в литературе мыслью о том, что эти казусы, в силу внесения их в текст судебника, как бы возводились в общую норму; они именно не возводились в общую норму и оставались частными казусами, вследствие чего к ним прибегали только в тех случаях, когда возникала точно такая же правовая ситуация. В судебниках устанавливаются материальные возмещения за каждый отдельный, совершенно конкретно определенный проступок. В отличие от памятников уголовного права более поздних эпох, соответствующие разделы Правд разрастаются в обширные каталоги пеней и штрафов, никак не обобщенных и не подводимых под общую рубрику…

…Ознакомление с многочисленными описаниями судебных и других процедур приводит к предположению, что составители Правд не различали между главным и второстепенным: мельчайшие действия, формулы и выражения фиксируются столь же – и еще более – детально, как и существенная сторона этих актов, то, ради чего они, казалось бы, и совершались. Подобные описания подчас сбивчивы, содержат повторения, но составителям Правд явно важно зафиксировать все эти детали, ничего не упустив. По-видимому, различие между второстепенным и основным проходило для них не там, где его склонны проводить мы. Это смешение может быть понято как свидетельство неразвитости правосознания, юридической «примитивности» народного права. Но такая оценка недостаточна, так как она исходит из совершенно чуждых варварскому обществу критериев и ничего, по существу не объясняет. Очевидно, все подробности имели глубокое символические значение и были необходимы для осуществления права. …Такая конкретность и наглядность изложения материала в Правдах может быть расценена как свидетельство нерасчлененности правовых максим и художественного жанра; но самая эта неотдифференцированность разных отраслей духовного творчества варваров, несомненно, отражает особенности их мышления, склонного к конкретному, а не к абстрактному, к чувственно-осязаемому, а не к обобщенно-типизирующему восприятию и воспроизве-

дению действительности. Об этой черте «примитивного» сознания говорит также противоречивость, неустойчивость правовой терминологии народных Правд.

…«Примитивное» («архаическое», «варварское») сознание ни в коей мере не примитивно, но оно существенно отличается от современного рационалистического сознания иным способом расчленения и организации действительности, способом, вряд ли менее логичным и последовательным, чем наш, и – главное! – вполне соответствовавшим потребностям общества, выработавшего народное право.

…Наконец, следует отметить своеобразный формализм варварского права, выражавшийся в крайней приверженности ко всякого рода актам, процедурам и формулам, отступление от которых было равносильно отказу от права, уничтожению самой юридической нормы. Эта черта, присущая не только одному древнегерманскому праву, опять-таки непосредственно связана с особенностями мышления варваров. Некоторые судебные процедуры и обычаи кажутся теперь нелепыми и смешными. В норвежских «Законах Фростатинга», устанавливающих порядок организации посреднического суда, сказано, что члены его, представляющие ту и другую стороны, должны усесться неподалеку одни от других, но если окажется, что они не смогут дотронуться до представителей противоположной стороны рукой, то пусть двигаются вперед в сидячем положении, а если кто-либо из них поднимется на ноги, то суд считается недействительным…

К Правдам невозможно подходить с критериями и категориями, применяемыми к памятникам феодального и тем более буржуазного общества, и предполагать у варваров столь же разработанные и расчлененные понятия «собственности», «права», «свободы» и т.п., какими пользуемся мы при изучении этих Правд. Можно пойти дальше и утверждать, что исследователь варварского права сталкивается с особым типом мышления… Действительно, как мы видели, «казуистичность» Правд, «неумение» их составителей построить общую норму оказываются при более глубоком анализе выражением конкретно-образного мышления. Рассказывая на народной сходке об обычаях отцов и дедов, а затем и фиксируя это право, частично оформляя его в виде Правды, его знатоки и «законоговорители» неизбежно представляли себе в полной конкретной реальности деяния и проступки, подлежащие каре, и все обстоятельства сделок и процедур, которые совершались в определенных случаях жизни. Каждый казус, о котором говорит Правда, как бы «разыгрывался» перед умственным взором «сведущих людей», диктовавших право писцам, а равно и в воображении их слушателей – участников судебных сходок, маллюсов, тингов. Поэтому невозможно было записать обычную норму, которая устанавливала бы, например, наказание за кражу вообще: нужно было представить себе конкретные обстоятельства кражи, реальный объект ее и т.д. В «Салической Правде», одной из наиболее архаичных записей варварского права, нет единого и общего постановления о наказании за кражу имущества; зато во многих титулах со всеми подробностями разбираются случаи кражи свиней, рогатых животных, овец, коз, собак, птиц, пчел, рабов, лодок, дичи, изгороди и т.д. Различаются кражи, совершавшиеся свободными и рабами; предусматриваются случаи, когда крали одно или нескольких животных, учитывая при этом, оставались ли еще другие или нет, и т.п. Детализация шла дальше. Невозможно было, скажем, внести в судебник постановление о краже свиньи: сразу же возникала потребность отметить возраст и пол свиньи, знать, супоросая она или нет, выяснить, откуда ее увели: из стада или из хлева, одну или с поросятами. Точно так же нельзя было ограничиться указанием кары за покражу ястреба: отмечены особо случаи кражи ястреба, сидящего на дереве, ястреба, сидящего, и кражи ястреба из-под замка. В том же титуле VII упоминаются отдельно кражи петуха, курицы, журавля, домашнего лебедя, гуся, голубя, мелкой птицы, хотя во всех этих случаях штраф был один и тот же – 3 солида.

…Вместо нормы, каравшей за словесное оскорбление, упоминали то ругательство, которое действительно было когда-то кем-то произнесено, и возмещение, за него

уплаченное. В титуле XXX «Салической Правды» перечислены следующие оскорбления, караемые одинаковым штрафом в 3 солида: «Если кто назовет другого уродом», или «грязным», или «волком», или «зайцем»; такой же штраф полагался в случае ложного обвинения человека в том, что он бросил в сражении свой щит. Недоказанное обвинение в доносах или во лжи каралось уплатой 15 солидов. Если свободную женщину кто-либо («мужчина или женщина») назовет блудницей «и не докажет этого», уплатит 45 солидов. В лангобардском «Эдикте Ротари» читаем: «Если человек назовет другого arga (трусом) во гневе и не сможет этого отрицать, но признает, что сказал это во гневе, он должен присягнуть и сказать, что на самом деле не знает за ним трусости, и потом пусть уплатит 12 солидов в возмещение за это оскорбительное слово. Но если он будет упорствовать, пусть докажет это, если может, в поединке или обязательно уплатит возмещение, как сказано выше». По норвежскому праву «полным возмещением» требовалось искупить оскорбление, заключавшееся в том, что один мужчина сравнивал другого с животным женского пола, или в обвинении мужчины в том, что «его употребляли как женщину». Если же его сравнивали с волом или лошадью, требовалось уплатить половинное возмещение. Перечень оскорблений, караемых штрафом, интересен, помимо прочего, еще и как свидетельство о понятиях чести, существовавших в варварском обществе…

…В своем беглом обзоре некоторых особенностей варварских Правд мы обращали внимание не на содержание их постановлений, проливающих свет на социально-правовые и экономические отношения в варварском обществе, а преимущественно на «формальные» моменты: «казуистатность» постановлений, крайнюю формализованность правоотношений, роль ритуалов и сакральных формул при осуществлении права, приверженность традиции, «старине». Все процедуры и обряды, формулы, клятвы, а также детализированные представления о преступлениях и пенях-возмещениях, сведения о которых дошли к нам подчас в виде бессистемных и несвязных фрагментов, в варварском обществе, несомненно, составляли единство, выполнявшее роль своеобразной устойчивой формы, наполнявшейся каждый раз конкретным социальным содержанием. Указанные специфические черты варварских Правд, обычно оставляемые без внимания при их исследовании, более, нежели что-либо другое, дают возможность проникнуть в систему мышления варваров. Не принимая в полной мере в расчет особенности их духовной структуры, мы лишаемся возможности познать с должной глубиной и социальную структуру варварского общества, ибо мышление – в его исторически конкретном своеобразии – составляет неотъемлемую и важную составную часть общественной структуры…

Гуревич, А. Начало феодализма в Европе / А. Гуревич // Избранные труды: в 4-х т. – Т. 1: Древние германцы. Викинги. – М. – СПб.: Университетская книга, 1999. – С. 251, 252, 253, 256.

8. Ф. КАРДИНИ. ЧТО СТОИТ ЗА МИФОМ О ПУАТЬЕ

17 октября 732 г. арабско-иберийский экспедиционный корпус при поддержке аквитанцев и под водительством эмира Абдуррахмана перешел через Пиренеи и совершил набег на франкские земли, но потерпел поражение от Карла Мартелла на пути из Тура в Пуатье. … Под влиянием знаменитых строк, вышедших из-под пера славного историка XVIII в. Гиббона, в Европе стали полагать, что не будь в ее истории такого события, как Пуатье, то в Оксфорде занимались бы только изучением Корана. …Наряду с этим старым мифом, согласно которому под Пуатье якобы было спасено христианство, в течение долгого времени имел хождение и другой миф, освященный авторитетом немецкого ученого Генриха Бруннера, посчитавшего возможным принять

Пуатье за исходную точку в развитии феодальной Европы. Бруннер исходил из того объективно ограниченного предположения, что феодализм, мол, является сугубо военным явлением и, следовательно, его политические, социальные, экономические и юридические аспекты – все без исключения – возможно объяснить через создание и деятельность тяжелой кавалерии, что в корне неверно.

Исследуя цепь событий в течение двадцати лет, последовавших за Пуатье, Бруннер обратил внимание на политику широких и насильственных конфискаций церковных земель, которую проводил Карл Мартелл. Он конфисковывал и перераспределял эти земли среди членов своей свиты с целью укрепить армию. По его мнению, франкам в то время угрожала только арабская конница. Во время столкновения под Пуатье франкская пехота не могла поспеть за всадниками Абдуррахмана, и Карл Мартелл, следовательно, оказался лишенным возможности развить успех. В этой связи он принял решение обзавестись кавалерией и с этой целью осуществил меры по широкой экспроприации церковных земель и перераспределению их среди членов своей свиты. Таким образом, они получили возможность продолжать службу уже в качестве конных воинов, более того, такая служба вменялась им в обязанность. Высокая стоимость лошади и тяжелого вооружения объясняет отчасти решительность тех мер, которые навлекли на Карла гнев церкви. Одной из причин тесной взаимосвязанности между вассалитетом и бенефицием и, следовательно, становления феодальных структур была и военная необходимость, в частности предполагавшая тяжелую кавалерию.

Сегодня представления о происхождении феодализма и о роли, сыгранной в процессе его становления военным фактором, намного более гибкие и в то же время более сложные, чем бруннеровские тезисы. Самым уязвимым их местом является как раз вопрос о сражении при Пуатье. Только применив насилие над теми немногими источниками, что были в его распоряжении, можно было, прийти к выводу, будто арабы Абдуррахмана сражались верхом на коне. Анонимный автор из Кордовы ничего не говорит об этом, а лишь указывает, что арабы после длившейся целый день баталии, завершившейся отнюдь не в их пользу и гибелью самого эмира, отступили в свой лагерь, который, однако, покинули под покровом ночи и обратились в бегство. На следующее утро франки, не ведая ничего о том, что противник уже бежал из лагеря, приготовились было к сражению, как вдруг им стало известно о бегстве арабов. На первых порах они сомневались, нет ли тут какой-либо военной хитрости. Они обыскали окрестности вдоль и поперек. Наконец удостоверились: враг и в самом деле бежал. Не помышляя о преследовании, франки разошлись по домам. Выходит, только романтическая картинка – араб и его лошадь – дала основание Бруннеру пофантазировать на тему о том, что воинство Абдуррахмана сражалось верхом на коне.

Однако гораздо серьезнее другое насилие над источником: франки были якобы лишены возможности преследовать побежденного врага. Говоря об этом, Бруннер априорно объясняет невозможность преследовать врага отсутствием лошадей, совершенно игнорируя тот факт, что в источнике ясно говорится о том, что у франков не было какого-либо желания пускаться вдогонку за неприятелем. Битва под Пуатье была весьма скромным «успехом». По завершении военных действий противник организованно отступил в свой лагерь, создав у франков впечатление, будто назавтра сражение должно возобновиться. Арабы ничем не напоминали стоящее на грани катастрофы войско… Арабы оставили лагерь организованно, в полной тишине. Данное обстоятельство не может не навести на мысль о том, что, вероятнее всего, при них не было лошадей, так как ржание и топот коней непременно подняли бы по тревоге передовые дозоры франков.

Время, которое выиграли арабы, снявшись с лагеря ночью, объясняет, отчего на следующее утро франки отказались от преследования. … Как ясно следует из источника, франки глазам своим не поверили, не ожидали они такой манны небесной, как отказ

арабов сражаться. Новость эту они восприняли с радостью и облегчением. И в самом деле, разграбив арабский лагерь, они ушли восвояси. В общем, повели себя не так, как положено победителю. …Ошибочна и та оценка, которую Бруннер дает битве при Пуатье. … Однако, вне всякого сомнения, речь здесь идет о «счастливой ошибке». Благодаря исследовательской работе самого Бруннера и тех, кто пытался углубить либо опровергнуть его выводы, мы располагаем сегодня возможностью показать во всей широте то, что с середины VIII в. значение военного фактора, то есть и войны, и ее главного действующего лица – воина, все более возрастает, тогда как число воинов идет на убыль. Целям войны начинает служить уже не весь свободный люд, как это диктовали германские обычаи, а аристократия профессионалов, имеющих коня, тяжелое вооружение и средства для приобретения и содержания дорогостоящего снаряжения. Речь, таким образом, идет о военной аристократии, профессионалах, бывших в то же самое время аристократией экономической, становящейся также благодаря распылению власти в связи с распадом каролингской империи политико-юридической аристократией. Пуатье, несомненно, находится в хронологической точке, знаменующей собой начало этих изменений, особенно заметных во франкском обществе, но дававших о себе знать и в иных краях. Не подлежит сомнению, что средневековый рыцарь, конечно же, не родился в Пуатье, … однако с VIII в. лошадь все решительнее вторгается в пределы военного искусства Запада, становясь самым эффективным его инструментом. О технических причинах такого ее возвышения не следует забывать. Стремя и подкова обеспечили лучшую маневренность коня и воина. Возросла, следовательно, их функциональность. Способствовало этому и улучшение фуража и условий содержания лошади…

…Карл Мартелл, желая сохранить свою власть, узурпированную им де-факто, прибегал к политике экспроприации церковных земель на основании precariae verbo regis, земель, которые он затем раздавал своим приближенным. Необходимо было сохранить и даже расширить верную клиентелу, которая, выражаясь военным языком, находилась бы в состоянии постоянной боеготовности с целью уберечь своего командира от ударов судьбы. Откуда же взяться столь верным солдатам, если не из свиты царедворцев, то есть из числа гвардии телохранителей? Они в свою очередь нуждались в землях, точнее сказать в земельной сеньории, чтобы вооружаться. Получив землю, они лезли из кожи вон, наперебой демонстрируя свою военную доблесть, лишь бы убедить своего военачальника в том, что только от них и зависит его благополучие и процветание. Они должны были вооружаться и совершенствовать свое боевое мастерство, чтобы доказать – они лучше и сильнее других, недовольных новым положением дел, часто не считаясь даже с тратой большей части доходов, которые приносила им земля.

Каролингская кавалерия, будучи связанной с экономической структурой общества, возникла в обезлюдевшей бедной стране, где не бывало такой весны, чтобы в самый разгар полевых работ не обрушивались бы на ее землю враги, не захлестывали бы ее войны. Нельзя же было в самом деле бросить сеять хлеб, чтобы заниматься только войной. Невозможно было каждый год ставить народ этой страны перед необходимостью выбора: или смерть от руки захватчика, или голодная смерть. Отсюда жизненная необходимость в формировании такой категории людей, которые, находясь на содержании трудящихся и будучи свободными от материальных забот, могли бы полностью посвятить себя войне, совершенствованию своего боевого мастерства и вооруженной борьбе с врагами. Необходим был труд мирных людей. Но не менее необходима была и вооруженная его оборона.

«Посмертная», так сказать, слава Пуатье затушевала ту простую истину, что в 734 г. арабы, стоявшие под Нарбонном, разграбили Арль, добрались до Бургундии и угнали оттуда в Испанию огромное количество рабов. Так что если даже Карл Мартелл и не помышлял ранее о создании регулярной кавалерии, то, будучи не в состоянии пуститься в преследование бежавших из-под Пуатье арабов, он наверняка задумался

над этим. … Ведь речь шла о необычайно мобильном и агрессивном противнике, чьи силы были дислоцированы вдоль протянувшейся на многие сотни километров границы. Необходимо было создать такой род войск, который был бы способен передвигаться с максимальной скоростью.

…Франки действительно жили в обстановке постоянной осады. Так продолжалось со второго десятилетия VIII в., когда сарацины стали нарушать пиренейские рубежи, и почти до конца X в., когда франкам удалось наконец выработать modus vivendi в своих отношениях с норманнами. Тем не менее сарацины и венгры на протяжении всего этого столетия не оставляли франков в покое. Слишком обширным и уязвимым было франкское королевство, особенно со стороны моря и рек.

Население королевства малочисленное, живущее впроголодь, не способное к постоянному военному отпору врагам. Число воинов-профессионалов ограниченное. Увеличить его не представлялось возможным, так как оружие и лошади стоили слишком дорого – необходима была целая жизнь, чтобы, начиная с малых лет, обучить полноценного воина. Крестьянская пехота все реже находила себе применение из-за своей низкой эффективности и малоподвижности. В крестьянском хозяйстве каждая пара рабочих рук была незаменима. Постепенно земледельцев низводили до уровня черни, простонародья, гнувшего свой хребет, только бы прокормить своего защитника-воина. Древние германцы сочли бы такое положение откровенно рабским. Перед нами социальная основа, на которой происходило отделение рыцарской элиты от бывшей прежде нерасчлененной массы свободных франкских воинов-земледельцев. Остальная часть этой массы была обречена на рабское существование. Правда, это новое ее положение формально не было закреплено юридическими нормами.

Как же произошло столь глубокое изменение в жизни общества? Усовершенствования в области вооружения и техники верховой езды с VIII столетия привели к тому, что конный воин, чтобы хорошо вооружиться, нуждался в более сильной лошади и гораздо большем количестве металла, чем прежде. В сравнении с пехотинцем его расходы претерпели качественный и количественный скачок, особенно в связи с покупкой лошади. Экипироваться он тоже должен был на свой собственный счет. Подобные расходы мог позволить себе только богатый человек… По обе стороны Альп в середине VIII в. древнее право обязанность каждого свободного германца быть при оружии – постепенно исчезало. «Народ» и войско уже не были синонимами. Вооружаться теперь мог только тот, кто достиг известного экономического уровня. Внутри этой группы лишь ограниченная элита и ее свита была в состоянии обеспечить себе обладание боевым конем и тяжелым вооружением, то есть военную гегемонию. В этих условиях конным воином становился преимущественно выходец из аристократической среды, круг которой к тому же постоянно сужался и дифференцировался относительно первоначально однородной массы свободных крестьян-пехотинцев. Дифференциация касалась как богатства, так и образа жизни: аристократия считала войну и подготовку к ней своим постоянным профессиональным занятием.

Функциональное расслоение общества свободных граждан, прежде чем оно началось у франков, уже имело место в более подвижной лангобардской среде. В 750 г. лангобардский король Астульф предписывал, что «сражаться верхом» надлежит владельцам по меньшей мере семи наделов или сорока югеров земли, то есть людям крупного и среднего достатка. Менее зажиточным предписывалось вооружаться как пехотинцам. Напомним также, что в лангобардской Италии в VIII в. сложилась такая общественная система, в которой класс собственников отождествляется с военным и политическим классом.

Полное военное снаряжение стоило в те годы столько же, сколько целое стадо волов. Одного такого стада было достаточно, чтобы обеспечить тягловой силой десять-одиннадцать крестьянских семей. … По всей вероятности, этим обстоятельством и был

вызван перенос на май месяц традиционных «мартовских полей» – ежегодных народных собраний вооруженных франков. В мае уже было чем кормить лошадей, в марте кормов не хватало. Этот факт свидетельствует также о том, что франкская армия, состоявшая прежде в основном из пехоты, теперь села в седло. Хотя точная дата этого события и не известна, принято считать, что произошло оно в 755–756 гг. Именно начиная с этого времени термин majiscampus используется для обозначения времени сбора войска (exercitus) независимо от того, на какой месяц оно приходилось.

Характерно, что в это же время Пипин Короткий потребовал от саксов платить впредь полагающуюся ему дань не волами, а лошадьми. Таким образом, превращение пехотной армии в кавалерию развивалось полным ходом.

Основополагающая роль в период становления рыцарства принадлежит экономическому фактору. Он приходит в действие уже в эпоху Карла Великого. В это время от имущественного ценза зависит то, какой тип оружия подобает тому или иному воину. Таким образом, бедняки становятся «безоружными» по своему положению. На протяжении всего средневековья термин pauper («бедняк», «нищий») имеет не только экономическую окраску. Имущие слои населения обзаводятся таким количеством оружия, что по тем временам по праву считаются непобедимыми. Разрыв между социально-экономическими классами углубился, затронув также политическую, военную и юридическую сферы.

Для того чтобы вооружиться как подобает, необходимо богатство. Неимущие, следовательно, превращаются в безоружных. Все это так. Но верно также и то, что в чрезвычайных обстоятельствах корона могла создавать «новых имущих», предоставляя земли лицам, зарекомендовавшим себя в качестве искусных воинов, вовсе не принимая во внимание их юридический статус. В капитулярии 786 г. Карл Великий говорит о «недворянах» (быть может, едва ли не рабах), получивших бенефиции для того, чтобы обрести возможность вооружиться. Низкое социальное происхождение, таким образом, не являлось препятствием для участия в военных походах при одном только условии – воин должен был иметь средства на приобретение оружия. Король побеспокоился о том, чтобы создать экономические условия, необходимые для пополнения войска вооруженными воинами, невзирая на древний обычай, согласно которому только свободные люди имеют право носить оружие. Физическая сила и военная выучка становятся важнейшим фактором продвижения по служебной лестнице и социальной мобильности. В бурные годы нашествий викингов и сарацин подходит к концу действие древнего германского принципа, по которому каждый свободный человек имеет право носить оружие. Вскоре свободные, но безоружные бедняки, материальное положение которых ставило их на столь низкую ступень социальной лестницы и также угнетало духовно, практически ничем не станут отличаться от зависимых людей. Так, уже капитулярий 808 г. … начинает проводить различие между свободными и неимущими. С формальной точки зрения различие некорректно. В самом деле, как можно сравнивать две неоднородные категории, одна из которых юридическая, другая – социально-экономическая и идеологическая. Однако с практической точки зрения различие это весьма показательно: только тот, кто располагает имуществом и в состоянии позаботиться самостоятельно о своей вооруженной защите и, таким образом, внести непосредственный вклад в оборону общества, может всерьез называть себя свободным человеком. Тем временем продолжалось возвышение как тех, кто был достаточно богат, чтобы вооружиться, так и тех, кто вопреки своему зависимому или, во всяком случае, весьма низкому социальному положению получал от своих господ необходимые для приобретения оружия средства благодаря каким-то своим личным достоинствам – физической силе либо особым талантам, раскрывшимся при благоприятном стечении обстоятельств. Возвышались также члены господской свиты, входившие в состав комитата или отряда телохранителей сеньора. Они привнесли в феодальную и рыцарскую эпоху дух германской военной дружины.

Мало-помалу происходит выделение, с одной стороны, немногочисленных богатейших военных семейств, тесно сплоченных друг с другом на основе профессиональной специализации, готовиться к которой начинали с самого раннего возраста, и с другой – массы неимущих семей, безоружных и обреченных на то, чтобы весь свой век гнуть спину в поле. В духовном плане человек, рядившийся в одеяния защитника (defensor) своего народа и во имя его спасения готовый даже пролить свою кровь, символически как бы повторял деяния Христа. Выполнение профессионального долга воин оправдывал образом распятого Христа. Землепашец в эпоху, когда физический труд воспринимался по-библейски как наказание за первородный грех (первым же, кто был принужден возделывать землю, считался Каин), становится символом падшего, греховного и проклятого человечества.

Феодализм складывается в систему строго регламентированных духовных и социальных отношений. Рыцарская этика является идеологическим оправданием этой системы отношений, и с ней соглашаются, разделяя ее в меру своего разумения, эксплуатируемые массы.

Кардини, Ф. Истоки средневекового рыцарства / Ф. Кардини. – М., 1987. – С. 279–307.

8.1. Ж. ЛЕ ГОФФ О ФЕОДАЛИЗАЦИИ ФРАНКСКОГО ОБЩЕСТВА

...Церковный собор в Туре, созванный в конце царствования Карла Великого, констатировал: «Во многих местах разными средствами имущество бедных людей было сильно урезано, и это имущество тех, кто является свободным, но живет под властью могущественных особ». Церковные и светские магнаты–вот кто все более и более становился новым владельцем этого имущества. Монастыри, аббаты которых, впрочем, принадлежали к семьям влиятельных магнатов, собирали огромные земельные владения, о которых наряду с королевскими доменами мы осведомлены лучше всего, поскольку об их хорошо организованном управлении остались письменные свидетельства. В начале IX в. Ирминон, аббат Сен-Жермен-де-Пре, велел составить полиптик, инвентарь владений аббатства и повинностей держателей земли. В нем описано двадцать четыре владения (и это не все, поскольку часть документа утеряна), девятнадцать из которых были расположены близ Парижа. Эти владения часто соответствуют современным сельским общинам. Их размеры различны: 398 га обрабатываемых земель во владении Палезо и лишь 76 га в Ножан-Ларто, в первом, правда, откармливалось только пятьдесят свиней, а во втором тысяча. Но эта экономическая мощь открыла крупным собственникам путь к присвоению публичной власти благодаря процессу, начатому или по меньшей мере поощрявшемуся Карлом Великим и его преемниками в надежде на результаты совершенно противоположные. Действительно, чтобы укрепить франкское государство, Карл Великий умножил число земельных дарений, или бенефициев людям, чьей верностью он хотел заручиться, и обязывал их приносить ему клятву и вступать в вассальные отношения. Он надеялся такими личными связями обеспечить прочность государства. И чтобы все общество, во всяком случае, люди значительные были привязаны к королю или императору как можно более тесной связью личного соподчинения, он поощрял королевских вассалов, дабы они из собственных подданных также делали своих вассалов.

Внешние нашествия ускорили этот процесс, поскольку опасность толкала слабых отдаваться под покровительство сильных и поскольку за бенефиции короли требовали от своих вассалов военной помощи. Начиная с середины IX в. понятие «miles» (солдат, конник) часто используется взамен понятия «vassus» для обозначения вассала.

Этот важнейший процесс привел в то же время к установлению наследственности бенефициев. Обычай был порожден практикой, а затем закреплен капитулярием, изданным в Кьерзи-сюр-Уаз, которым Карл Лысый, готовясь к походу в Италию, обеспечивал вассалам неприкосновенность прав наследования отцовских бенефициев для их юных сыновей в случае их смерти. Благодаря наследственности бенефициев вассалы сплачивались в социальный класс. В то же время экономические и военные потребности, позволявшие или вынуждавшие крупного собственника, особенно если это был герцог, граф или маркиз, действовать самостоятельно, начинали побуждать сеньора препятствовать прямым отношениям его вассалов с королем. С 811 г. Карл Великий жаловался на то, что некоторые отказываются от военной службы под тем предлогом, что их сеньор не призван на нее и они должны оставаться при нем. Те из магнатов, которые, как, например, графы, были наделены публичными полномочиями, имели тенденцию смешивать их со своими сеньориальными правами, тогда как другие, глядя на них, все более и более узурпировали такие полномочия. Несомненно, расчет Каролингов не был полностью ошибочным. Если короли и императоры между X и XIII вв. сумели сохранить некоторые прерогативы суверенной власти, то они этим были обязаны тому, что их могущественные вассалы не могли пренебречь своими обязанностями, во исполнение которых они давали клятву верности. Понятно, что все происходившее в каролингскую эпоху имело решающее значение для средневекового мира. Отныне каждый человек стал все более зависеть от своего сеньора, и этот узкий горизонт, это подчинение, тяжкое тем больше, чем теснее круг, где оно осуществлялось, получил правовое основание; власть все более была сопряжена с землевладением, основой нравственности стала верность, вера, которые надолго заменили греко-римские гражданские добродетели. Античный человек должен был быть справедливым, средневековый же верным. Злом отныне стала неверность.

Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф; пер. с фр.; общ. ред. Ю. Л. Бессмертного; послесл. А. Я. Гуревича. – М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – С. 51.

МОДУЛЬ 2
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ВЫСОКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (X–XIII вв.)

9. М.А. ЗАБОРОВ. КРЕСТОНОСЦЫ НА ВОСТОКЕ

3.4. ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО

…Политический строй государств крестоносцев представлял собой феодальную иерархию сеньоров различного ранга и положения, примерно такую же, которая существовала в то время на Западе. Иерусалимское государство считалось первым среди государств крестоносцев, однако, по сути дела, короли иерусалимские не обладали какими-либо преимуществами перед тремя другими князьями, сидевшими в Триполи, Антиохии и Эдессе. Последние фактически были независимы от короля, хотя формально связаны с ним оммажем. Практически король занимал положение номинального главы равноправных членов своего рода конфедерации государств. У себя в княжествах и графствах правители Антиохии, Эдессы и Триполи располагали такой же властью, какой в Иерусалимском королевстве располагал их сюзерен.

Главные феодальные государства подразделялись на более мелкие единицы феодального владения – баронии; последние, в свою очередь, дробились на еще более мелкие – рыцарские феоды, или лены, разных размеров: феод (фьеф) мог включать несколько деревень, одну деревню или даже ее часть, так что деревня делилась между несколькими сеньорами.

В Иерусалимском королевстве, например, было четыре крупных владения: на севере Палестины – княжество Галилея, на западе – сеньория Сайды, Кесарии и Бейсана, а также графство Яффы и Аскалона, на юге – сеньория Крака де Монреаль и Сен-Абрахама. Сеньоры этих владений считались непосредственными вассалами короны. Каждый из них имел своих вассалов в лице более мелких владетелей, получивших от них в наследственное держание свои поместья (феоды)… Кроме четырех крупных феодалов королям были подвластны свыше десятка менее значительных ленников – владетелей Арсуфа, Иерихона, Ибелина, Хеброна и иных местностей и укрепленных пунктов. Всего в Иерусалимском королевстве имелось 22 сеньории. При этом каждое владение в государствах крестоносцев представляло собой феод, каждый рыцарь был вассалом.

Эта организация господствующего класса складывалась по мере водворения западных феодалов на Востоке. Король Бодуэн I, как о том сообщает Альберт Аахенский, уже на пятый день по вступлении на трон потребовал, чтобы все рыцари Иерусалимского королевства принесли вассальную присягу и представили сведения о своих феодах и поступающих с них доходах, включая денежные суммы, уплачиваемые городами.

Со временем, когда мусульмане начали вытеснять крестоносцев с захваченных территорий, положение рыцарей претерпело некоторые изменения. Вместо поместий или наряду с ними короли стали жаловать им в феод различные доходные статьи: одним – право сбора рыночного налога, другим – таможенных пошлин, третьим – монополию держать весы и меры для торговых сделок и пр. Происходила, по выражению французского исследователя К. Казна, фискализация фьефов, в большой мере обусловленная своеобразием экономики Восточного Средиземноморья, его развитой торговлей, интенсивной городской жизнью. Рыцари, владевшие этими денежными (рентными) фьефами, жили в городах. Их доходы не были связаны с землей, и сами они в этом смысле являлись рыцарями-рантье, а не землевладельцами обычного феодального типа.

Наиболее крупным феодалом был иерусалимский король. Он владел многими поместьями. Королевский домен простирался на востоке до р. Иордан и Мертвого моря. Кроме того, королю были подвластны несколько больших городов – Иерусалим (четвертой частью его, однако, владел патриарх), Набулус, где велась широкая торговля, особенно льном и вином, производившимися в Самарии, а также важные портовые города – Тир и Акра с их округами: там возделывался хлопок, произрастали оливковые деревья, были разбиты виноградники, а вблизи Акры – плантации сахарного тростника. Поместья и города приносили королям значительные доходы. В пользу короны взимались различные сборы на городских рынках, в гаванях: таможенные сборы, якорный налог (по одной марке серебром с каждого прибывшего корабля), налог с паломников (терциарий – третья часть стоимости проезда пилигримов) и др. Помимо этого короли требовали уплаты пошлин с торговых караванов восточных купцов, направлявшихся из Каира в Багдад, из Дамаска – в Каир, Мекку, Медину. Немалую дань брали короли с кочевников-бедуинов Заиорданья за право пользоваться пастбищами, отнятыми у них крестоносцами.

Не брезговали иерусалимские государи и прямым разбоем, что было вполне в духе тех времен, когда господствовало кулачное право. Усама ибн Мункыз передает случай, когда король Бодуэн III (1143–1162) приказал пустить ко дну неподалеку от Акры корабль, на котором семья писателя (его жена и дети) направлялась из Египта в Сирию. Это было сделано лишь для того, чтобы присвоить ценный груз, находившийся на борту судна. «Когда они приблизились к Акке, – рассказывает Усама, – франкский король, да не по-

милует его Аллах, послал в маленькой лодке отряд своих людей, которые подрубили корабль своими топорами на глазах наших людей. Король, приехавший верхом, остановился на берегу и приказал разграбить все, что было на корабле». Затем, продолжает Усама, все, плывшие на корабле, были согнаны на берег и подвергнуты обыску. У женщин отобрали все, что с ними было. Королевские слуги захватили на судне украшения, сложенные там женщинами, камни, мечи и оружие, золото и серебро приблизительно на 30 тысяч динаров (примерно 150 тыс. руб. золотом). Король забрал все это и выдал им пятьсот динаров со словами: «С этим вы доберетесь до вашей страны». А их – мужчин и женщин – было, с негодованием пишет Усама, около пятидесяти.

…Главной обязанностью вассалов была военная служба своему сюзерену. Король имел право требовать ее выполнения в течение всего года: ведь государства крестоносцев находились в состоянии почти непрерывной войны с соседями, не говоря уже о том, что внутренняя обстановка там была весьма неспокойной. Вассал не вправе был надолго покидать свои владения. Еще в первые годы существования Иерусалимского королевства было принято постановление, что тот, кто, оставив свой фьеф без разрешения короля, не вернулся обратно в течение года и одного дня, терял права на эти владения (так называемая ассиза одного года и дня). Вассал должен был являться по призыву сюзерена на коне, в полном боевом снаряжении. Он обязан был приводить с собой своих вооруженных людей и служить сюзерену там и столько времени, сколько потребуется (в Западной Европе вассальная служба обычно лимитировалась 40 днями в году).

Обязанностью баронов и других королевских вассалов было также участие в феодальном совете – курии, или ассизе. Королевская курия называлась Высокой палатой.

Ассиза – это был феодальный суд: он рассматривал тяжбы рыцарей. Вместе с тем ассиза представляла собой и военно-политический орган, обсуждавший и решавший вопросы войны, мира, дипломатии. Высокая палата ограничивала королевскую власть и контролировала действия короля по отношению к вассалам. Курия выступала хранительницей феодальных кутюмов (обычаев).

3.5. «ИЕРУСАЛИМСКИЕ АССИЗЫ»

Понятие «ассиза» имело на франкском Востоке и другое значение: так именовались судебники, являвшие собою не что иное, как перечень решений той же феодальной курии. До нас дошел обширный памятник, зафиксировавший нормы обычного феодального права, применявшегося в главном государстве крестоносцев, – «Иерусалимские ассизы», т. е. свод законодательных установлении, считавшихся обязательными для господствующего класса этого королевства. Они излагались без какой-либо определенной системы или строгой последовательности, так что в этом смысле «Иерусалимские ассизы» – довольно рыхлая коллекция имевших силу закона обычаев, которые касались самых различных сторон жизни и взаимоотношений франкских феодалов. Сохранился, впрочем, весьма поздний вариант (редакция) этого памятника, выразительно запечатлевший черты политического строя и организации господствующего класса Иерусалимского королевства уже в XIII в., когда оно явно клонилось к упадку. Старинные же правовые нормы, которые отражали ситуацию, существовавшую в первые десятилетия истории этих государств, для истории утрачены. Известно лишь, что «Иерусалимским ассизам» предшествовали какие-то более древние законодательные памятники… Первоначально феодальные кутюмы вовсе не записывались, одно поколение рыцарей передавало их другому устно: отцы – сыновьям, деды – внукам. Затем кутюмы стали записывать. Впервые произошло это, должно быть, в 1120 г., когда некоторые из них были сведены в общий сборник. Он состоял из 24 параграфов, или статей, определявших юрисдикцию королевской курии. Соответствующие установления на этот счет были утверждены советом баронов, прелатов и короля Бодуэна II в Набулусе. Историческая традиция сохранила также упоминания о применявшихся некогда королевских

законах и распоряжениях: их сборник, по всей видимости, хранился в иерусалимской церкви Святого Гроба и потому получил название «Письма Святого Гроба». Эти «Письма», а точнее, «Грамоты», как полагают, погибли в дни взятия Иерусалима Салах ад-Дином в 1187 г.

После Третьего Крестового похода у центральной власти вновь возникла потребность в каком-то стабильном судебнике. Король Амори II, проявляя инициативу, попытался было восстановить … «Письма Святого Гроба». Однако бароны не обнаружили заинтересованности в реконструкции обычаев, предоставлявших сравнительно большие прерогативы королевской власти… Все же в 1197–1205 гг. удалось положить начало новой записи феодальных кутюмов, или кодификации права: была создана «Книга для короля» – она-то и образует самую старинную часть сохранившейся редакции «Иерусалимских ассиз». Позже, по-видимому в 50-60-х годах XIII в., «Книгу для короля» дополнили другие записи, произведенные знаменитыми законодателями Иерусалимского королевства – Филиппом Поварским и Жаном д'Ибелином. Они свели воедино все кутюмы, которые сеньоры могли бы использовать для обоснования своих привилегий.

…Так со временем сложился свод законов Иерусалимского королевства. «Иерусалимские ассизы», следовательно, в своих отдельных частях восходят к различным этапам истории Латинского Востока.

…«Иерусалимские ассизы» – к этому и сводится их содержание – детальнейшим образом определяют порядок феодальной службы, права сеньоров, обязанности вассалов, регулируют взаимоотношения между ними. Здесь обстоятельно формулируются условия, на которых вассалы несут службу сюзерену, устанавливается, в каких случаях король или кто-либо иной вправе лишить вассала его феода. Если, например, сеньор незаконно отнял лен у вассала, то все остальные вассалы этого сеньора непременно обязаны помочь потерпевшему вернуть свои владения. Они могут уклоняться от службы сюзерену, будь то сам король, коль скоро он нарушил права кого-либо из своих вассалов. Король мог отобрать лен у вассала не иначе как только по приговору курии. В некоторых обстоятельствах вассалам даже предоставлялись право не пропускать короля через свои владения. Крестоносные феодалы ревниво заботились о том, чтобы сюзерен не предъявлял к ним чрезмерных требований, не ущемлял их самостоятельности. Все свои действия король Иерусалимский должен был согласовывать с собственными ленниками: он не мог принять ни одного решения без санкции баронов, так же, впрочем, как и они не могли этого сделать без соизволения своих субвассалов.

Иными словами, в порядках Иерусалимского королевства, зафиксированных в «Ассизах», получила наиболее полное, или, по определению Ф. Энгельса, классическое, выражение система феодальной раздробленности. При этой системе королевская власть была обречена на бессилие. Такая ситуация сделалась, однако, типичной для политического устройства Иерусалимского королевства лишь в XIII в. В первые же десятилетия его истории, когда рыцарству, добивавшемуся расширения территории своих владений, приходилось держаться сплоченно, наметились кое-какие признаки укрепления центральной власти. Даже при Бодуэне III (1143–1163) действовало правило, по которому король мог в 12 предусмотренных законом случаях отобрать фьеф у вассала, не обращаясь за согласием в феодальный совет. Тенденции такого рода, однако, развивались противоречиво, и в общем уже к середине XII в. верх явно стали одерживать центробежные силы: их носительницей выступила поднявшаяся во второй четверти столетия феодальная аристократия. Тем не менее централизаторские тенденции временами давали себя знать и позднее – по мере того, как отношения завоевателей с порабощенным населением и соседними мусульманскими государствами приобретали все большую напряженность, обострялась внутренняя социальная борьба, принимавшая обычно форму этническо-религиозной вражды, а войны с сельджуками и арабами

становились все более длительными и затяжными. В этих условиях мелкие и средней руки владельцы стремились сплотиться вокруг королевского трона. Со своей стороны, и королевская власть старалась прочнее привязать к нему рыцарей всех рангов.

Одна из таких попыток была предпринята в правление короля Амори I. Когда в 1162 г. владетельный и кичливый барон Жерар из г. Сайды, превращенного им в пиратское гнездо, … ни с того ни с сего лишил своего ленника феода, рыцари решительно выступили против подобного акта явного произвола. Король Амори I взял их сторону. В 1163 г. была издана «Ассиза об очередности вассальной службы», в силу которой король объявлялся высшим сюзереном для всех феодалов Иерусалимского королевства: любой держатель лена, чьим бы вассалом он ни являлся, отныне обязан был стать прямым вассалом короля и повиноваться ему как верховному сеньору. Эта «Ассиза», напоминающая аналогичные установления, принятые, например, пря Вильгельме Завоевателе в Англии, существенно ущемляла права крупных баронов и, напротив, расширяла прерогативы королевской власти.

Так в политическом строе государств крестоносцев формировались и действовали элементы государственной централизации. Однако в отличие от сходного процесса, развертывавшегося на Западе и завершившегося там образованием феодальных монархий, в которых королевская власть продолжала и в дальнейшем укрепляться, на франкском Востоке ничего подобного не произошло: здесь этот процесс оборвался и в конечном счете возобладали тенденции феодального сепаратизма. Как это ни парадоксально, сама «Ассиза об очередности вассальной службы» обернулась против королевской власти и пошла на пользу именитой аристократии. В королевской курии, куда отныне приглашались все владельцы ленов (в чем бы сами эти лены ни состояли), фактический перевес принадлежал знати: мелкие рыцари целиком зависели от воли высоких баронов.

В пределах своих поместий сеньоры были совершенно независимы. Им принадлежала высшая судебная власть, они творили суд и расправу, имели право объявлять войну и заключать мир, а многие даже чеканить свою монету. Общая обстановка в государствах крестоносцев не благоприятствовала сколько-нибудь полному развитию пентрализаторских тенденций.

Постоянные распри между соперничавшими друг с другом феодалами, раздоры вассалов с сеньорами, феодальные мятежи против королей, сопровождавшаяся интригами борьба за власть, которую вели придворные клики и группировки, – таковы характерные черты политической жизни франкских государств. Заговоры не прекращались даже в роковые для существования этих государств времена…

Заборов, М.А. Крестоносцы на Востоке / М.А. Заборов. – М., 1980. С. 128–131.

10. С.И. ЛУЧИЦКАЯ О КРЕСТОВЫХ ПОХОДАХ

Крестовые походы – наряду с рыцарством, готическими соборами или феодальными усобицами – одно из самых типичных и узнаваемых явлений средневековой истории. Они представляют собой своеобразную «икону» Средневековья, олицетворяя целую эпоху. К тому же идеи, образы и риторика, связанные с крестоносным движением, использовались и в последующие эпохи, и потому крестовые походы, как и некоторые другие феномены Средних веков – например, рыцарство, – пережили сами себя… Пытаясь изучить крестовые походы, как говорили древние, «без гнева и пристрастия», мы сталкиваемся с неким парадоксом. Уже почти тысячу лет они являются предметом пристального внимания. Достаточно сказать, что до XVIII в. не было ни одного крупного писателя, который бы так или иначе не откликнулся на эти события, а начиная с XIX в. их непрестанно изучают историки. Однако, как ни парадоксально, до сих пор

у нас нет четкой дефиниции крестового похода, и мы не можем дать ясного ответа на вопросы: что такое крестовые походы? кто такие крестоносцы?

Казалось бы, ответ лежит на поверхности: ведь сегодня нам очень хорошо известна событийная история крестовых походов.

…Однако как только мы пытаемся за поверхностью событий обнаружить суть явления, начинаются трудности. Ведь в конечном счете представляется почти невозможным дать какое-то общее определение крестовых походов. Действительно, как свести к общему знаменателю такие разные явления, как, например, военно-религиозные экспедиции XII в. в Святую Землю с целью отвоевания христианских святынь у неверных – с одной стороны, – и происходившие в то же время военные экспедиции в Прибалтику, где не было никаких христианских реликвий, которые нужно было бы защищать, – с другой? А как вписать в общую схему конфликты римских пап и германского императора Фридриха II и его преемников в XIII в., которые тоже принято рассматривать как часть крестоносного движения? И почему мы называем альбигойскими крестовыми походами военные кампании, которые в начале XIII в. по инициативе римских понтификов предпринимались против южнофранцузских еретиков? и т. д.

Можно ли вообще избежать упрощения, описывая такой сложный и важный для средневековой истории феномен? Не навязываем ли мы свои представления отдаленной эпохе, говоря о крестовых походах как о каком-то единообразном и самостоятельном явлении? Быть может, следует посмотреть на него глазами современников?

Но если мы обратимся к сочинениям самих средневековых писателей, которые начиная с XII–XIII вв. размышляли о сути крестоносного движения, то и там не найдем никакого четкого описания этого института, да и само это слово в источниках отсутствует вплоть до XV в. Нет его и в постановлениях церковных соборов и других памятниках канонического права… Не найдем мы общепринятого термина для обозначения этого явления и в сочинениях теологов и хронистов.

Напротив, обращаясь к средневековым источникам, мы сталкиваемся с огромным разнообразием терминов. Так, в текстах XII в. крестовые походы, под которыми подразумевали военно-религиозные экспедиции на Ближний Восток, могли обозначаться и как «паломничество» и как «путь», но также как «дорога», «поход», часто с соответствующими словами, указывающими на цель, – Иерусалим, Гроб Господень и пр. Потому говорили о «пути в Иерусалим», «пути к гробу Господню», «дороге в Иерусалим», видимо, ассоциируя крестовый поход с путешествием в Святую Землю к христианским святыням – т. е. по существу с паломничеством.

С другой стороны, военно-религиозные экспедиции называли «святой войной» или «священной войной». Начиная с XIII в. они также обозначаются как «святое дело», «дело креста» или просто «крест». Соответственно, и крестоносцы фигурируют в источниках под разными терминами: «паломники», «рыцари Бога», и, наконец, – с конца XII в. – «осененные крестом.

Следует заметить, что все эти термины имеют достаточно нейтральное значение, и при этом ни один из них не употребляется в источниках систематически. Ни в одном из средневековых языков нет общего наименования для крестоносного движения. … Похоже, что с крестовыми походами дело обстоит так же плохо, как с феодализмом: все знают, что в Средние века был феодализм и что это был важнейший социальный и экономический институт, но наши попытки обнаружить само это понятие в источниках оказываются тщетными. То же самое с крестовыми походами, то было одно из самых значимых и ярких явлений Средневековья, но вряд ли мы найдем в памятниках этой эпохи какие-либо его дефиниции.

Не лучше обстоит дело и с периодизацией крестовых походов. До сих пор нет ясности в вопросе о том, когда закончилась эпоха крестоносного движения и сколько всего было крестовых походов. Принято считать началом этого движения 1095 год, когда

на Клермонском соборе была высказана идея отправиться в Святую Землю отвоевывать Гроб Господень у неверных, а концом – 1291 год – дату падения г. Акры, столицы главного государства крестоносцев. Согласно этой периодизации, тщательно обоснованной еще историками эпохи Просвещения (Э. Гиббоном и др.), крестоносное движение было направлено в Святую Землю и длилось примерно два столетия. К XVIII в. относятся и первые серьезные попытки «посчитать» крестовые походы. Следует отметить, что их число варьировалось: сначала они полагали, что всего было пять крестовых походов, потом речь шла о тринадцати, и в конце концов сошлись на восьми крестоносных экспедициях – от т. н. Первого крестового похода, имевшего место в 1095–1096 гг., до, как они полагали, последнего – Восьмого крестового похода, предпринятого французским королем Людовиком Святым в 1270 г. Поразительным образом эта созданная еще в эпоху Просвещения периодизация дотянула свое существование до наших дней.

Но если вдуматься, подобная систематизация крестоносного движения не столько проясняет, сколько затемняет существо дела. Ведь хотя в конце XIII в. последний оплот на Востоке и был взят мамлюками, но другие государства крестоносцев (Кипрское королевство, Ахейское княжество и др.) еще продолжали существовать, в то время как Римская Церковь и в XIV–XV вв. не переставала предпринимать военно-религиозные экспедиции на Восток, но уже не против мусульман в Сирии и Палестине, а против турок в Европе и на Балканах. К тому же принятая схема не включает многие крестоносные экспедиции, относящиеся даже к XII–XIII вв. – например, крестовые походы в Прибалтику. Сегодня эта периодизация, сводящая все крестоносное движение к экспедициям XII–XIII вв. в Святую Землю, кажется странным анахронизмом. Такое узкое понимание истории крестовых походов, очевидно, совсем не было свойственным средневековым людям. По существу мы не можем пока дать точный ответ на вопрос о том, сколько времени длилась эпоха крестоносного движения и когда она закончилась. Невозможно это прежде всего потому, что вопрос о периодизации опять-таки упирается в проблему дефиниции крестовых походов, которые в средневековых памятниках всякий раз описываются самыми разными понятиями. Можно заранее предположить, что отсутствие ясного определения – прямое следствие сложности природы самого исторического феномена. Очевидно, что существовало некое социальное явление, которое мы сегодня называем крестовым походом, но которое не поддается однозначному толкованию. Как выделить его в источниках? Как воссоздать процесс крестоносного движения? Что же такое крестовые походы на самом деле?

Как возникла идея крестового похода

В начале 1095 г. в Пьяченце заседал церковный синод во главе с римским папой Урбаном II. Сотни прелатов прибыли в итальянский город, чтобы участвовать в обсуждении дел, связанных с проводимой папством реформой, цель которой заключалась в освобождении Церкви от вмешательства в ее жизнь светских властей и в укреплении статуса духовенства. На этот же совет явилась византийская делегация от императора Алексея I Комнина с просьбой о помощи против турок-сельджуков, … которые к тому времени захватили многие византийские владения в Малой Азии и Армении и продвинулись чуть ли не до самого Константинополя. В проповеди, прочитанной в Пьяченце, Урбан II призывал латинян помочь восточным христианам и византийскому императору освободиться от гнета мусульман.

После синода в Пьяченце папа совершил вояж по северной Италии и Франции в сопровождении целой свиты прелатов и посетил, в частности, монастырь Клюни – оплот церковной реформы, где он ранее был настоятелем. … В Ле Пюи, папа принял решение созвать церковный собор, который состоялся 27 ноября в Клермоне и где Урбану II предстояло произнести свою знаменитую проповедь.

По этому случаю туда прибыло так много людей, что папе пришлось держать речь вне стен города, в поле, где его слушали огромные толпы народа. Рассказав, как и прежде, о страданиях восточных христиан, Урбан II призвал собравшийся народ прекратить братоубийственные войны, объединиться для борьбы против «язычников» и отправиться на Восток с целью освобождения братьев по вере и отвоевания принадлежавших христианам территорий. В своей речи папа неожиданно упомянул не только Константинополь, но и Иерусалим, призвав христиан освободить также священный город с его святынями. С криками «Бог того хочет!» тысячи людей, охваченные благочестивым порывом, откликнулись на призыв понтифика. Пример подал Адемар де Монтейль, приняв из рук папы крест. Это был красивый и заранее продуманный жест. Епископ назначался представителем римского папы в будущем войске. Собравшиеся на проповедь папы христиане давали обет пойти в поход на Восток воевать против неверных и в знак своей готовности присоединиться к «святому воинству» нашивали на правое плечо красный крест, ставший символом их религиозных намерений. Папа объявил участникам будущего похода индульгенцию, обещая отпустить их грехи и взять их под защиту Церкви, предоставив им целый ряд привилегий…

Так начинаются события, которые позже будут описывать как Первый крестовый поход. Сегодня, более чем через 900 лет после случившегося, мы тщимся расшифровать содержание проповеди папы. Четыре хрониста пересказали речь папы на Клермонском соборе, и у каждого она звучит иначе; к тому же все их сочинения были написаны уже после Первого крестового похода, когда Иерусалим был взят. Что же случилось на самом деле? Была ли спонтанной реакция папы на обращения византийского императора? И почему совпали устремления папы и мирян? Наверное, ответы на эти вопросы мы получим в том случае, если будем рассматривать тот исторический фон, на котором происходили вышеупомянутые события.

Невозможно рассматривать призыв папы Урбана II вне того духовного возрождения, которое во второй пол. XI в. испытывала латинская Церковь. В это время начинается реформаторское движение, возникшее как реакция на обмирщение Церкви, сращение церковной власти с мирской, и как следствие падение ее морального авторитета. В тот период Церковь еще не освободилась от разлагающих феодализирующих тенденций, когда епископы получали от светских государей – прежде всего германского императора – земли, взамен соглашаясь на вассальные обязательства, и когда тот же император считал возможным назначать аббатов и влиять на посвящение в сан епископов, а папство находилось в зависимости от светских властей. Целью реформаторов, выступивших против подобных тенденций, было очищение и духовное обновление Церкви, укрепление власти и авторитета папства. Они призывали к «свободе церкви» – т. е. к полному освобождению Церкви от управления мирянами, осуществляемого посредством раздачи церковных должностей, к вытеснению светской аристократии из сферы церковного управления.

Нельзя сказать, что эта программа освобождения Церкви от влияния светской власти разделялась большинством высших западных прелатов. Многие епископы христианского Запада сопротивлялись переменам, и тогда проводником реформаторских идей стал монашеский мир, опиравшийся на авторитет Святого Престола. Вдохновляясь монашескими идеалами, лидеры движения требовали восстановления церковного порядка, строгого соблюдения церковной дисциплины и стремились восстановить утраченный Церковью духовный контроль над умами и душами верующих. Целые аббатства изымались из-под власти местных епископов и ставились под непосредственное начало папы – наместника св. Петра. Клюнийская конгрегация, непосредственно подчинявшаяся понтифику и притягивавшая к себе и реформаторов, и аскетов, являлась главной опорой папства в его соперничестве со светской властью, а клюнийские аббаты стали частыми

гостями в римской курии. При папе Григории VII (1073–1085), который, собственно, и вдохновлял церковные преобразования, реформаторское движение вылилось в борьбу за инвеституру (право назначать на церковные должности) – конфликт между германским императором и римским папой за верховенство, столь характерный для всего Средневековья. В «Диктате папы» 1074 г. Григорий VII обосновал духовное руководство понтифика всем христианским миром и утверждал за собой право назначать епископов, созывать соборы, осуществлять высшую судебную власть и пр. Борьба за инвеституру началась как дискуссия о реформе, но быстро переросла в непосредственное противоборство светской и духовной власти, так что папа Григорий VII сначала условно, а потом фактически низложил германского императора Генриха IV, отлучив его от церкви.

При Урбане II – последователе клюнийской реформы и строгом григорианце – противостояние между папой и императором, «священством» и «царством» – продолжилось. В момент восхождения Урбана II на Святой Престол далеко не все германские епископы признавали его папой, большая часть Германии, а также Северная и Центральная Италия, включая Рим, поддержали антипапу – Климента III. В сложившейся ситуации Урбан II стремился обрести опору не только на Западе, но также в Византии. С самого начала своего понтификата папа вел переговоры с Алексеем I Комниным об укреплении отношений между церквами Рима и Константинополя и даже о военной помощи в борьбе против турок. Урбан II явно заранее обдумывал свои планы, но именно в ноябре 1095 г., – время успеха клюнийской реформы – он оказался достаточно силен для того, чтобы произнести свой призыв о помощи восточным христианам. К тому времени на его сторону склонился Рим, а во время путешествия по Франции после синода в Пьяченце сын Генриха IV Конрад, восставший против собственного отца, становится вассалом Урбана II. На фоне всех этих событий проповедь папы на Клермонском соборе приобретала немалое политическое значение – это был еще один ход в борьбе за инвеституру: Урбан II призывал защитить христиан и отвоевать их земли и по существу возглавил христианский мир в тот момент, когда сам он не признавал Генриха IV императором – т. е. практически понтифик находился на вершине светской и духовной власти. Так конфликт папства и императора, борьба за освобождение латинской церкви привели к борьбе за освобождение восточной церкви и к началу крестоносного движения. От борьбы за освобождение церкви клюнийские реформаторы в лице Урбана II перешли к освобождению восточных христиан, братьев по вере.

В своей речи на Клермонском соборе Урбан II не преминул рассказать о страданиях, которые восточная церковь терпит из-за иноверцев. Папа желал воздействовать на своих слушателей и сделать свой призыв более убедительным и с этой целью описывал бедствия восточных христиан: мусульмане завоевывают христианские земли, истребляя все огнем и мечом, чинят препятствия паломникам, разрушают церкви и глумятся над христианскими святынями: «Они опрокидывают алтари, осквернив их своими нечистотами, они обрезают христиан, выливая кровь обрезания на алтари или крещальные купели».«Братья Ваши, живущие на Востоке, – говорил в своей речи папа – остро нуждаются в Вашем участии, и вы должны поспешить помочь им, ибо, как многие из вас слышали, турки напали на них и завоевали территории Романии до берегов Средиземноморья». Обе темы – необходимость помочь Византии и оскорбление христианских святынь – Урбан II в своей проповеди связал воедино. Таким образом грядущая экспедиция на Восток рассматривалась как «дело Бога».

Саму идею освобождения восточной церкви от турок папа выразил на языке христианской этики, говоря о восточных и западных христианах как «друзьях» и «братьях»: «Братья наши, члены тела Христова, подвергаются побоям, угнетаются и притесняются… единокровные братья ваши… от единой матери рожденные… сыны Того же Христа и Той же Церкви». Война за их освобождение представлялась благом, так

как, по словам Урбана II, «положить жизнь за друзей есть милосердие». В своей проповеди папа рассматривал помощь Востоку как проявление любви к ближнему – главной провозглашенной христианством этической ценности. Папа предлагал мирянам, прежде всего рыцарям, отправиться на Восток и с оружием в руках сражаться против мусульманских угнетателей христиан.

Такой ли именно поддержки ждала Византия от Запада? Император в самом деле просил военной помощи. Дело в том, что Византийская империя должна была постоянно бороться против многих врагов – сдерживать продвижение по Малой Азии турок-сельджуков, набеги печенегов и половцев. Для этого ей нужно было где-то рекрутировать новых воинов для своей армии. Их она часто вербовала из западных рыцарей, прежде всего воинственных норманнов – потомков викингов, избравших своим покровителем архангела Михаила, вождя небесного войска. Искатели счастья на чужбине, норманны с одинаковым рвением служили то папе, то византийскому императору, но очень скоро стали проводить собственную политику и вытеснили византийцев из Южной Италии. После битвы при Манцикерте 1071 г., в которой турки-сельджуки нанесли серьезное поражение Византии, ей пришлось пойти на значительные территориальные уступки. К тому же она была вынуждена обороняться от правивших в Южной Италии норманнских князей, вчерашних наемников империи, которые отныне представляли для нее угрозу. В этих условиях Алексей I искал союзника в папе римском и надеялся на помощь западных рыцарей в борьбе против своих врагов. Согласно западным хронистам, византийский император якобы писал, сгущая краски, о бесчинствах турок в Византии и притеснениях христианских пилигримов, графу Фландрии Роберту I, который в 1090 г. совершил паломничество в Святую Землю и, возвращаясь из Иерусалима, остановился в Константинополе, пообещав Алексею прислать 500 наемников. На самом деле, идея просить папу призвать западных воинов служить василевсу могла возникнуть еще раньше. Известно, что в 1074 г. в результате обмена посольствами между Римом и Константинополем Григорий VII лично призывал западных рыцарей отправиться на помощь «христианской империи». Он обещал, что сам в качестве «полководца и понтифика» возглавит войско и отправится на Восток воевать против врагов Христа и дойдет до Гроба Господня. Но этим планам не суждено было осуществиться: папа поссорился с Восточной Римской империей и даже одобрил вторжение норманнов в Византию. В 1089 г. начался новый виток переговоров папы с греками, во время которых обе стороны пытались заручиться поддержкой друг друга (папа в борьбе против императора, а василевс – в борьбе против норманнов), а уже на церковных соборах в Пьяченце и Клермоне понтифик усиленно призывал Запад освободить христианский Восток.

Подчеркнем – Византия отнюдь не призывала к крестовому походу, императора интересовала только военная поддержка Империи со стороны Запада. Война византийского государства с турками имела оборонительный характер, она не принимала форму религиозной войны. Никто из восточных христиан не требовал их освободить, паломники тоже не притеснялись турками-сельджуками. Но плохо информированные латиняне почти буквально воспринимали рассказы византийцев и западных путешественников о притеснениях христиан, и в сознании папы под воздействием просьб Византии о наемниках зародилась идея о совершенно новой вооруженной экспедиции на Восток западных рыцарей, которая, по его словам, была бы службой ради Христа, защитой христианской веры и христиан.

Сам по себе призыв помочь восточным христианам не мог воодушевить верующих. Ведь у большинства западных христиан были довольно смутные представления о христианском Востоке, о котором они очень мало знали. И потому не случайно в своей речи на Клермонском соборе папа упомянул об Иерусалиме. Участники будущей экспедиции, освобождая восточных христиан и их земли, по мысли папы, должны были дойти

до Константинополя и далее продолжить военный поход вплоть до Иерусалима, также захваченного мусульманами. Так Урбан II соединил Константинополь с Иерусалимом, хорошо понимая значение священного города для средневековых христиан. Ведь в это время миряне могли не знать названия своей деревни или резиденции своего правителя, но об Иерусалиме они всегда могли услышать из мессы; его изображения они видели в церквах на витражах и фресках, о нем рассказывали возвращавшиеся из Святой Земли пилигримы. В представлениях средневековых людей Иерусалим был духовным центром мира; в Святой Земле находились самые важные святыни – места, связанные с пребыванием Христа (грот Рождества в Вифлееме, Голгофа, Гроб Господень), и главная реликвия – Животворящий Крест. Иерусалим был для христиан патримонием Христа, реликвией, вобравшей в себя священную силу пророков и святых людей, апостолов и первых христиан. Это город, где ступала нога Христа, где он проповедовал, совершал чудеса и принял смерть и где, согласно средневековым представлениям, состоится Страшный суд и конец света. В сознании простых верующих образ земного Иерусалима сливался с образом небесного града, олицетворявшего рай и Царство Божие. С этим городом были связаны мессианские ожидания и надежды христиан на спасение.

В средневековом обществе паломничество вообще считалось благочестивым делом. Примечательно, что еще в раннее Средневековье его рассматривали как покаянное действие, а потому оно могло стать основанием для получения индульгенции – считалось, что поездки к святым местам очищают от грехов. Такое представление постепенно утвердилось в средневековом обществе, и многие знатные сеньоры, совершившие тяжкие грехи – среди них, например, нормандский герцог Роберт Дьявол – неоднократно совершали путешествие в Палестину с целью искупления грехов. Трудности, которые испытывали пилигримы, желавшие достичь святых мест, рассматривались как важная духовная «составляющая» паломничества. Всякое путешествие к святыням интерпретировалось как символический путь к Богу, а пути паломников в Средние века часто уподоблялись поискам ветхозаветными евреями Земли Обетованной или восхождению Христа на Голгофу. Не случайно в Средние века статус паломников был достаточно высок – во время путешествия они находились под защитой Церкви и пользовались определенными привилегиями. Призвав участников будущей экспедиции дойти до Иерусалима, папа Урбан II тем самым связал цель крестового похода с издавна существовавшей религиозной практикой, обычной и понятной для западных христиан.

По сути дела, западные христиане посещали Иерусалим с самых первых веков христианства, о чем свидетельствуют многочисленные путеводители в Святую Землю и записки пилигримов... Более того – уже в эпоху Каролингов у латинской Церкви в Палестине появляются свои обители, и тогда же рождается легенда, согласно которой Карл Великий с 800 г. становится официальным патроном Иерусалима и в знак этой почести получает ключи от св. Гроба и знамя Иерусалима.

В середине XI в., незадолго до начала крестоносного движения, появляется и совершенно новый вид паломничества – коллективные, массовые, – как, например, путешествие в Иерусалим в 1065 г., … в котором участвовали 12 тысяч человек. …В этих благочестивых странствиях пилигримов нередко сопровождали вооруженные рыцари. Заметим, что и в конце XI в. поток паломников к Иерусалиму не прекратился, хотя новые мусульманские завоевания – на этот раз турок-сельджуков – заставили пилигримов изменить свой маршрут: отныне они вынуждены предпочитать традиционному сухопутному маршруту через Малую Азию и Сирию морской путь – от Константинополя, Александрии или Кипра вдоль побережья, контролируемого Византией. Но Святая Земля по-прежнему как магнит притягивает новых путешественников, желающих прикоснуться к самым важным христианским святыням и реликвиям…

Никогда не прекращавшиеся паломничества в Святую Землю создали атмосферу религиозного воодушевления, в которой призыв Урбана II оказался понятен. Папа

требовал от мирян, принимающих крест, не только освободить восточных христиан от мусульманского гнета, и тем самым проявить любовь к ближнему, но и отвоевать патримоний Христа – священный город Иерусалим, Гроб Господень и другие святыни, связанные с Христом, и таким образом выразить свою любовь к Богу. Наверное, неслучайно накануне крестового похода появилась приписанная папе Сергию IV фальшивая энциклика, которая напоминала христианам о разрушении Гроба Господня халифом Аль-Хакимом в 1009 г. и о необходимости защиты наследства Спасителя. Стремясь убедить своих слушателей в необходимости экспедиции на Восток, папа в своей речи на Клермонском соборе живописал картины осквернения святых мест неверными, рассказывая о глумлениях мусульман над главными христианскими святынями: «Иерусалим, пуп земли… почти земной рай. Наш Искупитель… освятил ее своими страстями, искупил ее смертью своей и прославил своим погребением… И этот царский город, находящийся в центре мира, ныне захвачен врагами и порабощен теми, кому неведомы пути народа Бога. Он страстно желает быть свободным и непрестанно молится о том, чтобы вы пришли ему на помощь».

Очень важно иметь в виду, что Клермонский собор, на котором папа объявил о крестовом походе, был созван как собор «божьего мира». Как известно, широкое движение в защиту мира возникло в Западной Европе как реакция на волну самовластия и беззакония, захлестнувшую общество в начале XI в. К этому времени на христианском Западе сложился особый привилегированный слой рыцарей, для которого открытое насилие стало главным способом утверждения его нового статуса. Одновременно с этими процессами в Европе зарождается специфическая форма «мира» – «божий мир», призванный обуздать насильнические инстинкты военной аристократии. Само понятие «pax Dei» впервые ввел клюнийский аббат Одилон, и все те же клюнийские реформаторы немало поработали над созданием религиозных учреждений мира, общее руководство которыми взяли на себя римские папы.

Движение «божьего мира» было неразрывно связано с клюнийской реформой. Известно, что с распадом империи Карла Великого центральная политическая власть во Франции существенно ослабела. Король, как и представители его власти на местах – графы и другие высшие должностные лица, – постепенно утратили контроль над вверенными им провинциями. Только местные кастеляны, управлявшие замками и контролирующие прилегающую к ним территорию, вместе с отрядами вооруженных воинов-рыцарей – олицетворяли власть в регионе. Именно они собирали подати и вершили суд над проживающими там людьми. И так как они были предоставлены сами себе, и все совершалось по их произволу, то в средневековом обществе процветали разбой и бесправие. Рыцари грабили местное население и разоряли окрестные деревни; нередко их добычей становились и владения церквей и монастырей. Перед лицом насилия и социальной анархии средневековая Церковь оказалась совершенно бессильной, она не чувствовала себя в безопасности и потому не могла ь подобных условиях осуществлять свою деятельность. И она предприняла огромные усилия, чтобы изменить ситуацию. То была попытка заменить слабый контроль центральной власти санкциями Церкви, сдержать насилие, выразив всеобщее неодобрение и возмущение акциями рыцарства.

Движение «божьего мира» возникло в южной Франции в конце X в. Теперь уже не институты каролингской власти, как прежде, а собрания свободных людей пытались решать проблемы общества. Эти ассамблеи свободных людей добивались того, чтобы оградить от насилия и произвола клириков и мирян – например, занятых мирным трудом крестьян, духовных лиц и людей, находившихся под покровительством Церкви, – например, паломников. Время действия «божьего мира» распространялось на церковные праздники или периоды сельских работ. Рыцари должны были приносить обет – соблюдать соответствующие условия; эти обеты часто подтверждались клятвой, выдачей заложников и другими гарантиями; нарушившие «божий мир» отлучались от церкви.

Совершенно очевидно, что движение «божьего мира» было открыто направлено против агрессии воинского класса. Однако следует иметь в виду и то, что на службе у Церкви – в монастырях и епархиях – тоже состояли рыцари, и она сама часто была готова во имя «божьего мира» организовать военные походы против тех, кто нарушал его условия. Осуждая насилие, творимое рыцарями, прелаты исходили из того, что, хотя рыцарство невозможно исправить, но можно привлечь его к защите Церкви. Такие цели были шире задач «божьего мира», которые ставило перед собой клюнийское движение, – реформаторы желали облечь воинов новой миссией и внедрить в среду мирян монашеские ценности.

В этом большую роль сыграли идеи Августина Блаженного о войне. Как известно, величайший западнохристианский мыслитель разделил все войны на справедливые и несправедливые, ведущиеся в целях грабежа и обогащения. В соответствии с этими представлениями справедливыми войнами считалась те, которые предпринимались ради защиты и обороны, с целью отражения агрессии или возвращения незаконно захваченных владений. Клюнийские прелаты как раз и стремились навязать мирянам, прежде всего рыцарству, такие функции, которые могли бы включать и ведение войны с целью защиты Церкви, т. е. справедливой войны. Подобные цели ставили перед собой и понтифики, возглавлявшие римскую церковь. В XI в. под эгидой папства велись т. н. войны св. Петра – святого апостола, считавшегося первым римским папой. Эти вооруженные операции во имя служения Церкви проводились как внутри христианских стран, где папы стремились поддержать порядок и справедливость, так и за пределами христианского мира, где они были направлены, в частности, на борьбу с мусульманами, как, например, в Испании, где в военных экспедициях часто участвовали французы, пользуясь все возрастающей популярностью паломничества к гробнице св. Иакова Компостельского... Папы порой подвергались жесткой критике за попытки сакрализации войны, но идея справедливой войны, ведущейся в защиту Церкви и в интересах христианства, постепенно пробивала себе дорогу. А в 1063 г. папа Александр II впервые пожаловал индульгенцию сражавшимся в Испании и, похоже, предоставил им право нести «знамя св. Петра», которое стало своеобразным папским одобрением военной авантюры. Примерно в это время развивается и практика благословения воинов, оружия и боевых знамен, а также культ святых воинов. «Служба св. Петру» становится одним из способов оправдания войны, когда ратный труд рыцарей в войне за интересы Церкви оправдывался и наделялся новым позитивным смыслом.

Во время борьбы за инвеституру, которая вовлекла папу Григория VII в военный конфликт с королем Генрихом IV, понтифик предпринял дальнейшие шаги на пути легитимации войны в защиту Церкви. При этом он опирался на созданный им кабинет мыслителей, самым значительным из которых был, пожалуй, сторонник папы епископ Лукки Ансельм. Около 1083 г. появляется его труд «Собрание канонов», возможно, написанный по заказу понтифика. В этом трактате известный прелат обосновал принципы христианской священной войны, основываясь прежде всего на трудах св. Августина. Из сочинений этого отца Церкви епископ Лукки извлек очень важную мысль о том, что не только война может быть справедливой, но и что она может быть санкционирована Богом, который способен выступать на стороне тех, кого он избрал орудием применения насилия. Эта идея в принципе была хорошо знакома средневековым христианам, так как она присутствует уже в ветхозаветных псалмах, где говорилось о войнах еврейского народа против своих врагов. Ее актуализация на христианском Западе свидетельствовала о постепенной эволюции церковных представлений от идеи «справедливой войны» к идее «священной войны», возглавляемой Богом.

Пытаясь оправдать войну в интересах христианства, Григорий VII стремился заручиться поддержкой мирян, желая создать свой личный военный корпус из рыцарей

средневекового Запада, которые бы несли военную службу в пользу Церкви. Этих воинов в средневековой Европе было принято называть «верными св. Петра» или «рыцарями св. Петра», точно так же как служивших у епископа вассалов в свою очередь чаще всего называли «верными» святого патрона его епархии. Вообще в это время не только понтифики и клюнийские реформаторы, но и прелаты по всему средневековому миру стали обращаться к мирянам за военной помощью, часто побуждая местных сеньоров защищать Церковь с оружием в руках. Потому именно в интересах клира, как и папства, было оправдать применение насилия. С одной стороны, прелаты горячо желали изменить нравы рыцарей и привести их в соответствие с принципами христианской этики, с другой – они прекрасно понимали, что вряд ли смогут кардинально изменить привычный для военной аристократии образ жизни. Церковь стремилась примирить новую идеологию с военными и героическими идеалами рыцарства, а для этого разъяснять новые идеи и взгляды на языке повседневной жизни – языке, который могли понять обычные миряне – прежде всего рыцари.

Церковь – особенно клюнийские прелаты – умела говорить на этом языке, поскольку учитывала некоторые особенности социального облика рыцарства – такие, как роль в этой среде родственных связей и семейного клана, интересы которого объединялись вокруг наследственного владения, патримония. Или такие важные черты их жизненного уклада, как кровная месть, когда родня была всегда готова защитить родственника или отомстить за него. Не менее значимыми в жизни рыцарства были сеньориально-вассальные отношения: основанные на принципах взаимной верности и осознаваемые почти как семейные – они налагали обязательство вендетты на индивида, который должен был защищать своего сеньора или вассала, если на его землю совершено нападение или ему нанесено оскорбление. Прелаты стремились использовать образы повседневной жизни и феодальную терминологию, сравнивая любовь к Богу с вассальной верностью и рассматривая крестовый поход как военную службу Христу, подобную той, какой вассал был обязан своему сеньору. Так, с помощью понятных образов разъясняли реформаторы рыцарям смысл клюнийской программы.

Призывы реформаторов к мирянам чаще всего оставались без ответа. Вряд ли многие из них оставили прежний образ жизни и стали «верными св. Петра», и, похоже, только с проповедью крестового похода послание Церкви было услышано. Хотя в разных регионах в светском обществе все еще господствовали кастеляны и их рыцари, но реформаторское движение начало постепенно влиять на мирян. Пик насилия, вызвавший движение «божьего мира», приходится на 20-е гг. XI в. А затем происходит существенный сдвиг – к концу XI в. знать и рыцарство все больше привлекают церковные идеи и благочестивая практика. Известно, что течение всего XI в. в средневековой Европе быстро растет число новых клюнийских монастырей, и этот процесс был бы невозможен без пожалований Церкви мирян, пусть сами они и не думали обращаться в монашество. Весьма примечательно, что именно в это время общество постепенно осознает, насколько важно для него участвовать в добрых делах Церкви. И это растущее благочестие стало своеобразным ответом на усердные попытки реформаторов изменить нравы мирян.

Клермонский собор, который распространил «божий мир» на все подвластные Церкви земли, был последней попыткой папы поставить агрессию воинов на службу Церкви. Сам Урбан II происходил из рыцарского рода Шампани и хорошо знал нравы феодалов. На соборе понтифик призывал знать и аристократов прекратить братоубийственные войны. По его словам, рыцари уподобляются «врагам Бога», участвуя в войнах, вызванных враждой между членами разных семейных и феодально-аристократических кланов. Он увещевал воинов положить конец файде – вражде между феодальными родами, перестать проливать кровь единоверцев и обратить свое оружие против неверных – освободить восточных христиан. «Ужасно, братья, ужасно, что вы вздымаете разбойные

руки против христиан, – говорил папа в своей речи. – Куда меньшее зло – поднять меч на мусульман». Урбан II также призывал рыцарей отмстить неверным за глумление над христианскими святынями и изгнать мусульман из наследственного владения Христа – Святой Земли: «Идите к Святому Гробу и отнимите эту землю у нечестивой расы». Прекратив взаимную вражду, рыцари должны были стать «друзьями Бога» и служить Христу: «Пусть же станут отныне рыцарями Христа те, кто был всего лишь разбойником! Пусть же теперь с полным правом ведут борьбу с варварами те, кто сражался против своих братьев и родичей». Побуждая рыцарей отправиться на Восток, папа намекал и на материальные выгоды: крестоносцы, покидая тесное и бедное пространство Европы, могли рассчитывать на вознаграждение за участие в экспедиции. Обращаясь к мирянам, Урбан II говорил: «…ваша страна со всех сторон окружена морями и горами и не может содержать большое количество людей. Она не переполнена богатствами и едва ли может обеспечить пропитание даже тем, кто ее возделывает. Вот почему вы сражаетесь друг с другом. Так что давайте прекратите все файлы и идите по пути к Гробу Господню, отберите землю у нечестивой расы и заберите ее себе – эта земля была дана Богом сынам Израилевым, она истекает млеком и медом».

Но то, что предлагал папа в своей проповеди рыцарям, было на самом деле совершенно необычной войной, участие в которой сулило прежде всего духовные блага. Согласно одному хронисту, папа, призывая верующих отправиться в вооруженный поход на Восток, произнес знаменательные слова: «Я говорю это тем, кто здесь присутствует, передаю отсутствующим, но повелевает Христос!» Стало быть, эта война не только велась в защиту Церкви, но провозглашалась от имени Бога и была им санкционирована – то была священная война, военная служба идеальному сеньору – Христу, и она была для рыцарей и мирян шансом заслужить спасение, участвуя в военных действиях против врагов Бога. Очень хорошо объяснил исключительные черты новой войны французский хронист Гвиберт Ножанский. Он обосновал принципиальное отличие священной войны от прежних, также справедливых войн, которые велись в защиту родины или Церкви, с целью отразить нападения варваров или язычников и которые, по мнению хрониста, перестали воодушевлять верующих: «Вот почему Бог в наши дни вызвал к жизни священные битвы, где рыцари и странники, вместо того чтобы убивать друг друга наподобие древних язычников, могли найти новые способы заслужить спасение: они уже не были вынуждены полностью отрекаться от мира, усваивая, как водится, монашеский образ жизни или какое-то иное занятие, связанное с религией, – но они могли в определенной мере обрести благодать Божью, сохраняя свое обычное состояние и выполняя свойственные им дела в миру». И действительно, это было самым большим новшеством – папа в своей проповеди указал мирянам новый путь спасения. Ранее считалось, что только монахи могут служить Богу, принимая крест (крест был символом монашеской жизни) и подражая Христу и тем самым спасая свою душу. Отныне средневековые люди могли стяжать спасение трудами – приняв участие в военно-религиозной экспедиции, не уходя, как прежде, в монастырь. Урбан II побудил мирян следовать Христу так, чтобы они могли не разрывать с прежним укладом жизни. Тем самым клюнийские реформаторы выполнили свою задачу – они перенаправили рыцарскую агрессию на войну против иноверцев, ведущуюся во имя любви к Богу – т. е. священную войну, дающую христианам новое средство спасения.

Папа облек обещание спасения в очень точную юридическую формулу – индульгенцию. Вооруженное паломничество в Иерусалим, военная служба Христу рассматривались как заслуга и были достойны небесного вознаграждения – тот, кто уходил в Святую Землю, получал отпущение грехов: «Кто отправится в эту войну и расстанется с жизнью… все их грехи будут прощены в тот же миг. Я обещаю это в силу власти, которой меня наделил Господь», – говорил папа на Клермонском соборе. Отно-

сительным новшеством объявленного Урбаном II предприятия был крест, который, как известно, поначалу был знаком паломнического путешествия в Иерусалим. Теперь крест, нашитый на плече крестоносца, становился своего рода знаком, посредством которого Господь наделял воина Царствием небесным. Как распорядился папа Урбан II, раздававший кресты во время своей проповеди, те, кто принял его, тем самым давали обет пойти воевать на Восток и должны были безотлагательно направиться к Гробу Господню. Как и в свое время паломникам, обещавшим принять участие в походе воинам предоставляли определенные светские привилегии – в частности, канон Клермонского собора ставил персону и имущество рыцаря под защиту «божьего мира» (паломники тоже под этой защитой), который длился до его возвращения.

Итак, в самой идее крестоносного движения не было почти ничего нового: война под главенством Бога уже упоминалась григорианцами, помощь восточным христианам уже подразумевалась ранее, и папа даже готов был возглавить экспедицию в Иерусалим с целью их защиты, индульгенции за победы над неверными давались и прежде, покаянные паломничества в Иерусалим, частично одетые бронею, также происходили в прошлом, да и традиция давать кресты паломникам тоже существовала. Но все же новым в речи папы Урбана II был, видимо, синтез всех этих идей. Крестовый поход – это война, которая была объявлена папой от имени Христа, ее участники рассматривались как пилигримы, наделенные соответствующими привилегиями, они также принимали обеты и получали индульгенции.

Связанные с Клермонским собором нововведения так или иначе вписывались в программу реформаторского движения XI в., клюнийской реформы, целью которой было достижение, пусть даже хрупкое, единства рыцарства и Церкви. Сами церковные представления об искуплении и небесном воздаянии были истолкованы папой при помощи феодальной терминологии и облечены в четкие понятия вознаграждения за ратный труд. Откликнувшись на призыв римского понтифика, рыцари ставили на службу христианскому идеалу воинские доблести. Потому военно-религиозную экспедицию, начало которой объявил Урбан II в 1095 г., можно в целом рассматривать как свидетельство запоздалого восприятия клюнийских преобразований, смысл которых в течение долгого времени пытались внушить своей пастве аббаты.

Лучицкая, С.И. Крестовые походы. Идея и реальность / С.И. Лучицкая. – Санкт-Петербург: Наука, 2019. – 389 с.

11. М.А. ЗАБОРОВ ОБ ИТОГАХ И ПОСЛЕДСТВИЯХ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Имели ли Крестовые походы какие-нибудь долговременные последствия? Оказали ли они в какой-либо степени благотворное влияние на жизнь народов Запада и Востока, принесли ли с собой что-нибудь ценное и полезное? Можно ли вообще рассматривать их в качестве какого-то важного рубежа всемирной истории? Словом, какое место они в ней занимают?

Трудно дать категорически определенный и исчерпывающий в своей однозначности ответ на такие вопросы. Ясно по крайней мере одно: Крестовые походы, продолжавшиеся почти 200 лет, не прошли вовсе бесследно. Очевидно, однако, и другое: непосредственных целей, которые ставили перед собой их вдохновители, организаторы и участники, достигнуть не удалось, а добытые результаты явились весьма недолговечными.

Действительно, феодальные государства, основанные западными феодалами в Восточном Средиземноморье, просуществовали большей частью сравнительно короткое время. Раздираемые внутренними социальными и религиозно-этническими противоречиями, они не сумели выдержать натиск мусульманского, а затем греческого мира и вскоре сошли со сцены.

<…> Папство, развязавшее священные войны, получило от них лишь непродолжительный выигрыш – причем не столько в смысле повышения собственного авторитета или тем более исполнения вынашивавшихся "наместниками св. Петра" универсалистско-теократических проектов, сколько главным образов в иной области: апостольский престол сумел укрепить свою финансовую базу – она расширилась за счет крестоносных поборов и налогов. В конечном итоге тем не менее неудача Крестовых походов и связанный с нею провал планов церковной унии основательно подорвали к концу XIII в. престиж папства и содействовали его последующему упадку. <…>

Имели ли Крестовые походы прямые социальные последствия? Главным участником этих войн выступало рыцарство. Его крестоносные контингенты были в целом весьма обширны. Число же наиболее знатных феодальных семейств, которые поддерживали устойчивые связи со Святой землей, напротив, представляется сравнительно небольшим, да и вообще численность "благородных" крестоносцев, прочно осевших на Востоке, видимо, не соответствовала ожиданиям их вдохновителей. С конца XII и в особенности с начала XIII в. многих сеньоров гораздо более манили к себе византийские земли; приток аристократических выходцев с Запада в сирийско-палестинские государства крестоносцев пошел на убыль. Кроме того, немалая часть рыцарей со временем нашла выход своей воинственности, вступая в военно-монашеские ордены, деятельность которых была связана не только с защитой Латинского Востока. Во всяком случае, для феодального класса Западной Европы Крестовые походы означали гигантское кровопускание: ведь даже самые скромные успехи на Востоке стоили больших жертв. В результате – и это главное – Крестовые походы повлекли за собой перемещения, порой весьма заметные, в распределении земельной собственности в странах Запада. В частности, уход рыцарей "за море" способствовал расширению церковного землевладения.

Одним из последствий участия феодалов в крестоносном движении было повышение уровня их … самосознания: участвуя в качестве решающей силы в боях с общим врагом, они ясно осознавали принадлежность к единому общественному слою, обладающему общностью интересов. <…>

Словом, Крестовые походы провели еще более глубокую борозду, отделявшую сеньоров от крестьянской бедноты: рыцарям поневоле приходилось держаться сплоченно – и не только перед лицом врагов-иноверцев, но и перед лицом "мятежной и неисправимой черни" (Альберт Аахенский). В Антиохии в конце 1098 г. даже жестоко соперничавшие друг с другом князья Раймунд Тулузский и Боэмунд Тарентский вынуждены были примириться друг с другом, столкнувшись с угрозой крестьянского мятежа в войске. Итак, борьба за единые цели и вместе с тем сопровождавшие ее конфликты с "деревенщиной, грубой правом, лишенной дисциплины и разнузданной", способствовали упрочению понимания рыцарством своей социальной привилегированности, своих особых интересов, требующих от него сплоченности.

Знакомство с Востоком, далее, содействовало переменам в образе жизни сеньоров на Западе. Рыцарь-крестоносец, вернувшись домой, охвачен был новыми стремлениями, у него появились новые ценностные ориентации. Он был не прочь сменить грубое домотканое платье на мягкие и красивые восточные одежды; украсить стены своего замка коврами; заменить зеркала из отполированной бронзы или стали стеклянными. Почему было не пополнить простой деревенский стол изысканными блюдами восточной кухни, приправленными пряностями? Самому пить и при случае дать своим гостям после охоты отведать ароматного восточного вина? Почему было не блеснуть на турнире или во время придворной церемонии мечом с изящно отделанной инкрустацией рукоятью и ножнами из золота и слоновой кости? А что плохого в том, чтобы доставить соседу, с которым приятно провел день за пиршественным столом, корзину с редкостными фруктами, только что привезенными из-за моря? <…>

Влияние Востока довольно широко сказывалось также в сфере бытовых установлении. Со времени Крестовых походов европейцы стали носить – на восточный лад – бороду и тюрбан, устраивать горячие бани, сравнительно часто менять верхнее платье и белье (в раннее средневековье в Европе умывались только холодной водой, да и то лишь изредка, платье же носили до тех пор, пока оно не приходило в ветхость, т.е. занашивали его до дыр). <…>

Несомненно, отдельные стороны материальной и духовной культуры, быта Западной Европы испытали на себе и непосредственное воздействие Крестовых походов. Так, своими гербами, изображавшимися на щитах, различными геральдическими эмблемами рыцари были, скорее всего, обязаны тем самым арабам и сельджукам, с которыми они скрещивали оружие во время Крестовых походов (впрочем, возможно, что такой, например, геральдический символ, как двуглавый орел, хорошо известный арабам и сельджукам, перекочевал на Запад через Византию). Точно так же западные завоеватели перенесли в Европу черты восточного архитектурного стиля. Первоначальной моделью и образцом храмов с купольным сводом – храмы этого типа начали воздвигаться на Западе в XII–XIII вв. – явилась иерусалимская мечеть халифа Омара: купольный свод был скопирован с нее в церковных постройках тамплиеров; многие другие храмы, особенно во Франции, тоже строились в XII в. по образцу иерусалимской церкви Святого Гроба. <…>

Однако фактов такого рода набирается не слишком много, а главное, значение их с точки зрения прогресса европейского общества не столь уж и велико – оно ограничивается узкими, притом собственно средневековыми рамками. К тому же необходимо учитывать, что культурные достижения самих завоевателей на почве контактов с Востоком были весьма скудными. Они стали носить бороду и тюрбан, а иные представители европейских феодальных домов подчас близко общались с мусульманской знатью. Они даже вступали в брачные отношения с сирийками, армянками или крещеными сарацинками и, по выражению Фульхерия Шартрского, "жили по обычаю своей жены". Словом, франкские сеньоры внешне приспосабливались к новой для них обстановке и, как писал тот же хронист, "забыли свою родину" ("кто был римлянином или французом, здесь сделался галилеянином или палестинцем, кто происходил из Реймса или Шартра, здесь стал тирцем или антиохийцем"). Несмотря на это, они все же оставались пришлым элементом на Востоке. Западные сеньоры находились там в чуждой им среде.

В государствах крестоносцев почти не происходило взаимодействие или взаимовлияние восточной и западной духовной культуры: социально-политический климат (войны, возмущения местного населения, обстановка военного лагеря) был для этого крайне неподходящим. Из библиотек, уцелевших на латинском Востоке, до нас дошло всего 27 рукописей. Фанатичные католические церковнослужители, казалось бы, наиболее образованная часть крестоносцев, не интересовались духовными богатствами арабского мира, совсем наоборот: библиотека в Триполи, например, после завоевания города крестоносцами была сожжена дотла – еще бы, в ней обнаружили несколько рукописей Корана!

Да, обмен материальными и духовными ценностями между Западом и Востоком осуществлялся, но, во-первых, он начался задолго до Крестовых походов, а во-вторых, первостепенную роль в перенесении хозяйственных и культурно-технических достижений Востока на Запад играли арабские Испания, Сицилия и особенно греческая Византия. Именно через них Восток, по выражению французского историка Ж. Эберсольта, "преподал Западу длительный курс обучения за много времени до Крестовых походов". И в период Крестовых походов Испания, Сицилия и Византия точно так же в большой степени сохраняли свое значение посредников в общении между Западом и Востоком. Даже во время наивысшего расцвета государств крестоносцев Западная Европа гораздо больше воспринимала восточные влияния (и античные традиции) от умиравшей Византийской империи, чем через страны Леванта.

<…> Было бы крайне односторонним довольствоваться характеристикой негативных или позитивных последствий Крестовых походов, замыкаясь в рамки только западноевропейского региона. Объективная оценка таких последствий предполагает и непременный анализ вопроса с иной позиции – с точки зрения последующего развития мусульманского и византийского Востока. В этом отношении оценка значения Крестовых походов может быть вполне однозначной: Крестовые походы явились для стран Восточного Средиземноморья подлинной катастрофой. Крестоносцы в течение десятилетий несли им разорение, опустошали и грабили города и села Малой Азии, Сирии, Палестины, Египта, заслужив к себе величайшие ненависть и презрение народов Переднего Востока. Арабский писатель Усама ибн Мункыз называет франков не иначе как "дьяволами", "проклятыми", призывая кару Аллаха на их головы. И не напрасно.

Экономически и культурно процветавшие центры Ближнего Востока были приведены завоевателями в упадок. Что же касается глубинных областей мусульманского мира, то они и не были затронуты Крестовыми походами. Крестоносные вторжения и завоевания захватили лишь его окраины, да и здесь государства крестоносцев, относительно широко простершие свои границы на протяжении не более сотни лет, довольно редко выступали сколько-нибудь весомым и активным политическим фактором. Перемены, происходившие в этих областях, будь то утверждение сельджукского господства, крушение фатимидского халифата, возвышение мамлюков или тем более монгольское нашествие, совершались независимо от Крестовых походов и в лучшем случае использовались государствами крестоносцев в своих интересах.

И едва ли не важнейшим – притом именно во всемирно-историческом масштабе – из пагубных плодов крестовых войн был разгром Византии в 1204 г., установление там владычества западных феодалов и южноевропейского купечества. Подвергшаяся разграблению и опустошению империя, даже будучи восстановлена (в сильно уменьшенных размерах) как самостоятельное государство через несколько десятков лет, уже никогда не смогла в дальнейшем возвратить себе былые экономические и политические позиции. И без того внутренне ослабленная, прежняя Византия, оказавшись к тому же расчлененной, стала спустя недолгое время добычей османов, вслед за чем угроза с их стороны вплотную приблизилась к Западной Европе. Разрушив Византию, которая на протяжении столетий служила юго-восточным бастионом Запада против натиска всевозможных варварских орд, крестоносцы тем самым открыли дорогу османскому вторжению.

Таким образом во всемирно-историческом плане Крестовые походы в целом сыграли отрицательную, а никак не положительную роль.

Заборов, М.А. Крестоносцы на Востоке / М.А. Заборов. – М., 1980. – С. 308–311.

12. Ж. ДЮБИ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ФРАНЦУЗСКИХ ДЕРЕВЕНЬ

…Французских историков, которые пытаются понять, как сформировалась деревня, уже полтора десятилетия завораживают две модели этого процесса. Обе они построены на материалах других европейских краев. Первая основана на данных, полученных в странах Севера, в частности в Германии. Эта модель предполагает, что в течение длительного времени не уступало своего места примитивное сельское жилье, «бросовые дома», как называют их этнологи. Такие дома не имеют никакой ценности по сравнению с пахотной землей, их можно быстро построить, передвинуть, но они непрочны. Таким образом, эта модель побуждает считать непостоянным характер заселения, бытовавшего вплоть до XI века. Значительно большим оказалось влияние второй модели. Она надежно покоится на изысканиях, которые проводил в Лацио (средняя Италия) Пьер Тубер. Используя итальянское слово *incastellamento* – строительство укреплений, он описывает процесс, который между X и XII веками привел к изменени-

ям в местоположении семейных ячеек. Первоначально они были разбросаны по долинам, но в конце концов «приклеились» друг к другу (большей частью – под властным нажимом), образовав населенные пункты. Обычно такие скопления домов находились на возвышенности, выглядели как крепости, становились центрами новой территориальной структуры. Робер Фоссье объединил обе гипотезы, предложив концепцию «*encellulement*» – «оклеточивания». С его точки зрения, выявленный П. Тубером феномен представляет собой региональный вариант общего сдвига, который в те времена затронул и французские края. Наибольшую силу он приобрел между 990 и 1060 годом, совпав, таким образом, с эпохой всех тех изменений, которые поразили монаха Рауля. Он говорит о «рождении деревни». Жилища, которые до той поры были разбросаны, соединяются внутри пространства, иногда огороженного и часто получающего особый правовой статус. Эти жилища не раз придется перестраивать в соответствии с нуждами разрастающихся семей и требованиями производства. Но их уже невозможно будет перемещать с места на место, ибо они сооружены из более прочных, чем прежде, материалов. Однажды родившись таким образом, скопления жилищ сами станут ядрами ячейки – «земли». Эту округу, скрепляемую сетью дорог, постепенно упорядочит разумное размещение пахотных участков, пастбищ, виноградников и площадей, предназначенных для общего пользования. Такое «отвердение» произойдет вокруг какой-либо точки притяжения. Иногда ее роль играет большое укрепленное поместье, замок, чаще всего – приходская церковь и ее atrium – предхрамие, то есть кладбище. С давних времен усопших собирали в одном месте. Они лежали рядом друг с другом, но поодаль от обитаемых мест. Кладбище переместилось в период между ранним Средневековьем и XII веком, приблизилось к церкви; в само церковное здание покойники не проникали, но они теснились у его стен. Можно задаться вопросом: не предшествовало ли их собирание рядом с церковью собиранию вокруг нее живых? Не являлся ли самым мощным ускорителем этого процесса приходской институт, создавший рамки для нового типа социальных отношений, распространяясь одновременно на мир дольний и мир горний, тесно связывая живых и мертвых в ожидании Воскресения?

История французских деревень вплоть до XIV века фактически больше всего изобилует белыми пятнами из-за отсутствия информации... С учетом всего этого я отнюдь не могу выразить убежденности в том, что поселения во Франции были непостоянными вплоть до фазы, которую Робер Фоссье называет «оклеточиванием». Верно, что крестьянские жилища еще представляли собой (по крайней мере, в некоторых областях) «бросовые дома». Однако сразу же после появления документов, дающих нам четкие сведения о владельцах земли (то есть начиная с VIII века, а в некоторых частях северной Галлии – даже с VII века), становится очевидным следующее: когда в этих документах говорится о «дворах», «огородах», «мансах», то в расчет принимаются не имеющиеся на этих участках «здания», действительно ненадежные, но ограда и замыкаемое ею пространство. Именно они придают участку особый статус, причем статус прочный, поскольку он не меняется, даже если участок остается на какое-то время незанятым. Добавлю, что огороженная земля используется интенсивно под сады и огороды, так как почва здесь более плодородна уже благодаря самому по себе присутствию людей, скота и птицы; доходность такой земли гораздо выше доходности пахотных площадей. Я верю в длительное существование «кочующего» земледелия, но я не верю в то, что оно сохранялось на огороженных участках. И не потому, что там находились постоянные строения (и другие огороженные участки, отведенные под виноградники, своего предназначения по необходимости не меняли), но потому, что в огороженном, стало быть, надежном пространстве собиралась основная и самая ценная доля средств пропитания. Я принимаю во внимание концепцию «оклеточивания», но убежден в том, что в различных французских провинциях этот процесс не шел с одинаковой скоростью и развивался не в одинаковых формах.

…Активность обладателей светских властных функций проявляется прежде всего в мерах, имеющих целью направить потоки аграрной экспансии на незанятые земли. Держатели королевских прерогатив в таких землях … обнаруживают (в одних местах – в конце XI в., в других – в XII или в XIII вв.), что леса, болота способны приносить большой доход, если их заселить, если там пустят корни новые подданные, которых можно было бы обложить налогами. Власть принимала меры для привлечения новоселов, обещая им послабления, которые отсутствовали в старых землях. Выдавая «грамоты на поселение», составляя планы слобод, включающие все обустраиваемые на их территории участки, власть создавала модель, которой продолжают следовать и поныне. Это модель новогородов, где дома стоят кучно или тянутся вдоль единственной улицы. Расселение на еще не освоенных землях начиная с XIII века приобрело скорее стихийный характер, но во времена своего наивысшего подъема оно создало деревни.

За пределами новых земель перед взором историка предстает власть сеньоров, которая также поощряет концентрацию населения. Сеньор действует исходя из военных соображений (и тогда он защищает деревню оградой) или ради поощрения торговли (и тогда открывает рынок, ярмарку, очень доходные для него места). Иногда возникает нечто новое. Но чаще всего благодаря налоговым послаблениям растет какой-либо старинный городок, а соседние населенные пункты хиреют, а то и вовсе умирают. Подобное движение ощутимо во всех областях Франции. Его ростки особенно четко просматриваются после 1000 года. Этот процесс усиливается к середине XI века; именно тогда на Юго-Западе начинают создаваться «*castelnaus*», «кастели» – укрепленные населенные пункты; название их несет оборонительный смысл. Что касается «бургов» (этот термин также имеет военную окраску), то главный двигатель роста здесь все же другой – еженедельный рынок. Такие городки появляются около 1060 года в Пуату, в Нормандии; число их множится век спустя, в условиях наивысшего подъема торговли. Сосредоточение населения в деревне обусловлено, таким образом, политическими факторами. Оно во все времена осуществлялось под наблюдением господ. Кладбища находились под защитой сеньора – Господа. Церковь же осталась в руках своего земного покровителя даже тогда, когда, в XI веке, в порыве к избавлению духовного от засилия мирского, алтарь, эта самая священная часть храма, был отделен от остальной его части (такое отделение предписал в 1049 г. церковный собор в Реймсе). Покровитель выбирал священника. Распоряжаясь церковными светильниками, хоругвями, всеми магическими эмблемами, отпуская грехи усопшим и обещая спасение души живущим, совершенно очевидно, этот человек имел большую власть над сельскими жителями. В значительной степени именно с помощью кюре сеньор удерживал в своих руках сообщество бедняков. Что касается городков «бургов», то они часто являлись лишь придатками замков. Однако в подавляющем числе случаев деревня вырастала на расстоянии от усадьбы сеньора. Когда в конце XII века началось строительство «укрепленных домов», они обосновались на рубежах деревенских земель. Такое разделение как бы на два противостоящих друг другу лагеря не могло не сказаться на игре властных сил.

Нельзя рассматривать феномены концентрации населения в отрыве от того мощного потока, который мало-помалу размывал замкнутость крестьянских хозяйств. В «бургах», выраставших у ворот замков и монастырей, на господ трудились ремесленники, кузнецы, шорники; вскоре они стали выполнять заказы сельских хозяев, в руки которых начинают попадать деньги. А деньги появляются потому, что расширяются торговые обмены. Для сельских хозяев стало привычным производство на продажу, некоторые в торговле преуспевают более других. С конца XI века внутри крестьянства возникает дистанция между богатыми и бедными, в течение XII века она быстро растет, порождая тенденцию к расщеплению сельского сообщества. И напротив, сельское сообщество укреплялось благодаря более плотному расселению и соответствующей организации

обрабатываемых площадей. В провинциях, где сила деревенского сцепления оказывалась наибольшей (например, в Лотарингии, в Бургундии, где запрещалось строительство вне зоны, отведенной для домов и садов), устанавливался и постепенно укоренялся обязательный порядок, который побуждал к совместному использованию земли-кормилицы. Наконец, повсюду укреплялись узы солидарности вокруг церкви и против власти сеньора.

Внутри приходской общины умерших погребали в одном и том же месте, младенцев крестили в одной и той же купели, в определенные дни вокруг священника собирались все мужчины (может быть, женщины все еще оставались у входа в церковь, так как считались порочными), для всех сиял свет в святилище и все совершали в определенные дни крестный ход, чтобы небеса даровали дождь. Несомненно, внутри приходского пространства существовали анклавы; в знатных семействах все, относящееся к сакральной сфере, было расположено в частной молельне патрона, в его часовне, где служил домовый священник. В этом тоже проявлялось стремление властвующих держаться поодаль от простолюдинов. Но именно простолюдины, исполняя христианские обряды, сильнее чувствовали то, что объединяет род человеческий, и это смягчало различия между крепостными и другими людьми, между теми, кто владел быками, и теми, у кого быков не было. В церкви, являвшейся единственным прочным сооружением, сберегали во время опасности запасы продовольствия. В начале XII века, когда в Нормандии бушевала гражданская война, колокольни были забиты сундуками, мешками, кувшинами. После 1000 года обнаружились также ростки будущих братств, продолжавших наистарейшие обычаи. Церковная власть была этим встревожена; состоявшийся в 1034 году в Лизьё собор запретил *religiones* – «отправления культа», мужские пиршества, – все то, где мог бродить дух мятежа. Налицо недоверие, осуждение. Им противостоит, однако, упорное сопротивление; но в конце концов эти братства были признаны, а позже, в XII веке, на них возлагаются обязанности по уходу за местами отправления культа и по раздаче вспомоществований.

Такие формы приходской солидарности помогали крестьянству лучше защищаться – сопротивляться владельцу права на взимание десятины, для которого церковь была, наряду с мельницами и печами, источником самых доходных рент. Сопротивляться владельцу самого крупного хозяйства в округе, который претендует на то, чтобы перекроить календарь сельскохозяйственных работ себе на пользу, получить в нужный момент всю непостоянно занятую рабочую силу. Сопротивляться владельцу проточных вод, пастбищ, залежных земель, лесных угодий, который хочет строго контролировать пользование всеми этими богатствами, в одном случае устанавливая запреты, в другом – претендуя на право первому выводить своих свиней в места сбора желудей, преследуя охотников, взимая поборы за все. Сопротивляться владельцу крепости-убежища и помещений, где они хранят зерно; господин берет под свою защиту приход, но заставляет дорого за это платить, выискивает проступки, а когда нужно, их провоцирует ради того, чтобы наказывать, забирать имущество, вымогать штрафы. Наконец, сопротивляться еще более опасным людям – хозяйским подручным, посредникам. Это люди одновременно и свои, деревенские, и чужие; их подбирают из числа самых надежных крестьян, то есть тех, кто более всего зависим, – из потомков рабов. Они возвышались благодаря тому, что господа передоверяли им права на принуждение, права весьма доходные. Все эти приказчики – прево, все эти лесничие, все эти кюре (которые были женаты и передавали свое место от отца к сыну) обогащались. Они образовывали нечто вроде народной аристократии. «Должность», которую они отправляли была тогда самой сильной пружиной для социального восхождения, единственным способом преодолеть преграду, возведенную в XI веке для того, чтобы удерживать народ, перераспределяя власть. Но примерно к 1100 году становится заметной тревога правителей; возникает вопрос: как удержать под контролем самих этих помощников? Они ведут себя вызывающе, дружат с воинами, мало чем от них отличаясь, подобно им красуются в седлах с оружием в руках.

Не желая сдаваться, соседи по приходу старались улаживать споры в своем кругу, избегая обращений с жалобами к господину-мироохранителю. Они договаривались о том, как распределить между домами все, что нужно было платить каждый год за поддержание мира. Грубые формы сеньориальной налоговой системы побуждали крестьян теснее сплачиваться. Они вместе защищали «добрые» обычаи. Господин же нарушал их как мог. Крестьяне периодически напоминали о своих обязанностях и своих правах, перечисляя их перед лицом прево, забывая о первых и настаивая на вторых. Они поступали точно так же, как во времена предков, когда их доверенным поручалось говорить о том, что тогда было справедливым. Именно в этом прошлом подданные черпали свою силу. Они хранили память об обычаях, и обычай оказывался сильнее господ, какими бы могущественными они ни были. Господь различал, конечно, в этой системе тех, чьим уделом было повиновение, и тех, кто мог повелевать. Но власть вождей наталкивается на обычаи, то есть на власть сообщества подданных, единственно правомочных толковать эти обычаи. Осуществление властных полномочий предполагало постоянный диалог. Приход создавал своеобразные рамки для такого диалога и, следовательно, для эксплуатации – ограниченной, всегда неопределенной по характеру – всех тех, кого называли «селянами» или же «деревенщиной» и кто был обречен оставаться объектом эксплуатации в силу своей оседлости.

Слово «оклеточивание», как видим, весьма подходит для определения процесса. В самом деле, речь идет о клетках с более или менее твердыми ядрами, более или менее колючих; и «плебс» – «чернь»… участвовала внутри этих клеток в общественной жизни. В большинстве провинций такие клетки уже были достаточно прочными на пороге XI века, когда люди Церкви вознамерились превратить «бедных людей» в миротворцев, и именно тогда, в 1038 году, Эймон, архиепископ Буржский, решил установить общественный порядок, опиравшийся на коллективную клятву всех взрослых мужчин. Во главе с кюре, осененные хоругвями, крестьяне выступили против «плохих» господ. Приходская территория уже тогда стала основой для системы регулирования крестьянского общества...

В эту эпоху завершалось создание сети, следы которой сегодня отчетливо видны в административном делении страны. Каждую ее ячейку отделяли от всех других свои традиции. Поэтому одновременно с распространением письменности подданные и правители договаривались о том, чтобы с ее помощью зафиксировать положения обычного права и покончить, таким образом, как с забывчивостью при его толкованиях, так и с нововведениями властей, по крайней мере, выявить спорные моменты. Это уменьшение сферы неопределенности, произвола было воспринято как освобождение. Его утверждают слова, смысл которых не перестает волновать: льгота, освобождение от налогов; права, вольности; община, коммуна. Народное сообщество укреплялось по мере сельскохозяйственного подъема, реорганизации властных структур и обновления христианства в результате успешной пасторской деятельности… Возникла и распространилась привычка различать крестьян по приходам, в которых они постоянно проживают, а сеньория на своем нижнем уровне смешивалась с деревней...

Около 1170 года один нормандский поэт противопоставлял обитателей «бокажей» (окультуренных ландшафтов) и обитателей «равнин». Первые живут в замкнутых пространствах, отделенных друг от друга изгородями, их хозяйства разбросаны далеко одно от другого, узы солидарности там слабее; по большей части в тех краях почвы неплодородны, туда пришли поэтому последние волны колонизации. Вторые, люди равнин, занимают широкие и светлые пространства, застроенные большими деревнями. А романы, которые читали вслух в домах знати, повествовали о еще более глубоком контрасте между двумя мирами. В одном из них – ухоженные, приведенные в порядок земли. Этот порядок здесь поддерживают священники, воины и находящиеся в их услужении люди –

управляющие, сборщики налогов, крупные арендаторы, а также наполовину независимые от них предприниматели – мельники и кузнецы. Церковь, замковая башня, люди в услужении – три порядка – сословия. Действительно, вновь возникает идеология трех дополняющих друг друга функций, которую сформулировали епископы Камбрейский и Лаонский полтора века назад. В эту эпоху завершается обустройство сельской местности, имевшее целью крепче привязать к своим управителям вилланов…

Дюби, Ж. История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк. 987–1460 / Ж. Дюби; пер. с фр. Г.А. Абрамова, В.А. Павлова. – М.: Междунар. отношения, 2001. – С. 30–34.

12.1. М. БЛОК О СЕРВАЖЕ ВО ФРАНЦИИ

Серв – единственная категория людей, находящихся в личной зависимости, связанных с хозяином самим фактом своего рождения и, следовательно, помеченных родимым пятном рабства.

…Дело было в том, что определенного рода ущемления в правах, которые традиционно сопутствовали рабскому состоянию, были перенесены на «несвободных», по сути, совершенно новую социальную категорию, которая, однако, не ощущалась как новая. Ущемления были следующими: запрет вступать в монашеские ордена, отсутствие права свидетельствовать в суде против свободного человека (как привилегию такое право получали королевские сервы и сервы некоторых церквей), что безусловно характеризовало положение этих людей как униженных и презираемых. И, с другой стороны, для этих людей разрабатывались особые уложения, перечисляющие множество самых разных повинностей. Повинности, разнообразие которых зависело от специфики местных обычаев, имели вместе с тем и нечто общее, все они совпадали в главном, потому что у общества, в котором они сформировались, несмотря на бросающуюся в глаза дробность, был единый фундамент. Главным побором был поголовный. Затем большой выкуп за возможность заключить брак с представителем другого сословия, так как в принципе этим людям было запрещено вступать в брак со свободными и сервами, принадлежащими другому сеньору. И наконец, нечто вроде налога на наследство. В Пикардии и Фламандии побор на наследство носил регулярный характер: при каждых похоронах сеньор брал или небольшую сумму денег, или, что бывало гораздо чаще, забирал лучшее из движимого имущества, например, лучшую корову. В других местах сеньоры считались с тем, что собственность была общесемейной: если у покойного были сыновья (иногда братья), которые жили вместе с ним «вокруг одного очага», то сеньор не получал ничего. Если же подобного не было, то все имущество отходило сеньору.

По существу дела, какими бы тяжелыми ни были эти поборы и ущемления, по самой своей сути они противоречили состоянию раба, потому что предполагали наличие в руках должника настоящего наследственного владения. В качестве держателя серв имел равные со всеми остальными обязанности и права: владение его было надежно обеспечено, обязанности определены и он был вправе распоряжаться своими доходами. Положение его не похоже и на положение колона, который был прикреплен к своему участку земли. Хотя, безусловно, сеньоры старались удержать своих крестьян. Что значила земля без человека? Но помешать перемещениям в те времена было трудно: с одной стороны, из-за дробности власти все принудительные меры становились неэффективными, с другой, было много незаселенных земель, поэтому угроза лишить беглого надела никого не пугала – беглец был уверен, что непременно найдет себе новое пристанище. Сеньоры боролись с побегами как таковыми, кто именно будет бежать, их не интересовало. Вот два сеньора договариваются не принимать друг от друга

беглых, ни слова не сказано о том, будут ли свободными или сервами те, чьему передвижению они хотят таким образом помешать.

…Удел сервов безусловно был очень тяжелым. За бесстрастными строками документов встает порой жестокая и трагическая действительность. Генеалогия семьи серва, восстановленная в Анжу в XI веке, в силу необходимостей судебного процесса завершается словами: «Нив был зарезан Виалом, своим господином». Часто вопреки обычаю, господин настаивал на самовластном произволе: «он мой от подошв до макушки», так говорил об одном из своих сервов аббат из Везеле. Но многие из «принадлежащих душой и телом» всяческими уловками, а то и бегством стремились избавиться от своего ярма. Думается, что не все лживо в описании сервов своего аббатства монахом из Арраса: они-де всячески открещиваются от своей зависимости в мирные времена, но кричат о ней, как только возникает реальная опасность, и они нуждаются в защите. Покровительство и притеснение – между этими двумя полюсами колеблется любое племя зависимых. И они же являются краеугольными камнями того порядка, который порождает рабство.

…Однако вернемся к терминологии: «виллан» означает обитатель сеньории, которая по-латински именовалась виллой; «хозяин», «житель», … – во всех этих наименованиях содержится идея обитания и их относили ко всем держателям без исключения, в том числе и к сервам. И точно так же именовались и «свободные» держатели, потому что они и были в подлинном смысле жителями. А если свободный продавал, отдавал или оставлял землю, чтобы отправиться куда-то? Попрощавшись с землей, он прощался и с господином, с которым отныне его ничего не связывало. Именно поэтому виллан, хозяин, житель – правда, после некоторого периода раздумий и неуверенности – считался все-таки свободным и в конечном счете был избавлен от ограничений в отношении брака и налога на наследство, которые для «слуг плотью и кровью» служили дополнительным подтверждением той суровой зависимости, в которой находился как «хозяин», так и его семья.

В идеальном феодальном обществе вся земля должна была бы представлять собой феоды или держания вилланов, а значит, каждый человек должен был бы быть или вассалом или рабом. Но факты еще и еще раз нам напоминают, что общество вовсе не геометрическая фигура.

Блок, М. Феодальное общество / М. Блок. – М., 2003. – С. 254–260.

13. Ж. ЛЕ ГОФФ. ВРЕМЯ ЧИСТИЛИЩА (III–XIII вв.)

Время и пространство Чистилища организуются между III в. и концом XII в. Создание Чистилища является результатом достаточно рано возникшей уверенности христиан в возможности на определенных условиях искупить ряд грехов сразу после смерти. Эта уверенность засвидетельствована в литургических текстах и надгробных надписях, хотя надписи эти часто бывают истолкованы достаточно тенденциозно. Убежденность в загробном искуплении выразилась также в практических поступках: молитвах за умерших и целом ряде действий, совершаемых ради спасения души покойных; поступки эти вскоре стали называться заступничеством (suffrages). Теологам пришлось задним числом искать в Писании обоснование для Чистилища.

…Блаженный Августин и Григорий Великий, эти подлинные творцы Чистилища, разработали теоретические основы для создания нового отсека в потустороннем мире. Августин первым обосновал его необходимость с теологической точки зрения; затронул он также и вопрос о времени в этом отсеке – предмете настоящего исследования. Базируясь на видениях и явлениях, папа Григорий подвел теоретический фунда-

мент под воображаемое строение Чистилища, этого своеобразного потустороннего «запасника», где происходит очищение от грехов, которые можно искупить после смерти; но папа помещает Чистилище на земле, а не в специальном отсеке загробного мира. Однако, создавая воображаемый образ Чистилища, теологи не пошли дальше идеи об огне, расположенном не слишком понятным образом во времени и пространстве; основы визуального ряда Чистилища заложены главным образом трудами Беды и кельтской традицией видений загробного мира.

Во второй половине XII в. процесс отведения определенного места и времени, необходимых для очищения, ускоряется… В XIII в. Чистилище завоевывает прочное место в христианстве: догмат о Чистилище утверждается в письме папы Иннокентия IV легату Эду де Шатору (1254) и в постановлениях II Лионского собора (1274) в рамках объединения латинской и греческой Церквей…. В жизнь верующих масс Чистилище входит через проповеди и назидательные рассказы, exempla. В процессе формирования Чистилища было определено и время пребывания в Чистилище. ... Определение времени Чистилища было связано с изменениями, которые претерпело христианское время в эпоху великих перемен, происходивших на Западе примерно между 1150 и 1250 гг.

I. Средневековое христианство перед проблемой определения сроков пребывания в Чистилище

Как только христианские идеологи посчитали дозволенным незначительные грехи (те, которые прежде считались легкими или мелкими, а в XII в. были определены как простительные) и грехи, не искупленные по причине скоропостижной кончины грешника (те, о которых он сокрушался и даже, более того, исповедался в них, однако искупить их, то есть совершить покаяние, не успел), искупать посредством очищения после смерти, сразу возник целый ряд возможностей определять время этого очищения.

…Латинское христианство приняло четвертый вариант: продолжительность пребывания в Чистилище для каждого обитателя этого промежуточного отсека загробного мира зависела от тяжести проступков, которые надо было искупить, а также от усердия живых, готовых своими молитвами сократить срок осужденного на пребывание в Чистилище. Таким образом, время очищения, подобно времени земной жизни, приобрело двойное измерение. На коллективном уровне это было время, продолжающееся до конца света, на уровне индивидуальном – время от момента смерти и до окончания очищения, подобно тому как земное время было временем от рождения и до физической смерти. Время Чистилища – это время изменчивое, фрагментарное, разделенное на неравные по протяженности отрезки. Вычисление времени пребывания в Чистилище предполагало определенное состояние общества и культуры; результаты вычисления этого времени и практическое его использование имели важные последствия как для общества, так и для культуры.

II. Время Чистилища и основные проблемы времени в христианском мире

Окончательное оформление идеи Чистилища происходит в период примерно с 1170 по 1220 г. и является результатом глубоких изменений, произошедших в умонастроениях обитателей христианского мира. К самым важным изменениям следует отнести не поддающуюся документальному подтверждению, но выявляемую по наличию определенного числа конвергентных признаков пробудившуюся и постоянно растущую тягу христиан к земным благам, перемещение средоточия их интересов с неба на землю (возрастающее стремление к материальному благополучию, увеличение доли, приходящейся на движимое имущество и предметы потребления и роскоши, рост личных состояний, возникновение светской литературы, возрождение литературы античной, … развитие независимого эстетического чувства, появление идеи «беззаботности», возникновение понятия собственности и реализация его на практике, постепенное вытеснение оппозиции «сильный мира сего» – «виллан» оппозицией богатый-бедный, боль-

шой-малый, преобладание скупости над гордыней и т.д., резкое возрастание значения «феодально-городских» ценностей). Милленаристские настроения не исчезли, … но тем не менее большая часть людей во всех слоях общества начинает искать счастья прежде всего здесь, на земле, происходит отказ от абсолютного противопоставления земных радостей и вечной жизни, возрастает ценность всего мирского – словом, происходит отступление от принципа «презрения к миру», все эти тенденции сочетаются с ощущением отсрочки неотвратимо грядущего Страшного суда. К необходимости обустройства жизни на земле, выразившейся в XIII в. в активном создании новых общественных институтов, разительно отличавшихся от институтов каролингской эпохи (теперь на земле строился град людей, а не град Божий), добавилось сознание важности того отрезка времени, который должен отделять людей от Страшного суда. Нельзя более пренебрегать временным промежутком от смерти индивида и до его воскресения. По человеческим меркам время пребывания в Чистилище имеет все шансы быть долгим. …На смену бинарной системе вечных пристанищ, состоящей из неба и ада, приходит Небо, Ад, Чистилище; Чистилище стало третьей частью загробного мира, местом пребывания временного, не вечного. ... Подобно земным судьям, исповедники стараются соразмерить длительность мучений с тяжестью преступлений и проступков, правильно и справедливо распределять время, потребное для очищения… Локализация Чистилища в пространстве загробного мира и определение времени пребывания в нем возымели свои последствия, поставив перед средневековым христианством ряд проблем.

1. Время земное и время эсхатологическое

Возникла необходимость совместить эсхатологическое время, существующее по эту сторону великого события – Страшного суда, ожидающего всех в конце мира, и время Чистилища, которое, подобно земному времени, «исторично» и приравнивается к определенному фрагменту, продолжительность которого изменяется в зависимости от поступков, совершенных при жизни усопшим, и от количества заупокойных служб и молитв, совершенных ради спасения его души. Изначально христианство связывало историческое время жизни и первую смерть с вечностью, вечной жизнью или вечной смертью, не принимая во внимание существующего между ними временного промежутка. Теперь возникла необходимость совместить линейное время грешника, расположенное по обе стороны границы, проводимой смертью, с конкретным сроком пребывания в Чистилище и со вступлением в вечную жизнь. В своем Чистилище Данте описывает, как гора, по которой поднимаются Вергилий, Данте и Стаций, сотрясается от гула, когда свершается «событие» – душа индивида преодолевает стену греха и вступает в блаженную вечность.

3. Время по обе стороны смерти

С одной стороны, нахождение в Чистилище способствует стиранию границ между земной жизнью и пребыванием в загробном мире, являющимся своего рода продолжением земной жизни; с другой стороны, перспектива попасть в Чистилище оказывает существенное влияние на линейное, «историческое» время, предшествующее смерти и непосредственно за ней следующее. И хотя подготовка грешника к отправке на Небо, в Ад или в Чистилище осуществляется на протяжении всей его жизни, решение принимается в основном в момент смерти, ибо отправка в Чистилище сопряжена с началом покаяния, с исповедью или, как минимум, с искренним сокрушением, поэтому вопрос о поведении грешника в момент смерти обретает особую остроту. Многочисленные exempla о Чистилище подтверждают важность поведения христиан на смертном одре. В частности, Цезарий Гейстербахский рассказывает о дурных христианах, чьи жизнь и смерть, похоже, делают их добычей ада; однако, ко всеобщему удивлению, покойники эти, явившись после смерти на землю, заявляют, что пребывают они в Чистилище. Автор объясняет это так: покойный в последний момент – хотя бы про себя –

раскаялся. Оказавшись по ту сторону смерти, усопший через несколько дней, недель или – самое большее – месяцев после кончины получает от Господа разрешение ненадолго покинуть Чистилище, чтобы явиться к своим близким и попросить у них помощи. В период пребывания грешника в Чистилище заступничество является крайне необходимым и действенным. ... Наличие Чистилища обогащает, усложняет, драматизирует обряды, сопровождающие переход от жизни к смерти.

4. Соотношение времени земного и времени потустороннего

Для практики заступничества (suffrages) весьма существенно, что срок мучений в Чистилище может быть сокращен и время пребывания в Чистилище у каждой души свое. Это главное свойство времени Чистилища является, например, темой обращения Фомы Аквинского, произнесенного на Рождество 1269 г.: «и хотя равною мукою мучаются в Чистилище, один может быть освобожден раньше, чем другой». В самой формулировке уже содержится суть вопроса: как долго продолжается пребывание в Чистилище? Могут ли при равных муках сроки мучений быть различными? ... Для определения времени Чистилища необходимо соотнести земное время и время пребывания в потустороннем мире, время жизни и время Чистилища. Сначала соотнесенность устанавливается на уровне психологического восприятия. Мучающимся кажется, что они находятся в Чистилище очень долго, но, явившись к живым, они узнают, что пробыли там совсем немного. Таким образом, происходит изменение хода фольклорного времени путешествий в загробный мир: прежде визионерам казалось, что они пробыли в райских краях всего несколько дней, но по возвращении на землю они тотчас рассыпались в прах, ибо пребывание их в загробном мире намного превосходило срок земной жизни. Некоторые даже предлагали измерять время пребывания в Чистилище … приравняв один день пребывания в Чистилище к году земной жизни. Начинаются лихорадочные подсчеты возможных сроков пребывания в Чистилище. Делаются попытки установить соотношение между количеством грехов, которые предстоит искупить, и временем, которое предстоит пробыть в Чистилище. А так как продолжительность нахождения в Чистилище зависит также от заступничества живых, начинают выяснять соотношение между количеством и временем заступнических действий и степенью и продолжительностью мучений в Чистилище. Exempla, «примеры», рассказывают, как, временно явившись на землю из Чистилища, осужденный на муки наглядно демонстрирует успехи своего пропорционального освобождения: после того, как некоторое время «заступники» молились за него и заказывали мессы, одна треть или даже половина тела у осужденного побелела; теперь, в зависимости от достигнутого результата, «заступникам» надо молиться за него столько же или в два раза больше. … В конце Средних веков стало возможным приобретать индульгенции для искупления грехов умерших. Столь неординарную возможность папа Бонифаций VIII предоставил во время святого, юбилейного 1300 года; отныне бухгалтерские подсчеты, в которые роковым образом втягиваются ревностные христиане позднего Средневековья, начинают включать в себя арифметику индульгенций и бухгалтерию времени Чистилища.

III. Контроль над временем Чистилища: Церковь, корпорация, индивид

Установление контроля над временем и его измерением становится одной из основных причин социальных и идеологических конфликтов внутри общества. Время Чистилища также становится объектом борьбы за власть над временем. В XIII в. победителями из этой борьбы выходят: Церковь, новые корпоративные объединения, индивид.

1. Церковь и время Чистилища

XIII век является для Церкви веком испытаний: нападки еретиков, относительная автономизация светской власти, все возрастающее неприятие большинством населения доктрины contemptus mundi, «презрения к миру», подрывают фактический контроль Церкви над обществом. Это же можно сказать и о контроле над временем. Пове-

лительница календаря и литургического времени, Церковь вынуждена смириться с появлением времени, не имеющего отношения к религиозной жизни, со временем, связанным с деловой активностью, с трудом городских корпораций ремесленников, со временем купцов и временем башенных часов. А когда в XIV в. появится время, делимое на равные части и измеряемое с помощью инструментов – механических часов, Церковь уже не сможет его контролировать. Однако еще не было отмечено, что частичная утрата контроля над временем земным в какой-то мере была компенсирована обретением власти над временем людей в загробном мире, временем Чистилища. Церковь стала распоряжаться этим временем, так как была организатором системы Чистилища, а также сосредоточила в своих руках основную составную часть этой системы, а именно процедуры заступничества, необходимые для сокращения времени пребывания в Чистилище. Основными заступническими деяниями, способными сократить время пребывания грешника в Чистилище, являются – в порядке возрастания их ценности – молитвы, пожертвования и мессы. Молитвы служителей церкви более эффективны, нежели молитвы частных лиц, особенно мирян; пожертвования также контролируются Церковью. Мессы полностью являются делом церковников. Для живых, желающих обеспечить себе заступничество, способное вырвать их после смерти из Чистилища, основным средством является письменное обещание оставить в дар Церкви часть имущества, указанного в завещании. В ведении Церкви также находятся ведомости усопших с указанием заупокойных обеден; в XIII в. структура этих ведомостей меняется в связи с необходимостью отразить веру в новый отсек загробного мира – Чистилище. Не имея возможности полностью взять под свой контроль составление завещаний, Церковь тем не менее является исполнительницей всех распоряжений, сделанных завещателем с целью сократить себе срок пребывания в Чистилище. Монахи из вновь образованных нищенствующих орденов, прекрасно разобравшиеся в новых формах набожности и создавшие собственные инструменты воздействия на паству, приобрели репутацию умельцев, ловко вдохновлявших людей на включение в завещания пунктов, выгодных Церкви. Впрочем, включение в завещание распоряжений, связанных с пребыванием в Чистилище, станет входить в обиход постепенно, в зависимости от конкретного региона, и повсеместное распространение получит только с XIV в. Церковь усердно стремится утвердить и теоретически обосновать свою власть над временем Чистилища. В конце XII – начале XIII в. … к усилиям теологов присоединяются специалисты по каноническому праву. Согласно традиционному каноническому праву, христианин до смерти подлежал суду церковному, а после смерти он уже зависел исключительно от Божьего суда. В первой половине XIII в. каноники-правоведы вместе с теологами постановили, что души Чистилища подлежат общему суду Господа и Церкви. И наконец, заявляет святой Бонавентура, папа вынужден признать за индивидом право принимать решение относительно использования индульгенций для освобождения душ из Чистилища. До XV в. этим небывалым правом при исключительных обстоятельствах воспользуется один только Бонифаций VIII.

2. Родственные узы и корпоративные связи: коллективная память и время Чистилища

Если в конечном счете подлинное обоснование Чистилища содержится в учении святых мужей и в соответствии с ним любой христианин теоретически может помочь покойному быстрее покинуть Чистилище, тогда заступничество, действительно, является и должно являться главным образом делом близких покойного. Вопрос о заступничестве, таким образом, решается на уровне двух базовых структур средневекового общества: системы родственных уз и системы корпоративных связей. К заступничеству имеют касательство главным образом кровные родственники и супруги. Особенно следует подчеркнуть роль вдов. В одном из видений начала XII в., когда обитатели Чисти-

лища только начинали посещать землю, отец Гвиберта Ножанского явился своей вдове. Как утверждает Цезарий Гейстербахский, вдова льежского ростовщика сократила необычайно долгое пребывание в Чистилище своего покойного мужа, великого грешника, приняв за него продолжительное по времени покаяние: она четырнадцать лет прожила в уединении. Великими специалистами по заступничеству являлись религиозные общины, с которыми покойные нередко были связаны либо сословной принадлежностью, либо через родственников, состоявших в кровном и/или духовном родстве с кем-либо из ее членов. Среди exempla о Чистилище имеются рассказы, иллюстрирующие эту посмертную солидарность, которой, совершенно очевидно, придавалось большое значение; религиозные ордена, особенно те, члены которых приняли активное участие в процессе создания или распространения нового верования, оказывали широкую поддержку «своим» усопшим. По воле Данте, подробно описавшего различные типы поведения в Чистилище, обитатели горы взывали то к кому-либо из родственников, то к своим семьям, то к жителям своего города. Корпоративная власть над временем Чистилища не является простым продолжением той роли, которую исполняли религиозные сообщества, молясь за усопших; с XI в. власть над временем Чистилища стала служить средством возвышения Клюнийского аббатства…

3. Время Чистилища и индивид

Время пребывания в Чистилище, которое Господь определяет каждому в момент его смерти, несомненно, является индивидуальным временем. Оно индивидуально, потому что, подобно земной жизни, оно для каждого свое. Оно индивидуально еще и потому, что во многом зависит от поступков индивида. Если после смерти срок пребывания в Чистилище зависит от заступничества, то до наступления смерти на продолжительность его влияют как заслуги, так и проступки, как добродетели, так и пороки, как раскаяние, так и рецидивы проступков, как хождение на исповедь, так и небрежение этой процедурой, а также покаяние, которое успел или, наоборот, не успел совершить будущий покойник. Таким образом, если в период раннего Средневековья человека определяли главным образом по его положению, полу, возрасту, роду занятий и сословию, то с наступлением новой эпохи он начинает осознаваться не только представителем определенной группы (социальной, возрастной, профессиональной и т.д.), но и как индивид, с присущими ему индивидуальными чертами. … Время пребывания в Чистилище – это время, скроенное по индивидуальной мерке, продолжительность его зависит от соединенных усилий личности, индивида и сообщества, к которому он принадлежит. При определении времени пребывания в Чистилище упор делается на индивидуальную ответственность в момент смерти и на коллективную ответственность после смерти… Средние века считаются эпохой коллектива, но коллективная ответственность за души Чистилища не прекращается, а напротив – по крайне мере в католической части христианского мира, – продолжает жить даже с наступлением времени, которое принято называть Новым...

Ле Гофф, Ж. Средневековый мир воображаемого / Ж. Ле Гофф. – М., 2001. – С. 115–129.

14. А.Я. ГУРЕВИЧ О НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ И НАРОДНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Соотношение народной («фольклорной») и официальной («ученой») традиций в средневековой культуре – предмет пристального внимания современной медиевистики. Это соотношение освещается главным образом под углом зрения их взаимного противодействия, борьбы, попыток церкви подчинить себе иную культуру и навязать ей

собственную систему ценностей. Такая постановка вопроса вполне оправдана. Но взаимные отношения между культурой народной и культурой ученой не исчерпывались конфликтом и противоборством. Все было куда сложнее. Ограничивая фольклорные традиции, стараясь «приручить» их, церковь вместе с тем испытывала их постоянное и ощутимое воздействие. Воздействие на нее идей, представлений и практик нехристианского происхождения было неизбежным. Именно потому, что церковь держала под своим контролем духовную, религиозную, нравственную жизнь верующих и определяла их поведение, духовенство должно было принимать в расчет их культуру, искать и находить некоторое общее с ними поле понимания и воспринимать идущие от них импульсы. Нельзя забывать о том, что тот самый народ, многие стороны мировосприятия которого оставались чуждыми церкви и вызывали ее осуждение и гонения, поставлял церкви ее кадры. Образование и выполняемые функции отделяли духовных лиц от мирян, но стереотипы и привычки сознания, усвоенные ими до посвящения в сан, в известной степени оставались теми же самыми. В период развитого Средневековья духовные поводыри не могли и не хотели полностью обособиться от ведомых.

Нередко церковь вольно или невольно шла за паствой. (Положение изменится к концу эпохи, когда их противостояние резко обострилось.) В частности, культ святых, отвлекаясь от которого едва ли возможно что-либо понять в средневековом христианстве, в значительной мере был навязан церкви народом, не удовлетворявшимся идеей далекого и непонятного Бога и нуждавшимся в близких к нему сверхъестественных помощниках и заступниках. Если духовные пастыри видели в святых воплощение христианских добродетелей, то масса верующих воспринимала их преимущественно в роли чудодеев. Не случайно папская курия прилагала усилия к ограничению числа святых, усугубляя требования, предъявляемые к «подлинной» святости на процессах их канонизации; в результате существовали два разряда святых – апробированных курией официальных святых католической церкви, число коих было ограничено, и святых, поклонение которым было распространено в народе, но которые не были канонизованы.

Изменения в понимании структуры загробного мира в свою очередь, видимо, были вызваны потребностями прихожан, которые, не рассчитывая на прямое достижение царства небесного, нуждались в том, чтобы наряду с раем и адом на «карте» того света существовало новое место, где души грешников, не окончательно погибшие под бременем смертных грехов, подвергались бы очищению. Не так ли сложилась идея чистилища, получившая официальное право на существование в XII–XIII вв.? Если это предположение справедливо, то степень воздействия народных верований на теологию предстает перед нами в новом свете; коренные догматические идеи средневекового католицизма вырабатывались не только вдали от масс верующих, но отчасти и под напором их запросов и чаяний, которых не могли не учитывать ученые богословы, придавшие законченную форму идее чистилища, в смутном виде давно витавшей в общественном сознании.

<…> И тем не менее магия, так сказать, выгоняемая церковью в дверь, возвращалась в ее собственную практику через окно. Магическим было сознание не одних лишь темных и необразованных масс, – по сути дела, таким же было сознание и духовенства, сколько бы эту магию ни «очищали» от клейма «язычества». Многие стороны деятельности самой церкви были пронизаны магией, и решающим критерием различения между безоговорочно осуждаемой магией народа и сакральными процедурами духовенства было то, кто их осуществлял: простолюдины и простолюдинки, деревенские колдуньи и знахари или уполномоченный на то церковью священнослужитель.

<…> Необходимо вновь напомнить и другое обстоятельство, не раз отмеченное выше: запечатленная в формулах религиозно-магическая практика получила распространение в церковном приходе; во многих формулах особо подчеркнуто, что то или

иное заклятие, например осуждение зверей или насекомых-вредителей, действенно в границах данного прихода. Главными ее агентами были приходские священники, самым тесным и непосредственным образом связанные с местной жизнью и рядовыми верующими. Низшее духовенство, плоть от плоти своей паствы, разделяло ее интересы и умственный кругозор и не желало вступать с ней в конфликт. Именно здесь, в приходе, преимущественно деревенском, была плодородная почва для ритуалов, магических формул и заклятий, которые на протяжении всего Средневековья вызывали недоумение, сожаление и осуждение мыслящих церковных деятелей и авторов, – они не могли не видеть, во что вырождается первоначальное «послание Христа». Но это значит, что наряду с официальным, книжным христианством – христианством теологов, схоластов, высших иерархов церкви, которые блюли целостность учения и строго следили за всеми нарушениями догмы, – в средневековой католической Европе существовало еще и «другое христианство» – повседневный, «бытовой», «приходский» католицизм, вера и религиозная практика масс населения. Эти верующие не просто слабо знали (или вовсе не знали?) доктрину и не были предрасположены всем своим образом жизни и интеллектуальным уровнем к тому, чтобы воспринять ее в первозданной чистоте, – они обладали собственной картиной мира, во многом отличной от той, которую предлагала догма, своей «альтернативной» системой мировидения и соответствующим ей способом религиозно-магического поведения.

Эта «альтернативная» система мировидения известна нам лишь отрывочно, в тех фрагментах, которые уцелели в официальной культуре либо упоминаются ее представителями – неизменно с осуждением и непониманием. Но несмотря на все осуждения, церковь на протяжении Средневековья оказалась не в состоянии разрушить эту иную культурную модель. Более того, несмотря на осуждения, церковь была вынуждена проявлять к ней определенную терпимость – в тех пределах, в каких эта иная религиозность не соприкасалась с ересью и не переходила в нее.

Беспощадная к ереси, которая ставит под сомнение самые основы католической веры, церковь не могла не сознавать, что благословения и заклятия, практикуемые ее служителями и во многом уходящие корнями в темные глубины архаической культуры, были одним из «каналов коммуникации» ее с народом, позволявших ей контролировать его духовную жизнь и социально-религиозное поведение. Не потому ли «суеверия» и «глупости», которые на протяжении всей эпохи подвергались критике со стороны части образованных религиозных деятелей, находивших их во все множившихся ритуалах, тем не менее не отменялись? Стремясь по возможности подчинить себе народные традиции и приспособить их к своим требованиям, церковь допускала их существование. Да она была и бессильна их запретить и тем более искоренить. Это относительное и противоречивое сосуществование было нарушено к концу Средних веков, к эпохе Реформации, когда народная культура стала объектом целенаправленных ограничений и нападок как со стороны протестантских церквей, так и со стороны обновленного католицизма.

Гуревич, А. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства / А. Гуревич // Избранные труды. Т.2. Средневековый мир. – М. – СПб.: Университетская книга, 1999. – С. 462–463, 482–483.

15. АРНАУТОВА Ю.Е. О ЧУДЕСНЫХ ИСЦЕЛЕНИЯХ СВЯТЫМИ И "НАРОДНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ" В СРЕДНИЕ ВЕКА

Культ святых – один из самых ярких, самых средневековых феноменов средневековой культуры и тема чудесных исцелений святыми и их реликвиями привлекает уже не первое поколение исследователей …

…Как известно, культ мощей святых и угодников, зародившийся на Востоке уже в раннее средневековье распространяется в Западной Европе и становится существенным компонентом религиозной жизни общества. В официальном образе святого, навязываемом агиографической топикой, воплотились христианские идеалы смирения, морального совершенства в подражание Христу, сосредоточения всех душевных сил на служении Богу и спасении души при полном отрешении от мира. И все же самой привлекательной чертой святых в глазах верующих была их способность творить чудеса. Общепризнанное в литературе мнение, что культ святых – покровителей и заступников, к которым всегда можно обратиться за помощью, вырос на почве всеобщей и неодолимой потребности в чуде, неоспоримо, осмелюсь лишь внести существенную, на мой взгляд, коррективу: этим чудом было чудо исцеления. Именно в амплуа целителя с самого начала (по меньшей мере со времен Григория Турского (VI в.)) образ святого обретает наибольшую притягательную силу, что и стало главной предпосылкой разрастания до невероятных размеров культа святых в эпоху его расцвета, в XII–XIII вв.

В официальном культе святых чудо отнюдь не считалось самодостаточным, а являлось лишь доказательством присутствия божественной благодати и святости чудотворца. Попав на почву средневековой народной культуры, чудо не то чтобы утрачивает свой знаковый характер, перестает быть знаком божественного присутствия, но обретает дополнительный, гораздо более приземленный и доступный обыденному сознанию смысл: столь необходимое чудесное вмешательство в земные дела, экстренная помощь в экстремальной ситуации. Постепенно именно эта функция чудес начинает доминировать, божественное все более низводится до уровня удовлетворения человеческих потребностей, и верующие, может быть, даже не всегда отдавая себе в этом отчет, стремятся к наиболее выгодному для себя контакту со святым, постоянно надеясь на помощь свыше.

…Исследование миракул – реестров чудес, свершающихся у могилы святого, показывает, что среди «пациентов» святых преобладали люди с симптомами, вызванными конверсионными процессами истерического характера: параличами конечностей, контрактурами, нарушениями кожной чувствительности, расстройствами речи, слуха и зрения, глубокими обмороками и припадками, болями в области сердца и т.п. … Автор миракул св. Вальбургии (IX в.) священник Вольфхард сообщает о необычном сне с медицинскими рекомендациями, который приснился некой женщине по имени Ингельсвинда. В течение двух лет боль в ноге, некогда сломанной, по-видимому, в результате падения с лошади, не давала ей покоя. И вот однажды ночью, когда изнуренная страданиями женщина в слезах заснула, ей явилась во сне св. Вальбургия и посоветовала найти врача, который «умеет резать», т.е. хирурга, поскольку он должен будет вырезать осколки кости из ее ноги, ставшие причиной беспокойства: «После этого ты милостью Христа обретешь здоровье». Последовавшая совету Ингельсвинда вскоре выздоровела и в благодарность за исцеление совершила паломничество к гробу святой, где и оставила как доказательство истинности чудесного происшествия осколок кости, извлеченный из больной ноги. Достоверность этого удивительного события остается на совести автора миракул, для нас же данный сюжет в любом случае интересен как замечательный пример того, до какой степени сознание средневекового человека могло быть ориентировано на чудо, на возможность заступничества высших сил.

…Именно «зеркальность», симметричность микро- и макрокосма в мифологической картине мира, "программирующей" обыденное поведение людей еще и в средние века, позволили «народной религиозности» сохранить «договорный» характер отношений с Богом и со святыми, характерный для древних религий и ощущавшийся еще даже в Библии, но давно утраченный христианством, трактующим Бога как безусловную и трансцендентную сущность. Как одну из форм такого «договора» можно рассматривать практику принесения святому обета, игравшую большую роль в культе святых. Обет

приносили обычно те, кто обращался к святому за помощью, приносили за себя, за детей, за тех, кто сам не мог говорить. Святому обещали принести дары на могилу, или поститься определенный срок, или, явившись к его могиле (иногда специально оговаривалось – босиком, в ветхом одеянии), рассказать всем о чуде. Одним из самых распространенных был обет паломничества.

Обе стороны тщательно следили за выполнением обета и нарушители строго наказывались. Вот характерный пример: некая женщина, годовалого племянника которой св. Анно чудесным образом вернул к жизни, пообещала святому в благодарность за чудо отправиться в паломничество к его могиле и там принародно поведать о случившемся. Однако, занятая повседневными заботами, она все откладывала выполнение обета на неопределенный срок, пока однажды ей не привиделся во сне почтенный старец в одежде клирика, грозившийся утопить ее в «мерзкой и зловонной трясине», если она не исполнит обещанного. Часто невыполнение обета было чревато тем, что все возвращалось в исходное состояние, и дочь забывчивых родителей, например, умерла еще раз, а некая женщина вновь ослепла. Как видим, в этих отношениях часто действуют прежние, варварские правовые нормы, и невиновный может пострадать за виновного, тогда как христианство предполагало индивидуальную ответственность за грех. В свою очередь, святому, не оправдавшему возлагавшихся на него надежд, отказывали в почитании, более того, существовали даже специальные ритуалы поношения святых.

«Договорный» характер отношений прихожан со своими святыми позволяет рассматривать практику призыва святого и принесения ему обета в целом как изоморфную обряду жертвоприношения. В соответствии с концепцией Х. Юбера и М. Мосса в архаическом обществе через жертву осуществляется коммуникация между сакральным и профанным мирами. Жертвоприношение, как и любой магический акт, направлено на моделирование желаемого результата, при этом в форме ценности-жертвы исполнителем обряда передается сообщение, ведущее к получению желаемого в виде обменного дара. Так разве не по той же схеме организуются отношения между средневековыми святыми и их поклонниками? Разве молитвы, почести, обеты и прочее, с одной стороны, и исцеление или иная экстренная помощь – с другой, не являются теми самыми дарами, которыми обмениваются адресант обряда (просящий) и его адресат (святой)?

Сами того не осознавая, средневековые христиане облекают свое общение с сакральным в привычные архетипические формы. «Не ходил ли ты молиться куда-либо кроме церкви или какого-нибудь другого предназначенного для религии места, помимо того, какое указали тебе твой епископ или священник, то есть к источникам, камням, деревьям, на перекресток дороги, и не зажигал ли ты свечу или факел для того, чтобы почитать это место, и не приносил ли туда хлеб или какую-нибудь жертву, и не ел ли ты их, и не молился ли там о выздоровлении и спасении души?» – всякий раз спрашивал исповедник у прихожан, и такой вопрос не был лишен оснований. В миракулах св. Анно, например, упоминаются случаи, когда святого призывали «под фруктовым деревом в саду», «под грушей». Когда в одной семье умер мальчик и присутствовавшие на похоронах собрались уже в церковь на заупокойную мессу, его отец-крестьянин направился в виноградник около дома и склонился в молитве под виноградной лозой. Он призвал св. Анно и дал ему обет, а когда вернулся домой – мальчик ожил и (дети есть дети!) стал задувать погребальные свечи, расставленные вокруг его ложа. Следует подчеркнуть, что ни святому, откликающемуся на просьбы, сделанные при подобных обстоятельствах, ни автору миракул – клирику, который не счел нужным отредактировать эти сюжеты, такое поведение не кажется противоречащим принципам христианского благочестия, хотя «покаянные книги» и убеждают нас в обратном. В обыденной жизни, как видим, существовали свои представления о благочестии, и сам факт, что подавляющая часть «пациентов» святых были людьми низкого звания (т.е. все те, кого

источники не называют domini или milites), еще раз свидетельствует о том, что на формирование повседневного облика культа святых и целительных обрядов у их могил существенное влияние оказала уходящая корнями в архаику народная обрядовая практика. Именно поэтому персонажи агиографических легенд и миракул часто действуют в местах, маркированных для сознания язычников: под деревьями, у источников, которые становятся объектами их чудес, в частности обретают целительную силу. Целебной считалась также вода, взятая из самых обычных источников в канун праздников Рождества, Иоанна Крестителя и Пасхи. К большим христианским праздникам приурочивали исполнение многих целительных обрядов, в том числе и не имеющих отношения к культу святых, что объясняется бессознательным стремлением верующих усилить их эффективность, а это связано с опять-таки маркированным – праздничным – уровнем мифологической картины мира.

Создается впечатление, что средневековые христиане признавали, что здоровье и выздоровление – дар Господа, который можно утратить, но при этом их поведение, направленное на обретение утраченного здоровья, которое официальная идеология ставила в обязательную зависимость от воли Творца, было отнюдь не религиозным (в современном понимании), т.е. рассчитанным на умилостивление божественных сил, вымаливание исцеления, а магическим, ориентированным на немедленный, «автоматический» эффект, ибо магия – способ непосредственного воздействия на мир путем символических действий, «особых» слов, предметов с «особыми» (символическими) функциями. Данное обстоятельство нисколько не влияет на эмоциональную силу народной веры и никак не противоречит религиозным убеждениям прихожан, так как магия, коммуникативная по своей природе, относится не столько к сфере сознания, сколько к сфере поведения, и все «особые» свойства ритуальных символов в практике исцеления святыми, равно как и действенность самих ритуалов, мотивируются их исполнителями с позиций христианской религии, тогда как их скрытый, глубинный смысл отражает архаические, первоначальные пласты массового сознания.

И все же мы совершили бы ошибку, если бы видели в практике поклонения святым лишь «христианизованную» народную магию. В каждом большом явлении жизни человеческого коллектива переплетаются и взаимодействуют различные причины, и было бы несправедливо оставить без должного внимания собственно религиозную сторону этого удивительного феномена. Разумеется, стихийно возникавшие культы и безудержный рост пантеона святых выражали скорее потребность людей иметь «своего» покровителя и заступника (и прежде всего в делах земных!), нежели истинную глубину их религиозных переживаний. Однако этот прагматический аспект отношений верующих к «своим» святым не стоит преувеличивать, поскольку «договор» между ними не исключал и «межличностных» отношений, в той мере, в какой это уместно говорить, когда речь идет о живых людях, с одной стороны, и чаще всего об образе, являющемся, по сути, плодом коллективного творчества, созданным по всем законам фольклорного сознания, – с другой.

Тот, кто захочет проникнуть в глубинную сущность этих «межличностных» отношений, «общения» и «обмена», будет вынужден согласиться с тем, что неизвестное в этой области значительно превышает то, что точно установлено. Следует признать, что в культе святых очень важен именно коллективный аспект. Святые и их поклонники образуют нерасторжимое сообщество, внутри которого существует нечто подобное «постоянно действующему гравитационному полю» (выражение К. Леви-Строса), где святым отводилась роль людей, за которыми общество признает исключительную силу, но в ответ на это признание и почитание требуют от них оправдания своих ожиданий, поэтому в «неофициальном», обыденном образе святого выделяются две главные черты: бесконечное милосердие и неистощимая способность, даже готов-

ность, творить чудеса. Чувства, которые испытывают к ним верующие, пользуясь языком психоаналитиков, с некоторой долей условности можно охарактеризовать как содержащие элементы трансфера. Это и горячая вера – вера в Бога, в чудо, в спасение, и любовь к святому, мистически окрашенная, и душевное тепло, доверительные ожидания и надежды, возлагаемые на него поклонниками, и прежде всего отчаявшимися и жаждущими помощи, словом, эдакая аффективная данность, существующая на архаическом, доязыковом и досимволическом уровне. Священные могилы привлекали к себе постоянное внимание, чудесные исцеления свершались обычно при большом скоплении народа. Присутствующие – больные и лица, их сопровождавшие, просто паломники и любопытные – были отнюдь не пассивными наблюдателями, а скорее деятельными участниками происходящего. Под их участливыми взорами и под одобрительные возгласы ищущие исцеления или иной помощи («спасения») свершали принятые в таких случаях процедуры, призывая святого. В тех сюжетах миракул, где действие происходит не у места погребения святого, как правило, подчеркивается, что в этом призыве участвуют родственники, соседи – словом, «все присутствующие». Исцеленные, будь то молодые или люди более старшего возраста, выражали свою радость весьма непосредственно: покрывали поцелуями гробницу, бегали и прыгали вокруг нее. Зрители не менее бурно реагировали на свершившееся чудо. Авиньонский синод в 1209 г. специальным предписанием запретил «легкомысленное» поведение, как-то: танцы, прыжки и пение песен у гробниц святых и в церквах в момент, когда объявлялось о новом чудесном деянии. Бурная реакция окружающих – не просто ликование по поводу нового чуда, проявление «типично средневековой» эмоциональности. Это еще и выражение солидарности группы со «своим» святым, коллективного согласия и подтверждения правильности происходящего – необходимый компонент этого «гравитационного поля», в котором осуществляются взаимоотношения больных с их целителями и которое, в первую очередь, обеспечивает «предрасположенность» больного к исцелению, вызывая у него особые эффективные переживания, во многих случаях приводящие к саморегуляции организма.

…В обществе, где жизнь человека подвержена стольким опасностям, а врачи были редки и практически недоступны для основной массы населения, да и уровень медицины (в современном смысле) был чрезвычайно низок, святой превращается в «прибежище бедных» не только в социальном плане, но и в том смысле, что все эти люди находятся в безвыходном положении, отчаялись и могут возлагать надежды только на чудесное вмешательство. … Крайняя нужда, жестокие условия выживания, а отнюдь не пресловутое «легковерие» вызвали к жизни эту неистребимую готовность средневекового человека верить всему, что обещало спасение. Внушение и самовнушение – основы психотерапии – наиболее древний в истории культуры способ смягчения человеческих страданий, обусловленный эффективным представлением об освобождении от них. Повторю еще раз: в соответствии со средневековыми представлениями такое освобождение – «спасение» – могло быть обеспечено вмешательством прославленного чудотворца или известного своим благочестием живого слуги Господа, который выступает как заступник перед Богом, ходатайствующий о восстановлении здоровья или какой-либо иной помощи. Наличие такого заступника и субъективная установка на возможность чуда сами по себе уже могут стать причиной исчезновения чувства страха, одиночества, беззащитности и безысходности – обычных причин психоневрозов, обусловленных социальным бытием, в то время как вера, ожидания и надежда на помощь свыше являются как бы «аффективными катализаторами», способствующими самовнушению и в конечном итоге улучшению самочувствия больного или даже исцелению. Нам, людям конца XX в., с нашей «научной» картиной мира, вряд ли доступно до конца осознать то, что именно вера, горячая и непосредственная, была фактором, решающим для исцеления, фактором, способным воздействовать на реальность. Сами

средневековые авторы, а вслед за ними и многие современные исследователи упрекали средневековых прихожан в невежестве относительно «азов» христианского учения, в суевериях и вообще в том, что они были плохими христианами. Действительно, многие из них не смогли бы прочесть «Pater noster», плохо понимали, из кого состоит Святая Троица и охотно прибегали к услугам знахарей (в глазах местного священника – «магов и гадателей»), но тем не менее средневековый человек не мог жить без веры в Бога, в его могущество и милосердие, хотя эта вера и была иной, нежели вера образованных клириков или вера наших современников. В экстремальной ситуации, когда у человека не оставалось ничего, кроме этой веры, сила ее способна была творить чудеса, впрочем вполне объяснимые с точки зрения психосоматики благодаря гениальному открытию З. Фрейдом бессознательного и его роли в возникновении и лечении неврозов.

Арнаутова, Ю.Е. Чудесные исцеления святыми и "народная религиозность" в средние века / Ю.Е. Арнаутова // Одиссей. Человек в истории. – М., 1995. – С. 151–169.

16. А.Я. ГУРЕВИЧ О ВКЛАДЕ Ж. ЛЕ ГОФФА В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ МЕНТАЛЬНОСТИ

…Для того чтобы понять смысл содержащегося в историческом источнике высказывания, то есть правильно расшифровать послание его автора, нужно исходить не из идеи, будто люди всегда, на всем протяжении истории, мыслили и чувствовали одинаково, так же как чувствуем и мыслим мы сами, – наоборот, несравненно более продуктивной является гипотеза о том, что в историческом источнике запечатлено **иное** сознание, что перед нами – **«Другой»**.

…В центре внимания Ле Гоффа – массовое сознание, коллективные представления, образ мира, доминировавший в толще общества. Подобно многим другим представителям «Новой исторической науки», Ле Гофф – историк ментальностей, не сформулированных четко и не вполне осознаваемых (или вовсе не сознаваемых) манер мыслить, подчас лишенных логики умственных образов, которые присущи данной эпохе или определенной социальной группе. Эти способы ориентации в социальном и природном мире представляют собой своего рода автоматизмы мысли; люди пользуются ими, не вдумываясь в них и не замечая их, наподобие мольеровского господина Журдена, который говорил прозой, не догадываясь об ее существовании. Системы ценностей далеко не всегда и не полностью формулируются моралистами или проповедниками – они могут быть имплицированы в человеческом поведении, не будучи сведены в стройный и продуманный нравственный кодекс. Но эти внеличные установки сознания имеют тем более принудительный характер, что не осознаются. История ментальностей – это история «замедлений в истории».

…До недавнего времени историки не обращали внимания на ментальности, воображая, будто духовная жизнь исчерпывается философскими, религиозными, политическими, эстетическими доктринами и что содержание идей мыслителей и теоретиков якобы можно распространить на все общество.

…Исследование ментальностей – большое завоевание «Новой исторической науки», открывшее новое измерение истории, пути к постижению сознания «молчаливого большинства» общества, тех людей, которые образуют его основу, но которые, по сути дела, были исключены из истории. Они были исключены из нее дважды. В первый раз – средневековыми авторами, сосредоточившими все свое внимание на «сильных мира сего», монархах, аристократах, образованных (народ фигурирует в их сочинениях преимущественно в облике черни, следующей за героями первого плана или бессмысленно и безбожно бунтующей против них, но в любом случае лишенной собственного

голоса). Во второй раз это «немотствующее большинство» было исключено из истории учеными Нового времени, которые доверились источникам, созданным образованными, и вообразили, будто эти люди с улицы, безымянные труженики деревни и города, и впрямь были лишены собственного взгляда на мир и жили исключительно вульгаризованными и упрощенными «объедками» с пиршественного стола интеллектуалов.

Послесловие А.Я. Гуревича к книге Ж. Ле Гоффа «Цивилизация средневекового Запада» // Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; пер. с фр.; послесл. А.Я. Гуревича. – М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1999. – С. 354–356.

17. Ж. ЛЕ ГОФФ О СРЕДНЕВЕКОВОМ ВРЕМЕНИ

В повседневной жизни средневековые люди пользовались хронологическими ориентирами, заимствованными у различных социовременных систем. Измерение времени зависело от экономических и социальных структур. В самом деле, ничто не выражает лучше структуру средневекового общества, как метрологические феномены и возникавшие вокруг них конфликты. Временные и пространственные меры были орудием социального господства исключительной важности. Тот, кто распоряжался ими, в высшей степени усиливал свою власть над обществом. Множественность времен в средние века можно уподобить социальным битвам этой эпохи. Подобно тому как в деревне и городе шла борьба вокруг мер емкости, которые определяли рационы питания и уровень жизни (за и против сеньора или городских властей), так и мера времени была ставкой в борьбе, которую вели за нее господствующие классы: духовенство и аристократия. Как и письменность, мера времени оставалась в течение большей части Средневековья достоянием могущественных верхов. Народная масса не владела собственным временем и была неспособна даже определить его. Она подчинялась времени, которое предписывали колокола, трубы и рыцарские рога.

Но средневековое время было прежде всего временем аграрным. В мире, где самым главным была земля, с которой жило – богато или бедно – почти все общество, первым хронологическим ориентиром был аграрный. Сельское время – это время большой длительности. Время сельскохозяйственных работ, крестьянское время, было временем ожидания и терпения, постоянства, возобновления и если не неподвижности, то по крайней мере сопротивления переменам. Оно не было насыщено событиями и не нуждалось в датах – или, вернее, его даты подчинялись природному ритму. Ибо сельское время было природным временем с его делением на день, ночь и времена года. Проникнутое контрастами, оно подпитывало средневековую тенденцию к манихейству: оппозицию мрака и света, холода и тепла, деятельности и праздности, жизни и смерти. В том мире, где искусственный свет был редкостью (техника освещения даже применительно к дневному времени начала развиваться лишь в XIII в. с появлением оконного стекла), ночь была чревата угрозами и опасностями. Духовенство пользовалось восковыми свечами, сеньоры факелами, простонародье обходилось сальными свечами. Поэтому особенно велика была опасность пожара – достаточно прочесть по этому поводу, среди множества других, рассказ Жуанвиля о пожаре, вспыхнувшем ночью в каюте французской королевы на корабле, который вез Людовика IX в Святую землю. Против угроз, исходивших от людей, запирались на ночь ворота, в церквах, замках и городах выставлялась бдительная стража. Средневековое законодательство карало с исключительной силой правонарушения и преступления, которые совершались ночью. Это было серьезным отягощающим обстоятельством. Но главным образом ночь была временем сверхъестественных опасностей, искушений, привидений и дьявола. Немецкий хронист Титмар Мерзебургский в начале

XI в. приводит множество историй о привидениях: «Бог даровал день живым, а ночь отдал мертвым». Ночь принадлежала ведьмам и демонам. С другой стороны, для монахов и мистиков она была предпочтительной порой их духовной битвы, бдений и молитв. Святой Бернар приводит слова Давида-псалмопевца: «Ночью вспоминал я имя Твое, Господи, и хранил закон Твой». Время борьбы и победы, всякая ночь напоминала о символической ночи Рождества... В эпической и лирической поэзии ночь была временем невзгод и приключений. Часто она связывалась с другим темным пространством–лесом. Лес и ночь, соединившись воедино, внушали ужас. Так однажды заблудилась там Берта Большеногая: Она горько плакала, оказавшись в лесу, А когда настала ночь, начала причитать: «Ах, ночь! Как ты длинна и как многого должно страшиться!» Напротив, все «светлое» – ключевое слово средневековой литературы и эстетики – было прекрасным и добрым: солнце, сверкающее на латах и мечах воинов, голубые глаза и белокурые волосы молодых рыцарей. «Прекрасен, как день» – это выражение никогда не ощущалось глубже, нежели в средние века. Когда героиня «Ивейна» Лодина говорит: «Пусть ночь станет днем», это значило нечто большее, чем нетерпеливое желание снова увидеть возлюбленного. Другой контраст между временами года. По правде говоря, Средневековье знало лишь зиму и лето. Слово «весна» появляется в ученой латинской поэзии, в частности у вагантов: «Проходит весна жизни. Близится наша зима». Здесь также противостоят друг другу лишь два времени года, каковыми являлись обычно лето и зима. В литературе на национальных языках лето было временем обновления. Мария Французская говорит о «летнем вечере, когда леса и луга вновь покрываются зеленью и расцветают сады». Оппозиция «зима–лето» занимает большое место в поэзии миннезингеров. «Услады лета» противопоставляются в ней «зимней тоске». В своей знаменитой поэме «Майская песнь» Вальтер фон дер Фогельвейде воспевает лето, которое гонит прочь зиму, лишенную ярких красок, пения птиц и радостей на вольном воздухе. Более близкий к крестьянскому сознанию поэт Нейдхарт обращается к зиме в стиле обрядов – фольклорных празднеств: «Убирайся прочь, зима, беги, ты творишь зло!» Персонификацией лета у миннезингеров был май, месяц обновления, что подтвержает мысль об отсутствии весны – или, точнее, ее поглощении летом. «Чувство мая» было настолько сильным в средневековом сознании, что миннезингеры придумали даже глагол «маить» («es maiet»), означавший освобождение и радость. Лучше всего выражает аграрный характер времени в средние века повторявшаяся повсюду–в рельефах церковных тимпанов, на фресках и миниатюрах, в литературе, и особенно в поэзии, – тема двенадцати месяцев. Изображали месяцы в виде сцен сельских будней – от рубки леса и выпаса свиней до забоя свиней и пирушек по этому поводу у очага. Иконографические традиции или географические особенности сельского хозяйства в той или иной стране вносили свои вариации в трактовку темы. На Севере обычно позже изображалась жатва и не фигурировал сбор винограда. Во французской поэзии, как было замечено, апрель часто занимал то место, что май в немецкой, и поэтому французскому влиянию приписывается тема поэмы Генриха фон Фельдеке, воспевающего апрель («В месяце апреле распускаются цветы») вместо обычного для немецкого миннезанга мая. Повсюду тема двенадцати месяцев представлялась в виде цикла сельских работ, но в этот почти полностью крестьянский цикл включились и сцены сеньориальной, куртуазной жизни, приходящиеся на апрель – май. Это конная прогулка сеньора, обычно молодого, как и пробуждающаяся природа, или феодальная охота. Так классовая тема проникала в тему экономическую. При этом важно то, что наряду или, лучше сказать, вместе с крестьянским временем выступали и другие формы социального времени: время сеньориальное и время церковное.

Сеньориальное время было прежде всего военным. Оно составляло особый период года, когда возобновлялись военные действия и когда вассалы обязаны были нести службу сеньорам. Это было время военного сбора. Сеньориальное время было

также и временем взноса крестьянских податей. Вехами годичного времени были большие праздники, и некоторые из них аккумулировали чувство времени крестьянской массы: это праздники, к которым приурочивались натуральные оброки и денежные платежи. Даты взносов варьировались в разных районах и сеньориях, но в хронологии взносов выделялся общий период – конец лета, когда после сбора урожая взималась основная часть податей. Наиболее важной датой был день св. Михаила (29 сентября), иногда же взносы отсрочивались до дня св. Мартина зимнею (11 ноября).

Но средневековое время прежде всего было религиозным и церковным. Религиозным потому, что год в первую очередь представал как год литургический. И особенно важной чертой средневековой ментальности было то, что этот литургический год воспринимался как последовательность событий из драмы воплощения, из истории Христа, разворачивавшейся от Рождественского поста до Троицы, а кроме того, он был наполнен событиями и праздниками из другого исторического цикла – жизни святых. Дни памяти великих святых вклинивались в христологический календарь, и наряду с Рождеством, Пасхой, Вознесением и Троицей одной из важнейших дат религиозного года был день Всех святых. Что еще более усиливало значение этих праздников в глазах средневековых людей, окончательно придавая им роль временных вех, так это то, что они, помимо сопровождавших их внушительных религиозных церемоний, давали и точки отсчета экономической жизни, определяя даты крестьянских платежей или выходные дни для ремесленников и наемных рабочих.

Церковным же время было потому, что только духовенство умело измерять его. Церковь одна нуждалась в этом в целях литургических и одна способна была это делать, хотя и с небольшой точностью. Церковный счет времени, и особенно расчеты дней Пасхи (в Раннее Средневековье предмет спора ирландской и римской систем), дал первый толчок прогрессу в измерении времени. Духовенство было хозяином времени. Колокольный звон, призывающий священников и монахов к службе, был единственным средством отсчета дневного времени. Лишь с его помощью можно было приблизительно определить время дня, ориентированное на часы церковных служб, благодаря чему регламентировалась жизнь всех людей. Крестьянская жизнь была настолько подчинена этому церковному времени, что Жан де Гарланд в начале XIII в. дал слову «колокол» следующую фантастическую, но характерную для той эпохи этимологию: он произвел его от слова «поле», «село», утверждая, что «такое название дали крестьяне, живущие в селах и не умеющие определять часы иначе, как по звону колоколов».

Время аграрное, время сеньориальное, время церковное. Характерным для них было, наконец, то, что все они тесно зависели от природного времени. Наиболее очевидна эта связь в аграрном времени, но если присмотреться, то она столь же явна и в двух других его видах. Сеньориальное время было привязано к природному благодаря военным действиям. Они начинались только летом и на его исходе заканчивались. Хорошо известно, что феодальные ополчения распускались, как только завершался трехмесячный срок вассальной военной службы. Еще более увеличивало эту зависимость от природного времени постепенное превращение средневековой феодальной армии в кавалерию. Эта эволюция была санкционирована еще капитулярием Пипина Короткого от 751 г. С тех пор сбор армии происходил не в апреле, как раньше, а в мае, когда зеленеют луга и лошадей можно обеспечить подножным кормом. Куртуазная поэзия, заимствовавшая свой лексикон у рыцарства, называла время служения возлюбленного своей даме «летней службой». Церковное время было не менее подчиненным ритму природы. Не только большинство крупных религиозных праздников, которые были наследниками старых языческих, приуроченных к важным явлениям природы (Рождество, например, заменило древний праздник зимнего солнцестояния), но и весь литургический год был согласован с природным ритмом сельскохозяйственных работ. Литургический год, от Рождественского поста до Троицы, охватывал период приостановки сельских работ. Лето и часть

осени, период наиболее напряженных работ, были свободны от крупных праздников, за исключением Успения Богородицы, 15 августа, празднование которого прививалось, кстати, медленно. В иконографии сюжет Успения получил распространение в XII в., а праздник утвердился не ранее XIII в. Яков Ворагинский засвидетельствовал примечательный факт переноса первоначальной даты дня Всех святых ради того, чтобы не сбивать календарь сельскохозяйственных работ. Изначально этот праздник, утвержденный папой Бонифацием IV в начале VII в., отмечался 13 мая, как и в Сирии, где он появился в IV в., приспособленный к ритму преимущественно городской жизни этой страны. В конце VIII в. он был перенесен на 1 ноября, ибо, как сказано в «Золотой легенде», «папа счел за лучшее праздновать его в такое время года, когда собран весь урожай и паломникам легче найти пропитание». Рубеж VIII-IX вв., когда Карл Великий дал месяцам новые названия, в общем отражающие сельские труды, представляется заключительным этапом аграризации средневекового Запада. Фундаментальная зависимость временных структур средневековой ментальности от природного времени, характерная для сельского общества, лучше всего проявляется у хронистов. Среди главных событий они неизменно отмечали необычные для естественного порядка явления: ненастья, эпидемии, неурожаи. Эти столь ценные для исследователей социальной и экономической истории указания непосредственно предопределялись средневековой концепцией времени как упорядоченной природой длительности. Эту зависимость можно найти даже в мире ремесла и торговли, на первый взгляд как будто более свободном от природы. У ремесленников противоположность дня и ночи, зимы и лета давала о себе знать в цеховой регламентации. Ночной труд обычно запрещался. Многие ремесла имели сезонные ритмы активности, как, например, ремесло каменщиков, жалованье которых в конце XIII в. было различным зимой и летом. В мире морской торговли, в которой видят один из двигателей средневековой экономики, зимой замирала навигация, и так было по крайней мере до конца XIII в., пока не получили распространения компас и ахтерштевневый руль. Суда стояли на якоре даже в Средиземном море с начала декабря до середины марта, а в северных морях часто и дольше. Несомненно, однако, что в течение XIV в. средневековое время хотя и медленно, но менялось. Успехи городов, возвышение купеческой буржуазии и различных работодателей, нуждавшихся в точном измерении рабочего времени и времени торговых и денежных операций, особенно развитие векселей, подтачивали традиционные формы времени и способствовали их унификации. Уже в XIII в. начало дня стало возглашаться стражниками звуком трубы, а в торговых городах и особенно в центрах суконного производства Фландрии, Италии и Германии появился рабочий колокол. Технический прогресс и развитие науки, подвергшей критике аристотелевскую и томистскую физику, раздробили время и сделали его дискретным, подготовив появление новой меры времени–часа, двадцать четвертой части дня. Часы Герберта Аврилакского, созданные около тысячного года, были, несомненно, водяными, но более совершенными, нежели описанные кастильским королем Альфонсом Мудрым в XIII в. Но в конце этого века было сделано решающее усилие, приведшее к изобретению механических часов, получивших распространение в Италии, Германии, Франции, Англии, а в XIV–XV вв. и во всем христианском мире. Время начало секуляризироваться и стало мирским временем башенных часов, теснившим церковное время звонниц. Механические часы, еще очень хрупкие и часто ломавшиеся, оставались данниками природного времени, поскольку начало дня варьировалось от города к городу и обычно привязывалось к столь непостоянному моменту, как восход или заход солнца.

Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; пер. с фр.; послесл. А.Я. Гуревича. – М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – С. 167–171.

18. ЭММАНУЭЛЬ ЛЕ РУА ЛАДЮРИ О ВОСПРИЯТИИ ВРЕМЕНИ ОКСИТАНСКИМИ КРЕСТЬЯНАМИ

…Какие же концепции исповедуют крестьяне Монтайю и Сабартеса, сталкиваясь с проблемами времени, пространства, природы?

Прежде всего о времени повседневном. В одной из своих значительных статей Жак Ле Гофф противопоставил близнецов-недругов: «время церкви» и «время купца». Но куда поместить между зеркальными отражениями особое время земледельца, пастуха, ремесленника? Ремарка первая: время простых людей было лишь отчасти присвоено Церковью. Арно Сикр, уже видавший виды тарасконский мелкий горожанин, хорошо говорит о «[промежутке] времени двух *Отче наш»:* но он поступает так лишь затем, чтобы лучше описать священные обряды (в данном случае еретические). В Сабартесе обычно для того, чтобы обозначить истечение короткого отрезка времени, ограничиваются использованием нечеткого выражения *(мгновение, краткий срок, долгая пора* и т. д.). Или же, метод менее употребимый, время измеряют движением *(время перехода на одно лье* или *на четверть* лье...); такая интеллектуальная операция бессознательно совпадает с концепциями Аристотеля и св. Фомы; она является обычным делом для пастуха, подобного Бернару Марти, профессионального пешехода.

Отрезки времени обозначаются в соответствии с приемом пищи (обед или ужин*).* А также в соответствии с литургическим распорядком: *терция, нона, вечерня.* Слова эти, извлеченные из церковных часословов, используются прежде всего священниками, «добрыми людьми» и некоторыми набожными или ностальгирующими по католичеству женщинами. Таким образом, дневной период (в хронологическом смысле) частично христианизирован. Зато ночной период остается целиком мирским (за исключением ультрасвятоши от катарства, каковым был Белибаст: он поднимается шесть раз за ночь, чтобы произнести свои часы). Для обозначения ночных периодов наши монтайонцы и арьежане ограничиваются в основном использованием визуальных, физиологических или слуховых привязок, таких как: после *захода солнца, в темную ночь, в пору первого сна, на половину первого сна, на первых петухов, когда петух пропоет в третий, раз*.

Что касается церковных колоколов, то они звонят, разве что отмечая час погребения или возношения даров во время мессы. Нет признаков их использования в Монтайю для грубого отсчета времени, в котором нет потребности у *безвременной* цивилизации: верхняя Арьеж не имеет ничего общего с текстильным Артуа 1355 года, где башенные часы призывают ремесленников к труду. В графстве Фуа время – не деньги. Монтайонцы не боятся труда; если надо, могут и поднажать, но понятие временного графика им остается чуждым, как на своих собственных землях, так и в каталонской мастерской, куда их иной раз забрасывает изгнание. Рабочий день для них имеет смысл только вперемежку с долгими и беспорядочными перерывами, во время которых можно поболтать с другом, наливая и попивая винцо. «Начатую работу бросают по первому слову... *При этих словах* (говорит Арно Сикр) я *отложил свою работу и отправился к Гийеметте Мори...* И то же самое: *Пьер Мори послал за мной в мастерскую, где я тачал башмаки... Гийеметта послала сказать, чтобы я шел к ней, что я и сделал...* Или еще: *Заслышав такое, я оставил незаконченную работу...»*.

Таким образом, время труда не захватывает настолько, что они уже не хотят отрываться... и подобная расслабленность заметна во всех случаях, включая и тот, когда мы имеем дело с отличным сапожником, каковым является Арно Сикр. Некоторые труженики, подобно Праду Тавернье, не стесняются даже объявить, что их ремесло им ужасно наскучило, что они *устали ткать...* устали до того, что надо менять профессию. В общем, время ремесленника (и даже подмастерья) в снисходительной к работникам Окситании выглядит пока вполне близким времени крестьянина и пастуха. Несмотря на порой

изматывающий труд, и у пастуха находится время для умозрения, когда он просто смотрит, как растет трава; он не связан жесткими императивами какого-нибудь графика. Пьер Мори, один из опытнейших пастухов своего времени, всегда готов бросить свое стадо: при необходимости он доверяет заботу о нем брату или какому-нибудь другу. И это на целые часы, дни, недели. В самой Монтайю и в верхней Арьежи целые часы отводятся гулянью и, более того, сиесте, особенно если к ней побуждает солнце.

Итак, дневное или «внутридневное» хронологическое деление чисто случайно выводит нас на трудовую этику или на отсутствие таковой. Кроме такого деления, существует ли *недельное* распределение использования времени?... Но повседневный язык в сельской среде избегает этого термина. Он избегает также употреблять, за исключением «воскресенья», названия семи дней недели и лунный календарь. Много охотнее говорят – совсем как в наше время – *восемь дней, пятнадцать дней* или *пятнадцатидневка*, чем «неделя» или «две недели». Слова *восьмидневна* и *пятнадцатидневка* изначально соответствуют понятию четверти и половины месяца; можно было найти этому некоторые эквиваленты в календаре Древнего Рима. Впрочем, для наших арьежан деление пополам является обычным: они используют слово «полгода». Это дает дополнительное удобство, поскольку сезонный перегон овец делит год на два периода, зимний и летний.

Месячный, квартальный, сезонный ритм годовому циклу задают 12 месяцев и 4 времени года: однако о тех и других говорят редко, чтобы привязать дату к природному событию, а не к сельскохозяйственному циклу. *Сидели мы с Гийеметтой Бене под вязком,* – рассказывает Алазайса Мюнье, – *в то время года, когда вязы зеленеют».* Сельскохозяйственные работы, жатва и сбор винограда тоже дают вполне отчетливые привязки. *Раймон де Ла Кот,* – говорит сторонница вальденсов Аньес Франку о человеке, которого сожгут вместе с ней, – *проживал в Памье от сбора винограда 1318 года до святого Лаврентия 1319 года*. Множество хронологических ремарок подобного типа, связанных с уборкой пшеницы или репы, встречается у наших жителей Монтайю.

Между тем христианское деление времени года преобладает над его «растительными» вариантами. Если день и особенно ночь остаются в значительной степени мирскими, то крестьянский календарь был завоеван Церковью: религиозная аккультурация в этой области стала необратимой (даже сегодня в нашем, считающим себя агностическим, обществе структура календарей продолжает быть церковной). В Монтайю и верхней Арьежи день Всех святых, Рождество, Масленица, Великий пост, Вербное воскресенье, Пасха, Троица, Вознесение, Успение, Рождество Девы Марии, Воздвижение креста развертывают знакомый цикл. День Всех святых, благоприятный для исповеди и подаяния милостыни, по-видимому, представляет собой важный момент в хронологии, что нормально для общества, весьма, как мы увидим, озабоченного проблемами смерти и загробной жизни. Рождество – праздник семьи. Пасха служит предлогом для простодушного обжорства. Широко используются, кстати, наименования временного периода: «между днем Всех святых и Рождеством», а также «между Пасхой и Троицей».

От Великого поста до Пасхи и от Пасхи до Троицы ощущение праздника нарастает. Однако оно могло поубавиться в летний период, несколько бедный на христовы праздники, если не считать посвященных Деве Марии. Святые, которых чтут арьежане начала XIV века, в большинстве своем благоразумно требуют торжеств в свою честь именно в этот незаполненный период на исходе весны, а также летом и осенью. Это относится к св. Филиппу и св. Иакову, св. Иоанну Крестителю, Петру и Павлу, Кириаку, Михаилу, Стефану и Винценту. Но не к Мартину или Антонию. В общем, в наших Пиренеях и в соседней Каталонии отмечается пробел в культе святых между началом ноября (день Всех святых и св. Мартин) и 1 мая, или даже 24 июня (Иоанн). Причина этого зимнего и весеннего пробела между ноябрем и маем-июнем кажется очевидной: интенсивность церковно-служебного цикла, охватывающего период с Рождества до Троицы, в местных

условиях слишком велика, чтобы приспособить большой подъем благочестия к меньшим культам. Таким образом, календарь в верхней Арьежи, по-видимому, распадается на посвященную Христу и Троице (от Рождества до Троицы) и святым и Деве Марии части (от Троицы до дня Всех святых). Более христианской, очевидно, является первая часть, учитывая все, что мы знаем о языческих аспектах культа святых и Девы Марии.

Праздники святых связаны с коллективным действом, и особенно с ярмарками скота, на которых бывают монтайонские пастухи. Проще говоря, праздник – значит день отдохновения. Святые – друзья всех тружеников, каковыми, в общем, являются крестьяне. По случаю праздников конца лета с летних горных пастбищ спускаются пастухи. На деревенской площади их встречают молодые мамаши с младенцами на руках. Для крестьян, даже катаров, не стоит вопрос об отказе от этих католических праздников, неотделимых от жизни общины. Один Белибаст, альбигойский максималист, простирает свое еретическое усердие до того, что затворяется у себя и работает в праздничные дни.

Отметим, что на деревне именно кюре (вероятный хранитель календаря) обязан сказать, если надо, какой нынче день в году. Всякий день имеет обозначение, не численное, но по имени святого или по какому-либо празднику: кюре – хранитель времени.

…Нотарии инквизиции пользуются временем, выраженным числом, определенным с точностью до дня в соответствии с нормами, принятыми и в наше время: *2 апреля 1320, 26 сентября 1321 и т.* д. Напротив, монтайонские крестьяне пользуются приблизительной хронологией, худо-бедно привязанной к праздникам, веселье во время которых служит мнемотехническим приемом. Контраст между «твердым» временем грамотеев и «мягким» временем мужланов с еще большей силой проявляется, когда речь заходит о счете крупными периодами года, годами, рядом годов. Тогда приблизительность становится правилом. Гийом Остац, будучи байлем, и многие другие вместе с ним не говорят: «в 1316 году» или в «1301», но *«три-четыре года назад», «семнадцать-восемнадцать лет назад», «около двадцати лет тому назад», «20-24 года назад»*. Или еще: *«Когда в Монтайю заправляли еретики», «перед облавой каркассонской инквизиции»* и т. д. Последние выражения скроены по той же модели, что и наши *«до войны», «после войны»* и т. д. Приблизительность возрастает по мере раздвижения границ прошлого. Так, ребенку не бывает шесть или семь месяцев, но *«около полугода»*. Не бывает «год» или «восемнадцать месяцев», но «от одного до двух лет».

…Будь оно более или менее точно, но деревенское время, как показывают такие выражения, всегда *приблизительно.* ... Примеру писарей из Памье, датирующих свои акты «летом Господним 1320» или «1323», отнюдь не следуют наши мужланы, которые придерживаются *«двенадцать лет тому назад»* или *«вот уже двадцать пять лет».*

Ле Руа Ладюри, Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324) / пер. с фр. В.А. Бабинцева и Я.Ю. Старцева. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. – С. 187–190.

19. ВОЗРОЖДЕНИЕ И ФУНКЦИИ ГОРОДОВ В СРЕДНИЕ ВЕКА

…Возрождение городской жизни началось с переустройства древних городов, поэтому в этом случае мы можем говорить лишь об ограниченной преемственности. Раньше всего этот процесс захватил Италию (уже с VIII в.). В то же время появилось значительное число новых городов, которые можно условно поделить на разные группы, в зависимости от их происхождения. Прежде всего, выделяются две общие группы – так называемые «основанные» города и «органические». Под последними подразумеваются те, которые образовались стихийно (органично), как правило, вокруг некоторого ядра, хотя определенное (даже молчаливое) согласие местных властей было, как представляется, необходимо.

Можно выделить целый ряд градообразующих ядер (или «центральных мест»): 1) административные центры (резиденции правителей, центры территориальных единиц); 2) крепости, замки, лагеря; 3) культовые центры (монастыри, крупные церкви или храмы, центры паломничества); 4) места пересечения важных дорог, броды, мосты, а также почтовые станции (в Японии); 5) порты, места для высадки; 6) места важных промыслов (соляные, горнорудные). В соответствии с таким изначальным ядром определялись и главные функции городского поселения на начальном этапе его существования. Позднее они могли трансформироваться или дополниться другими.

В раннее Средневековье наибольшую роль в процессе урбанизации играли административные центры. Многие города, или протогорода (исследователи не достигли единого мнения относительно статуса этих поселений), были обязаны своим происхождением именно ставкам/резиденциям правителей. Например, «столицы» династий раннесредневековой Японии (в долине Ямато) представляют собой городские или, возможно, предгородские поселения японского типа, предшествующие появлению в стране городов китайского типа...

Развитие городов, расположенных на важных дорогах, а также портов, было тесно связано, с одной стороны, с ростом торговли, особенно дальней, а с другой – с развитием транспорта. Как правило, расстояние между городами на дороге составляло один день пути, чтобы они выполняли функцию перевалочных пунктов. По мере развития транспорта увеличивалась скорость передвижения, а с ней отпадала необходимость в некоторых промежуточных городах, что могло привести к их упадку.

В добавление к этим потенциальным «ядрам» существовал также ряд факторов, которые способствовали процессу урбанизации. Прежде всего нужно отметить тесную связь между процессом образования государства и урбанизацией, нередко эти две линии совпадают по времени (Русь). Кроме того, города становятся центрами контроля над территорией, берут на себя административные функции по местному управлению. Таким образом, нарождающееся государство оказывается заинтересованным в градостроительстве и укреплении позиций городских поселений.

Соотношение между усилением власти монарха и развитием городов было далеко от однозначности. Союз королевской власти и уже существующих городов мог также играть важную роль в процессе образования единого государства, когда он был направлен против сепаратистских устремлений знати. В то же время города тоже заинтересованы в поддержке со стороны государства для отстаивания своей независимости от местных сеньоров, а также в установлении политической стабильности, способствовавшей развитию торговли, унификации и усилению внутригосударственных экономических связей (хотя этот процесс протекал очень медленно). Но за это городам приходилось платить немалую цену: растущее налоговое бремя, ограничение городской автономии, мелочная регламентация многих сторон городской жизни, иногда блокирование перспективных отраслей хозяйства путем введения государственных монополий на одни виды деятельности или запретов на другие (например, «морской запрет» в Китае).

Политическая раздробленность также способствовала как появлению новых городов в роли местных центров власти (Русь, итальянские и германские города, оазисы в Средней Азии), так и завоеванию городами автономии или даже независимости, что, как правило, благотворно сказывалось на их экономическом состоянии. Но раздробленность делала территорию более уязвимой, а слишком бурное развитие городов могло сильно затруднить процессы централизации (как это произошло в Северной Италии, Рейнской Германии и Нидерландах).

Важным фактором урбанизации мог стать и процесс завоевания территории, когда вторгнувшаяся сторона строила и использовала города для удержания контроля над страной (например, английский король в Уэльсе и в Аквитании, испанские города во время Реконкисты и др.).

Колонизация (т.е. освоение новых земель), как внешняя, так и внутренняя, играла важную роль в деле урбанизации. По времени она совпадает с наиболее интенсивным этапом городского развития. Ярким примером тут являются германские города в славянских землях. В то же время одной из важнейших (и неизменных) функций города в Средние века являлась роль рыночного места (рынка) для сельскохозяйственной округи. Поэтому рыночная сеть увеличивалась, пока не достигала необходимого уровня обеспечения потребностей данной местности (чтобы любой крестьянин мог за один день добраться до рынка и вернуться назад). Существовало устойчивое представление о том, что вновь основанный рынок мог нанести ущерб уже существующим; иногда это законодательно регулировалось.

Несомненно, при основании новых городов наиболее важную роль играли правители, но активное участие в процессе урбанизации принимали не только они. В качестве основателей городов могли также выступить светские и духовные сеньоры, другие города.

Базовые функции города представляются следующими: 1) осуществление власти (администрация, резиденция); 2) снабжение или жизнеобеспечение (рынок), 3) обеспечение внешней безопасности – военная функция (особенно важная для восточного города из-за угрозы со стороны кочевой степи); 4) накопление, сохранение и передача знаний (школы, университеты); 5) организация производства; 6) роль культового центра. Это не значит, что все они представлены в каждом городе. Кроме того, возможны диспропорции в значении той или иной роли для города, т.е. одна играет роль главной, а остальные оказываются второстепенными. Однако трудно представить себе город, обладающий какой-то одной функцией. Необходимо также отметить, что многие из перечисленных функций могли быть присущи не только городам.

ПЛАНИРОВКА ГОРОДОВ

Топографически города обладают ярко выраженными особенностями, а именно – плотной застройкой, что более всего отличает их от остальных типов поселений. Тем не менее по своей форме они очень разнятся между собой, даже если находятся по соседству. Важными факторами оказываются особенности рельефа местности, история возникновения города, его функции. Считается, что европейское Средневековье не знало четкой схемы градостроительства, характерной для римского времени, хотя там, где города создавались целенаправленно, применялся регулярный план (например, при Эдуарде I в Англии – г. Нью-Уинчелси (Сассекс); «бастиды» в Аквитании; портовый город Эгморт, построенный при Людовике Святом, и др.). Регулярную планировку мог иметь и маленький городок, например английский Баттл, основанный одноименным монастырем и состоявший из одной улицы. Однако в Европе сознательное градостроительство и теоретические построения по данному вопросу (геометрические планы или концентрические круги) относятся только к эпохе Возрождения, когда вырабатывались проекты «идеального города».

Административно-политический центр многих европейских городов представлял собою крепость – Вышгород (Верхний город), сите или кремль, обычно находившуюся на холме, островке или речной излучине. Там размещались дворы государя либо сеньора города и высших должностных лиц государства, резиденции епископа и некоторых вельмож, кафедральный собор, а также дома наиболее именитых горожан и подсобные службы. Подавляющее число горожан проживало в городском предместье – посаде, Нижнем городе, слободе, подоле, где самое видное место занимали ремесленники, торговцы и различные промысловики, причем лица одинаковых или смежных профессий обычно селились по соседству. На окраинах города размещались мельницы, необходимые для помола зерна, обогащения металлических руд, в сукноделии. Туда же города старались сселить тех ремесленников, которые работали с дурно пахнущими материалами: убойщиков скота и обдирателей кожи, кожемяк, мойщиков и чесальщиков

шерсти. Из опасения пожаров горожане старались ставить на окраинах также кузницы и литейные мастерские.

В городе или в пригороде на удобных участках возвышались солидные, укрепленные здания и имения монастырей и господ. В центре городской жизни находилась площадь – главная в больших городах, единственная в мелких. Это было место основного городского торжища и, одновременно, его властный и религиозный центр: площадь окружали наиболее богатые здания и лавки, а также ратуша, где располагались органы городского самоуправления и суда, городской собор и дома самых видных жителей города. От площади разбегались улицы с лавками, мастерскими, церквами, жилыми и доходными домами, кабачками, постоялыми дворами и т.д. В большом городе могло быть несколько площадей со специализированными рынками: сенным, дровяным, хлебным и другими.

В то же время в Китае придерживались норм градостроительства, выработанных еще в древности; в космогонических теориях сам Древний Китай находился в центре Вселенной и занимал территорию в форме квадрата, поэтому и города имели приближенную к нему форму, хотя особенности рельефа часто превращали его в прямоугольник. Необходимо отметить, что китайское градостроительство оказало значительное влияние на появившиеся позднее города Японии и Кореи. Арабы, как предполагают исследователи, перенимали римский опыт в планировке улиц (регламентированная застройка, ширина улиц в 40 локтей). Впрочем, зачастую они просто использовали завоеванный город без изменения его планировки. Основанные арабами новые города различались по своему типу: например, Басра с хаотической застройкой и Куфа с регламентированной по специальному распоряжению халифа. Для остальных же регионов, которые знали феномен урбанизации еще до Средних веков, влияние предшествующего периода сказывалось скорее в использовании уже существующих конструкций и планировок, но не в перенимании их опыта градостроительства.

Топографический анализ показывает, что большая часть средневековых городов обладает сложносоставной планировкой, которая складывалась по мере роста города, сочетая искусственную планировку (линейную с правильными или, скорее, единообразными углами) со спонтанно образовавшимися (часто кривыми) улочками. Кроме того, немало городов отличались полицентричностью, поскольку образовывались из расположенных рядом, разных по происхождению и функциям (часто дополняющим друг друга) поселений или даже прежних городов. При целенаправленном основании городов на новом месте предпочтение отдавалось квартальной планировке (сетке).

Граница территории города могла быть обозначена по-разному, но самым выразительным вариантом выступали стены. Правда, нужно отметить, что многие города ограничивались валами, палисадами или рвами. Известны (и нередки) случаи, когда границы города обозначались крестами, столбами или барьерами на дорогах, проходящих через город. Отсутствие стен могло быть связано с достаточной степенью безопасности в регионе (вхождение в состав сильного централизованного государства, например в Англии, Китае, Хорезме и др.) или с целенаправленной политикой власти... Кроме того, некоторые правители оставляли за собой право на выдачу разрешения на строительство любых укреплений, в том числе стен, вокруг как городов, так и, например, монастырей. Необходимо также подчеркнуть, что поддержание городских стен в хорошем состоянии, а нередко и их сооружение, ложилось тяжелым бременем на горожан, и не все города были настолько состоятельны, чтобы позволить себе построить крепостную стену.

Наличие стены было связано с одной из важных функций города как убежища, крепости. Стены также означают наличие ворот (контроль над въездом и выездом из города, место взимания проездных пошлин и т.п.); кроме того, важность четкого обозначения границ города была связана с необходимостью отделить его от округи как

территории с другой юрисдикцией. Любопытно, что у современников город ассоциировался именно с наличием стены, о чем свидетельствуют изображения городов на средневековых картах и городские гербы, хотя определенную роль тут играли представления о главном городе христианского мира – Иерусалиме. В Европе городская стена служила предметом особой гордости горожан, символом их места жительства, хотя его могла выражать ратуша или фонтаны (например в Италии).

Помимо стен важными элементами городской топографии также являются общественные сооружения – культовые здания (соборы, храмы, мечети, церкви и т.п.), рынок (в виде площади, просто открытого пространства или специального здания с аркадой), крепость как резиденция власти и/или ратуша, характерная для городов, имеющих самоуправление или, по крайней мере, организованную городскую общину.

Примечательно, что городам и Востока, и Запада свойственно тяготение рынков к культовым зданиям, расположение не только в непосредственной близости от них, но и зачастую прямо на территории последних (церковном дворе, в пределах монастыря и т.п.). Причем данная тенденция находила свое выражение в том, что рынки и ярмарки устраивались в дни важных религиозных праздников, а также по воскресеньям в христианских землях и по пятницам – в мусульманских. Правда, некоторые христианские деятели выступали против такого положения вещей (недаром же Христос выгнал торговцев из храма) и пытались придать им законодательный характер: в XIII в. запрещалось устраивать воскресные торжища, предписывалось убрать рынки с церковных дворов и кладбищ.

Напротив, таких затруднений не знали мусульманские города. Ислам зародился в купеческой среде, и мусульманские законы и мораль стимулировали развитие рынков (базаров), допуская не только их тесное соседство с культовыми сооружениями, но даже объединяя их в одну инфраструктуру. Одной из распространенных форм благотворительных пожертвований в пользу мусульманской общины было строительство базаров. Буддийские храмы тоже активно вовлекались в торговлю, более того, владели городами и создавали их…

Важное отличие между западными и восточными городами состояло в том, что в первых, даже при наличии специального рыночного места, которое, правда, могло представлять собой центральную улицу города (что было очень характерно для малых городов), торговля часто велась прямо из окон мастерских, на примыкающих к ним улицах. По мере развития городской администрации и ужесточения контроля над торговлей в городе появляются запреты на такую торговлю (ее сложнее контролировать), но все равно она не исчезнет. Иначе обстояло дело в восточных городах. Там торговля не характерна для жилых кварталов и ограничивалась строго отведенной ей территорией (в Китае). Правда, исключение составляют арабские города, где базар нередко занимал весь центр города и при этом имелись еще локальные рынки в кварталах.

Для раннесредневековых городов характерно наличие крепости и/или резиденции правителя (дворцового комплекса). Дворец либо находился в самой цитадели, либо, как в Средней Азии, в непосредственной близости от нее... Нечто подобное наблюдалось в итальянских городах XI–XIII вв., где дома и башни отдельных кланов представляли собой по сути крепости.

Улицы городов могли быть как широкими (например, влиянием римских и византийских планировок в арабских городах определяется фиксированная ширина в 40 локтей), так и узкими (достигая иногда ширины всего в ярд) что сильно затрудняло движение по такой улице не только повозок, но и людей. Городские дома отличались от деревенских своей компактностью, которая особенно усиливалась по мере роста города и невозможности расширения его базовой территории. Если в ранних городах существовали значительные незастроенные участки, обширные городские имения с садами,

огородами и даже (хотя значительно реже) пастбищами, то затем происходило постоянное дробление участков. Строения зачастую тесно прилегают друг к другу, а фронтоны их практически всегда выходят на улицу. Правда, нужно отметить, что законодательное регулирование того, как должен выглядеть городской дом (общий вид улицы) появляется довольно поздно, в раннее Новое время, и характерно скорее для таких крупных городов, как Лондон.

Не имея возможности расти вширь, города активно росли вверх. Исключения тут составляют арабские города, хотя и не всегда…

Важной топографической составляющей средневекового города (преимущественно крупного) был квартал. Это не только структурная единица внутренней планировки, но и принцип территориально-социальной организации населения. В восточных городах встречается система замкнутых улиц и кварталов. Каждый квартал образовывал свою собственную общину и к тому же служил частью административного деления города. Ввиду отсутствия агоры, площади и места общегородской концентрации социальной активности населения квартал на Востоке стал центром общественной деятельности. Правда, исследователи отмечают, что такие кварталы находились под управлением ставленников правителя и не могут считаться центрами муниципального самоуправления. Кварталы были известны и на Западе, преимущественно в достаточно крупных городах. Иногда они совпадали с приходской организацией городских жителей, но довольно часто имели самостоятельное политическое значение: так, кварталы тосканских городов содержали собственные ополчения – гонфалоны, а пять новгородских «концов» собирали свои веча и обладали очень важными правами.

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ И ВОЛЬНОСТИ ГОРОДОВ

Городское управление во многом определялось обстоятельствами возникновения города и на чьей земле он располагался. Между городом и государством (или, скорее, правителем как олицетворением государства) устанавливались сложные взаимоотношения. В Европе известны случаи, когда король поддерживал борьбу города против его непосредственного сеньора, укрепляя союз между городами и королевской властью. В то же время централизованное государство не было заинтересовано в самоуправляющихся городах, именно поэтому они отсутствовали на Востоке. В Иране Сасаниды практически сразу после создания своей державы принялись подавлять унаследованное от предыдущего периода городское самоуправление. Можно объяснить отсутствие широких прав самоуправления в городах Англии и Швеции именно наличием с раннего времени сильной королевской власти. Крайнее выражение независимость получила в автономных городах-государствах Италии, первоначально республиках. К такому типу общественной структуры относились также многие германские города (будущие имперские города). Отсутствие политических амбиций у восточных городов или их жителей привело к тому, что там не сложились городские сословия. Этому также могли препятствовать местные порядки (касты в Индии). В Китае и Японии горожане (купцы и ремесленники) занимали в официальной иерархии низшее место по сравнению с «добрым людом» – крестьянами, что не мешало богатым купцам играть порой важную роль в обществе.

Города-коммуны

Различия в методах и результатах коммунального движения зависели от конкретных условий. Отсутствие сильной центральной власти позволяло самым развитым, богатым и населенным городам добиваться наиболее полного объема возможных тогда свобод. Так, в Северной и Средней Италии и в Южной Франции уже в IX–XII вв. города достигали положения коммуны, там развились такие органы самоуправления, как консулы и сенат (названия которых заимствованы из античной традиции). В Италии коммуны сложились уже в XI в., и некоторые из них (Генуя, Флоренция, Венеция и ряд других) стали, как уже говорилось, городами-государствами и своего рода коллектив-

ными сеньорами: их политико-судебная власть распространялась на сельские поселения и мелкие города в радиусе десятков километров (область – «дистретто»). Самостоятельной коммуной-республикой с XIII в. был далматинский Дубровник. Боярско-купеческими республиками с огромной подвластной территорией являлись Великий Новгород и Псков до конца XV в. (т.е. захвата и разорения их Московским государством), там власть князя ограничивалась выборным посадником и вече. Города-государства обычно имели олигархическую форму управления: во главе них стояли советы из числа привилегированных горожан; но некоторые, например итальянские, со временем трансформировались в монархии и даже деспотии. Несколько позднее, в XII в., стали коммунами некоторые города Северной Франции и Фландрии. В XIII в. городские советы образовались в городах Германии, Чехии и Скандинавии. Во Франции и Германии коммунальное движение приняло особенно острый характер в епископских городах; оно продолжалось иногда десятилетиями (например, в городе Лан) и даже столетиями (в Кёльне). В других странах Европы масштабы и острота коммунальной борьбы были много меньше.

Города-коммуны имели выборных советников, мэров (бургомистров), других должностных лиц; свои городское право и суд, финансы, право самообложения и раскладки налогов; особое городское держание; воинское ополчение; право объявлять войну, заключать мир, вступать в дипломатические сношения. Обязательства города-коммуны в отношении его сеньора сводились к небольшому ежегодному взносу. Сходное положение в XII–XIII вв. заняли в Германии наиболее значительные из так называемых имперских городов (подчиненных непосредственно императору), которые фактически стали городскими республиками (Любек, Гамбург, Бремен, Нюрнберг, Аугсбург, Магдебург, Франкфурт-на-Майне и др.)…

Города-государства

Место города во многих локальных цивилизациях нередко было определяющим. Это касалось всех патриархальных эпох, в том числе Средневековья. Речь идет о городе-государстве, когда собственно государство состояло из центра в виде относительно крупного местного мегаполиса, часто в сопровождении более или менее значительных городов и всегда с окружающими их сельскими поселениями. Такая структура общества была особенно характерна для времени «малых королевств», т.е. для раннего Средневековья – до образования объединенных государств, а в развитое Средневековье – для периода политической раздробленности. Но, например, на Апеннинском п-ове такая структура общества сохранялась на протяжении всего периода, когда будущая Италия представляла из себя конгломерат автономных городов-государств, первоначально республик, позднее – от олигархических республик до Синьорий. К такому типу общественной структуры относились также многие германские и восточнославянские земли, где отдельные государства, формально политически объединенные (в первом случае империей, во втором – властью Киева), на практике представляли собой отдельные соперничающие княжества, каждое из которых имело в центре относительно крупный город. Следы такой организации сохранялись на Руси до конца XV в., во Франции (и не только там) – вплоть до эпохи абсолютизма, хотя бы в виде территориальных образований с главным городом и наследственной центральной властью…

ГОРОД И ДЕРЕВНЯ: СВЯЗИ И РАЗЛИЧИЯ

Город в Средние века всегда противопоставляется деревне. Характер их взаимоотношений меняется и зависит во многом от конкретных обстоятельств. Античный полис был неразрывно связан со своей сельской округой и составлял с ней единое целое. Совсем иначе обстояли дела в Средние века. Город оказывается отделен от сельской местности, даже если в нем самом и имелись какие-то поля, даже если горожане и владели землей или сами занимались сельским хозяйством, разбивали огороды и сады

(в пределах города или за стенами). Существовала всеобщая уверенность в том, что город имеет четкие границы (не обязательно совпадавшие с городскими стенами). Город жил по своим законам и порядкам, зачастую отличным от деревенских или даже от общегосударственных, обладая собственным правом. Наличие правовой обособленности от остальной территории Макс Вебер считал главной отличительной чертой западного города от восточного.

Городское право в Европе

Важную роль играла выработка городского права, которое соответствовало не только общему средневековому правопорядку, но и условиям тогдашней городской жизни. Обычно оно включало регулирование торговли и ремесла, мореплавания и землепользования, положения внутригородских корпораций и разделы о правах разных слоев горожан (имущественных, деловых и личных), об условиях найма, кредита и аренды, о городском управлении и судопроизводстве, ополчении и бытовых распорядках. При этом города как бы обменивались правовым опытом, заимствуя его друг у друга, подчас из других стран. Так, Магдебургское право действовало не только в Ростоке, Висмаре, Штральзунде и других городах своей зоны, но и было принято скандинавскими, прибалтийскими, чешскими, а отчасти и польскими городами.

В странах с относительно сильной центральной властью даже наиболее значительные и богатые города, не могли добиться права коммуны; хотя они имели выборные органы, их деятельность контролировалась чиновниками короля, реже иного важного сеньора. Город платил регулярные городские и нередко экстраординарные государственные подати. В таком положении находились многие города Франции (Париж, Орлеан, Бурж и др.), Англии (Лондон, Линкольн, Йорк, Оксфорд, Кембридж и др.), Германии (кроме имперских), Чехии (Прага, Брно) и Венгрии, королевские и панские города Польши, города Дании, Швеции, Норвегии, а также Каталонии (Барселона), Кастилии и Леона, Ирландии, большинство русских городов. Наиболее полные свободы таких городов включали лишь отдельные привилегии, например отмену произвольных налогов, ограничений в наследовании имущества, свой суд и самоуправление, экономические привилегии, иногда обладали суммой некоторых из них. Под контролем государственных и столичных чиновников находились города Византии; они не добились широкого самоуправления, хотя и имели собственные курии.

Вольности городов сохраняли характерную феодальную форму привилегий и приобретались в индивидуальном порядке, что было типично для системы средневековых привилегий в целом. Масштабы распространения городских свобод сильно варьировали. В большинстве стран Европы не было городов-республик и коммун. Многие мелкие и средние города по всему континенту не получали привилегий, не имели самоуправления. В Восточной Европе вообще не развилось коммунальное движение, города Руси, за исключением Новгородской и Псковской республик, не знали городского права. Большинство европейских городов в течение развитого Средневековья получили лишь частичные привилегии. А многие города, не имевшие сил и средств для борьбы со своими сеньорами, оставались под их полной властью: княжеские города южной Италии, епископские города некоторых немецких земель и др. и все-таки даже ограниченные привилегии благоприятствовали развитию городов.

Важнейшим общим результатом коммунального движения в Европе оказалось освобождение жителей множества городов от личной зависимости. Установилось правило, что убежавший в город крестьянин становился свободным, прожив там «год и день» (иногда год и шесть недель): «городской воздух делает свободным», – гласила средневековая пословица. Однако и этот прекрасный обычай не был универсальным. Он вообще не действовал в ряде стран – в Византии и на Руси. Итальянский город-коммуна охотно освобождал крестьян-беглецов из чужих дистретто, но вилланы

и колоны из собственного дистретто этого города освобождались лишь через 5–10 лет городской жизни, а сервы не получили волю вовсе. Городская юрисдикция повсюду распространялась на пригород; нередко право юрисдикции в отношении одной или даже десятков окружающих деревень постепенно выкупалось городом у соседа-феодала. Именно таким образом сами города, особенно в Италии, в конце концов стали своего рода коллективными сеньорами.

И на Западе, и на Востоке горожане по большей части отличались от сельских жителей не только своей деятельностью, но и культурным уровнем, кругозором, особым жизненным ритмом. Конечно, более ярко эти отличия проявлялись в крупных городах с высокой концентрацией населения, плотной застройкой, где чаще всего сосредотачивались административные функции. Однако между городом и деревней шел активный обмен товарами и людьми. Крестьяне привозили туда сельскохозяйственную продукцию на продажу (в основном подсобное хозяйство самих горожан предназначалось для самообеспечения, а не для продажи, если не считать некоторых европейских городов винодельческой зоны) и покупали продукцию ремесленников, не имевшуюся в деревне, где в основном сохранялись ремесленники базовых профессий, да и сами крестьяне могли заниматься на досуге ремеслом. Несмотря на свои стены, реальные или воображаемые, город остается неразрывно связанным с деревней. «Закрытость» средневекового города (о которой писал Ф. Бродель) заключалась скорее в грани, отделяющей горожанина от крестьянина, и в существовании определенных условий, определяющих переход из одной категории в другую. Даже если функционально город не является в первую очередь центром местной торговли (другие функции – пункт транзитной торговли, специализация в дальней торговле, портовая функция, административная и др.), он все равно во многом зависит в своем снабжении продуктами и сырьем от сельской округи. Как правило, сами города не располагают таким количеством земли, чтобы полностью обеспечивать свои потребности в продуктах питания и сырье для своих производств.

Городское население отличается своим более пестрым по сравнению с деревней составом как в социальном, так и этническом плане. Что касается первого обстоятельства, то в городе представлены все слои средневекового общества. При этом можно выделить некоторые региональные различия. На Востоке в городах весьма часто селились местные землевладельцы, а кроме того немало чиновников. Также наблюдается значительное присутствие иноэтничных элементов именно в городах; немцы в славянских городах от Сербии до Польши, а также в Венгрии, Трансильвании и Валахии; армяне в городах Закавказья, Малой Азии и той же Валахии; арабы в китайском Гуаньчжоу и китайцы в городах Юго-Восточной Азии. Преимущественно в городах расселялись евреи в Европе, что со временем приведет к образованию гетто.

Города пополняли число своих жителей в большей степени за счет иммиграции (из деревни и других городов), чем путем естественного прироста населения. Последнее было незначительно из-за высокого уровня смертности в городах, вызванного большой концентрацией людей, низким уровнем санитарии и быстрым распространением болезней, подверженностью эпидемиям. Новоприбывшие могли привнести в город новые силы и идеи, но в то же время с ними приходили и сложности расселения, социальной дифференциации, включения их в сложившуюся в городе социальную, экономическую и политическую систему, а также сохранения порядка, что требовало от местных властей значительного напряжения сил.

Помимо географической мобильности необходимо также отметить и социальную подвижность. Города привлекали амбициозных людей, даже статус самих рядовых горожан превышал статус крестьян, особенно зависимых. В Европе переселение в город, как уже сказано, зачастую ассоциировалось с получением свободы, хотя одного факта переселения было недостаточно для ее достижения, условия варьировались от

города к городу. Можно только отметить, что со временем наметилась тенденция, которая все больше усложняла доступ в городскую общину, в число полноценных граждан города (полный доступ к городским привилегиям), делая картину населения еще более пестрой. Тем не менее представление о городе как о месте больших возможностей существовало уже в Средние века. Это – рабочие места, благодаря большему разнообразию профессий, большая свобода идей и поведения. Но в то же время город также означает и больший риск, где присутствует высокий уровень смертности, более значительная экономическая и политическая нестабильность, угроза нищеты.

Города как концентрат общества отражают все его явления, которые с учетом более высокой плотности населения носят более интенсивный характер. Поэтому горожане оказываются более подверженными влиянию новых идей, составляют благодатную почву для образования сект и еретических учений. Средневековые проповедники это прекрасно осознавали, не случайно именно на города нацеливались в своей миссии нищенствующие ордена. Тут можно обнаружить сразу несколько причин: большая греховность и концентрация жителей, а значит возможность получить щедрую милостыню, пестрота населения, а также пример, который город подает деревне. Многие радикальные проповедники, ратующие за возвращение к идеалам бедности, происходили из городской среды (например, Франциск Ассизский или Петр Вальдо). Еще в большей степени это характерно для исламских регионов, так как ислам возник как городская религия и в первую очередь оставался таковой. Известно, что каган тюргешей отказался принять ислам, ответив послу халифа, что среди его воинов «нет ни цирюльников, ни торговцев, ни портных; если они будут следовать предписаниям ислама – то откуда же они добудут средства к жизни!» В странах Магриба долгое время существовало две отдельные исламские традиции: городская основывалась на изучении религиозных текстов, занятиях наукой и философией, вторая, «народная», «сельская», была в основном связана с почитанием мусульманских святых и мистицизмом.

…Во всех регионах мира города являлись прежде всего культурными центрами: там достигалась большая концентрация грамотных людей – это купцы и ремесленники, в силу потребности своей профессии, а также люди, связанные с администрацией правителей. Кроме того, в городах имелись школы, и именно там возникнут первые университеты. Христианские, буддистские, даосские или иные монастыри нередко выступали интеллектуальной альтернативой городам. Но при всей их замкнутости в своем мире и стремлении ограничить свои функции преимущественно духовной сферой, монастыри оказываются достаточно тесно связаны с городами, то укрывая городские поселения под защитой своих привилегий, то воспринимая городской образ жизни и успешно интегрируясь в городское пространство. В целом для средневековой городской культуры характерно все большее обмирщение, усиление в ней светского компонента. Городские жители обладают большим кругозором, познавая мир через торговые связи и приезжих людей. В городах (тут Восток и Запад едины) складывается своя культура: свои литературные жанры и архитектура, которые динамично развиваются.

Итак, город был важной и неотъемлемой общественной структурой средневекового мира. Его особенность заключалась в том, что он представлял собой общественный концентрат, сгусток информации, место перераспределения и потребления прибавочного продукта. Открытость внешнему миру и способность воспринять новое обусловили динамическое развитие города, его постоянную трансформацию, и способность к инновациям.

Всемирная история: в 6 т. / А.О. Чубарьян [гл. ред.]; Ин-т всеобщ, истории РАН. – М.: Наука. – Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П.Ю. Уваров. – 2012.

МОДУЛЬ 3
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (XIV–XV вв.)

20. Е.В. ГУТНОВА О СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ СОБРАНИЯХ СРЕДНИХ ВЕКОВ

С конца XII по начало XVI в. почти во всех странах Европы в разное время возникают и начинают играть заметную роль сословно-представительные собрания. Их не знали лишь немногие области Европы – Византия, Болгария, итальянские города-государства. Вместе с тем, нигде, кроме европейского континента, такие учреждения не сложились. Очевидно, они были одним из элементов уникальной европейской цивилизации. Сословные собрания возникали в различных странах в разное время, но в сходных социально-политических условиях: в атмосфере складывания городского сословия и окончательного оформления других общегосударственных сословий, в частности, мелкого и среднего рыцарства, и на фоне укреплявшейся государственной централизации.

Возникновение сословных собраний было, таким образом, одним из проявлений динамизма европейской цивилизации, истоки которого обнаружились уже в средние века и уходили своими корнями в микро- и макроструктуры феодального общества.

Суть процесса государственной цивилизации, в рамках которого рождались и сословные собрания, составляло перерастание сеньориальной, патримониальной власти раннесредневековых королей в публичную. Этот процесс сопровождался ограничением политического могущества крупных феодалов на местах и все большей концентрацией их политических интересов в центральном управлении. Одним из средств, стимулировавших проявление этих интересов в центре, стало привлечение магнатов, в качестве непосредственных вассалов короля, сначала в королевскую курию, а затем – в периодически собиравшиеся более широкие совещания светских и духовных магнатов, в качестве советников короля по их положению. Постепенно их вассальная обязанность давать своему сеньору-королю «совет и согласие» превращалась в высокоценимое право, обеспечивающее им ряд привилегий, возможность воздействовать на политику короны, хотя и представлявшие только себя лично магнаты консолидировались в сословие высшей знати (иногда вместе с крупными церковными феодалами, как в Англии, например). В качестве прирожденных советников короля, обладающих монопольным правом давать ему советы, магнаты стали претендовать уже на право защищать перед королем интересы «всего народа» или «всей страны».

Последующее привлечение в государственные собрания нижестоящих сословий – мелкого рыцарства (в отдельных странах), представителей городов (в большинстве таких собраний), духовенства, как сословия, – нарушало эту монополию крупнейших феодалов. Сословные собрания с таким более широким составом объединяли в себе три элемента – лично приглашаемых магнатов, выборных представителей других сословий и довольно многочисленный корпус высших должностных Лиц короля. Присутствие в этих собраниях представительства от нижестоящих сословий, в сущности, конституировало совсем новое учреждение – собственно сословное собрание. Представительный принцип, лежавший в основе комплектования и функционирования выборной части таких собраний, опирался на древние традиции выборности и представительства, давно использовавшиеся в многослойной структуре корпоративных организаций, характерных для феодального строя и сохранявшихся в недрах публично-правового, в значительной мере отчужденного от общества государства.

В эту сеть корпораций входили такие микроструктуры, как сельские и городские общины, разного рода гильдии, а также более крупные территориальные объединения

общин, такие, как церковные приходы или население провинций (например, сотен и графств в Англии). Позднее к ним прибавились общегосударственные сословия, складывавшиеся в значительной мере на базе провинциальных и городских общностей и через них получивших право на участие в сословных собраниях. Все местные корпорации такого рода были изнутри связаны общими интересами своих членов и функционировали на основе принципа их «общего согласия», имели свои органы самоуправления. Между собой и с государством они взаимодействовали через своих представителей.

Когда у центральной власти, в связи с развитием общегосударственного обложения, законодательства, наемной армии возникла потребность заручиться согласием не только магнатов, но и более низких сословий или сословных групп, она, естественно, воспользовалась традициями представительства, принятого в местных корпорациях. Королевская власть задолго до возникновения сословных собраний искала контактов с органами местного самоуправления. Она или прямо включала их в свою судебно-административную систему на местах (например, в Англии с середины XII в.), или опиралась на их помощь спорадически. Потребность в таких контактах диктовалась слабостью королевской администрации на местах, необходимостью иметь правдивую информацию, а также минимальную поддержку мероприятиям короны. Для короля приглашение представителей местных корпоративных общностей в сословные собрания стало одним из средств сохранения политической стабильности в стране. Но иногда магнаты, при поддержке с мест, навязывали ему сословно-представительные собрания силой: наиболее дальновидные из них в борьбе за власть с королем тоже быстро осознавали необходимость поддержки с мест, со стороны более широких социальных слоев, претендуя на то, чтобы быть заступниками «всего народа»...

Появление представительного элемента в сословных собраниях, по воле ли короля, или баронской оппозиции, означало расширение спектра социальных слоев, с которыми корона могла вести постоянный диалог, осуществляя "обратную связь" со своими подданными. Этот сдвиг в структуре главных политических собраний сам по себе был шагом вперед в вопросе демократизации системы управления.

Таким образом, уникальный опыт средневековой Европы в создании сословно-представительных собраний стал возможным благодаря сочетанию в странах этого региона относительно сильной монархической власти – с развитой вассально-ленной системой и живучестью общинно-корпоративных институтов, послуживших позднее основой для формирования общегосударственных сословий или сословных групп. Возможно, что корни этого феномена уходили в особенности европейского феодализма и еще глубже – в специфические черты общинных структур в этом регионе. Но эти вопросы требуют специального рассмотрения.

Роль представительного элемента была очень различна в сословных собраниях разных стран. Иногда он был представлен только горожанами и духовенством (Франция, Каталония), иногда городами и рыцарством при отсутствии духовенства (Англия) или вместе с духовенством (Арагон). Иногда, там, где сохранялось много свободных крестьян, в собрания приглашались и их представители (Кастилия, Швеция, Тироль, Русь).

Социальная позиция депутатов, в частности, горожан и рыцарей, зависела от состава избирателей. Иногда рыцари избирались в окружных территориальных собраниях, где присутствовали и свободные крестьяне (Англия), иногда на окружных собраниях только дворян (Польша, Венгрия, Арагон, Каталония), иногда в их выборах участвовали также горожане и крестьяне (Кастилия). Городские депутаты избирались на собраниях, состав которых сильно варьировал, в зависимости от политического строя города – более демократического или олигархического. Во многих странах депутаты от городов и сельских территорий вообще не избрались, а назначались должностными лицами короля. И от городов и от рыцарства в сословные собрания попадали, как прави-

ло, наиболее влиятельные и богатые люди, нередко королевские администраторы и легисты. Зависимые крестьяне и городские низы вообще не принимали участия в выборах. Все это было очень далеко от современных представлений о демократии. Однако депутаты с мест были связаны пожеланиями и интересами избравших их корпораций: имели от них "императивный мандат", оплачивались за их счет, нередко обязывались отчитываться перед ними. Поэтому появление представительного элемента в государственных собраниях заметно расширяло каналы для выражения пожеланий и требований к королю с мест. Это подтверждается и деятельностью сословных собраний. Главными их функциями повсеместно являлись: разрешение экстраординарных государственных налогов, передача королю и обсуждение в собрании поступавших с мест петиций, санкционирование наиболее важных законов. Они являлись обычно также высшим судом и привлекались к решению наиболее важных вопросов внешней политики.

Совокупность прав сословных собраний в осуществлении всех этих функций была различна в разных странах. Иногда король не имел законного права собирать налоги без разрешения сословий (Англия, Кастилия), в других случаях собрания не имели такой компетенции.

Но их отказ санкционировать субсидию на практике затруднял ее сбор, что вынуждало корону все же добиваться санкций сословий, в том числе и ценой разных уступок в их пользу. Торгуясь с правительством о размере очередного налога, представительная часть собраний в какой-то мере должна была учитывать реальные платежные возможности и настроения своих избирателей, а отчасти и массы населения своих округов, включая иногда даже зависимое крестьянство и рядовых граждан. Так, в принципе профеодальная позиция сословных собраний в этом вопросе отчасти корректировалась в сторону некоторой ее демократизации. То же заметно в их деятельности, связанной с петициями. Сначала большая часть их адресовалась королю и его совету. Но вскоре многие петиции, особенно коллективные (от общин и корпораций) стали объектом рассмотрения и дискуссий в самом собрании и материалом для более обобщенных требований сословий, которые нередко давали основу для законодательства. Социальный смысл таких общих петиций, составлявшихся уже в собраниях и изданных по ним законам, был обычно ограничен сословными интересами магнатов, рыцарства, в лучшем случае – городов. Но поскольку интересы парламентариев часто совпадали с нуждами их выборщиков, последние в какой-то мере отражались и в таких общих, подававшихся от имени собрания петициях: в требованиях о снижении налогов и пошлин, прощении недоимок, обуздания злоупотреблений местной администрации, прекращения бесплатных конфискаций провианта для армии и двора, о соблюдении права в судах, о пресечении бесчинства магнатов и т.п.

Голос массы свободных жителей королевства нередко звучал в сословных собраниях через депутатов сословий в Англии в 1339–1341 гг., 1376 г., 1386 г., во Франции в 1484 г., в кастильских кортесах и во многих других собраниях. Конечно, в законодательстве эта более демократическая установка представительных элементов собраний реализовалась далеко не полностью. Во-первых, потому, что не все собрания пользовались правом законодательной инициативы и даже обязательного санкционирования законов. Во-вторых, потому, что в повседневной практике сословных собраний компромисс между сословиями и королем достигался нередко за счет городов и крестьянства. Порой соглашению предшествовали острые конфликты, своего рода парламентские бунты. Главной активной силой их была представительная часть собраний, хотя их использовали в своих целях иногда и магнаты. Поэтому в таких «бунтах» часто лидировали города или рыцарство, отстаивавшие свои интересы против магнатов, а иногда и короны, выставляя себя глашатаями «всего народа». Так было, например, на Генеральных штатах 1356–1357 гг., 1380 и 1413 гг., во Франции, на кастильских кортесах 1250, 1282, 1286, 1295, 1312, 1313 гг., во время оппозиционных выступлений

английской «Палаты общин» (здесь застрельщиками были рыцари), в 1339–1341 гг., 1348–1349 гг., 1360 г., 1376 г., 1399 г., когда парламент низложил с согласия Палаты общин Ричарда II. В таких конфликтах часто выдвигались требования ограничения королевского произвола, наказания советников-«изменников», иногда – введения в королевский совет лиц, угодных собранию, его контроля над финансами, т.е. по существу ставился вопрос о политической власти. Обычно эти конфликты заканчивались очередным компромиссом с правительством и между Палатами. Но бывали случаи, когда летели головы королевских советников, а иногда и самого короля или происходила смена династии. Поэтому, хотя сословные собрания как центры политических компромиссов в известной мере «гармонизировали» политическую жизнь, как-то сдерживая вооруженные конфликты, одновременно они являлись и средоточием острой оппозиции короне и орудием ее ограничения. Эта оппозиция возбуждала и политическую активность широких масс в поддержку бунтующих сословий. В целом же в повседневной жизни и в острых ситуациях воздействие сословных собраний на политику государства было довольно значительным. Оно определялось прежде всего тем, что эти собрания были одним из важнейших центров «диалога» между королем и его подданными. При этом в реальной жизни и король и бароны часто оказывались перед лицом самостоятельных действий представительного элемента сословных собраний.

Отсюда проистекала их двойственная роль в политической структуре средневекового общества: они, конечно, служили опорой центральной власти, во многом поддерживая ее политику всесословным волеизъявлением. Но вместе с тем они были средоточием интересов всех свободных слоев общества, их претензий к правительству, своего рода барометром общественного мнения, средством его практической реализации. Поэтому они в чем-то и стесняли власть короля, оказывались носителями пусть ограниченной, сословной, но все же демократии.

Сословные собрания играли немалую роль в политическом воспитании общества, формирования в нем политической культуры, привитии ему навыков политической борьбы и достижения компромиссов, проведения выборов депутатов на местах. Чем дальше, тем больше в общественном сознании утверждалось мнение о важной политической роли сословных собраний. По мере того, как вырабатывалась парламентская процедура, развивалась терпимость в дебатах, представления о свободе слова, депутатской неприкосновенности.

Наконец, появление сословных собраний оказало значительное воздействие на политические теории и расхожие представления средневековья. У колыбели этих собраний стоял принцип «согласия» в двух его вариантах – непосредственных вассалов короля и представителей местных общинных корпораций. Опираясь на него, королевская власть при созыве собраний, чем дальше, тем больше старалась изобразить их как представительство всей страны. Одновременно она вводила в употребление понятие «общего блага» в качестве цели своей политики, часто оправдывая им свои требования к сословиям. Последние очень быстро сами взяли на вооружение эти принципы, добавив к ним еще два: «общественной необходимости» и «народного суверенитета» в его средневековой форме. Они … привыкали видеть в сословных собраниях представительство не только отдельных сословий, но всей страны – «общины королевства», или «общины общин», по терминологии английских источников XIV–XV вв. <…> Конечно, демократизм средневековых сословно-представительных собраний был весьма относителен. Едва ли можно оспорить мнение тех ученых, которые подчеркивали классовую природу этих собраний, как органов феодального государства, враждебного трудовому народу. Однако классовые задачи не исчерпывают значения деятельности представительных учреждений средневековья, так же как и феодального государства в целом. Очевидно, их место в развитии феодального общества и в европейской цивилизации следует оценивать в более широком контексте.

Эти новые учреждения в своем развитии вышли за рамки уготованной им судьбы покорного орудия королевской власти или аристократических претензий магнатов. Вольно или невольно они оказались носителями некоторых элементов средневековой демократии. Ликвидировав монополию магнатов на совещательные обязанности при короле и ограничив их собственные олигархические притязания, сословно-представительные собрания, где в большей, где в меньшей степени, лимитировали и автократические стремления центральной власти. Наконец, возникновение сословных собраний и постепенный рост их влияния создавали определенные традиции представительной системы управления, выборности, порождали заметные сдвиги в политическом сознании народов.

Конечно, в феодальном обществе господствовали иерархизм и автократия, осуществляемая королем через достаточно сложный и разветвленный судебно-административный аппарат, действовавший помимо сословных собраний. Над умами политических деятелей того времени господствовал образ короля, как главы государства, помазанника божьего, сакрального вождя народа. Поэтому в своей повседневной практике сословные собрания были скорее покорны, чем мятежны. Чем больше усиливалась власть короля в XV–XVI вв., тем реже стали собираться эти собрания, или от них отказывались вовсе как от ненужного прикрытия в пору абсолютизма. Однако, в истории, в этой копилке человеческого опыта, ничто не пропадает бесследно. Принцип представительства не умер. Он возродился в новых формах в XVII–XIX вв. Не случайно английская революция началась в парламенте, со ссылок на «Великую хартию вольностей» и средневековые традиции этого учреждения, а французские революция конца XVIII в. – с созыва, казалось бы, давно забытых Генеральных штатов.

Именно эти традиции, а не полисный принцип прямого народоправства, заложили основы той организации политической власти, которые позднее легли в основу современных демократий, и тем самым внесли свой заметный вклад в развитие европейской, а позднее и мировой цивилизации.

Гутнова, Е.В. Сословно-представительные собрания Средних веков в истории европейской цивилизации / Е.В. Гутнова // Цивилизации. – Вып. 3 / под ред. А. О. Чубарьяна. – М.: Наука, 1995. – С. 202–209.

21. Н.А. ХАЧАТУРЯН. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ: К ВОПРОСУ О ПРЕДЫСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

…Сословно-представительный режим не повторял «демократии» греческих полисов или явления принципата с попыткой соединения остатков республиканских свобод с элементами формирующейся авторитарной власти в Римской империи.

…Форма сословного представительства явила собой контраст с авторитарной формой политической власти, господствовавшие позиции которой в средневековом обществе определяли полицентризм и иерархическая структура последнего. Она отличалась от известных Средневековью коллективных и выборных форм власти в виде реминисценций догосударственной жизни, или органов местного и городского управления. Но последние оставались только сопутствующим, хотя и знаковым явлением, подпитывая своим опытом, особенно опытом городских коммун и городов-республик Апеннинского полуострова или республик Новгорода и Пскова, сословно-представительный режим. Наконец, в качестве допустимой аналогии следует назвать известную средневековую практику ассамблей королевских курий. Они составили непосредственную предысторию сословно-представительного режима, обеспечивая диалог сюзерена с его вассалами и, несомненно, оказав на будущий институт влияние

реализацией идеи «совета», пока осуществлявшегося в правовых нормах только личного контракта, с узким кругом лиц, принадлежавших политической элите общества. Эта практика осталась в рамках так называемой «патримониальной» природы государственности, характеризуемой личными социальными связями в системе власти, службы, зависимости.

Интересующая нас политическая форма, возникнув в условиях заметной социально-экономической и политической трансформации средневекового общества, радикально изменила решение вечного и весьма острого в истории вопроса о соотношении власти и общества, создав выборный, публично-правовой по характеру орган. Он был конституирован по принципу «представительства» социальных групп, предполагая участие в политической жизни непривилегированной, но лично свободной податной части населения в лице «депутатов» от городов, а в ряде случаев прямо или опосредованно, от лично свободного крестьянства, т.е. laboratores – людей, которые жили «трудом рук своих», кормили и одевали общество.

<…> Вместе с тем средневековые ограничители подчас обнаруживают себя в формах, присущих глубокому Средневековью, т.е. формах, сохранявших патримониальные качества, которые не соответствовали публично-правовому характеру, декларируемому самим фактом возникновения и назначением явления сословного представительства. Приведу несколько примеров, начав с оценки корпоративизма – явления, который оценивается нами в качестве решающего фактора в возникновении и судьбах представительных учреждений. Однако его роль оказалась двойственной: процесс самоорганизации общественных сил, их выход на общегосударственную политическую арену в виде сословий, а также результативность их активности, в частности через сословно-представительные учреждения – сопровождался консервацией партикуляризма в виде сословно-корпоративной формы выборов и представительства, который на определенном этапе станет тормозом в деле консолидации общества.

В работе ассамблей ярким показателем лимитов представительного учреждения являлась технология выборов. Они часто заменялись простым назначением депутатов со стороны руководства монастыря или города; проходили в форме «ограниченных» выборов, которые проводил аббат монастыря и часть монахов или члены городского совета и несколько сот или десятков лиц, представлявших элиту города. По существу, имитацией процедуры «прямых выборов» являлись выборы par tourbe, т.е. толпой горожан, собравшихся на рыночной площади, которые «воодушевленно» выкрикивали имя депутата. В среде дворянства принятию выборного принципа мешали личные вассальные связи и политическая власть феодальной элиты, частная власть которой на местах в условиях очень медленно изживавшегося партикуляризма, питала убеждение последней в праве персонифицировать интересы населения в ее доменах. Отражая эту ситуацию, средневековые парламенты оставляли возможность соединения в своей структуре режима представительства с практикой расширенного королевского совета даже в английском парламенте, в палате лордов, или Боярской думы, в Земских соборах, члены которых действовали по праву личного присутствия.

Особого внимания заслуживает вопрос о природе мандата, которым располагал депутат. Принцип средневекового представительства демонстрировал новацию, реализовав публично-правовую природу выборной практики, придав депутатам зафиксированный мандатом статус «публичного» лица, ответственного перед некоей общностью своих выборщиков. Мандат, будучи знаком модернизации общества в публично-правовой сфере его жизни, приобрел, однако, характер «императивного», ограничив действия депутата весьма жёсткими инструкциями, – ситуация, которая часто требовала дополнительных инструкций и новых консультаций «на местах», тормозя и затрудняя работу ассамблей. Обеспечивая известные гарантии от посягательств верховной

власти на «свободы сословий» и в контексте будущего способствуя выработке права неприкосновенности депутата, он культивировал, в конечном счете, местничество, торг с властью, мешая, в частности, выработке в среде депутатов принципа большинства. Императивный мандат действовал с неодинаковой силой выражения в разных учреждениях, но даже в английском парламенте, где в палате общин мог работать принцип большинства, прямая зависимость депутатов от избирателей была источником противоречий с королевской властью и уничтожена только в начале XVII в. В ходе буржуазных революций именно отмена сословных выборов и императивного мандата сделали возможным провозглашение принципа юридического равенства всех граждан перед законом и стали началом парламентов Нового времени в Западной Европе.

При всех ограничениях, свойственных средневековому парламентаризму, итоги анализа не отменяют … высокую оценку явления. Социальный опыт и практика сословного представительства явили собой рождение нового образа общества, в состав которого оказалась включенной его податная, экономически зависимая, но лично свободная часть, допущенная к диалогу с королевской властью. Более того, они показали, что общество – в достаточно широких социальных параметрах может быть не только объектом государственной политики, но ее субъектом, с более или менее выраженными средствами «защиты и нападения». Сословно-представительная практика, включившая в политическую жизнь общества его непривилегированную часть, высветила в качестве значимой – проблему менявшегося соотношения власти с большей или меньшей частью общества: их диалогом и взаимодействием, или дихотомией, с возможными взрывами и в противостоянии, когда парламентские формы оказываются несостоятельными. Таким образом, политический средневековый опыт внес вклад в развитие политических структур Нового и Новейшего времени. В свою очередь, опыт социального развития, реализуемый как глубинный процесс, формировал предысторию «гражданского» общества, в частности, с помощью сословно-представительных учреждений, воспитывая членов общества, как «граждан», озабоченных не только проблемами политической свободы, но и ответственностью за общее благо в соответствии с принципами государственного устройства, провозглашенными еще в античности Аристотелем.

Хачатурян, Н.А. Средневековый парламентаризм: к вопросу о предыстории европейского гражданского общества / Н.А. Хачатурян // Новая и новейшая история. – 2017. – № 4. – С. 16–23.

22. МАЛИНИН Ю.П. РЫЦАРСКАЯ ЭТИКА В XIV–XV вв.

Наряду с христианской моралью рыцарская этика была важнейшей составной частью средневекового этического сознания. Точнее можно было бы сказать, что она формировала у многих представителей дворянского класса особый тип сознания. Это сознание, как и религиозно-христианское, в своей основе тоже было нравственным, поскольку оно опиралось на определенные этические ценности. Однако ценности эти были выработаны не только и не столько под влиянием традиционных христианских представлений, сколько в результате развития богатой и самобытной рыцарской культуры. Возникшая благодаря необычайному подъему самосознания дворянства, самосознания, отлившегося в уникальные правовые и культурно-этические формы, эта культура придала французской и вообще западной цивилизации те неповторимые черты, которые не изгладились и тогда, когда исчезло само рыцарство и ушли в прошлое многие черты его миросозерцания, вытесненные новой общественной мыслью эпохи Возрождения.

Основой культуры является этика. Этика рыцарства, соперничая с христианской моралью и в известной мере ей противостоя, была проникнута духом сословной гордыни

ни. Христианская мораль – это мораль милосердия и смирения, рыцарская – гордости и достоинства. Вместе они создавали как бы силовое поле, ускорявшее духовное развитие всего общества. Рыцарская этика выполняла важную общесоциальную функцию, ее авторитет и влияние выходили далеко за границы высшего сословия.

Рыцарство положило начало светской этике в Западном мире. Начиная с классического средневековья ее нормы претерпели различные изменения, так или иначе связанные с социальными трансформациями и переоценкой нравственных ценностей. Но сколь бы глубокими ни были эти последние, рыцарское этическое наследство никогда полностью не обесценивалось и всегда, вплоть до настоящего времени, в той или иной мере сохраняло свое культурное значение и притягательность. И не только благодаря духу бескорыстия рыцарского идеала, в любые времена находившего отклик в человеческих сердцах. В гораздо большей степени его жизнестойкость обеспечивалась этическими нормами, призванными к поддержанию личного достоинства, чести и гордости. Одни из этих ценностей долгое время котировались лишь среди дворянства, оказывая на другие сословия лишь опосредованное влияние, другие сравнительно рано, в XIV–XV вв., были обращены и к низшим сословиям, вызывая ответный спрос на них, или получали распространение благодаря своей естественной притягательности для них как атрибут благородства.

При всем богатстве и разнообразии научной литературы о культуре рыцарства его история в XIV–XV вв. изучена гораздо хуже, нежели история предшествующей эпохи классического рыцарства. Исследователям позднее средневековье интересно прежде всего с точки зрения упадка этой культуры, который несомненно имел место. Однако важно то, что в это время происходят процессы преобразования многих рыцарских ценностей, благодаря чему они спокойно пережили самое рыцарство.

Но прежде чем анализировать эти процессы, следует вкратце определить характер рыцарской этики и особенности рыцарского типа сознания.

Рыцарская этика сформировалась к XIII в., восприняв различные по происхождению и значению элементы, составившие упорядоченную с мировоззренческой и психологической точки зрения систему. У ее истоков лежат сугубо воинские понятия храбрости, доблести, славы. Но особыми ее составляющими, придававшими ей действительно оригинальный характер, были феодальные и куртуазные представления, которые упрочивали социальное превосходство. Эти представления отражены в категориях верности, чести, куртуазности, или понятия куртуазной любви.

Главной характерной чертой рыцарской этики было то, что она, как и христианская, обладала безусловной, абсолютной ценностью для дворянина, поскольку определяла смысл его существования, представлявшийся в обретении чести и славы. Не было ничего другого более важного, за исключением спасения души, к чему рыцарь должен был бы устремляться своими помыслами. Эта абсолютизация этики выражалась в том, что соблюдение ее норм признавалось абсолютно необходимым, независимо от результатов действий человека. Иными словами, цель подчинялась средствам, и применительно к рыцарству это оборачивалось главным образом тем, что победа на поле брани была славной лишь если она обреталась не в нарушение кодекса чести. Прежде всего – это честь. И герою романа. А. де Ла Саля «Маленький Жан де Сентре» его возлюбленная и король внушали: «Добродетельно поступайте во всем, как и должны поступать, и тогда все – и победы, и поражения – послужат вашей чести… помните, что побеждать и терпеть поражения надлежит с честью».

В XIV в. окончательно оформляется кодекс чести, жестко регламентирующий правила поведения рыцаря на поле боя. Цель правил – исключить какие-либо случайные преимущества и создать равные условия боя, так чтобы его исход зависел исключительно от личных качеств сражающихся. Помимо недопустимости отступления

в бою и обязательности принятия вызова кодекс требовал предварительно предупреждать о нападении, запрещал нападать большим числом людей на меньшее и др. Именно в соблюдении этих правил и состояла рыцарская, честь и доблесть. Ж. Шатлен, например, с большой похвалой пишет об одном из персонажей своей «Хроники», который «мог бы пожертвовать жизнью, но никогда не поступился бы честью, отступив в бою». С полным пониманием он описывает и терзания герцога Филиппа Доброго, который во время одной из кампаний был «сильно озабочен, не слишком ли затронута его честь тем, что он не дал сражения противнику, хотя за день к тому предоставлялась возможность три раза». Для герцога, поясняет хронист, «ущемление чести, случись таковое, было бы горше смерти». Честь, ценимая в XIV–XV вв. превыше всего, в том числе и жизни, была своего рода краеугольным понятием рыцарской этики, обеспечивающим ее абсолютный характер. Не только честь, но и другие рыцарские понятия занимали очень высокое положение среди жизненных ценностей. Куртуазность, например, которая включала в себя свод правил хорошего тона и манер, часто чрезвычайно высоко ценилась, когда на нее взирали рыцарственным взглядом. Так, Ла Саль, перебирая человеческие добродетели и выделяя из них разум, в заключение пишет: «Что лучше разума? – Манеры, ибо манеры – венец всех добродетелей».

Рыцарские этические ценности предопределяли своеобразный подход к науке и знаниям, наиболее важной функцией которых представлялась запечатление в книгах и сохранение в памяти потомков славных деяний доблестных рыцарей. Как писал автор биографии маршала Бусико, «наряду с рыцарством, хвалы достойна и наука, ибо как мы, люди, чье разумение проникает в прошлые события только благодаря рассказам о них, могли бы знать о благодеяниях доблестных предков, если бы не было науки, которая удостоверяет истинность прошедшего? (…) а потому мы должны воздать хвалу науке и тем, кто ею занимается, за то, что с их помощью мы знаем о стольких благородных деяниях, которых мы не могли быть очевидцами».

Таким образом, рыцарская этика лежала в основании весьма емкой концепции жизни, а также социально-политической доктрины, о которой речь пойдет ниже, и эта концепция в общественном сознании выступала соперницей христианской. Характерно, что она, как и христианство, обещала своим последователям и бессмертие, правда, бессмертие относительное, до тех пор, пока существуют люди: «Подвиги доблестных рыцарей не подлежат смерти, коль скоро они заносятся в вечную память мира благодаря книгам. А потому о многих славных героях прошлого, чьи имена и подвиги сохраняются в памяти, говорят, что они не умерли, но живут, т. е. живы их благие деяния, поскольку жива в мире слава о них, и благодаря свидетельству книг она будет жить до конца света».

Христианская мораль, однако, была ценностной системой более высокого порядка, хотя бы потому, что ее соблюдение обеспечивало спасение души и абсолютное бессмертие, что, естественно, прекрасно сознавалось приверженцами рыцарской этики. Поэтому последняя нуждалась в христианском обосновании и согласовании с ценностями религиозными.

С точки зрения строгой христианской морали в рыцарской этике слишком сильно проявлял себя дух гордыни, за что эта этика на протяжении многих веков подвергалась критике. Но критика эта не была определяющей для характера отношений церкви и рыцарства, христианской морали и рыцарской этики. Церковь еще в раннее средневековье, стремясь подчинить необузданное воинское, а затем феодально-воинское сословие своим целям поддержания социального порядка, стала вменять в обязанность рыцарям защиту веры и церкви, поддержание силой оружия справедливости в мире. Выполнение этого главного долга перед богом и миром обеспечивало рыцарю спасение души, примиряя его с богом.

Сознание рыцарства на протяжении всех веков его существования было глубоко проникнуто этой идеей своей высокой богоугодной миссии, благодаря чему рыцарская

этика обычно увязывалась с христианской без каких-либо противоречий. Во всех сводах рыцарских норм поведения, будь то трактаты, романы или орденские уставы, всегда прежде всего подчеркивались обязательства перед богом. Как было записано в статутах ордена Полумесяца, основанного королем Рене Анжуйским, «рыцари прежде всего должны уделять наибольшее внимание состоянию своей совести, дабы они были угодны богу… почитать Святую Церковь нашу и ее служителей, защищать права бедных вдов и сирот; испытывать жалость и сострадание к бедным людям», «рыцари должны ничего не бояться, кроме греха, бесчестья и бесславья».

В литературе XIV–XV вв. можно найти непосредственное согласование едва ли не всех норм рыцарской этики с христианской моралью, настолько оно тогда представлялось важным. При этом предметом особой заботы было доказательство того, что, следуя той или иной норме, человек не впадает в грех, ибо не так прельстительна была добродетель, как страшен грех. Даже нормы куртуазной любви могли весьма курьезно обосновываться: «Что касается греха гордыни, то ведь влюбленный, чтобы приобрести желаннейшую милость своей дамы, приложит все силы, дабы стать любезным, скромным, вежливым и милосердным, так чтобы никто и слова дурного не мог о нем сказать… Относительно зависти следует сказать, что истинно влюбленный никогда не будет никому завидовать, ибо если об этом узнает его дама, то он ее потеряет… И конечно, настоящий влюбленный не может лениться, ибо сладостнейшая мысль о любви и желанной милости его прекрасной дамы, преследующая его денно и нощно, ему этого не позволит; в танцах ли, в пенье он всегда будет выделяться среди прочих своим великим усердием» и т. д.

Анализ эволюции основных рыцарских понятий в XIV–XV вв. можно начать с исследования куртуазного идеала. Он пришел в рыцарскую литературу в XII в. из провансальской (окситанской) лирики Южной Франции. Провансальские трубадуры впервые воспели женщину как возвышенное существо, способное через любовь облагораживать мужчину и наделять его высокими достоинствами, а любовь подняли на чрезвычайную нравственную высоту. При этом любовь у них сохраняла земной чувственный характер, и служение даме нередко предполагало в качестве награды вполне плотское блаженство. Этический пафос любви предопределялся обязанностью служения женщине, для чего необходимы были разнообразные добродетели и способности. Трубадуры обычно не включали в их число военные качества и подвиги, предпочитая вежливость, щедрость, галантность, верность, умение слагать стихи, знание любовных условностей и др. Совокупность этих качеств и составляла так называемую куртуазность. В рыцарской литературе, рано проникнувшейся представлением о любви как необходимом условии нравственного совершенства, куртуазный идеал «милитаризировался», и любовь стала вдохновительницей на военные подвиги. Смысл поиска военной славы в рыцарских романах зачастую предопределялся стремлением заслужить благосклонность дамы сердца, но в отличие от провансальской литературы северная рыцарская литература более тяготела к духовной любви, не требовавшей физического вознаграждения.

Рыцарская этика, несмотря на свой изначально военный характер, легко впитывала в себя понятие куртуазности, а вместе с ним и цивильные светские нормы вежливости, выполнение которых предполагало умение сдерживать свои агрессивные импульсы и проявлять чувство меры в поведении. Куртуазный идеал положил начало первой (и, пожалуй, единственной) в истории половой этике, покоящейся на глубоком уважении и почтении к женщине. Говоря о куртуазном любовном идеале, следует, однако, отличать романический идеал, сложившийся в рыцарском романе, от реальных норм любовных отношений, которые ориентировались на этот идеал. Романический идеал, хотя он отнюдь не предстает в четком и ясном обличье из богатой и разнообраз-

ной рыцарской литературы, все же имеет типичные черты, благодаря которым о нем можно говорить в единственном числе. Это был идеал, воодушевляемый авантюрой, поиском военных приключений во имя славы и любви. В реальной жизни он отвечал устремленности духа в юношеском возрасте, когда рыцарь не обременен сознанием семейного и социального долга, и в какой-то мере он способствовал развитию странствующего рыцарства. В XIV–XV вв., в период упадка романистики, этот идеал продолжал свое существование преимущественно в декоративной форме: на сюжеты из популярных рыцарских романов устраивались и художественно оформлялись придворные празднества и турниры.

Однако куртуазная любовь не была лишь литературной фикцией. Она и в реальной жизни продолжала играть заметную роль в любовных отношениях, особенно при дворах крупных феодальных сеньоров. Чтобы представить, как этот идеал функционировал и какие изменения претерпел в позднее средневековье, необходимо прежде всего учесть, что это всегда был идеал внебрачной любви. Как писал знаменитый кодификатор любовных норм Андрей Капеллан (XII в.), «полностью установлено, что любовь не может распространять свою власть на супругов». И хотя позднее (с XIV в.) стала допускаться возможность любви между мужем и женой, все же идеал куртуазной любви был преимущественно обращен к тем, кто не состоял в браке. Поэтому первой заповедью и главным условием любви была ее потаенность. Тот же Андрей Капеллан писал по этому поводу: «Кто желает надолго сохранить свою любовь в неприкосновенности, тот должен прежде всего следить за тем, чтобы о ней кто-либо не узнал, и держать ее в тайне от всех глаз». Самое большое зло, какое только может совершить любовник, – это разболтать о своей любовной связи. И когда «один рыцарь бесстыдно разгласил тайну своей любви и своих интимных сердечных дел, – поведал Андрей Капеллан, – то все, кто служат рыцарям любви, потребовали, чтобы это преступление было сурово наказано, дабы такая измена не осталась без кары и пример ее не дал бы повода другим поступать точно так же. А суд женщин, собравшийся в Гаскони, единодушно постановил… что такой человек должен быть лишен всякой надежды на любовь как недостойный ее и презренный в глазах всех дам и рыцарей».

Более поздняя литература (в XV в.) перестала, как кажется, с такой настойчивостью проводить мысль о необходимости всячески утаивать любовь. Зато в ней отчетливо зазвучали инвективы против клеветников, которые порочат доброе имя и честь женщин. В этом отношении примечательно стихотворное описание Сомюрской джостры 1446 г., устроенной анжуйским герцогом Рене, более известным как «добрый король Рене», ибо он носил номинальные титулы короля Сицилии, Иерусалима и Арагона. Это великолепное рыцарское празднество, инсценированное по мотивам рыцарских романов, было организовано «по воле любви». На нем царила «истинная любовь», и все участники состязания были «объяты пламенем любовным, без помыслов дурных». Говоря об этой истинной любви, анонимный автор сочинения в заключение патетически восклицает, имея в виду клеветников женщин: «Имел бы я сто тысяч душ, я все б их бросил в пламя жгучего желанья покончить с клеветою лживых языков, бесчестья полных, что ради удовольствия от зла убить готовы славу, имя доброе и честь». Сам король Рене был истым паладином доброго имени и чести женщин. В своем трактате о турнирах он предусматривает даже особую церемонию и своего рода суд, благодаря чему должна была ограждаться от злых наветов честь дам. По замыслу короля, накануне турнира все его участники сносят свои шлемы с нашлемниками в галерею монастырского клуатра. Затем «собираются все дамы и барышни, все сеньоры, рыцари и оруженосцы и проходят по галерее, рассматривая их; присутствующие здесь судьи турнира трижды или четырежды обводят дам, чтобы лучше рассмотреть нашлемники, а герольды должны разъяснять дамам, кому принадлежит тот или иной шлем. И в слу-

чае, если среди участников окажется такой, кто злословил о дамах, и дамы коснутся его шлема, то пусть на следующий день он будет наказан». Окончательное решение о наказании должны были выносить судьи после того, как они признавали справедливость обвинения. «И в наказание такой человек должен быть избит другими рыцарями и оруженосцами, участниками турнира, и пусть бьют его долго, пока он громко не возопит к дамам о пощаде и не пообещает при всех, что никогда не будет злословить и дурно отзываться о женщинах».

За стремлением пресечь злословие о женщинах, прежде всего, безусловно, по поводу их любовных связей, ясно просматривается эволюция любовного куртуазного идеала к большой нравственной свободе внебрачной любви, свободе, конечно, для женщин, ибо мужчины, в общем, всегда ею располагали. И честь мужчин, в отличие от чести женщин, такая любовь никогда особенно не пятнала. Таким образом, если раньше доброе имя дамы оберегалось благодаря сохранению тайны любви, то в эту эпоху акцент явно переносится на необходимость прекратить осуждать женщин за любовь.

Куртуазная любовь переставала прятаться и начала выходить на свет и всеобщее обозрение. В связи с этим стоит вспомнить одну личность, которая в свете этих перемен приобретает символическое значение. Это известная любовница французского короля Карла VII Агнесса Сорель. Она стала первой из любовниц французских королей, которую венценосный поклонник не утаивал, а, напротив, явил всем в почете и величии. Дочери Агнессы Сорель и Карла VII не пропали в безвестности как незаконнорожденные, а сделали блестящие партии. И вряд ли случайно то, что сама Агнесса была воспитана при дворе короля Рене, будучи придворной дамой его жены Изабеллы Лотарингской. Именно при анжуйском дворе, как кажется, женщина лучше всего могла быть подготовленной к роли явной и едва ли не официальной любовницы в духе новой куртуазности.

Чтобы ясней представить эволюцию куртуазной любви в сторону большей нравственной свободы и открытости, следует бросить взгляд на судьбы этого идеала в последующие столетия. В первой половине XVI в., как убедительно показывает Брантом в своем сочинении «Галантные дамы», нормы довольно свободных любовных отношений, в которые женщины могли вступать все менее беспокоясь об ущербе для своей чести, стали прививаться при французском королевском дворе. Заботу о защите доброго имени придворных дам при этом брали на себя сами короли. Так, Франциск I, который хотя и «держался того мнения, что дамы очень непостоянны и склонны к измене», «очень не любил, когда о них злословили при дворе, и требовал, чтобы им выказывали большое уважение и почет». Однажды он даже едва не отправил на плаху молодого дворянина за то, что тот позволил себе неуважительно высказаться об одной из дам. Генрих II также не переносил клевету в адрес женщин, и если любил послушать анекдоты про женские проделки, то лишь такие, в которых не задевается ничья честь. Эти короли не только сами не скрывали своих сердечных привязанностей, но, по свидетельству Брантома, и от придворных, бывало, требовали, чтобы они приходили ко двору со своими возлюбленными, не утаивая их.

…Помимо и независимо от идеала куртуазной любви, в позднее средневековье получало все более широкое распространение представление о куртуазности как своде норм вежливости и галантности. Представление о нравственной ценности вежливости, хороших манер существовало давно, до того, как оно воплотилось в понятие куртуазности. В XII в., например, об этом писал Гуго Сен-Викторский, позднее, в следующем столетии, аналогичные идеи развивал в своих чрезвычайно популярных в средние века сочинениях Винцент из Бове. Хорошие манеры, по их убеждению, укрощают дурные наклонности и помогают достичь душевного равновесия. Гармония движений и всего поведения свидетельствует о душевном здоровье, умеренности и воздержанности.

Куртуазность упрочивала свои позиции в этике, независимо от любовного идеала. Во многих нравоучительных трактатах, исторических, политических и юридических сочинениях она выступала самостоятельно, в качестве непреложной нормы взаимоотношений в дворянской среде. Руководствоваться ею требовалось не только в отношениях с женщинами, но и между мужчинами. Она считалась полезной и даже необходимой при отправлении самых разных общественных обязанностей.

Так, Филипп де Бомануар, составитель знаменитых «Кутюмов Бовези», перечисляя достоинства, требующиеся для занятия должности бальи, называет и куртуазность. На нее же указывает Жоффруа де Шарни, автор своего рода практического пособия для рыцарей, написанного в середине XIV в. Особенно настойчиво внушалась мысль о пользе куртуазности для королей и могущественных сеньоров. Рыцарь де Ла Тур Ландри, например, убеждая своих дочерей быть куртуазными, пишет, что «знает большого сеньора… который своей великой куртуазностью привлек к себе на службу больше рыцарей, оруженосцев и других людей, чем иные деньгами». В анонимном трактате «Наставления государям», написанном для детей Филиппа IV Красивого, подчеркивается, что королевских детей следует среди прочего учить и тому, чтобы они были «куртуазными, приветливыми и ласковыми в разговорах и общении со всеми людьми, дабы они радушно принимали всякого в соответствии с его положением и чином».

В литературе XIV–XV вв. укрепляется убеждение, что «куртуазность в делах и приятность в словах» являются не только отражением хорошего воспитания, но и уздой для самых разных пороков, в том числе и смертных грехов. «Куртуазность побеждает гордыню, смягчает гнев и неистовство… а потому быть куртуазным прекрасно». Ален Шартье писал, что куртуазность «изгоняет своих врагов ласковой приветливостью. Она не завистлива, не надменна и не горда, но всегда мила, скромна и радостна в словах и делах. И много-много раз куртуазные люди могут убедиться, сколь она благостна. Ибо им неведома злокозненность, которой негде в них укорениться, они не лицемерны и не выказывают к людям презрения, но, преисполненные благ, любвеобильны и щедры…».

В отличие от любовного идеала куртуазность, таким образом, обретала твердую почву под ногами – христианскую нравственность. И в этом случае она оказывалась так или иначе обращенной ко всем людям, а не только к лицам благородного происхождения. В литературе XIV–XV вв. она по традиции нередко связывается с благородством, знатностью. Как писал А. Шартье, «кто хочет благородство отыскать, недоступное низким людям, пусть ищет его и найдет там, где обитает куртуазность». Де Ла Тур Ландри приводит дочерям в пример образцовое поведение одной дамы, которая движимая вежливостью, поклонилась однажды даже кузнецу, сняв перед ним шляпу. А когда ей объяснили, что это всего лишь кузнец, она ответила, что «предпочитает лучше снять шляпу перед кузнецом, нежели пропустить не поприветствовав какого-нибудь дворянина». Схожим образом вел себя и маршал Бусико, почитавшийся как совершенный рыцарь. По словам его анонимного биографа, он поклонился двум публичным женщинам и в ответ на выраженное его спутником по этому поводу удивление сказал: «Да лучше я поклонюсь десяти публичным девкам, нежели оставлю без внимания хоть одну достойную женщину». В обоих случаях куртуазность проявлена по отношению к неблагородным людям случайно, только ради того, чтобы не оказаться невежливым в отношении какого-либо благородного лица, и поэтому может показаться, что куртуазность сохраняла свою сословную замкнутость. Однако такое суждение было бы несправедливо, поскольку все настоятельнее проводилась мысль, что куртуазность необходима при обращении со всеми людьми.

Тот же де Ла Тур Ландри убеждал дочерей вести себя куртуазно по отношению не только к знатным, но и к «малым» людям. И в пояснение писал, что «от малых людей вы удостоитесь гораздо большего почета, хвалы и признательности, нежели от великих, ибо, проявляя куртуазность и оказывая честь великим людям, вы воздаете то, что им положено по праву. А честь и куртуазность по отношению к мелким дворянам и дворянкам, а также и менее значительным лицам высказываются по доброй воле и мягкости сердца, что вызывает в ответ особую благодарность и признательность». А в статутах ордена Полумесяца, основанного королем Рене Анжуйским в 1448 г., уже без всяких обоснований от рыцарей требуется «проявлять всегда жалость и сострадание к бедным людям, равно как и быть в делах и словах мягким, куртуазным и любезным по отношению ко всякому человеку. Что бы ни случилось, никогда не злословить о женщинах, какого бы они ни были положения».

Итак, куртуазность, оставаясь по преимуществу добродетелью благородных, была предложена и неблагородным. Был ли ответный отклик и возник ли на нее спрос у этих последних? Хотя в литературе той эпохи найти прямой ответ на вопрос затруднительно, представляется несомненным, что спрос был. И появился он, вероятно, раньше, чем в высшем сословии пришли к убеждению о необходимости куртуазного поведения по отношению ко всем людям, тем более, что такие моралисты, как Вин-цент из Бове, говоря о куртуазности, имели в виду отнюдь не только дворянство. При необычайно высоком социальном престиже рыцарства, дух и идеи которого захватывали и многих горожан, давших немало преданных и восторженных почитателей и певцов рыцарства, как знаменитый Жан Фруассар, куртуазность не могла не быть притягательной. Горожане рядились в одежды благородного сословия, вызывая упреки и возмущения его представителей, ибо «слуга портного и жена простолюдина осмеливаются носить одеяния доблестного рыцаря и благородной дамы, что является делом неслыханным, поскольку невозможно распознать по одежде положение человека и нельзя отличить благородного от рабочего». Но в то же время они примеряли и благородные манеры.

Подобно куртуазности, важной самостоятельной нравственной категорией была и категория любви, приобретшая в позднее средневековье некоторые новые оттенки. Благодаря христианской идее любви к богу и ближним она в христианском мире присутствовала всегда, обращенная ко всем людям. Но в рамках христианской мысли любовь была лишена эмоционального запала и трактовалась лишь как долг. По этой причине между любовью к ближнему и любовью к жене не было существенной разницы. Любовь при этом легко классифицировалась по объектам своего проявления. Так, неизвестный автор «Дамского зерцала» (XIII в.) насчитывает шесть видов безгреховной любви: прежде всего любовь к богу и людям, затем любовь «по плоти» – к близким и дальним родственникам; любовь к христианам-единоверцам; любовь «по закону» – между мужем и женой, сеньором и вассалом; любовь между друзьями и, наконец, любовь к тем людям, с которыми человек вместе живет в одном замке, городе или доме. С христианской точки зрения любовь к женщине, даже и жене, если в ней проявлялась страсть и вожделение, считалась греховной.

Кстати, именно за то, что куртуазная любовь легко может ввергнуть женщину в грех, против нее в нравоучительной литературе, обращенной к женщинам и девушкам, звучат настоятельные предостережения, хотя при этом всячески внушается мысль о необходимости куртуазности. Так поступают рыцарь де Ла Тур Ландри в своих назиданиях дочерям и Кристина Пизанская, которая в своих многочисленных сочинениях выступала в защиту женщин как от антифеминизма христианского и овидианского толка, так и от поползновений на женскую честь и совесть, проявлявшихся в куртуазной, внебрачной любви. По ее мнению, «всякая честная и добропорядочная женщина долж-

на выглядеть как самое приятное для глаз существо на свете. И в то же время в душе такой женщины сидит игла страха перед согрешением и покаянием, хотя она не может пренебречь необходимостью оставаться спокойной, сдержанной и уважительной».

В дворянской этике любовь по-прежнему благородна, свойственна благородным людям и является источником нравственного совершенства. Ален Шартье, например, причислял любовь к добродетелям благородных людей: «Всякий благородный должен стремиться к любви… и любить своего короля, свою землю и друзей… Дворяне, имейте в виду и знайте, что тот, кто лишен и любви и друзей, ничего не имеет!». Шартье подчеркивает – любовь к королю, родине, своим друзьям, что несомненно отражает и социально-политические перемены, благодаря которым король становился сеньором для всех, и развитие патриотических чувств и идей. Но при этом для Шартье любовь – это единое, неделимое состояние благородной души, ценное само по себе, независимо от объекта любви. Особенно отчетливо этот характер идеи любви выступает в рассуждениях автора биографии маршала Бусико: «Любовь снимает страх и придает отваги, помогает забыть о тяготах и получить удовольствие от трудов, принимаемых на себя ради любимого существа, она наделяет добротой и приносит славу». Обращаясь к рыцарям, он объясняет, что любить надо для того, чтобы «усовершенствоваться в нравах и повадках, исправить к лучшему привычки, обрести больше радости и стать более храбрым и предприимчивым…». Главное же – «в любви, которой отдаются всем сердцем, сохраняется честь, ибо лучше умереть, чем совершить что-либо бесчестное, опозорив себя и того, кого любишь».

Весьма симптоматично, что этот анонимный автор столь неопределенен при указании объекта любви. Для него важна сама любовь, предмет же любви, под которым он все же подразумевает женщину, может быть «красивой или уродливой, высокой или маленькой», но отнюдь не обязательно благородной дамой. Таким образом, любовь, подобно куртуазности, также выходила за сословные границы. Но ее наивысшая ценность заключалась в способности поддерживать благородные добродетели, охранять достоинство и честь рыцаря. Как бы там ни было, и куртуазность, и любовь, как и куртуазная любовь, в моральном плане играли преимущественно вспомогательную роль при фундаментальных рыцарских достоинствах и этических понятиях, какими были честь, слава, верность. Условно их можно отнести к феодальным по происхождению. Зачатки их, правда, можно без труда обнаружить в нравах древних германцев, но полнокровными они стали в феодальную эпоху, в условиях развития вассально-сеньориальных отношений и феодального права.

Кардинальным в этом этическом кодексе было понятие чести. Своим происхождением оно обязано было чрезвычайно развитому чувству сословного, а также личного, опосредованного принадлежностью к высшему сословию, достоинства. В свою очередь, последнее питалось не столько сознанием власти и силы, сколько сознанием своего права. Именно западноевропейское феодальное право с характерной для него взаимообразностью прав и обязанностей сеньора и вассала, исключавшей безоговорочное повиновение последних, обеспечивало тот сравнительно высокий уровень правосознания, благодаря которому только и могло развиться чувство достоинства, доходящее до гордыни. Это не значит, однако, что между правосознанием, достоинством и честью была прямая причинно-следственная связь. В конце концов и то, и другое вытекало из определенной ментальности. Но правосознание и собственно право оформились раньше и потому послужили важным побудительным стимулом к подъему этического самосознания рыцарской знати.

Необходимо заметить, что чувство достоинства и гордости не находило отчетливого понятийного выражения в рыцарской этике, хотя несомненно, что оно имплицитно было присуще таким рано оформившимся понятиям, как доблесть, храбрость или

щедрость. Понятие чести, более всего отвечавшее гордости и достоинству, формировалось медленно. Оно ясно зазвучало, выделяясь из прочих добродетелей, начиная с XIV в. До этого времени доминирующим элементом в кругу рыцарских представлений была слава, увенчивающая жизнь рыцаря. С XIV в. происходит постепенная переориентация рыцарской этики от завоевания славы к поддержанию чести. Слава и честь отнюдь не противостояли друг другу. Напротив, они легко и естественно соединялись, составляя зачастую неразлучную пару понятий, и даже совмещались. Во французском языке XIV–XV вв. понятие славы обычно выражалось словом «честь» в значении почета, и гораздо реже употреблялось слово «gloire». Но в то же время честь выступала и в качестве сугубо нравственного понятия, как добродетель, внутреннее качество. Честь в значении почета, известности, славы обреталась или завоевывалась. Честь же как личное внутреннее достоинство охранялась и поддерживалась.

И дело в том, что в XIV–XV вв. центр тяжести в амбивалентном понятии чести стал смещаться в сторону его нравственного значения, и честь все более рассматривалась как наиболее ценное достояние рыцарей и вообще благородных людей.

Ален Шартье, перебирая добродетели благородных людей, в первую очередь говорит о верности, но лишь потому, что, по его мнению, она наиболее древняя и послужила причиной выделения знати. Затем он сразу переходит к чести, которая «является сокровищем Благородства, ее казной и личным богатством, коего должно алкать благородное сердце; ибо кто теряет Честь, тот сразу же оказывается низверженным и лишенным доброго имени и хвалы и покрытым презрением. Когда нет Чести, исчезает Знатность, и благородное сердце страдает и плачет от Стыда, Грубости и Низменных чувств, ибо Честь пресекает бесчинства и оскорбления, прокладывает путь к Доблести, побуждает добрых людей к тому, чтобы возвыситься, и наделяет их чувством меры и радостью, куртуазной речью и верностью данному слову». Завершает он это рассуждение обращением к благородным людям: «Более всего помните о том, что Честь – это благо, превосходящее все остальные».

Для Шартье честь – корень всех нравственных достоинств. Он не выделяет славу в особое достояние, но отмечает, что к ней более всего побуждает военная доблесть: «Слава – это сокровище Доблести, ее достояние, и Доблесть жаждет ее более всего». Тем не менее на доблесть он возлагает не столько заботу о славе, сколько заботу о поддержании чести, и поэтому в стихе, посвященном доблести, в качестве рефрена идут слова: «Лучше честная смерть, чем жизнь во стыде».

Жеффруа Парижский, предполагаемый автор стихотворной хроники, посвященной французскому походу во Фландрию в начале XIV в., влагает в уста, рыцарей ту же мысль: «Лучше с честью умереть, чем жить в бесчестье». Надо полагать, что она стала в XIV в. своего рода максимой, свидетельствующей об укоренении нравственного понятия чести и все большей озабоченности о ее сохранении.

Слава при этом оказывалась в тени чести. Она была желательна, поскольку свидетельствовала о высоких достоинствах человека, память о которых способна пережить его самого. Мишо Тайеван, поэт первой половины XV в., определяя свойства благородства, пишет, в отличие от А. Шартье, и о славе, правда, в последнюю очередь, что «она служит и при жизни и после смерти всем, кто ее заслужил, удерживая память о всех благих делах… и если тело умерло и жизнь ушла, о человеке благородном и высокого происхождения все же добрая молва не оскудевает». Однако слава ставится в зависимость от чести, и не столь важной может представляться слава, обретенная в военных победах, сколь поддержание чести.

В сознании высшего сословия нравственное понятие чести прокладывало себе путь в условиях весьма устойчиво сохранявшегося представления о чести как почете

и славе. И дело не столько в том, что само это понятие было изначально амбивалентно и бессознательно употреблялось в том или ином значении. Важнее то, что одни писатели проявляли явную приверженность к первому значению, как Ален Шартье, и для обозначения славы подбирали иное слово, другие же, как Жан Фруассар, отдавали дань второму. Для последних честь, как правило, – результат какого-либо, чаще всего военного, действия, завершившегося успехом. Это свидетельствует о наличии в общественном сознании по крайней мере двух тенденций толкования чести. Одна была прагматической, вторая же – этической, которая в XV в. нашла свое убедительное выражение, например, в статутах рыцарского ордена Св. Михаила, основанного Людовиком XI в 1469 г. Хотя в преамбуле к статутам дан весьма нетрадиционный перечень рыцарских достоинств (здравый смысл, храбрость, благоразумие и др.) и честь среди них не упомянута, целый ряд статутов посвящен именно тому, чтобы оградить честь рыцарей ордена «от хулы и позора». В них рассматриваются конкретные обстоятельства, при которых возникает угроза чести рыцарей из-за их принадлежности к королевскому ордену, и разрешается им поступать так, чтобы выйти из той или иной ситуации с честью. Например, в случае войны короля с их «естественными сеньорами» они могут защищать своих сеньоров против короля. Более того, в статутах записано от имени короля: «Все рыцари и наши братья по ордену обязаны по доброму долгу верности… выполнять наши просьбы, повеления и разумные желания; и по доброй воле и сердечной любви являться к нам на службу для приведения в исполнение наших добрых и честных желаний без ущерба для своей чести и совести». В случае же если рыцарем овладели сомнения насчет совместимости повеления короля с его честью и совестью, он должен был сообщить об этом прево ордена, дабы тот урегулировал вопрос с королем. Людовика XI, основателя ордена, менее всего можно заподозрить в приверженности к рыцарской чести. И если статуты тщательно оберегают ее неприкосновенность, то, несомненно, лишь потому, что она была уж слишком большой ценностью для французской знати, и король, стремившийся привлечь знать в свой орден, хорошо это знал.

Соединившись с совестью, честь стала полноценным этическим понятием, средоточием той этической системы, которая получила название Кодекс чести.

Не вызывает сомнения, что в XIV–XV вв. рыцарская этика все более становилась дворянской, и выкристаллизовывавшееся понятие чести становилось оплотом сословной гордости. Честь представлялась тем более ценимым достоянием, и достоянием родовым, чем острее дворянство ощущало себя лишенным прочих прежних благ и привилегий. Серьезные финансовые трудности, необходимость потесниться на военном поприще, которое для многих превращалось в постоянную и подначальную службу, главный источник доходов, и, наконец, все более настойчивое наступление на их права со стороны королевской власти – все это, помимо стремления оказать противодействие и оградить свои интересы, побуждало искать и твердую внутреннюю, духовную точку опоры, чтобы независимо от внешних обстоятельств сознавать незыблемость своего социального достоинства. Таковой и стала честь.

Хотя феодальное право во многом предопределило появление рыцарской этики и служило ей важнейшим подспорьем, оно, конечно, не было ей тождественным. Этика представляла собой особый пласт самосознания, но по крайней мере одной своей категорией она непосредственно смыкалась с правосознанием. Это – верность. Поэтому вполне естественно, что именно в этом понятии наиболее зримо отражались перемены, происходящие в сфере права и правосознания, влекшие за собой и этические переоценки.

В эпоху так называемого классического феодализма верность была наиболее весомым феодально-рыцарским достоинством. Не было более страшного преступле-

ния, чем измена, неверность сеньору, причем преступления и с точки зрения права, и с точки зрения феодальной морали. Верность основывалась на договоре между вассалом и сеньором, предполагала обоюдность прав и обязательств и скреплялась клятвой. Это была верность не только вассала сеньору, но и сеньора вассалу. Поэтому в случае нарушения своих обязательств вассалом или сеньором договор считался расторгнутым. При этом король не составлял исключения, и его власть покоилась на таких же договорных основаниях. Но с XIII в. начинается натиск монархии на права феодалов, и по мере расширения королевского домена его стали ощущать все более широкие слои этого класса. В этике на все эти перемены в первую очередь откликнулись «верность», и с XIV в. литература начинает настойчиво проводить идею верности королю, верности, не обусловленной какими-либо обязательствами с его стороны. Так, в трактате времен Филиппа IV «Наставление государям» говорится, что «рыцарь обязан королю повиновением, почтением, верностью и смиренной службой». Характерно, что в связи с этим утверждением автор подчеркивает, что рыцари должны являться на войну, только когда их созовет король себе на помощь, ибо ликвидация права частных войн, которое становилось прерогативой короля, наиболее явно ставила рыцаря в зависимость от короля. Примечательно и то, что автор трактата говорит не просто о верности, а о полном повиновении королю.

Позднее требование верности королю стало общим местом разнообразной литературы. А. Шартье в «Бревиарии знатных», посвящая верности особый стишок, в качестве рефрена берет слова, обращенные к знати, – «служить своему королю и защищать его подданных». Жан де Бюэй также говорит, что «добрый рыцарь должен присягнуть и поклясться, что будет добросовестно и верно служить своему государю». Переключавшаяся единственно на короля феодально-рыцарская верность выхолащивалась, лишаясь своего былого правового содержания, и имела тенденцию к превращению в безусловную покорность и повиновение, в то время как ее носители превращались из вассалов в подданных. В таком смысле верность требовалась не только от рыцаря, дворянина, но и от любого подданного, и таким образом это этическое понятие переставало быть узкосословным.

Однако, как ни сокращены были права дворянства, они все же сохранялись. Монархия, даже в зените своего могущества в XVII в., не искоренила частного права. Сознание «своего права» и перед лицом короля, а тем более перед низшими сословиями было, безусловно, всегда живо, но с верностью оно уже имело мало общего. Ален Шартье это сознание своего права возвел в ранг благородной добродетели – праводушия, избрав для рефрена соответствующего стиха слова «каждому свое законное право». В нравственном сознании дворянства оставалась только честь, способная побуждать к защите своего права. В отличие от верности честь не имела правовой, договорной основы, и поэтому была своего рода индикатором состояния правосознания. Посягательство на право человека, осознаваемое им как таковое, одновременно затрагивало и честь. И в упоминавшихся выше статутах св. Михаила король не может требовать от рыцарей чего-либо, что ущемляет их честь и совесть». При этом главное внимание в статутах уделяется таким ущемлениям чести, которые проистекают или из нарушения рыцарем своих обязательств по отношению к «естественному» сеньору, или из нарушения королем прав самих рыцарей. Как было уже сказано, в случае войны короля с их сеньорами рыцари могли служить под знаменем сеньоров против короля, ибо несоблюдение своих обязательств бесчестно. А если король ущемлял права рыцаря, тот имел возможность «с честью» выйти из ордена, и ущемление прав рассматривается именно как нанесение урона чести. Рыцарь, согласно статутам, мог даже требовать суда и наказания короля перед членами ордена.

Дворянская честь, призванная ограждать права ее носителей, в то же время была и своеобразной уздой для королевского самовластья, которую не следует недооценивать, тем более, что и короли были «невольниками чести». Именно в союзе с правом, а не только совестью, честь стала символом французского, да и вообще западного дворянства. Французский историк Ф. Контамин удачно и справедливо назвал средневековое дворянство «ферментом свободы», свободы, добавим, неотъемлемой от права и чувства собственного достоинства. И если дух свободы при становлении и развитии цивилизованных социально-политических отношений выливался в право, то чувство собственного достоинства и гордости – в этику. Феодально-рыцарская этика, возникнув, дала идеал военной доблести и верности. Позднее, связав свою судьбу с куртуазностью, она положила начало новому типу ментальности и поведения, усмиряя дух насилия и внедряя нормы цивильного, цивилизованного человеческого общения, влияние которых постепенно распространялось на все общество по мере того, как отдельные его слои проникались чувством собственного достоинства. Ибо это чувство предполагает непременное уважение чужого достоинства.

Малинин, Ю.П. Франция в эпоху позднего средневековья. Материалы научного наследия [Электронный ресурс] / Ю.П. Малинин. – Режим доступа: https://history.wikireading.ru/382081/.

МОДУЛЬ 4
ВОСТОЧНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

23. О.Г. БОЛЬШАКОВ О НАСЛЕДИИ МУХАММАДА

…Пока осиротевшая мусульманская община ищет преемника умершему вероучителю, попробуем кратко сформулировать, что он оставил в наследство этому преемнику. Мы не будем здесь, как делают многие исследователи биографии Мухаммада, давать оценку его личности… Сложность заключается в том, что, оценивая личность крупного исторического деятеля, мы прежде всего оцениваем уже известные нам результаты его деятельности, совершенно несоизмеримые с первоначальным толчком, с личным вкладом данного деятеля, как несоизмерима ударная сила снежной лавины с мощностью человеческого крика, который может нарушить неустойчивое равновесие и вызвать срыв этой лавины. «Тайна для нас, кажется, во многом заключается именно в диспропорции между его несомненно выдающейся, но далеко не сверхчеловеческой сущностью и огромным размахом и длительностью движения, которому он дал толчок».

Мухаммад оставил своим преемникам достаточно индивидуализированную и законченную религиозную систему, включающую все необходимое для самостоятельного религиозного учения, от общей концепции взаимоотношений человека и бога до четко регламентированной обрядности, выраженных на родном языке верующих в привычной для них системе образов и представлений. Но дальнейшее развитие общины его последователей могло пойти по-разному: стать религией обитателей Аравийского полуострова или, как это и произошло, выйти за его пределы и стать одной из трех мировых религий.

Однако ни один из этих путей не был запрограммирован сущностью самой религии: как религиозное учение ислам в диспуте на равных вряд ли смог бы вытеснить христианство, располагавшее мощным арсеналом античной философии и логики, поставленных на службу теологии. Монотеизм в аравийском варианте, удобный для вос-

приятия обитателями Аравии, отнюдь не был столь же близок людям стран древних цивилизаций. Чтобы пойти по пути экспансии за пределы Аравии и преуспеть в ней, ислам должен был стать государственной религией.

Мухаммад положил начало созданию новой надплеменной общности, не связанной с подчинением одного племени или области другим племенем (хотя многие племена все-таки расценивали принятие ислама как подчинение курайшитам), скрепленной внутренним сознанием необходимости принадлежать к этой общности. Но это еще не было государством с организованной финансовой системой, административным аппаратом и армией. Никаких предписаний относительно руководства мусульманской общиной как государственным образованием не существовало, было несколько разрозненных прецедентов и политический опыт языческих племен, который еще надо было переосмыслить в духе новых идей.

Религиозно-политическое объединение племен и областей Западной Аравии, сложившееся в 630–631 гг., было скреплено прежде всего личностью Мухаммада, присягами, которые приносили ему, лично ему, а не общине отдельные лица и вожди племен. Принятие новой религии для большинства ее последователей было формой вступления в новый политический союз, глава которого обладал особым, отсутствующим у других вождей, исключительным могуществом. Признание этого облегчало Мухаммаду создание новой общности, но в признании этой исключительности таилась ее слабость – с исчезновением носителя этого могущества исчезали и прежние связи и обязательства. Преемнику Мухаммада предстояло сохранить эту общность, созданную религиозным вдохновением, политическими методами.…Через двадцать лет после начала проповеди Мухаммада вся Аравия приняла новую религию, признавая не столько убедительность теологических аргументов, сколько вооруженную силу, созданную первоначальным ядром общины мусульман. Эта сила была невелика, но в условиях Аравии того времени при отсутствии твердой политической власти ее хватило для постепенного расширения сферы влияния, и чем больше эта сфера расширялась, тем легче было преодолевать сопротивление остававшихся. Вскоре основой военной мощи нового политического образования стали отряды бедуинов, так что внешне «го нетрудно принять за одно из тех государств кочевников, каких немало складывалось в раннем средневековье в разных частях Евразии. Существенное различие заключалось в том, что во главе стояли не кочевники, а горожане и земледельцы Мекки и Медины, которые вроде бы и недалеко ушли в своем социальном и культурном развитии от бедуинской массы, но представляли иную систему мышления, более близкую и приемлемую как для оседлых йеменцев, так и для жителей Средиземноморья и Ирана, с которыми им еще предстоит столкнуться.

Большаков, О.Г. История Халифата. 1. Ислам в Аравии (570–633) / О.В. Большаков. – М., 2000. – С. 187–188,224–225.

24. КИТАЙ В КОНЦЕ XIII–XV ВЕКЕ. ДИНАСТИЯ ЮАНЬ И ЕЕ УПАДОК

Во второй половине XIV в. в Китае к власти пришла династия Мин (1368–1641), свергнувшая монгольское владычество. Завоеватели создали империю Юань («Изначальную»), ставшую первой иноземной династией, подчинившей себе весь Китай. В китайской исторической традиции отношение к наследию эпохи Юань (1271–1368) двоякое. Монгольское завоевание принесло больше разрушений и жертв, чем любое другое (в ходе установления господства династии Юань была уничтожена треть китайцев), сделав местное население неполноправным и униженным. С другой

стороны, эта династия вернула Поднебесной земли, утерянные династией Сун, и даже присоединила новые территории (Тибет, Наньчжао). Более того, Китай оказался частью огромной империи, простиравшейся от Новгорода до Тайваня, причем старшинство державы Юань признавалось владельцами прочих улусов. Китайцы с гордостью отмечают, что многие достижения их культуры распространились по всему Старому Свету (так, некоторые историки полагают, что китайские принципы управления, тиражированные монголами, оказали влияние на политическую культуру Руси), ссылаются на лестную оценку императора Хубилая венецианцем Марко Поло.

Монгольские правители во многом нарушали китайскую традицию. Их жестокость казалась непредсказуемой и непоследовательной. Их правители, как и китайские императоры, претендовали на «мандат Неба», но выбирали их на курултае. Они, как и их китайские предшественники, полагали себя властителями Вселенной, но не довольствовались приемом символических даров, а стремились к реальному господству, снаряжая военные экспедиции в Японию, Аннам (Центральный Вьетнам), Тьямпу (Чампу), Бирму, на Яву.

Как было сказано выше, население империи Юань делилось на четыре категории, основанные на политико-географическом и этно-конфессиональном принципах.

Земли щедро раздавались в уделы монгольской знати, крестьяне переводились на положение рабов и «крепостных». Богатыми пожалованиями монголы осыпали монастыри: буддийские (в особенности – ламаистские) и даосские. Покровительством пользовалось мусульманское духовенство.

В качестве этико-политической и философско-религиозной доктрины конфуцианство (неоконфуцианство) при Юанях не пользовалось таким влиянием, как при династиях Тан и Сун. Однако введение экзаменационной системы отбора чиновников и открытие «Академии сынов отечества» (1287 г.) влекло за собой «ползучее» восстановление конфуцианской доктрины, сросшейся с учением о государстве.

Эпоха Юань была слишком противоречивой, чтобы давать ей однозначные оценки. Одни области лежали полностью в руинах (территория государства тангутов навсегда превратилась в пустыню), но при этом на юге продолжался демографический рост (правда, подпитываемый эмиграцией с Севера). Косвенные данные (рост арендной платы и хлебных цен) позволяют предположить, что в провинциях Юго-Востока, несмотря на завоевание, уровень жизни населения начал превосходить предыдущую эпоху. Наблюдался определенный хозяйственный прогресс, так, помимо свидетельств Марко Поло о цветущих городах, сохранились описания системы орошения, когда сложные колеса с черпаками поднимали воду из каналов, распределяя ее на поля по бамбуковым трубам, кроме того, южане освоили культуру гаоляна.

Постепенно в империи Юань развивались процессы, характерные для многих «варварских» государств: китайская цивилизация постепенно размывала традиции кочевой культуры. Великая Яса Чингисхана считалась главным законом империи, но параллельно с ней действовали своды китайского права. В делопроизводстве Хубилай предпринял попытку заменить китайские иероглифы на «квадратный алфавит», разработанный для монгольского языка на основе тибетского письма. Но данное поползновение не увенчалось успехом, как и многие другие начинания.

Хубилай и его преемники хотели опереться на китайских чиновников, а не на ненадежную монгольскую знать, и стремились восстановить систему экзаменов. Правда, это получилось лишь с пятой попытки в 1313 г., причем монголы и другие некитайские подданные могли сдавать экзамены по облегченной программе. Каракорум оставался священной столицей империи, но властители предпочитали жить в новой ставке – Ханбалыке (совр. Пекин). Судьбы империи Юань все дальше расходились с траектор

В первые годы правления Хубилая был воссоздан государственный аппарат по китайской модели. Однако крепость государства зависела не от мощи его государственного аппарата. Быстро росло крупное землевладение, подтачивающее финансовую состоятельность и военную силу Юаней. Число податных сокращалось, а рабы и арендаторы налогов не платили. И монгольские князья, и монастыри, и китайские землевладельцы действовали одинаково, укрывая от переписи «своих» крестьян. Попытки контролировать внешнюю торговлю, запретив частным судам выход в море, оставались безуспешны. Крепостные, приписанные к монгольским гарнизонам, разбегались. Командиры пьянствовали, пренебрегая подготовкой войск. Столицу сотрясали интриги, министры не задерживались у власти.

На Китай надвигался голод. Возможно, он был вызван аграрным перенаселением самых плодородных районов, но важнее, что во второй четверти XIV в. на страну обрушились бедствия – эпидемии, нашествия саранчи и ливневые дожди, несущие наводнения. В этом видят признаки изменения климата, проявившиеся и в Западной Европе. Последствия стихийных бедствий были столь разрушительны потому, что дамбы и плотины не чинились, склады не ремонтировались и хранящееся в них зерно гнило. Транспортные средства выходили из строя, в связи с чем запасы продовольствия пополнялись плохо, и зерно не могли доставить в голодающие провинции. В 1344 г. р. Хуанхэ разрушила давно не ремонтированные дамбы и изменила русло, затопив Шаньдунский полуостров и разрушив Великий канал – главную артерию снабжения столицы и северных районов. В глазах населения это было знаком утраты династией «мандата Неба». Вспыхивали мятежи, активизировались тайные общества, готовившие восстание, и все чаще китайцы вспоминали древнее изречение: «У варваров не бывает удачи, которая длилась бы сто лет».

В воцарившемся хаосе успешнее других оказался Чжу Юаньчжан. Происходя из бедной крестьянской семьи, он поступил в буддийский монастырь, где освоил начала грамоты, затем примкнул к одному из отрядов восставших, постепенно завоевывая все больший авторитет. Помимо воинских качеств он обладал административным талантом и острым политическим чутьем. В 1356 г. его отряд занял один из крупнейших городов на реке Янцзы Цзицин. К этому моменту Тогто нанес повстанцам серьезные поражения в долине Хуанхэ, опираясь на помощь «синих». Он готовился перенести военные действия на юг, но в 1355 г. сам пал жертвой дворцовых интриг. Это дало Чжу Юаньчжану время для того, чтобы хорошо укрепиться на своей территории. Создавая основы управленческого аппарата, он сумел привлечь чиновников, гарантируя неприкосновенность имущества всем переходящим на его сторону, установив строгую дисциплину, пресекая грабежи и снабжая армию за счет налогов и собственных «подсобных хозяйств».

УСТАНОВЛЕНИЕ ДИНАСТИИ МИН

Некоторое время Чжу Юаньчажан заявлял, что подчиняется вождям «красных повязок», сражавшимся в долине Хуанхэ, но помощи им не оказывал. Наконец, сочтя, что повстанцы и силы Юань обескровили друг друга, а вожди ослаблены взаимной враждой, он начал устранять соперников и в 1368 г. провозгласил новую империю, переименовав Цзицин в Нанкин («Южная столица»). Для династии он выбрал название «Мин» («светлая»), показав, что царство Света уже наступило и те, кто претендуют на роль «Мин Вана» – самозванцы. Император проявлял беспощадность к тайным обществам, объявленным колдунами и смутьянами.

Взяв храмовое имя Тай-цзу, для своего правления он избрал девиз «Хунъу» («Разлив воинственности»). В отличие от прежних династий в дальнейшем императоры династии Мин, взяв определенный девиз своего правления, уже не меняли название

«своей эры» до самой своей смерти. В выпущенном манифесте Тай-цзу заявлял, что пришел установить порядок и вернуть попранные древние обычаи. Он предложил монголам перейти под его власть: «Мои законы строги, и не бывает нарушителей их; те, которые перейдут на нашу сторону, вечно будут спокойно жить в Срединном цветке, а те, которые повернутся к нам спиной, сами себя изгонят в Монголию». Уже к концу 1368 г. армия Хунъу овладела северной столицей и разрушила ее, а то, что осталось от бывшей столицы, было переименовано в Вэйли («умиротворенный север»). Тогон-Тэмур бежал в Степь, но многие монголы перешли под власть новой империи. Позже войскам Мин удалось захватить и разорить номинальную столицу общемонгольской империи Каракорум. В 1383 г. пала провинция Юньнань, где долго сопротивлялся монгольский гарнизон, отрезанный от всякой помощи, в 1387 г. был покорен п-ов Ляодун, и населявшие его монголы-урянхайцы перешли на службу империи Мин.

Новому императору предстояло успокоить страну, обезопасить ее от угрозы из Степи, восстановить хозяйство и заселить опустевшие районы, но главным делом было создание прочного государства, основанного на справедливости и законе. Он выступал сторонником конфуцианского мировоззрения, согласно которому богатство, армия, крепости, боевые джонки и пушки важны, но не достаточны, ибо никогда в истории Поднебесной варвары не вторгались в пределы империи тогда, когда в государстве почиталась добродетель. Вчитываясь в исторические хроники, император особо интересовался плохими правителями, стараясь понять, какие ошибки приводят к гибели империй. Он строил государство чрезвычайными мерами и жестокими методами, но, с его точки зрения, эта жестокость находилась в русле нормальной китайской историко-политической традиции начала династийного царствования. Империи надлежало вернуться к образцам Хань и Тан, но избежать изменений, которые привели их к гибели. Жители Поднебесной вынуждены были признать новую сильную власть, выкованную в горниле освободительной войны, оттого успехи Чжу Юаньчжана были велики, а государство – прочным.

Всемирная история: в 6 т. / гл. ред. А. О. Чубарьян; Ин-т всеобщ, истории РАН. – М.: Наука. – Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П.Ю. Уваров. – 2012.

ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

ПЛАНЫ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ

МОДУЛЬ 1
ВВЕДЕНИЕ. ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (V–IX вв.)

СЕМИНАР 1
ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ. ГЕНЕЗИС ФЕОДАЛИЗМА В ЕВРОПЕ

Направление семинара:
Древние германцы

1. Характеристика источников по истории древних германцев.
2. Хозяйство древних германцев по данным Цезаря, Тацита, современной науки.
3. Характер землепользования и общины.
4. Зарождение имущественного и социального неравенства.
5. Организация управления у древних германцев.

Основными источниками о древних германцах долго оставались сочинения античных писателей. На основании этих письменных источников высказывались разные точки зрения по поводу жизни германских племен. При изучении темы необходимо рассмотреть социально-экономические отношения у германцев по сведениям из трудов Гая Юлия Цезаря и Корнелия Тацита, уточнить их с помощью данных современной науки (См. Ридер, № 5). Обратить внимание, что у Д.М. Петрушевского, А.И. Неусыхина и А.Я. Гуревича были разные концепции о хозяйственном укладе и формах собственности древних германцев.

Источники

1. История средних веков: хрестоматия: пособие для учителей: в 2 т. / сост. В.Е. Степанова, А.Я. Шевеленко. – М., 1988. – Т. 1. – С. 13–26.
2. Тацит, Публий Корнелий. Анналы; Малые произведения: История / Публий Корнелий Тацит; пер. с лат. – М., 2003.
3. Цезарь, Гай Юлий. Записки о Галльской войне / Гай Юлий Цезарь. – Кн. 4, 6. – М., 1962.

Литература

1. Гуревич, А.Я. Древние германцы / А.Я. Гуревич // Избранные труды: в 4 т. – М.–СПб., 1999. – Т. 1. – С. 25–67.
2. История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма: в 3 т. – М., 1985. – Т. 1. – С. 90–127.
3. Неусыхин, А.И. Проблемы европейского феодализма / А.И. Неусыхин. – М., 1974. – С. 218–224; 377–389.
4. Петрушевский, Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства / Д.М. Петрушевский; под ред. М.А. Морозова. – СПб., 2003. – С. 235–258.
5. Средневековая Европа глазами современников и историков. Книга для чтения: в 5 ч. – М., 1995. – Ч. 1. – С. 25–90.

ДОКУМЕНТЫ К СЕМИНАРУ № 1

№ 1
ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ О СВЕВАХ

Книга IV. Гл. 1. … Племя свевов – самое большое и воинственное из всех германских племен. Говорят, что у них сто округов, и каждый [округ] ежегодно высылает из своих пределов на войну по тысяче вооруженных воинов. Остальные, оставаясь дома, кормят себя и их; через год эти [последние] в свою очередь отправляются на войну, а те остаются дома. Благодаря этому не прерываются ни земледельческие работы, ни военное дело. Но земля у них не разделена и не находится в частной собственности, и им нельзя более года оставаться на одном и том же месте для возделывания земли. Они питаются не столько хлебом, сколько – и главным образом – молоком, и за счет скота; они много охотятся.

Гл. 22. Они не особенно усердно занимаются земледелием и питаются главным образом молоком, сыром и мясом. И никто из них не имеет точно отмеренного земельного участка или владений в частной собственности; но должностные лица и старейшины ежегодно отводят родам и группам живущих вместе родственников, где и сколько они найдут нужным земли, а через год принуждают их перейти на другое место. Приводят многочисленные основания [для объяснения] такого порядка: [по их словам], он не дает им прельститься оседлым образом жизни и променять войну на земледельческую работу; благодаря ему никто не стремится к расширению своих владений, более могущественные не сгоняют [с земли] более слабых, и никто не посвящает слишком много забот постройке жилищ для защиты от холода и зноя; [наконец, этот порядок] препятствует возникновению жадности до денег, из-за которой происходят партийные распри и раздоры, и [помогает] поддерживать спокойствие в простом народе ощущением имущественного равенства его с самыми могущественными людьми.

Гл. 23. ... Когда племя ведет наступательную или оборонительную войну, то избираются должностные лица, несущие обязанности военачальников и имеющие право распоряжаться жизнью и смертью [членов племени]. В мирное время у племени нет общего правительства; старейшины отдельных областей и округов творят там суд и улаживают споры. Разбойничьи набеги, если только они ведутся вне территории данного племени, не считаются позором; [германцы] выставляют на вид их необходимость как упражнения для юношества и как средства против праздности. И вот, когда кто-либо из первых лиц в племени заявляет в народном собрании о своем намерении предводительствовать [в военном предприятии] и призывает тех, кто хочет следовать за ним, изъявить свою готовность к этому,- тогда подымаются те, кто одобряет и предприятие и вождя, и, приветствуемые собравшимися, обещают ему свою помощь; те из обещавших, которые не последовали [за вождем], считаются беглецами и изменниками и лишаются впоследствии всякого доверия. Оскорбить гостя [германцы] считают грехом; по какой бы причине ни явились к ним [гости], они защищают их от обиды, считают их личность как бы священной и неприкосновенной, предоставляют в их распоряжение свой дом и разделяют с ними свою пищу.

Хрестоматия по истории средних веков. – Т.1. – М., 1961. – С. 264–266.

№ 2
КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГЕРМАНЦЕВ И МЕСТОПОЛОЖЕНИИ ГЕРМАНИИ [ИЗВЛЕЧЕНИЯ]

Хотя страна [Германия] кое-где и различается с виду, все же в целом она ужасает и отвращает своими лесами и топями; […] в общем достаточно плодородная, она непригодна для плодовых деревьев; мелкого скота в ней великое множество, но по большей части он малорослый. Да и быки лишены обычно венчающего их головы горделивого украшения, но германцы радуются обилию своих стад, и они – единственное и самое любимое их достояние. В золоте и серебре боги им отказали, не знаю, из благосклонности к ним или во гневе на них. Однако я не решусь утверждать, что в Германии не существует ни одной золотоносной или сереброносной жилы; ведь кто там их разыскивал? Германцы столь же мало заботятся об обладании золотом и серебром, как и об употреблении их в своем обиходе. У них можно увидеть полученные в дар их послами и вождями серебряные сосуды, но дорожат они ими не больше, чем вылепленными из глины; впрочем, ближайшие к нам знают цену золоту и серебру из-за применения их в торговле и разбираются в некоторых наших монетах, отдавая иным из них предпочтение; что касается обитателей внутренних областей, то, живя в простоте и на старый лад, они ограничиваются меновою торговлей. … Серебро они берут гораздо охотнее, нежели золото, но не из-за того, что питают к нему пристрастие, а потому, что покупающим простой и дешевый товар легче и удобнее рассчитываться серебряными монетами.

6. Да и железо, судя по изготовляемому ими оружию, у них не в избытке. Редко кто пользуется мечами и пиками большого размера; они имеют при себе копья, или, как сами называют их на своем языке, фрамеи, с узкими и короткими наконечниками, однако настолько острыми и удобными в бою, что тем же оружием, в зависимости от обстоятельств, они сражаются как издали, так и в рукопашной схватке. И всадник также довольствуется щитом и фрамеей, тогда как пешие, кроме того, мечут дротики, которых у каждого несколько, и они бросают их поразительно далеко, совсем нагие или прикрытые только легким плащом. У них не заметно ни малейшего стремления щегольнуть убранством, и только щиты они расписывают яркими красками. Лишь у немногих панцири, только у одного-другого металлический или кожаный шлем. Их кони не отличаются ни красотой, ни резвостью. И их не обучают делать повороты в любую сторону, как это принято у нас: их гонят либо прямо вперед, либо с уклоном вправо, образуя настолько замкнутый круг, чтобы ни один всадник не оказался последним. И вообще говоря, их сила больше в пехоте; по этой причине они и сражаются вперемешку; пешие, которых они для этого отбирают из всего войска и ставят впереди боевого порядка, так стремительны и подвижны, что не уступают в быстроте всадникам и действуют сообща с ними в конном сражении. Установлена и численность этих пеших: от каждого округа по сотне; этим словом они между собою и называют их, и то, что ранее было численным обозначением, ныне – почетное наименование. Боевой порядок они строят клиньями. Податься назад, чтобы затем снова броситься на врага, – считается у них воинскою сметливостью, а не следствием страха. Тела своих они уносят с собою, даже потерпев поражение. Бросить щит – величайший позор, и подвергшемуся такому бесчестию возбраняется присутствовать на священнодействиях и появляться в народном собрании, и многие, сохранив жизнь в войнах, покончили со своим бесславием, накинув на себя петлю.

7. Царей они выбирают из наиболее знатных, вождей – из наиболее доблестных. Но и цари не обладают у них безграничным и безраздельным могуществом, и вожди начальствуют над ними, скорее увлекая примером и вызывая их восхищение, если они решительны, если выдаются достоинствами, если сражаются всегда впереди, чем наделенные подлинной властью. Впрочем, ни карать смертью, ни налагать оковы, ни даже

подвергать бичеванию не дозволено никому, кроме жрецов, да и они делают это как бы не в наказание и не по распоряжению вождя, а якобы по повелению бога, который, как они верят, присутствует среди сражающихся. И они берут с собой в битву некоторые извлеченные из священных рощ изображения и святыни; но больше всего побуждает их к храбрости то, что конные отряды и боевые клинья составляются у них не по прихоти обстоятельств и не представляют собою случайных скопищ, но состоят из связанных семейными узами и кровным родством; к тому же их близкие находятся рядом с ними, так что им слышны вопли женщин и плач младенцев, и для каждого эти свидетели – самое святое, что у него есть, и их похвала дороже всякой другой; к матерям, к женам несут они свои раны, и те не страшатся считать и осматривать их, и они же доставляют им, дерущимся с неприятелем, пищу и ободрение.

8. Как рассказывают, неоднократно бывало, что их уже дрогнувшему и пришедшему в смятение войску не давали рассеяться женщины, неотступно молившие, ударяя себя в обнаженную грудь, не обрекать их на плен, мысль о котором, сколь бы его ни страшились для себя воины, для германцев еще нестерпимее, когда дело идет об их женах. Вот почему прочнее всего удерживаются в повиновении племена, которым было предъявлено требование выдать в числе заложников также девушек знатного происхождения. Ведь германцы считают, что в женщинах есть нечто священное и что им присущ пророческий дар, и они не оставляют без внимания подаваемые ими советы и не пренебрегают их прорицаниями.

11. О делах, менее важных, совещаются их старейшины, о более значительных – все; впрочем, старейшины заранее обсуждают и такие дела, решение которых принадлежит только народу. Если не происходит чего-либо случайного и внезапного, они собираются в определенные дни, или когда луна только что народилась, или в полнолуние, ибо считают эту пору наиболее благоприятствующей началу рассмотрения дел. Счет времени они ведут не на дни, как мы, а на ночи. Таким обозначением сроков они пользуются, принимая постановления и вступая в договоры друг с другом; им представляется, будто ночь приводит за собой день. Но из их свободы проистекает существенная помеха, состоящая в том, что они сходятся не все вместе и не так, как те, кто повинуется приказанию, и из-за медлительности, с какою они прибывают, попусту тратится день, другой, а порою и третий. Когда толпа сочтет, что пора начинать, они рассаживаются вооруженными. Жрецы велят им соблюдать тишину, располагая при этом правом наказывать непокорных. Затем выслушиваются царь и старейшины в зависимости от их возраста, в зависимости от знатности, в зависимости от боевой славы, в зависимости от красноречия, больше воздействуя убеждением, чем располагая властью приказывать. Если их предложения не встречают сочувствия, участники собрания шумно их отвергают; если, напротив, нравятся, – раскачивают поднятые вверх фрамеи: ведь воздать похвалу оружием, на их взгляд, – самый почетный вид одобрения.

12. На таком народном собрании можно также предъявить обвинение и потребовать осуждения на смертную казнь. Суровость наказания определяется тяжестью преступления: предателей и перебежчиков они вешают на деревьях, трусов и оплошавших в бою, а также обесчестивших свое тело – топят в грязи и болоте, забрасывая поверх валежником. Различие в способах умерщвления основывается на том, что злодеяния и кару за них должно, по их мнению, выставлять напоказ, а позорные поступки – скрывать. Но и при более легких проступках наказание соразмерно их важности: с изобличенных взыскивается определенное количество лошадей и овец. Часть наложенной на них пени передается царю или племени, часть – пострадавшему или его родичам. На тех же собраниях также избирают старейшин, отправляющих правосудие в округах и селениях; каждому из них дается охрана численностью в сто человек из простого народа – одновременно и состоящий при них совет, и сила, на которую они опираются.

13. Любые дела – и частные, и общественные – они рассматривают не иначе как вооруженные. Но никто не осмеливается, наперекор обычаю, носить оружие, пока не будет признан общиною созревшим для этого. Тогда тут же в народном собрании кто-нибудь из старейшин, или отец, или родичи вручают юноше щит и фрамею: это – их тога, это первая доступная юности почесть; до этого в них видят частицу семьи, после этого – племени. Выдающаяся знатность и значительные заслуги предков даже еще совсем юным доставляют достоинство вождя; все прочие собираются возле отличающихся телесною силой и уже проявивших себя на деле, и никому не зазорно состоять их дружинниками. Впрочем, внутри дружины, по усмотрению того, кому она подчиняется, устанавливаются различия в положении; и если дружинники упорно соревнуются между собой, добиваясь преимущественного благоволения вождя, то вожди стремясь, чтобы их дружина была наиболее многочисленной и самой отважною. Их величие, их могущество в том, чтобы быть всегда окруженными большой толпою отборных юношей, в мирное время – их гордостью, на войне – опорою. Чья дружина выделяется численностью и доблестью, тому это приносит известность, и он прославляется не только у себя в племени, но и у соседних народов; его домогаются, направляя к нему посольства и осыпая дарами, и молва о нем чаще всего сама по себе предотвращает войны.

14. Но если дело дошло до схватки, постыдно вождю уступать кому-либо в доблести, постыдно дружине не уподобляться доблестью своему вождю. А выйти живым из боя, в котором пал вождь, – бесчестье и позор на всю жизнь; защищать его, оберегать, совершать доблестные деяния, помышляя только о его славе, – первейшая их обязанность: вожди сражаются ради победы, дружинники – за своего вождя. Если община, в которой они родились, закосневает в длительном мире и праздности, множество знатных юношей отправляется к племенам, вовлеченным в какую-нибудь войну, и потому, что покой этому народу не по душе, и так как среди превратностей битв им легче прославиться, да и содержать большую дружину можно не иначе, как только насилием и войной; ведь от щедрости своего вождя они требуют боевого коня, той же Жаждущей крови и победоносной фрамеи; что же касается пропитания и хоть простого, но обильного угощения на пирах, то они у них вместо жалованья. Возможности для подобного расточительства доставляют им лишь войны и грабежи. И гораздо труднее убедить их распахать поле и ждать целый год урожая, чем склонить сразиться с врагом и претерпеть раны; больше того, по их представлениям, потом добывать то, что может быть приобретено кровью, – леность и малодушие.

15. Когда они не ведут войн, то много охотятся, а еще больше проводят время в полнейшей праздности, предаваясь сну и чревоугодию, и самые храбрые и воинственные из них, не неся никаких обязанностей, препоручают заботы о жилище, домашнем хозяйстве и пашне женщинам, старикам и наиболее слабосильным из домочадцев, тогда как сами погрязают в бездействии, на своем примере показывая поразительную противоречивость природы, ибо те же люди так любят безделье и так ненавидят покой. У их общин существует обычай, чтобы каждый добровольно уделял вождям кое-что от своего скота и плодов земных, и это, принимаемое теми как дань уважения, служит также для удовлетворения их нужд. Особенно радуют их дары от соседних племен, присылаемые не только отдельными лицами, но и от имени всего племени, каковы отборные кони, великолепно отделанное оружие, фалеры и почетные ожерелья; а теперь мы научили их принимать и деньги.

16. Хорошо известно, что народы Германии не живут в городах и даже не терпят, чтобы их жилища примыкали вплотную друг к другу. Селятся же германцы каждый отдельно и сам по себе, где кому приглянулись родник, поляна или дубрава. Свои деревни они размещают не так, как мы, и не скучивают теснящиеся и лепящиеся одно к другому строения, но каждый оставляет вокруг своего дома обширный участок, то ли, чтобы

обезопасить себя от пожара, если загорится сосед, то ли из-за неумения строиться. Строят же они, не употребляя ни камня, ни черепицы; все, что им нужно, они сооружают из дерева, почти не отделывая его и не заботясь о внешнем виде строения и о том, чтобы на него приятно было смотреть. Впрочем, кое-какие места на нем они с большой тщательностью обмазывают землей, такой чистой и блестящей, что создается впечатление, будто оно расписано цветными узорами. У них принято также устраивать подземные ямы, поверх которых они наваливают много навоза и которые служат им убежищем на зиму и для хранения съестных припасов, ибо погреба этого рода смягчают суровость стужи, и, кроме того, если вторгается враг, все неприбранное в тайник подвергается разграблению, тогда как о припрятанном и укрытом под землей он или остается в неведении или не добирается до него, хотя бы уже потому, что его нужно разыскивать.

17. Верхняя одежда у всех – короткий плащ, застегнутый пряжкой, а если ее нет, то шипом. Ничем другим не прикрытые, они проводят целые дни у разожженного в очаге огня. Наиболее богатые отличаются тем, что, помимо плаща, на них есть и другая одежда, но не развевающаяся, как у сарматов или парфян, а узкая и плотно облегающая тело. Носят они и шкуры диких зверей. […] Одежда у женщин не иная, чем у мужчин, разве что женщины чаще облачаются в льняные накидки, которые они расцвечивают пурпурною краской, и с плеч у них не спускаются рукава, так что их руки обнажены сверху донизу, как открыта и часть груди возле них.

18. Тем не менее браки у них соблюдаются в строгости, и ни одна сторона их нравов не заслуживает такой похвалы, как эта. Ведь они почти единственные из варваров довольствуются, за очень немногими исключениями, одною женой, а если кто и имеет по нескольку жен, то его побуждает к этому не любострастие, а занимаемое им видное положение. Приданое предлагает не жена мужу, а муж жене. При этом присутствуют ее родственники и близкие и осматривают его подарки; и недопустимо, чтобы эти подарки состояли из женских украшений и уборов для новобрачной, но то должны быть быки, взнузданный конь и щит с фрамеей и мечом. За эти подарки он получает жену, да и она взамен отдаривает мужа каким-либо оружием; в их глазах это наиболее прочные узы, это – священные таинства, это – боги супружества […].

19. Так ограждается их целомудрие, и они живут, не зная порождаемых зрелищами соблазнов, не развращаемые обольщениями пиров. Тайна письма равно неведома и мужчинам, и женщинам. У столь многолюдного народа прелюбодеяния крайне редки; наказывать их дозволяется незамедлительно и самим мужьям: обрезав изменнице волосы и раздев донага, муж в присутствии родственников выбрасывает ее из своего дома и, настегивая бичом, гонит по всей деревне; и сколь бы красивой, молодой и богатой она ни была, ей больше не найти нового мужа. Ибо пороки там ни для кого не смешны, и развращать и быть развращаемым не называется у них – идти в ногу с веком. Но еще лучше обстоит с этим у тех племен, где берут замуж лишь девственниц и где, дав обет супружеской верности, они окончательно утрачивают надежду на возможность повторного вступления в брак. Так они обретают мужа, одного навеки, как одно у них тело и одна жизнь, дабы впредь они не думали ни о ком, кроме него, дабы вожделели только к нему, дабы любили в нем не столько мужа, сколько супружество. Ограничивать число детей или умерщвлять кого-либо из родившихся после смерти отца считается среди них постыдным, и добрые нравы имеют там большую силу, чем хорошие законы где-либо в другом месте.

20. В любом доме растут они голые и грязные, а вырастают с таким телосложением и таким станом, которые приводят нас в изумление. Мать сама выкармливает грудью рожденных ею детей, и их не отдают на попечение служанкам и кормилицам. Господа воспитываются в такой же простоте, как рабы, и долгие годы в этом отношении между ними нет никакого различия: они живут среди тех же домашних животных,

на той же земле, пока возраст не отделит свободнорожденных, пока их доблесть не получит признания. Юноши поздно познают женщин, и от этого их мужская сила сохраняется нерастраченной: не торопятся они отдать замуж и девушек, и у них та же юная свежесть, похожий рост. И сочетаются они браком столь же крепкие и столь же здоровые, как их мужья, и сила родителей передается детям. К сыновьям сестер они относятся не иначе, чем к своим собственным. Больше того, некоторые считают такие кровные узы и более священными, и более тесными и предпочитают брать заложниками племянников, находя, что в этом случае воля сковывается более прочными обязательствами и они охватывают более широкий круг родичей. Однако наследниками и преемниками умершего могут быть лишь его дети; завещания у них неизвестны. Если он не оставил после себя детей, то его имущество переходит во владение тех, кто по степени родства ему ближе всего – к братьям, к дядьям по отцу, дядьям по матери. И чем больше родственников, чем обильнее свойственники, тем большим вниманием окружена старость; а бездетность у них совсем не в чести.

21. Разделять ненависть отца и сородичей к их врагам, и приязнь к тем, с кем они в дружбе, – непреложное правило; впрочем, они не закосневают в непримиримости; ведь даже человекоубийство у них искупается определенным количеством быков и овец, и возмещение за него получает весь род, что идет на пользу и всей общине, так как при безграничной свободе междоусобия особенно пагубны.

Не существует другого народа, который с такой же охотою затевал бы пирушки и был бы столь же гостеприимен. Отказать кому-нибудь в крове, на их взгляд, – нечестие, и каждый старается попотчевать гостя в меру своего достатка. А когда всем его припасам приходит конец, тот, кто только что был хозяином, указывает, где им окажут радушный прием, и вместе со своим гостем направляется к ближайшему дому, куда они и заходят без приглашения. Но это несущественно: их обоих принимают с одинаковою сердечностью. Подчиняясь законам гостеприимства, никто не делает различия между знакомым и незнакомым. Если кто, уходя, попросит приглянувшуюся ему вещь, ее, по обычаю, тотчас же вручают ему. Впрочем, с такою же легкостью дозволяется попросить что-нибудь взамен отданного. Они радуются подаркам; не считая своим должником того, кого одарили, они и себя не считают обязанными за то, что ими получено.

22. Встав ото сна, который у них обычно затягивается до позднего утра, они умываются, чаще всего теплой водою, как те, у кого большую часть года занимает зима. Умывшись, они принимают пищу; у каждого свое отдельное место и свой собственный стол. Затем они отправляются по делам и не менее часто на пиршества, и притом всегда вооруженные. Беспробудно пить день и ночь ни для кого не постыдно. Частые ссоры, неизбежные среди предающихся пьянству, редко когда ограничиваются словесною перебранкой и чаще всего завершаются смертоубийством или нанесением ран. Но по большей части на пиршествах они толкуют и о примирении враждующих между собою, о заключении браков, о выдвижении вождей, наконец о мире и о войне, полагая, что ни в какое другое время душа не бывает столь же расположена к откровенности и никогда так не воспламеняется для помыслов о великом…

23. Их напиток – ячменный или пшеничный отвар, превращенный посредством брожения в некое подобие вина; живущие близ реки покупают и вино. Пища у них простая: дикорастущие плоды, свежая дичина, свернувшееся молоко, и насыщаются они ею безо всяких затей и приправ. Что касается утоления жажды, то в этом они не отличаются такой же умеренностью. Потворствуя их страсти к бражничанью и доставляя им столько хмельного, сколько они пожелают, сломить их пороками было бы не трудней, чем оружием.

24. Вид зрелищ у них единственный и на любом сборище тот же: обнаженные юноши, для которых это не более как забава, носятся и прыгают среди врытых в землю

мечей и смертоносных фрамей. Упражнение породило в них ловкость, ловкость – непринужденность, но добивались они их не ради наживы и не за плату; вознаграждение за легкость их пляски, сколь бы смелой и опасной она ни была, – удовольствие зрителей. Играют германцы и в кости, и, что поразительно, будучи трезвыми и смотря на это занятие как на важное дело, причем с таким увлечением и при выигрыше, и при проигрыше, что, потеряв все свое достояние и бросая в последний раз кости, назначают ставкою свою свободу и свое тело. Проигравший добровольно отдает себя в рабство и, сколь бы моложе и сильнее выигравшего он ни был, безропотно позволяет связать себя и выставить на продажу. Такова их стойкость в превратностях этого рода, тогда как ими самими она именуется честностью. Рабов, приобретенных таким образом, стараются сбыть, продавая на сторону; поступают же они так и для того, чтобы снять с себя сопряженное с подобной победой бесчестье.

25. Рабов они используют, впрочем, не так, как мы: они не держат их при себе и не распределяют между ними обязанностей: каждый из них самостоятельно распоряжается на своем участке и у себя в семье. Господин облагает его, как если б он был колоном, установленной мерой зерна, или овец и свиней, или одежды, и только в этом состоят отправляемые рабом повинности. Остальные работы в хозяйстве господина выполняются его женой и детьми. Высечь раба или наказать его наложением оков и принудительною работой – такое у них случается редко; а вот убить его – дело обычное, но расправляются они с ним не ради поддержания дисциплины и не из жестокости, а сгоряча, в пылу гнева, как с врагом, с той только разницей, что это сходит им безнаказанно. Вольноотпущенники по своему положению не намного выше рабов; редко, когда они располагают весом в доме патрона, никогда – в общине, если не считать тех народов, которыми правят цари. Там вольноотпущенники возвышаются и над свободнорожденными, и над знатными; а у всех прочих приниженность вольноотпущенников – признак народоправства.

26. Ростовщичество и извлечение из него выгоды им неизвестно, и это оберегает их от него надежнее, чем если бы оно воспрещалось. Земли для обработки они поочередно занимают всею общиной по числу земледельцев, а затем делят их между собою смотря по достоинству каждого; раздел полей облегчается обилием свободных пространств. И хотя они ежегодно сменяют пашню, у них всегда остается излишек полей. И они не прилагают усилий, чтобы умножить трудом плодородие почвы и возместить таким образом недостаток в земле, не сажают плодовых деревьев, не огораживают лугов, не поливают огороды. От земли они ждут только урожая хлебов. И по этой причине они делят год менее дробно, чем мы: ими различаются зима, и весна, и лето, и они имеют свои наименования, а вот название осени и ее плоды им неведомы.

27. Похороны у них лишены всякой пышности; единственное, что они соблюдают, это – чтобы при сожжении тел знаменитых мужей употреблялись определенные породы деревьев. В пламя костра они не бросают ни одежды, ни благовоний; вместе с умершим предается огню только его оружие, иногда также и его конь. У них не принято воздавать умершим почет сооружением тщательно отделанных и громоздких надгробий, так как, по их представлениям, они слишком тяжелы для покойников. Стенаний и слез они не затягивают, скорбь и грусть сохраняют надолго. Женщинам приличествует оплакивать, мужчинам – помнить.

Вот что нам удалось узнать о происхождении и нравах германцев в целом; а теперь я поведу рассказ об учреждениях и обычаях отдельных народностей и о том, насколько они между собой различаются и какие племена переселились из Германии в Галлию.

Тацит, Корнелий. Сочинения в двух томах / Корнелий Тацит. – Т.1. Анналы. Малые произведения. – Ленинград: Наука, 1969.

СЕМИНАР 2
ФРАНКСКОЕ ГОСУДАРСТВО В V–IX вв.

Направление семинара:
Франкское общество по «Салической правде»

1. Варварские правды как исторический источник. Место «Салической правды» среди других варварских правд.
2. Хозяйственная деятельность франков.
3. Проблема общины и возникновения аллода у салических франков.
4. Социальная структура франкского общества. Судебные обычаи салических франков.

Во времена Хлодвига была сделана первая запись франкского обычного права. Этот свод правовых норм был составлен по образцу римских законов и записан на латинском языке. Специфику Варварских правд хорошо проанализирована А.Я Гуревич, обративший внимание на то, что франкские юридические нормы не обобщали характер преступлений, не говорили об убийстве или краже вообще, а описывали конкретные случаи. Огромную роль в жизни франков играл ритуал, точное соблюдение которого было необходимо для легитимизации конкретного действия (См. Ридер, № 7) «Салическая правда» позволит проанализировать уровень развития производительных сил в сельском хозяйстве франков в сравнении с хозяйством древних германцев, увидеть переход от родоплеменного управления к территориальному, усиление значения королевской власти, рост социальной и имущественной дифференциации во франкском обществе. Важную информацию можно извлечь, сравнивая между собой различные вергельды (например, за убийство). Интересны титулы, связанные с защитой чести свободных франков.

При подготовке к занятиям необходимо обратить внимание на спорные вопросы типе и роли общины в жизни франков, существовавшей в то время (см. титул XLV).

Источники

1. Салическая правда. Любое издание.
2. История средних веков: хрестоматия: пособие для учителей: в 2 т. / сост. В.Е. Степанова, А.Я. Шевеленко. – М., 1988. – Т. 1. – С. 26–40.
3. Практикум по истории средних веков / сост. М. Л. Абрамсон [и др.] – М., 1971.
4. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права: учебное пособие / под ред. З. М. Черниловского. – М., 1998.

Литература

1. Гуревич, А.Я. Начало феодализма в Европе / А.Я. Гуревич / Избранные труды в 4-х т. – М.–СПб., 1999. – Т. 1. – С. 245–265.
2. История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма: в 3-х т. – М., 1985. – Т. 1. – С. 127–134.
3. Лебек, С. Происхождение франков V–IX вв. / С. Лебек. – М., 1993. – С. 45–63.
4. Неусыхин, А.И. Проблемы европейского феодализма. Избранные труды / А.И. Неусыхин. – М., 1974.
5. Петрушевский, Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства / Д. М. Петрушевский; под ред. М. А. Морозова. – СПб, 2003. – С. 322–414.
6. Средневековая Европа глазами современников и историков. Книга для чтения: в 5 ч. – М., 1995. – Ч. 1. – С. 135–140.

ДОКУМЕНТЫ К СЕМИНАРУ № 2

САЛИЧЕСКАЯ ПРАВДА

Салическая правда (Lex Salica) является записью древних судебных обычаев салических франков, обосновавшихся на территории Римской Галлии и создавших в V–VI вв. самое крупное варварское королевство. Салическая правда – не единственный сборник варварских законов и по времени записи их даже не самый древний. Но этот сборник – наиболее полный, дошедший до нас во многих списках и вариантах более раннего и более позднего времени и по содержанию отличающийся наибольшей архаичностью.

I. О вызове на суд

§ 1. Если кто будет вызван на суд (ad mallum) по законам короля, и не явится, присуждается к уплате 600 денариев, что составляет 15 солидов.

§ 2. Если же кто, вызвавши другого на суд, сам не явится, и если его не задержит какое-либо законное препятствие, присуждается к уплате 15 сол. в пользу того, кого он вызовет на суд.

§ 4. Если же (ответчик) будет занят исполнением королевской службы, он не может быть вызван на суд.

II. О краже свиней

§ 1. Если кто украдет молочного поросенка, и будет уличен, присуждается к уплате 120 ден., что составляет 3 сол.

§ 3. Если кто воровским образом ударит супоросую свинью (последствием чего окажется выкидыш), и будет уличен, присуждается к уплате 280 ден., что составляет 7 сол.

Приб. 3-е. Если кто украдет свинью с поросятами, присуждается к уплате 700 ден., что составляет 17½ сол.

§ 4. Если кто украдет годовалую свинью, и будет уличен, присуждается к уплате 120 ден., что составляет 3 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 5. Если кто украдет двухгодовалую свинью, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 6. Такой же штраф надлежит уплачивать и при краже двух свиней в соответствующих условиях.

§ 7. Если же кто украдет трех или более свиней, присуждается к уплате 1400 ден., что составляет 35 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 8. Если кто украдет поросенка из стада, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

§ 11. Если кто украдет кабана или свинью, ведущую стадо, присуждается к уплате 700 ден., что составляет 17½ сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 14. Если же кто украдет 25 свиней, причем в стаде более ничего не останется, и будет уличен, присуждается за кражу всего стада к уплате 2500 ден., что составляет 62 сол.

III. О краже рогатых животных

§ 1. Если кто украдет молочного теленка, и будет уличен, присуждается к уплате 120 ден., что составляет 3 сол.

§ 2. Если кто украдет годовалое или двухгодовалое животное, и будет уличен, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

§ 3. Если кто украдет быка или корову с теленком, присуждается к уплате 1400 ден., что составляет 35 сол.

§ 4. Если кто украдет быка, ведущего стадо и никогда не бывшего под ярмом, присуждается к уплате 1800 ден., что составляет 45 сол.

§ 5. Если же бык этот обслуживал коров трех вилл, вор уплачивает трижды 45 сол.

Приб. 4-е. Если кто украдет королевского быка, присуждается к уплате 3600 ден., что составляет 90 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

VI. О краже собак

§ 1. Если кто уведет или убьет охотничью ученую собаку, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

§ 2. Если кто украдет или убьет пастушескую собаку, присуждается к уплате 120 ден., что составляет 3 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

VII. О краже птиц

§ 1. Если кто украдет ястреба, сидящего на дереве, и будет уличен, присуждается к уплате 120 ден., что составляет 3 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 2. Если кто украдет ястреба с шеста, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

§ 3. Если кто украдет ястреба из-под замка, и будет уличен, присуждается к уплате 1800 ден., что составляет 45 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

Приб. 3-е. Если кто украдет курицу, присуждается к уплате 120 ден., что составляет 3 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

Приб. 11-е. Если кто в чужом лесу украдет, сожжет или испортит материал, или украдет чужие дрова, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

VIII. О краже пчел

§ 1. Если кто украдет один улей из-под замка, и будет уличен, присуждается к уплате 1800 ден., что составляет 45 сол.

§ 3. Если кто украдет больше, до 6 ульев в открытом месте, и на месте кражи что-нибудь останется, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

IX. О вреде, причиненном ниве или какому-либо огороженному месту

§ 1. Если кто застанет на своей ниве рогатых животных, или лошадь, или какой-нибудь мелкий скот, не должен бить его до изувечения. Если же он сделает это и сознается, обязан возместить стоимость, а изувеченную скотину взять себе. Если же не сознается и будет уличен, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол., не считая стоимости и возмещения убытков.

§ 2. Если кто, заставши на своей ниве чужой скот без пастуха, загонит его и совсем никому не заявит об этом, и если какая-нибудь скотина издохнет, возмещает, как при краже, стоимость, и, сверх того, присуждается к уплате 1400 ден., что составляет 35 сол.

§ 3. Если кто, по своей небрежности, причинит вред животному или какой-либо скотине и сознается в этом, должен возместить стоимость, а изувеченное животное взять себе. Если же он станет отпираться и будет уличен, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол., не считая стоимости и возмещения убытков.

§ 4. Если чьи-нибудь свиньи или чей-нибудь скот забежит на чужую ниву, и хозяин животных, несмотря на запирательство, будет уличен, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

X. О краже рабов

§ 1. Если кто украдет раба, коня или упряжное животное, присуждается к уплате 1200 ден., что составляет 30 сол.

§ 2. Если раб или рабыня украдут что-либо из вещей своего господина в сообществе со свободным, то вор (т.е. свободный), кроме того, что он возвращает украденные вещи, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

Приб. 1-е. Если кто лишит жизни, продаст или отпустит на свободу чужого раба, присуждается к уплате 1400 ден., что составляет 35 сол.

Приб. 4-е. Если кто украдет рабыню, платит 35 сол.; а за виноградаря, кузнеца, плотника, конюха, стоящего 30 сол., в случае улики, присуждается к уплате 2880 ден., что составляет 85 сол.

Приб. 5-е. Если кто украдет раба или рабыню из состава господской челяди, отдает 35 сол. в качестве стоимости похищенного, и, кроме того, присуждается к уплате 1400 ден., что составляет 35 сол.

XI. О кражах или взломах, произведенных свободными

§ 1. Если кто из свободных украдет вне дома на 2 ден., присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

§ 2. Если же он украдет вне дома на 40 ден., и будет уличен, присуждается к уплате 1400 ден., что составляет 35 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 4. Если же он украдет более, чем на 5 ден., и будет уличен, присуждается к уплате 1400 ден., что составляет 35 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 5. Если же он произведет взлом запора или подберет ключ и, проникши таким образом в дом, что-нибудь оттуда украдет, присуждается к уплате 1800 ден., что составляет 45 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

XII. О кражах или взломах, произведенных рабами

§ 1. Если раб украдет вне дома на 2 ден., он возвращает похищенное и возмещает убытки, и, кроме того, распростертый (на скамье), получает 120 ударов плетью.

§ 2. Если же он украдет на 40 ден., он или кастрируется, или же уплачивает 6 сол. А господин раба, совершившего кражу, возмещает истцу и стоимость украденного, и убытки.

XIII. О похищении свободных

§ 1. Если три человека похитят свободную девушку, они обязаны уплатить по 30 сол. каждый.

§ 6. Если же девушка, которую похитят, окажется под покровительством короля, в таком случае за нарушение «fritus» платится 2500 ден., что составляет 63 сол.

§ 7. Королевский раб или лит, похитившие свободную женщину, повинны смерти.

§ 8. Если же свободная девушка добровольно последует за рабом, она лишается своей свободы.

§ 9. Свободный, взявший чужую рабыню, несет то же самое наказание.

Приб. 2-е. Если кто сочетается преступным браком с дочерью сестры или брата или какой-либо дальнейшей родственницы, или с женою брата или дяди, он подлежит наказанию в том смысле, что разлучается от такого супружества. Даже если у него родятся дети, они не будут считаться законными наследниками, но обесчесченными по рождению (незаконнорожденными).

§ 10. Если кто похитит чужую невесту и вступит с нею в брак, присуждается к уплате 2500 ден., что составляет 63 сол.

Приб. 3-е. А жениху невесты уплачивает 15 сол.

Приб. 4-е. Если кто нападет на обрученную девицу во время свадебного поезда и ее изнасилует, присуждается к уплате 8000 ден., что составляет 200 сол.

Приб. 5-е. Если кто нападет скопом на свободную женщину или девушку в дороге или в каком-нибудь другом месте и осмелится причинить ей насилие, все, участвовавшие в совершении насилия, присуждаются к уплате 200 сол. каждый.

XIV. О нападениях или грабежах

§ 1. Если кто ограбит свободного человека, напавши на него неожиданно, и будет уличен, присуждается к уплате 2500 ден., что составляет 63 сол.

§ 2. Если римлянин ограбит салического варвара, должно применять вышеупомянутый закон.

§ 3. Если же франк ограбит римлянина, присуждается к штрафу в 35 сол.

§ 4. Если кто-либо, желая переселиться, получит грамоту от короля, и если он развернет ее в публичном собрании и кто-нибудь посмеет противиться приказанию короля, повинен уплатить 8000 ден., что составляет 200 сол.

§ 5. Если кто нападет на переселяющегося человека, все участвовавшие в скопе или нападении присуждаются к уплате 2500 ден., что составляет 63 сол.

§ 6. Если кто нападет на чужую виллу, все уличенные в этом нападении присуждаются к уплате 63 сол.

Приб. 1-е. Если кто нападет на чужую виллу, выломает там двери, перебьет собак и изранит людей, или что-нибудь вывезет оттуда на повозке, присуждается к уплате 8000 ден., что составляет 200 сол.

Приб. 3-е. Если кто воровским образом ограбит спящего человека, и будет уличен, присуждается к уплате 4000 ден., что составляет 100 сол.

Приб. 7-е. Если кто испортит памятники на могиле мертвого человека, за каждый из них присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

XV. Об убийствах или если кто украдет чужую жену

§ 1. Если кто лишит жизни свободного человека, или уведет чужую жену от живого мужа, присуждается к уплате 8000 ден., что составляет 200 сол.

XVI. О поджогах

§ 1. Если кто сожжет какой-нибудь дом со спящими людьми, те из свободных, которые были внутри, должны вызвать его на суд, и если что-нибудь внутри сгорит, (поджигатель) присуждается к уплате 2500 ден., что составляет 63 сол.

Приб. 1-е. Согласно Салическому закону, надлежит соблюдать следующее: если кто-нибудь сожжет чужой дом и потерпевший не будет иметь места, куда поместить спасенные от огня вещи, и если виновник будет вызван на суд, и не явится, он может найти оправдание лишь в том случае, если его удержит или болезнь, или королевская служба, или смерть кого-либо из его близких; в противном же случае он подлежит смертной казни, или присуждается к уплате 200 сол.

§ 3. Если кто сожжет амбар или ригу с хлебом, присуждается к уплате 2500 ден., что составляет 63 сол.

§ 4. Если кто сожжет хлев со свиньями или стойла с животными, и будет уличен, присуждается к уплате 2500 ден., что составляет 63 сол., не считая уплаты стоимости и возмещения убытков.

§ 5. Если кто сожжет чужой забор или изгородь, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

XVII. О ранах

§ 3. Если кто ударит другого по голове так, что обнаружится мозг и выпадут 3 кости, лежащие поверх самого мозга, присуждается к уплате 1200 ден., что составляет 30 сол.

§ 4. Если же кто будет ранен между ребер или в живот, причем окажется, что появится рана и проникнет до внутренностей, присуждается к уплате 1200 ден., что составляет 30 сол., помимо 5 сол. на лечение.

Приб. 1-е. Если же рана болит и не заживает, присуждается к уплате 62½ сол. и на лечение 9 сол.

§ 5. Если кто ранит человека так, что польется кровь на землю, и будет уличен, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

XVIII. О том, кто обвинит пред королем безвинного человека

§ 1. Если кто обвинит перед королем безвинного человека в отсутствии последнего, присуждается к уплате 2500 ден., что составляет 63 сол.

XIX. О порче

§ 1. Если кто даст другому выпить отвар трав, с целью умертвить его, присуждается к уплате 200 сол.

§ 2. Если кто причинит порчу другому, и тот, кому она причинена, избежит опасности, виновник преступления, относительно которого будет доказано, что он допустил его, присуждается к уплате 2500 ден., что составляет 63 сол.

Приб. 1-е. Если кто-нибудь нашлет на другого порчу или положит на какое-либо место (тела) навязь (наузы), присуждается к уплате 62½ сол.

Приб. 2-е. Если какая-нибудь женщина испортит другую так, что та не сможет иметь детей, присуждается к уплате 62½ сол.

XX. О том, кто схватит свободную женщину за кисть или за палец

§ 1. Если какой-нибудь свободный человек схватит свободную женщину за руку, за кисть или за палец, и будет уличен, присуждается к уплате 15 сол.

§ 2. Если же сожмет кисть, присуждается к уплате 30 сол.

§ 3. А если он схватит рукою выше локтя, присуждается к уплате 1400 ден., что составляет 35 сол.

Приб. 1-е. Если кто повредит грудь у женщины, присуждается к уплате 45 сол.

XXI. О краже лодок

§ 1. Если кто возьмет без согласия владельца чужую лодку и проедет на ней, присуждается к уплате 120 ден., что составляет 3 сол.

§ 2. Если же он украдет эту лодку, и будет настигнут, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

§ 3. Если же кто украдет лодку из-под замка, присуждается к уплате 1400 ден., что составляет 35 сол.

XXII. О кражах на мельнице

§ 1. Если какой-либо свободный человек украдет на мельнице чужой хлеб, и будет уличен, уплачивает мельнику 600 ден., что составляет 15 сол. Владельцу же хлеба платит другие 15 сол.

XXIV. Об убийстве

§1. Если кто лишит жизни мальчика до 10 лет включительно, и будет уличен, присуждается к уплате 24000 ден., что составляет 600 сол.

§2. Если кто лишит жизни длинноволосого мальчика, присуждается к уплате 600 сол.

Приб. 1-е. Если кто лишит жизни свободную женщину, и будет уличен, присуждается к уплате 24000 ден., что составляет 600 сол.

§3. Если кто нанесет побои свободной беременной женщине, и если она умрет, присуждается к уплате 28000 ден., что составляет 700 сол.

§4. Если же кто лишит жизни ребенка в утробе матери, раньше чем он получит имя, и это будет доказано, присуждается к уплате 4000 ден., что составляет 100 сол.

Приб. 2-е. Если кто осмелится остричь свободного длинноволосого мальчика без согласия его родителей, и будет уличен, присуждается к уплате 1800 ден., что составляет 45 сол.

Приб. 3-е. Если кто осмелится остричь свободную девушку без согласия родителей, и будет уличен, присуждается к уплате 1800 ден., что составляет 45 сол.

§ 6. Если кто лишит жизни свободную женщину после того, как она начала иметь детей, присуждается к уплате 24000 ден., что составляет 600 сол.

§ 7. Если же кто лишит жизни (свободную женщину) после того, как она уже не может более иметь детей, присуждается к уплате 8000 ден., что составляет 200 сол.

XXV. О прелюбодеяниях рабынь

§1. Если кто совершит насилие над свободной девушкой, присуждается к уплате 63 сол.

§ 2. Если же кто будет иметь сношения со свободной девушкой по ее доброй воле, по обоюдному соглашению, присуждается к уплате 1800 ден., что составляет 45 сол.

§ 4. Если же кто будет иметь сношения с королевской рабыней, присуждается к уплате 1200 ден., что составляет 30 сол.

§ 5. Если же свободный явно вступит в брак с чужой рабыней, он и сам вместе с ней должен стать рабом.

§ 6. Равным образом и свободная, если вступит в брак с чужим рабом, должна стать рабыней.

§ 7. Если раб причинит насилие чужой рабыне и вследствие этого преступления рабыня умрет, раб должен или уплатить господину рабыни 240 ден., что составляет 6 сол., или же должен быть кастрирован. Господин же раба должен возместить стоимость рабыни.

XXVII. О различных кражах

§ 1. Если кто украдет с вожака чужого свиного стада колокольчик, и будет уличен, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 3. Если кто украдет с коня путы, и будет уличен, присуждается к уплате 120 ден., что составляет 3 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 5. Если кто воровским образом пустит свой скот (с целью потравы) на чужую ниву, и будет застигнут (на месте преступления), присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

§ 7. Если кто проникнет с целью воровства в поле, засаженное репой, бобами, горохом или чечевицей, присуждается к уплате 120 ден., что составляет 3 сол.

§ 8. Если кто похитит с чужого поля лен и увезет его на лошади или на телеге, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 9. Но если возьмет столько, сколько может унести на своей спине, присуждается к уплате 120 ден., что составляет 3 сол.

§ 13. Если кто заберется в чужой виноградник красть виноград, и будет застигнут, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

§ 16. Если кто срубит, попортит, или подожжет в лесу чужой материал, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

§ 18. Если кто украдет из чужого леса чужие дрова, присуждается к уплате 3 сол.

§ 20. Если кто украдет из реки сеть для ловли угрей, присуждается к уплате 1800 ден., что составляет 45 сол.

§ 21. Если кто украдет невод, трехпетельную или мешкообразную сеть, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

§ 22. Если кто обокрадет незапертую горницу, присуждается к 15 сол.

§ 23. Если кто обокрадет запертую горницу, присуждается к уплате 1800 ден., что составляет 45 сол.

XXIX. О нанесении увечий

§ 1. Если кто изувечит руку или ногу другому, лишит его глаза или носа, присуждается к уплате 4000 ден., что составляет 100 сол.

§ 2. Если же у него эта изувеченная рука остается висеть, присуждается к уплате 2500 ден., что составляет 63 сол.

Приб. 1-е. Если же эта рука будет отсечена, присуждается к уплате 2500 ден., что составляет 62½ сол.

Приб. 2-е. Если же нога будет повреждена и останется на месте изувеченной, виновный присуждается к уплате 1800 ден., что составляет 45 сол.

Приб. 3-е. Если же совсем отрубит ногу, присуждается к 33 уплате 2500 ден., что составляет 62½ сол.

Приб. 4-е. Если кто вырвет другому глаз, присуждается к уплате 62½ сол.

Приб. 5-е. Если оторвет нос, присуждается к уплате 1800 ден., что составляет 45 сол.

Приб. 6-е. Если оторвет ухо, присуждается к уплате 15 сол.

§ 3. Если кто оторвет большой палец на руке или на ноге, присуждается к уплате 2000 ден., что составляет 50 сол.

§ 4. Если этот изувеченный палец будет висеть на прежнем месте, присуждается к уплате 1200 ден., что составляет 30 сол.

§ 5. Если же кто оторвет второй палец, именно, тот, которым натягивают лук, присуждается к уплате 1400 ден., что составляет 35 сол.

§ 9. Если кто кастрирует свободного человека, присуждается к уплате 8000 ден., что составляет 200 сол.

XXX. Об оскорблении словами

§ 1. Если кто назовет другого уродом, присуждается к уплате 3 сол.

§ 2. Если кто назовет другого грязным, присуждается к уплате 120 ден., что составляет 3 сол.

§ 3. Если кто – мужчина или женщина – назовет свободную женщину блудницей, и не докажет этого, присуждается к уплате 1800 ден., что составляет 45 сол.

§ 4. Если кто назовет другого волком, присуждается к уплате 3 сол.

§ 5. Если кто назовет другого зайцем, присуждается к уплате 3 сол.

§ 6. Если кто обвинит другого в том, что он бросил (в сражении) свой щит, и не сможет доказать, присуждается к уплате 120 ден., что составляет 3 сол.

§ 7. Если кто назовет другого доносчиком или лжецом, и не сможет доказать, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

XXXIV. О краже изгороди

§ 1. Если кто отрежет 2 или 3 прута, которыми связывается и сдерживается вверху изгородь, или сломает или вырвет 3 кола, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

Приб. 1-е. Если кто сожжет чужую изгородь, присуждается к уплате 15 сол.

§ 2. Если кто проведет по чужому, уже взошедшему полю борону, или проедет с телегой не по дороге, присуждается к уплате 120 ден., что составляет 3 сол.

§ 3. Если кто проедет по чужой, уже начавшей выколашиваться ниве не по дороге и не по тропинке, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

XXXV. Об убийствах или об ограблениях рабов

§ 1. Если какой-нибудь раб лишит жизни раба, господа пусть разделят между собою убийцу.

§ 5. Если чужой раб или лит лишит жизни свободного человека, сам убийца отдается родственникам убитого человека в качестве половины виры, а господин раба уплачивает другую половину виры.

§ 6. Если кто украдет или лишит жизни дворового слугу, или кузнеца, или золотых дел мастера, или свинопаса, или виноградаря, или конюха, и будет уличен, присуждается к уплате 1200 ден., что составляет 30 сол.

XXXVIII. О конокрадстве

§ 1. Если кто украдет упряжную лошадь, и будет уличен, присуждается к уплате 1800 ден., что составляет 45 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 2. Если кто украдет жеребца, и будет уличен, присуждается к уплате 1800 ден., что составляет 45 сол.

Приб. 2-е. Если же украдет королевского жеребца, присуждается к уплате 90 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 3. Если кто украдет жеребца с его стадом в 12 кобыл, присуждается к уплате 2500 ден., что составляет 63 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 6. Если кто украдет годовалого жеребенка, и будет уличен, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

§ 8. Если кто обрежет у чужой лошади хвост, присуждается к уплате 120 ден., что составляет 3 сол.

XL. Если раб будет обвинен в воровстве

§ 1. Если будет совершен проступок, за который свободный должен уплатить штраф в размере 600 ден., или 15 сол., раб пусть будет разложен на скамье и получит 120 ударов плетью.

§ 2. Если же раб, раньше чем подвергнуться пытке, сознается в проступке, господин раба, если ему будет угодно, пусть отдаст 120 ден., что составляет 3 сол.

§ 4. Если же раб не сознается, а производящий пытку пожелает еще пытать его, даже вопреки воле господина, в таком случае он должен дать последнему залог за раба. Если раб после того подвергнется большим пыткам и сознается, то нельзя давать веры его показаниям против господина; и пусть пытающий удержит раба при себе; господин же раба, получив за него залог, пусть удержит цену своего раба из залога. Если же (раб) сознается во время предшествующей пытки, т.е. до получения 120 ударов, он должен быть кастрирован, или уплатить 6 сол. Господин же раба пусть возместит истцу стоимость украденного.

§ 5. Если же раб будет повинен в более тяжелом преступлении, именно, таком, за которое свободный человек может быть присужден к уплате 45 сол., и если раб сам под пыткой сознается, он присуждается смертной казни.

§ 6. Если раб будет уличен в каком-либо преступлении, истец должен увещевать его господина, если последний окажется налицо, чтобы он выдал раба для справедливой пытки; при этом истец должен иметь наготове прутья, из которых каждый по толщине пусть равняется, по крайней мере, мизинцу, и скамью, на которой надлежит разложить раба (для пытки).

§ 7. Если господин раба будет откладывать пытку, и если раб не будет в отсутствии, истец тотчас же пусть назначит господину срок в 7 суток, в течение которых он должен выдать раба на пытку.

§ 8. Если же и по истечении 7 суток господин замедлит выдачей своего раба, истец должен назначить ему новый недельный срок, так что пройдет 14 суток со времени первого вызова.

§ 9. Если же и по истечении 14 суток господин не пожелает отдать своего раба на пытку, он принимает на себя всю вину и весь штраф; и не как раб, а как свободный, совершивший этот проступок, принимает на себя весь платеж по закону.

§ 11. Если же рабыня обвиняется в таком преступлении, за которое раб должен быть кастрирован, она подвергается штрафу в 240 ден., что составляет 6 сол., если угодно будет уплатить за нее господину; в противном же случае она должна получить 144 удара плетью.

XLI. О человекоубийстве скопищем

§ 1. Если кто лишит жизни свободного франка или варвара, живущего по Салическому закону, и будет уличен, присуждается к уплате 8000 ден., что составляет 200 сол.

§ 3. Если кто лишит жизни человека, состоящего на королевской службе, или же свободную женщину, присуждается к уплате 24000 ден., что составляет 600 сол.

§ 5. Если кто лишит жизни римлянина – королевского сотрапезника, и будет уличен, присуждается к уплате 12000 ден., что составляет 300 сол.

§ 6. Если кто лишит жизни римлянина землевладельца и не королевского сотрапезника, присуждается к уплате 4000 ден., что составляет 100 сол.

§ 7. Если кто лишит жизни римлянина – тяглого человека, присуждается к уплате 63 сол.

Приб. 9-е. Если кто напрасно обвинит свободного человека в каком-либо преступлении, и за это обвиненный будет предан смертной казни, (клеветник) присуждается к уплате 100 сол.

XLII. О человекоубийстве скопищем

§ 1. Если кто, собравши скопище, нападет на свободного человека в его доме и там лишит его жизни, и если убитый состоял на королевской службе, (убийца) присуждается к уплате 72000 ден., что составляет 1800 сол.

§ 2. Если же убитый не состоял на королевской службе, (убийца) присуждается к уплате 24000 ден., что составляет 600 сол.

§ 4. А за убийство римлянина, лита или раба уплачивается в половине.

§ 5. Если кто нападет на чужую виллу и овладеет находящимся там имуществом, но это не будет должным образом доказано, он может освободиться от обвинения при помощи 25 соприсяжников, избранных обеими тяжущимися сторонами; если же он не сможет найти соприсяжников, присуждается к уплате 2500 ден., что составляет 63 сол.

XLIV. О reipus'e

§ 1. По обычаю следует, что, (если) человек, умирая, оставит вдову, и кто-либо пожелает ее взять, то, прежде чем он вступит с нею в брак, тунгин или центенарий должен назначить судебное заседание, и на этом заседании должен иметь при себе щит,

и три человека должны предъявить три иска. И тогда тот, кто хочет взять вдову, должен иметь 3 равновесных солида и 1 денарий. И должны быть трое, которые взвесят его солиды; и если после этого будут согласны, он может взять (вдову замуж).

§ 2. Если же этого не сделает и возьмет ее так, должен уплатить имеющему право на reipus 2500 ден., что составляет 63 сол.

§ 3. Если же он исполнит согласно с законом все нами вышеуказанное, те, которым следует reipus, получают 3 сол. и 1 ден.

XLV. О переселенцах

§ 1. Если кто захочет переселиться в виллу к другому, и если один или несколько из жителей виллы захотят принять его, но найдется хоть один, который воспротивится переселению, он не будет иметь права там поселиться.

§ 2. Если же, несмотря на запрещение одного или двух лиц, он осмелится поселиться в этой вилле, тогда ему должно предъявить протест; и если он не захочет уйти оттуда, тот, кто предъявляет протест, в присутствии свидетелей должен обратиться к нему с такого рода требованием: «Вот я тебе говорю, что в эту ближайшую ночь, ты, согласно Салическому закону, можешь здесь оставаться, но заявляю тебе также, что в течение 10 суток ты должен уйти из этой виллы». После этого, по истечении 10 суток, он опять пусть придет к нему и объявит ему вторично, чтобы он ушел в течение следующих суток. Если же он и тогда не захочет уйти, в третий раз прибавляется к его сроку 10 суток, чтобы таким образом исполнилось 30 суток. Если и тогда не пожелает уйти, пусть вызовет его на суд, имея при себе свидетелей бывших там при объявлении каждого срока. Коли тот, кому предъявлен протест, не захочет уйти оттуда, причем его не будет задерживать какое-либо законное препятствие, и если ему по закону объявлено все вышесказанное, тогда заявивший протест ручается своим состоянием и просит графа явиться на место, чтобы выгнать его оттуда. И за то, что он не хотел слушаться закона, он теряет там результаты (своего) труда и, кроме того, присуждается к уплате 1200 ден., что составляет 30 сол.

XLVI. О передаче имущества

§ 1. (При этом) нужно соблюдать следующее: тунгин или центенарий пусть назначат судебное собрание, и на этом собрании должны иметь (при себе) щит, и три человека должны предъявить три иска. Затем, пусть отыщут человека, который не приходится ему (завещателю) родственником и которому он (завещатель) пусть бросит в полу стебель. И тому, в чью полу он бросит стебель, пусть он заявит о своем имуществе, именно, сколько он хочет передать, все ли, и кому. И тот, в чью полу он бросит стебель, должен остаться в его доме. И должен пригласить троих или более гостей и хранить ту часть имущества, которая ему вверена. И после того тот, кому это вверено, должен действовать с собранными свидетелями. Потом в присутствии короля или в судебном собрании пусть возьмет стебель и бросит в полу тех, кто был назначен наследниками 12 месяцев тому назад и пусть отдаст имущество тем, кому оно завещано, в количестве ни большем, ни меньшем того, что ему было вверено. Если же кто пожелает что-либо возразить против этого, три свидетеля должны дать клятву, что они присутствовали в том заседании, которое было назначено тунгином иди центенарием, и видели, как пожелавший передать свое имущество бросил в полу тому, кого он выбрал, стебель; они должны назвать по отдельности и имя того, кто бросил свое имущество в полу другого, имя того, кого объявил он наследником. И другие три свидетеля должны под клятвою показать, что тот, в чью полу был брошен стебель, был в доме того, кто передал свое имущество, что он пригласил трех или более гостей, которые за столом ели овсянку в присутствии свидетелей, и что эти гости благодарили его за прием.

Это все должны под клятвою подтвердить и другие свидетели, а также и то, что принявший в полу имущество бросил в присутствии короля или в законном публичном собрании стебель в полу тех, которые объявлены были наследниками упомянутого имущества публично пред лицом народа (именно) в присутствии короля или на публичном собрании, т.е. на mallobergus'e, пред народом или тунгином; все это должны подтвердить 9 свидетелей.

XLVIII. О лжесвидетельстве

§ 1. Если кто даст ложное показание, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

Приб. 1-е. Если кто с клятвою обвинит другого в том, что он дал ложное свидетельство, и не сможет этого доказать, клеветник присуждается к уплате 15 сол.

Приб. 2-е. Если же кто будет обвинен в лжесвидетельстве, и тот, кто обвиняет, сможет доказать свое обвинение, лжесвидетель присуждается к уплате 15 сол.

§ 2. Если кто будет обвинен в том, что дал ложное показание, каждый из свидетелей платит по 5 сол.

§ 3. Тот же, кто будет уличен (в даче ложного показания и привлечении ложных свидетелей), присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол., не считая уплаты стоимости возмещения убытков и потери дела.

XLIX. О свидетелях

§ 1. Если кто будет вынужден представить свидетелей, и они, может случиться, не пожелают явиться на судебное заседание, имеющий в них надобность должен удовлетворить их и должен при свидетелях пригласить их на судебное заседание, чтобы они под клятвой показали то, что им известно.

§ 2. Если они не захотят прийти и если их не задержит законное препятствие, каждый из них присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

§ 3. Если же призванные к свидетельству, явившись (на судебное заседание), не захотят показать под клятвою того, что знают, они будут поставлены вне закона и (сверх того) каждый из них присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

L. Об обязательстве

§ 1. Если кто, свободный или лит, даст другому обязательство, тот, кому дано обязательство, по истечении 40 суток, или установленного между ними срока, должен явиться к его дому в сопровождении свидетелей, и с тем, кому надлежит произвести оценку имущества. И если должник не пожелает выплатить по обязательству, он, сверх обозначенного в обязательстве долга, присуждается к уплате 15 сол.

§ 2. Но если он будет упорно отказываться от уплаты по обязательству, (кредитор) должен призвать его на суд и так ходатайствовать (перед тунгином) о скорейшем принуждении: «Прошу тебя, тунгин, объяви скорейшее принуждение по отношению к противнику моему, давшему мне обязательство и сделавшему у меня заем». При этом должен обозначить сумму долга по обязательству. Тогда тунгин должен сказать: «Я объявляю по отношению к нему скорейшее принуждение, согласно Салическому закону». Затем тот, кому дано обязательство, должен торжественно потребовать, чтобы должник никому другому ни платил, ни давал ручательства в уплате, пока он не удовлетворит следуемого по обязательству. И поспешно, в тот же день, прежде чем зайдет солнце, со свидетелями должен явиться в дом должника и просить об уплате долга. Если он не пожелает исполнить этой просьбы, пусть назначит ему срок для судебного разбирательства; в таком случае долг увеличивается на 120 ден., что составляет 3 сол. Это должно повторить до трех раз, в течение трех недель, и если в третий раз не согласится уплатить, тогда

долг пусть увеличится на 360 ден., что составляет 9 сол., так что после каждого призыва на судебное разбирательство или назначения срока долг увеличивается на 3 сол.

§ 3. Если кто не пожелает выплатить по обязательству к законному сроку, тогда тот, кому дано обязательство, пусть отправится к графу округа, в котором проживает и, взяв стебель, пусть обратится к нему с следующими словами: «Граф, человек тот мне должен, и я его законным порядком призывал на суд, согласно Салическому закону. Я собой и имуществом своим ручаюсь, что ты смело можешь наложить руки на его имущество». И пусть сообщит, по какой причине и на какую сумму дано обязательство. После этого граф пусть возьмет с собой 7 правоспособных рахинбургов, отправится с ними в дом того, кто дал обязательство, и скажет: «Вот ты сейчас по доброй воле уплати этому человеку по обязательству, и выбери двух каких угодно рахинбургов, которые определили бы цену и источники твоих доходов, и согласно справедливой оценке уплати следуемое». Если на это не согласится лично или заочно, тогда рахинбурги сами пусть возьмут из его имущества то количество, которое соответствует величине долга и из стоимости имущества, согласно закону, две части пусть идут в пользу истца, третью пусть берет себе граф в качестве «fritus'a», если только «fritus» уже раньше по этому делу не был уплачен.

§ 4**.** Если графа попросят (выполнить все вышесказанное), и он, не будучи задержан ни уважительною причиною, ни королевскою службою, ни сам не пойдет, ни пошлет заместителя, который бы потребовал справедливости и правосудия, он должен быть лишен жизни, или выкупить себя за столько, сколько следует.

LI. О конфискации чужой вещи

§ 1. Если кто противозаконно пригласит графа отправиться для конфискации чужой вещи, именно, без предварительного вызова должника на суд, или при отсутствии самого обязательства, присуждается к уплате 8000 ден., что составляет 200 сол.

Приб. 1-е. Если тот, кто просит графа, незаконно что-нибудь конфискует, присуждается к уплате 200 сол.

§ 2. Если же граф, приглашенный по упомянутому делу, осмелится взять что-нибудь сверх законного и справедливого долга, пусть или выкупится, или заплатит жизнью.

LIII. О выкупе руки от котелка

§ 1. Если кто будет вызван к испытанию посредством котелка с кипящею водою, то стороны могут прийти к соглашению, чтобы присужденный выкупил свою руку и обязался представить соприсяжников. Если проступок окажется таким, за какой, в случае улики, виновный по закону должен уплатить 600 ден., что составляет 15 сол., он может выкупить свою руку за 120 ден., что составляет 3 сол.

§ 2. Если же он даст больше для выкупа руки, должен уплатить графу «fritus», как бы за проступок, в котором был уличен.

§ 3. Если же проступок будет такой, за который, в случае улики, виновный мог бы быть присужден к уплате 35 сол., и если стороны согласятся, чтобы он выкупил свою руку, пусть он выкупит ее за 240 ден., что составляет 6 сол.

§ 5. Если же кто возведет на другого обвинение в смертоубийстве и привлечет его к испытанию посредством котелка, и если стороны придут к соглашению, чтобы он оставил соприсяжников и выкупил свою руку, он должен выкупить свою руку за 1200 ден., что составляет 30 сол.

LIV. Об убийстве графа

§ 1. Если кто лишит жизни графа, присуждается к уплате 24000 ден., что составляет 600 сол.

§ 2. Если кто убьет сацебарона или вице-графа – королевского раба, присуждается к уплате 12000 ден., что составляет 300 сол.

§ 3. Если кто убьет сацебарона – свободного, присуждается к уплате 24000 ден., что составляет 600 сол.

§ 4. В отдельных судебных собраниях не должно быть более трех сацебаронов, и если ими произнесен приговор относительно тех дел, за которые они получили «fritus», то об этом не должно вновь доводить до сведения графа, чтобы он пересмотрел дело.

LV. Об ограблении трупов

§ 1. Если кто воровским образом ограбит тело убитого человека, прежде чем оно будет предано земле, присуждается к уплате 2500 ден., что составляет 63 сол.

Приб. 1-е. Если кто ограбит могильный холм над умершим человеком, присуждается к уплате 15 сол.

Приб. 2-е. Если кто испортит памятник на могиле погребенного человека, или ограбит следующие за мертвецом носилки, и за то и за другое присуждается к уплате 15 сол.

§ 2. Если кто, вырывши уже погребенное тело, ограбит его, и будет уличен, пусть будет поставлен вне закона до того дня, в который он даст удовлетворение родственникам умершего; последние сами и должны за него просить, чтобы ему было позволено жить между людьми. И если, прежде чем он примирится с родственниками покойника, кто-нибудь даст ему хлеба, или окажет гостеприимство, будь то родители (родственники?) или даже собственная его жена, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

§ 4. Если кто бросит мертвеца в чужую яму или чужой колодец, и будет уличен, присуждается к уплате 1800 ден., что составляет 45 сол.

Приб. 3-е. Если кто ограбит часовни на могиле умершего человека, присуждается к уплате 30 сол.

Приб. 4-е. Если кто сожжет часовню, предназначенную для упокоения умерших или для богослужения, присуждается к уплате 200 сол.

Приб. 5-е. Если кто лишит жизни священника, присуждается к уплате 24000 ден., что составляет 600 сол.

Приб. 6-е. Если кто лишит жизни диакона, присуждается к уплате 12000 ден., что составляет 300 сол.

Приб. 7-е. Если кто лишит жизни епископа, присуждается к уплате 900 сол.

LVII. О рахинбургах

§ 1. Если какие-либо из рахинбургов, заседая в судебном собрании и разбирая тяжбу между двумя лицами, откажутся сказать закон, следует, чтобы истец заявил им: «здесь я призываю вас постановить решение согласно Салическому закону». Если они (снова) откажутся сказать закон, семеро из этих рахинбургов до захода солнца присуждаются к уплате 120 ден., что составляет 3 сол.

§ 2. Если же они и не пожелают сказать закон, и не дадут обязательства уплатить в назначенный срок по 3 сол., они присуждаются к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

§ 3. Если же рахинбурги те будут судить не по закону, тот, против которого они вынесут решение, пусть предъявит к ним иск, и если будет в состоянии доказать, что они судили не по закону, каждый из них присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

Приб. 1-е. Если же рахинбурги скажут закон (вынесут справедливый приговор?) и тот, против кого они скажут, будет обвинять их в незаконном осуждении, он также присуждается к уплате каждому из них по 15 сол.

LVIII. О горсти земли

§ 1. Если кто лишит жизни человека и, отдавши все имущество, не будет в состоянии уплатить следуемое по закону, он должен представить 12 соприсяжников, (которые поклянутся в том), что ни на земле, ни под землею он не имеет имущества более того, что уже отдал. И потом он должен войти в свой дом, собрать в горсть из четырех углов земли, стать на пороге, обратившись лицом внутрь дома, и эту землю левой рукой бросать чрез свои плечи на того, кого он считает своим ближайшим родственником. Если отец и братья уже платили, тогда он должен той же землей бросать на своих, т.е. на троих ближайших родственников по матери и по отцу. Потом, в (одной) рубашке, без пояса, без обуви, с колом в руке, он должен прыгнуть через плетень, и эти три (родственника по матери) должны уплатить половину того, сколько не хватает для уплаты следуемой по закону виры. То же должны проделать и три остальные, которые приходятся родственниками по отцу, если же кто из них окажется слишком бедным, чтобы заплатить падающую на него долю, он должен в свою очередь бросить горсть земли на кого-нибудь из более зажиточных, чтобы он уплатил все по закону. Если же и этот не будет иметь, чем заплатить все, тогда взявший на поруки убийцу должен представить его в судебное заседание, и так потом в течение четырех заседаний должен брать его на поруки. Если же никто не поручится в уплате виры, т.е. в возмещении того, что он не заплатил, тогда он должен уплатить виру своею жизнью.

Приб. 1-е. В настоящее время, если он не будет иметь чем заплатить из своих собственных вещей, или если не сможет защититься по закону, надлежит соблюдать все вышеизложенное до смерти включительно.

LIX. Об аллодах

§ 1. Если кто умрет и не оставит сыновей, и если мать переживет его, пусть она вступит в наследство.

§ 2. Если не окажется матери, и если он оставит брата или сестру, пусть вступят в наследство.

§ 3. В том случае, если их не будет, сестра матери пусть вступит в наследство.

Приб. 1-е. Если не будет сестры матери, пусть сестры отца вступят в наследство.

§ 4. И если затем окажется кто-нибудь более близкий из этих поколений, он пусть вступит во владение наследством.

§ 5. Земельное же наследство ни в каком случае не должно доставаться женщине, но вся земля пусть поступает мужескому полу, т.е. братьям.

LX. О желающем отказаться от родства

§ 1. Он должен явиться в судебное заседание перед лицом тунгина и там сломать над своей головою три ветки, мерою в локоть. И он должен в судебном заседании разбросать их в 4 стороны и сказать там, что он отказывается от соприсяжничества, от наследства и от всяких счетов с ними. И если потом кто-нибудь из его родственников или будет убит, или умрет, он совершенно не должен участвовать в наследстве или в уплате виры, а наследство его самого должно поступить в казну.

LXII. О вире за убийство

§ 1. Если будет лишен жизни чей-нибудь отец, половину виры пусть возьмут его сыновья, а другую половину пусть разделят между собою ближайшие родственники как со сторону отца, так и со стороны матери.

§ 2. Если ни с одной стороны, ни со стороны отца, ни со стороны матери не окажется никакого родственника, эта часть пусть отбирается в пользу казны.

LXIII. Об убийстве свободного человека в походе

§ 1. Если кто лишит жизни свободного человека в походе, и убитый не состоял на королевской службе, (убийца) присуждается к уплате 24000 ден., что составляет 600 сол.

§ 2. Если же убитый состоял на королевской службе, уличенный в убийстве присуждается к уплате 1800 сол.

LXIV. О прислужнике при колдовстве

§ 1. Если кто обзовет другого прислужником при колдовстве, т.е. пособником ведьм, или таким, про которого ходит слух, будто он носит котел, где ведьмы варят (свои снадобья), присуждается к уплате 2500 ден., что составляет 63 сол.

§ 2. Если кто обзовет свободную женщину колдуньей, и не будет в состоянии доказать, присуждается к уплате 2500 ден., что составляет трижды 89 сол. (?)

Приб. 1-е. Если колдунья съест человека, и будет уличена, присуждается к уплате 8000 ден., что составляет 200 сол.

Салическая правда / пер. Н.П. Грацианского – М.: Образц. тип. им. Жданова, 1950. (Моск. гос.пед.ин-т им. Ленина. Ученые записки, т. LXII).

СЕМИНАР 3
ФРАНКСКОЕ ГОСУДАРСТВО В V–IX вв.

Направление семинара:
Феодализация франкского общества в VIII–IX вв.

1. Сущность переворота в поземельных отношениях при Каролингах. Появление и рост феодальной земельной собственности. Роль государства в этом процессе.
2. Основные пути и способы утверждения феодальной зависимости крестьян.
3. Иммунитет.
4. Феодальная вотчина каролингского периода. Категории зависимых крестьян.

Феодализация франкского общества – длительный и сложный процесс. В его ходе возникают новые социальные связи, новые формы собственности, происходит дифференциация видов деятельности среди франков. В первом вопросе необходимо показать роль государства в возникновении условной земельной собственности и слоя профессиональных конных воинов. Анализ прекарных грамот позволит увидеть разные причины возникновения групп зависимого населения. Огромную роль играли внеэкономические факторы, политика передачи королями фискальных, судебных, военных, административных прав и полномочий над населением определенных территорий духовенству, монастырям и служилым людям. Поэтому основное внимание следует уделить анализу текстов источников, которые помогут увидеть экономические и внеэкономические пути возникновения отношений господства-подчинения. Для понимания сути процессов феодализации и возникновения форм зависимости надо познакомиться с работами М.Блока и Ж. Ле Гоффа (См. Ридер, № 8). Современные дискуссии о феодализме представлены в фрагменте из «Всемирной истории», т. 2 (Ридер, № 2).

Источники

1. История средних веков: хрестоматия: пособие для учителей: в 2-х ч. – М., 1988. – Ч. 1. – С. 42–52, 62–67.
2. История средних веков: хрестоматия / сост. М.М. Стасюлевич. – Спб., 1999.

3. Практикум по истории средних веков / сост. М.Л. Абрамсон [и др.]. – 2-е изд. – М., 1971. – С. 99–125.

4. Хрестоматия по истории средних веков / под ред. С. Сказкина. – М., 1961. – Т. 1. – С. 398–416; 437–455.

Литература

1. Блок, М. Феодальное общество / М.Блок; пер. с фр. М. Кожевниковой. – М., 2003. – С. 146–159.

2. История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма: в 3-х т. – М., 1985. – Т. 1.

3. Грацианский, Н.Н. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья / Н.Н. Грацианский. – М., 1960. – С. 110–139.

4. Гуревич, А.Я. Начало феодализма в Европе / А.Я. Гуревич / Избранные труды в 4-х т. – М.–СПб., 1999. – С. 288–331.

5. Дворецкая, И.А. Западная Европа V–XI веков: уч. пособие / И.А. Дворецкая. – М., 1990.

6. Дюби, Ж. История Франции. Средние века / Ж. Дюби; пер. с фр. Г. Абрамова, В. Павлова. – М., 2000. – С. 225–233.

7. Лебек, С. Происхождение франков V–IX вв. / С. Лебек. – М., 1993. – С. 152–160, 216–220.

ДОКУМЕНТЫ К СЕМИНАРУ № 3

№ 1
ПРЕКАРНЫЕ ГРАМОТЫ

1. Прекарий пожалованный

Прекарий – земельное держание, которое давалось в пользование. Прекарная грамота была документом, охранявшим права собственника на полученный участок.

Постоянному господину моему такому-то такой-то. Испытывая повседневную нужду, разыскивая повсюду и не будучи в состоянии найти заработка, прибегнул я к благочестию Вашего могущества, дабы вы дали мне в качестве прекария земли для обработки в поместье вашем таком-то. Ваше могущество согласилось выполнить мою просьбу… Посему настоящею моею прекарною грамотою обещаюсь никогда никакого противодействия и ущерба вам по отношению означенных земель не наносить, но во всем поступать вам на пользу... Десятины и другие платежи, свойственные колонам, ежегодно вносить обязуюсь... Если же я, забыв условия моей настоящей прекарной грамоты, что-нибудь из обещанного осмелюсь нарушить... вы будете иметь полное право с названных земель меня изгнать и снова распоряжаться ими по своему праву, как должно.

2. Прекарий возвращенный (грамота Сен-Галленского монастыря, 838 г.)

Бернвик, милостью Христа аббат монастыря святого Галла. С согласия нашей братии и фогта[1] нашего Пуатона порешили мы вернуть в качестве прекария Вольвину то владение, которое он принес нам в дар в поименованных местах [далее следует семь названий – Вейнфельден и другие], все то, что имеется в тех местах с домами, строениями, рабами, лесами, всем движимым и недвижимым, возделанным и невозделанным,

[1] *Фогт – светское должностное лицо, осуществляющее судебно-административные функции над зависимыми от церковных учреждений людьми. Призванный быть покровителем крестьян-общинников, фогт на деле подчинял их себе и порой превращал общинные земли в свою собственность.*

всем, что можно назвать и поименовать и что содержится в его дарственной грамоте; так мы и сделали, и притом с тем условием, чтобы это владение он получил и платил за него ежегодный чинш, то есть два денария. Пусть так же поступает и его законный наследник, если удостоится от бога иметь такового.

3. Прекарий с вознаграждением (из постановления Синода, 845 г.)

§ 22. Прекарные сделки относительно церковных владений должны совершаться не иначе, как только таким образом: [прекарист] дает [церкви] из собственного имущества, а получает на свое имя соответственного качества церковное имущество в двойном размере, если хочет держать в пользовании собственное и церковное имущество. Если же собственное имущество он с этого времени теряет[1], получает на свое имя из церковных владений в тройном размере, поэтому его следует рассматривать не как дарителя собственного имущества, но как держателя чужого.

Хрестоматия по истории средних веков / под ред. С.Д. Сказкина. – М., 1961. – Т. I. – С. 431–432.

№ 2
ОТРЫВКИ ИЗ КАПИТУЛЯРИЕВ[2]

811 г.

Пусть ни епископы, ни аббаты, ни графы, ни викарии и никто другой никоим образом... злыми ухищрениями имущество бедных... ни покупать, ни силою отнимать не осмеливаются.

О том, по каким причинам люди, которые должны нести военную службу, отказывают в послушании

Глава 2. Что бедняки жалуются на лишение их собственности; одинаково жалуются и на епископов, и на аббатов, и на их попечителей, на графов и на их сотников.

Глава 3. Показывают, что, если кто отказывается передать свою собственность епископу, аббату, графу или... сотнику, ищут случая, чтобы осудить такого бедняка, а также заставить его идти на войну, и это до тех пор, пока, оскудевши, волею-неволею собственность свою не продаст или не передаст, и те, кто совершит передачу, проживают дома без всякого беспокойства...

Глава 5. Другие жё показывают, что тех, кто победнее, притесняют и заставляют идти в поход, а тех, кто имеет что дать, домой отсылают...

Глава 8. Есть еще и такие, которые, оставаясь дома, говорят, что и сеньоры их сидят дома, а они не иначе, как с сеньорами своими должны идти, если будет приказание на то от государя императора. Некоторые же по сему случаю коммендируют себя таким сеньорам, о которых они знают, что на войну не отправятся.

776 г.

Глава 1. Во-первых, все мы согласно постановили, чтобы обязательственные грамоты, данные некоторыми людьми, закабалившими и себя [самих], и своих жен, сыновей и дочерей в рабство, если будут где найдены, уничтожались и чтобы пребывали свободными, как прежде.

---

[1] *Т. е. не получает его обратно в качестве прекарного держания.*

[2] *Капитулярии – указы и распоряжения франкских королей в VIII–IX вв. Они касались многих сторон социально-экономической жизни государства. Свое название капитулярии получили от формы изложения, от разделения каждого указа на небольшие главы (лат. capitula).*

Закладная грамота из картулярия Вьеннского монастыря св. Андрея (начало I в.)

Во имя Христа я, Арегия, с сыном моим Амальфредом и дочерями моими Аальборгой и Кассоендой закладываем некоему человеку по имени Ротбард, и жене его Аальбурде, и дочерям его, и сыновьям его виноградник с землею, расположенной в Арборате, наше законное достояние, на 3 модия хлеба, а вам владеть этим виноградником до тех пор, пока мы не уплатим этих 3 модиев хлеба. А я, Ротбард, и жена моя, и сыновья, и дочери мои прощаем вам другие 5 модиев на условиях доброго согласия и за то, что вы нам ваш залог охотно оставите или же вернете в течение 4-х лет, считая с настоящего праздника св. Юлиана, эти 3 модия хлеба. А если не вернете, мы взыщем с вас 8 модиев и 8 секстариев.

№ 3
ФОРМУЛЫ[1]

Турская формула № 43 (VIII в.)
О том, кто коммендируется под власть другого

Высокому господину такому-то я, такой-то. Всем достоверно известно, что я не имею чем кормиться и одеваться. По сему я просил благочестие ваше, и вышло мне ваше разрешение отдаться и коммендироваться под ваше покровительство; так я и сделал, именно на условии, чтобы вы помогали мне и снабжали меня пищею и одеждою, сообразно тому, как я буду служить и угождать вам; и пока я буду жив, должен буду нести вам службу и послушание свободного человека, и не буду иметь права выйти из-под вашей власти покровительства, но останусь под вашей властью и охраною все дни моей жизни. Между нами условлено, что если один из нас захочет нарушить настоящее соглашение, уплатит другой стороне столько-то солидов, и соглашение это навсегда останется неизменным. Условлено также, что они напишут, утвердят и подпишут две одинакового содержания грамоты настоящего акта, что ими и сделано.

Предписание

...Да будет ведомо, что мы этого человека, именем такого-то... по своей надобности к нам явившегося, принимаем... под наше покровительство и защиту. Посему предписываем и повелеваем, чтобы ни вы, ни подчиненные ваши не осмеливались этого человека... вопреки справедливости, беспокоить и обижать или какой-либо вред ему за то, что он у нас был, наносить; но пусть, как и прочие верные наши и принятые под нашу защиту…со всем своим достоянием... и людьми своими... пребывает в спокойствии. Если же кто пойдет наперекор настоящему нашему предписанию и осмелится упомянутого такого-то незаконно и не по праву, а также за то, что он у нас был, беспокоить, пусть знает, что перед нашим лицом по этому делу должен будет предстать, ответ нам за свою дерзость... держать и штраф сообразно качеству проступка уплатить. Если же возникнет против него и людей его, под его законною охраною состоящих, такое судебное дело, какое на месте не может быть решено без нанесения ему большого и несправедливого ущерба, пусть будет отложено и перенесено в наше присутствие, и перед нами... получит окончательное решение по закону.

---

[1] *Ф о р м у л ы – образцы готовых грамот или актов, на основе которых оформляли передачу земли (купля, продажа, дарение и др.) и осуществляли другие сделки. При заполнении грамоты в нее вносились только имена участников сделки, цифры, даты, названия мест. Формулы являются важным источником при изучении истории Франкского государства, так как отражают наиболее частые для того времени случаи юридической практики.*

Сансская формула № 4, конец VIII в.
Кабальная грамота

Господину брату моему такому-то. Всем ведомо, что крайняя бедность и тяжкие заботы меня постигли**,** и совсем не имею, чем жить и одеваться. Поэтому, по просьбе моей, ты в величайшей нужде моей не отказал вручить мне из своих денег столько-то солидов; но у меня совсем нечем выплатить эти солиды. Поэтому я просил совершить и утвердить закабаление тебе моей свободной личности, чтобы отныне вы имели полную свободу делать со мной все, что вы полномочены делать со своими прирожденными рабами, именно: продавать, выменивать, подвергать наказанию. Если же – чего, я уверен, не будет – я или кто-либо из наследников моих, или кто-либо другой решится оспаривать это закабаление, пусть внесет тебе и казне штраф во столько-то унций золота; настоящая же кабала пусть *остается* неизменной.

Грамота о передаче себя Клюнийскому монастырю (887 г.)

Во имя божье, отдача и запись [о том], как в присутствии некоих добрых мужей, кои настоящую запись и отдачу скрепили, пришел в Анвиль, в публичное собрание, при всем народе и славном муже Теутбольде-графе, человек именем Бертерий, и там в их присутствии была моя просьба, а ваша определила воля, [и] не по неволе, не по принуждению, не по обману, но вольной моей волею надел я ремень себе на шею и в руки и во власть Алиарда и жены его Эрменгарды полностью отдал свое [свободное] состояние согласно римскому праву, гласящему, что каждый свободный человек свое [свободное] состояние возвышать и умалять волен; и вот от настоящего дня и со мною самим и с потомством моим и вы, и наследники ваши можете делать все, что угодно, [именно]: владеть, продавать, дарить и на волю отпускать. Если же я – или сам по себе, или же по совету злых людей – замыслю уйти из-под вашего рабства[1], вы или уполномоченные ваши можете меня задерживать и наказывать так же, как и прочих прирожденных рабов ваших. Вот свидетели (названо 14 имен).

Дарственная грамота (968–971 гг.)

Святой Маконскойцеркви св. Винцента, возведенной внутристен города Макона, во главе которой стоит епископ Адон. Я, Адалелин, с моими сыновьями Констанцием, Эрменардом, Рагнардом и моей дочерью Адилой даруем самих себя вместе с нашим имуществом и нашим аллодом, господу, св. Винценту и несущим там службу каноникам. Аллод же расположен в Маконском округе, в Верейском поле, в селении Аванак, с жилыми строениями, виноградниками, лугами, полями, лесами, водами стоячими и текучими, входами и выходами и со всем, что к нему относится; дарим мы это на таких условиях, чтобы ежегодно на праздник св. Винцента мы платили бы чинш в 6 денариев, а после нашей кончины каноники св. Винцента пусть делают с аллодом всё, что захотят. А кто попытается воспротивиться, заплатит 5 унций золота.

История средних веков: хрестоматия: пособие для учителей: в 2 т. / сост. В.Е. Степанова, А.Я. Шевеленко. – М.: Просвещение, 1988. – Т. 1. – С.45–47.

[1] Имеется в виду *серваж* – особенно тяжелая форма личной зависимости западноевропейского крестьянина, когда чаще всего он и поземельно, и лично зависел от феодала.

МОДУЛЬ 2
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ВЫСОКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (X–XIII вв.)

СЕМИНАР 4–5
ЦЕРКОВЬ И ЕЕ ОРГАНИЗАЦИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Направление семинара:
Церковь в Западной Европе в V–XV вв.

1. Принятие христианства в варварских королевствах.
2. Церковь в раннее средневековье. Возникновение монашества в Западной Европе. Бенедикт Нурсийский. Реформы св. Бонифация. Союз Каролингов с папством.
3. Клюнийское движение. «Папская революция».
4. Раскол церкви 1054 г. Особенности католического вероучения и культа.
5. Крестовые походы. Духовно-рыцарские ордены.
6. Нищенствующие ордены.
7. Падение политического могущества папства в XIV–XV вв.

Идейные и организационные основы средневекового западного христианства были созданы еще в позднеантичную эпоху. Аврелий Августин (354–430 гг.) создал концепцию церкви как иерархической организации, подчиненной жесткой дисциплине и владеющей исключительным правом на посредничество между Богом и человеком. Но становление такой церкви, как и христианизация в Европе, происходили долго и сложно на протяжении нескольких столетий. Приводимые документы позволяют увидеть сложности христианизации и то, что сначала она носила поверхностный характер. В Ридере представлены взгляды А.Я. Гуревича на сочетание народной и ученой культуры и веры.

Монашество в средневековье было отрицанием светской жизни и лучшим средством спасения души. Бенедикт Нурсийский сформулировал «четыре столпа» своего Устава: отсутствие имущества, физический труд, замыкание от мира и пищевые ограничения. Но нужно обратить внимание, что монастырь стал не только «святым градом», но и средой письменности, образованности, центром переписывания книг. Клюнийцами принцип физического труда был отвергнут, и монахи концентрировались на молитвах и богослужениях. А монастыри превратились в крупных землевладельцев, эксплуатирующих крестьян. Работы Бернара Клервоского помогут понять специфику военно-духовных орденов, а Франциска Ассизского – нищенствующих орденов.

Необходимо разобраться с тем, почему в XI в. папы римские смогли поставить «духовный меч» выше светского? Какую роль в этом сыграло клюнийское движение, какие реформы были проведены в самой церкви, способствовавшие лидерству ее и в политике, и в общеевропейском колонизационном движении. Работы М.А. Заборова и С.И. Лучицкой (См. Ридер, № 9–11) помогут понять причины крестовых походов и их последствия. В фрагменте из работы С.И. Лучицкой дана характеристика клюнийскому движению.

Неоднозначен вопрос о времени раскола церкви в 1054 г. Что способствовало увеличению различий между Римом и Константинополем? Что отличает две церкви в догматике, обрядности и даже в психологической ориентированности людей?

Источники

1. Виллардуэн, Жоффруа де. Завоевание Константинополя / Жоффруа де Виллардуэн. – М., 1993.
2. Заборов, М.А. История Крестовых походов в документах и материалах / М.А. Заборов. – М., 1977.

3. История средних веков / сост. М.М. Стасюлевич. – СПб.–М., 1999.

4. История средних веков: хрестоматия: пособие для учителей: в 2 т. / сост. В.Е. Степанова, А.Я. Шевеленко. – М., 1988. – Т. 1. – С. 193–233.

5. Устав святого Бенедикта // Опыт тысячелетий. Средние века. Эпоха Возрождения: Быт, нравы, идеалы. – М., 1996. – С. 291–297.

6. Ассизский, Франциск. Сочинения / Франциск Ассизский. – М., 1995.

7. Хроники длинноволосых королей / пер. с лат., статьи и сост. Н. Горелова. – СПб., 2004. – С. 41.

Литература

1. Вогюе, Адальбер де. Святой Бенедикт. Человек божий / Адальбер де Вогюе. – Париж, 1995.

2. Бармин, А.В. Столкновение 1053–1054 гг. / А.В. Бармин // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. – СПб., 2001. – С. 140–159.

3. Глебов, А.Г. Англия в раннее Средневековье / А.Г. Глебов. – СПб., 2007. – Глава 3.

4. Дворецкая, И.А. Западная Европа V–XI веков: уч. пособие / И.А. Дворецкая. – М., 1990.

5. Демурже, А. Рыцари Христа. Военно-монашеские ордены в Средние века, XI–XVI вв. – СПб., 2008.

6. Добиаш-Рождественская, О.А. Крестом и мечом. Приключения Ричарда I Львиное Сердце / О.А. Добиаш-Рождественская; послесл. Б.С. Кагановича. – М., 1991.

7. Добиаш-Рождественская, О.А. Эпоха крестовых походов. Запад в крестоносном движении / О.А. Добиаш-Рождественская. – 5-е изд. – М., 2017.

8. Заборов, М.А. Крестоносцы на Востоке / М.А. Заборов. – М., 1980.

9. История орденов Средневековья / авт.-сост. И. Е. Гусев. – Минск: Харвест, 2007. – 432 с.

10. Кардини, Ф. Истоки средневекового рыцарства / Ф. Кардини. – М., 1987. – С. 176–212.

11. Карсавин, Л.П. Монашество в средние века / Л.П. Карсавин. – М., 1992. – С. 56–71, 103–139.

12. Лучицкая, С.И. Источниковедческие особенности «Иерусалимских ассиз» / С.И. Лучицкая // Средние века. – М., 1988. – С. 51–68.

13. Поньон, Э. Повседневная жизнь Европы в тысячном году / Э. Поньон; пер. с франц. Э.М. Дратовой. – М., 1999. – Глава 11.

14. Средневековый мир в терминах, именах и названиях. Словарь-справочник. – Минск, 1999. – С.172, 271–274.

15. Ястребицкая, А.Л. Западная Европа XI–XIII веков. Эпоха. Быт. Костюм / А.Л. Ястребицкая. – М., 1978.

ДОКУМЕНТЫ К СЕМИНАРУ № 4–5

№ 1
КРЕЩЕНИЕ ФРАНКОВ
(ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ «ХРОНИКИ ФРЕДЕГАРА»)

От наложницы у Хлодвига уже был сын по имени Теодорих. Хродехильда, когда у нее родился первенец, которого она хотела крестить, непрестанно уговаривала короля стать христианином, но его душа не лежала к этому, и он отвечал ей следующее: «Все

сотворено по воле наших богов, ваш Бог никак не явил своей силы». Королева отнесла крестить сына. Младенец, которого назвали Ингомером, едва был крещен, умер прямо в крестильных одеждах. Король из-за этого весьма рассердился и упрекал королеву: «Будь мальчик освящен именем моих богов, он бы остался жив». Королева же благодарила Всемогущего Бога за то, что Он забрал плод ее чрева в Царствие Свое. После этого она родила сына, которого назвала Хлодомером. Когда же и он, уже крещенный, начал болеть, король сказал: «Этот умрет, как и его брат». Но Бог услышал молитвы матери, и ребенок выздоровел. Королева же ласковыми речами непрестанно увещевала короля уверовать во Христа. Когда король Хлодвиг отправился воевать против алеманнов, то, убежденный королевой, он поклялся стать христианином, если вернется с победой. И вот, когда войска сошлись, Хлодвиг сказал: «Призываю Бога, которому поклоняется королева Хродехильда. И если Он поможет мне в этом сражении, я приму Его веру». Алеманны, обратившись вспять, бросились бежать. После того как они узнали о смерти своего короля и были изгнаны из своих земель, алеманны скитались еще в течение девяти лет в попытках найти хоть какой-нибудь народ, который оказал бы им помощь в войне против франков. Но в конце концов они были вынуждены покориться Хлодвигу. Когда Хлодвиг невредимым возвратился после вышеупомянутой битвы, он, уступив уговорам королевы, принял таинство крещения от святого Ремигия, епископа Реймсского. Произошло это на Пасху, и вместе с королем крестились шесть тысяч франков. И вот, когда святой Ремигий стал в церкви, украшенной белыми полотенцами, проповедовать королю Евангелие, рассказав о Страстях Христовых, Хлодвиг заявил: «Если бы я там был вместе с франками, мы бы освободили Его от несправедливости». Доказав этими словами свою веру, он сделался истинным христианином.

Хроники длинноволосых королей / пер. с лат., статьи и сост. Н. Горелова. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – С. 41.

№ 2
ИЗ «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ НАРОДА АНГЛОВ» БЕДЫ ДОСТОПОЧТЕННОГО[1]

Из письма папы Григория I Великого (590-604) о методах христианизации Англии (кн. I, гл. 30)

В этих краях вовсе не следует разрушать храмы идолов, но пусть будут низвергнуты сами идолы, находящиеся в них. Пусть эти храмы будут окроплены святой водой, пусть там воздвигнут алтари и поместят Святые мощи. Ибо если эти храмы хорошо построены, необходимо обратить их от почитания демонов к служению истинному Богу. Когда сам народ увидит, что его храмы не разрушены, он исторгнет заблуждения из сердца и охотнее станет собираться в тех местах, куда привык приходить до этого, познавая и почитая истинного Бога. И так как язычники имеют обыкновение приносить в жертву демонам многочисленных быков, следует заменить им это каким-нибудь другим торжеством: чтобы они в дни рождения и памяти Святых мучеников, чьи мощи помещены в храме, строили шалаши из ветвей вокруг тех же церквей, что были прежде языческими храмами, и праздновали торжества религиозной трапезой. И уже не дьяво-

[1] *Беда Достопочтенный (672–735) – знаменитый англосаксонский церковный деятель и историк. Монах монастыря Веармута-Ярроу, он оставил сочинения по истории, хронологии, грамматике, составил комментарии к Евангелию и сочинениям отцов церкви. Основное его произведение – «Церковная история народа англов» – содержит описание событий в Британии от времени похода туда Юлия Цезаря до 731 г., являясь уникальным источником по истории раннесредневековой Англии.*

лу станут приносить в жертву животных, но будут убивать их для своей трапезы для восхваления Бога и возносить благодарность за свое довольство Дарителю всех благ. Когда для них внешне сохранятся какие-нибудь радости, они легче смогут почувствовать радость внутреннюю. Ведь без сомнения невозможно сразу искоренить все [это] из грубых сердец [новообращенных].

Цит. по: Зверева, В.В. Христианизация Британии в трудах Беды Достопочтенного / В.В. Зверева // Средние века. – М., 2002. – Вып. 63. – С. 227–228.

О временном восстановлении язычества (кн. II, гл. 5)

В год 616 от воплощения господня, который был двадцать первый год с тех пор, как Августин[1] со своими спутниками был послан проповедовать народу англов, Этельберт, король кентцев, оставив земное царство, которым он славно владел 56 лет, вознесся к вечной радости царства небесного. Он был третьим королем народа англов и управлял всеми их южными областями, отделенными от северных рекой Хумбер и прилежащими к ней пределами. Но он был первым из всех королей, кто вознесся в царство небесное...

Кроме других благ, которые он совершил, заботясь о своем народе, он издал для него вместе с советом мудрых судебные постановления по примеру римлян. Написанные на языке англов, они до сих пор существуют и соблюдаются ими; в них он впервые постановил, как нужно возмещать то, что кто-либо похитил у церкви, епископа или прочих духовных лиц. Разумеется, он сделал это, желая обеспечить безопасность для тех, чье учение он принял...

Однако после смерти Этельберта, когда его сын Эадбальд принял кормило власти, он нанес большой ущерб росту тогда еще слабой церкви. Ведь он не только не захотел принять веру Христа, но был запятнан пороком, неслыханным, как свидетельствует апостол, даже у язычников, ибо он взял себе жену отца. Совершив эти преступления, он дал повод вернуться к старому греху тем, кто признал законы веры и непорочности в годы правления его отца из уважения или страха перед королем. И не было недостатка в несчастьях, ниспосланных свыше для очищения и исправления неверного короля: ведь часто его мучило безумие и нечистый дух.

Увеличила смуту такого рода также смерть Саберта, короля восточных саксов, который, отправляясь в царство вечное, сделал наследниками царства земного трех своих сыновей, оставшихся язычниками. В скором времени они начали открыто придерживаться идолопоклонства, что, казалось, прекратили при жизни отца, а поданным разрешили свободно почитать идолов. И когда они увидели, как епископ во время мессы в церкви даёт народу евхаристию, они как говорят, сказали ему, побуждаемые варварским недоразумением: «Почему и нам ты не даешь этот чистый хлеб, который давал отцу нашему Сабе (ибо так они обыкновенно его называли) и до сих пор даешь в церкви народу?»… И когда епископ не раз старательно пытался увещевать их в том, что он никоим образом не может без очищения приобщить кого-либо к священной облатке, они, наконец, исполнившись ярости, сказали: «Если ты не хочешь согласиться с нами в столь простом деле, о котором мы тебя просим, ты не можешь больше оставаться в стране». И они изгнали его и приказали уйти из их королевства вместе со своими [людьми].

Учебно-методический комплекс по истории Средних веков: в 5 кн. – Книга 4 / под ред. В. А. Ведюшкина. – М.: КДУ, 2008. – С.105–106.

---

[1] *Святой Августин (ум. 604), архиепископ Кентерберийский, с 596 г. по поручению Григория I возглавлял миссионерскую деятельность в Англии.*

№ 3
ЭЙНГАРД. ЖИЗНЬ КАРЛА ВЕЛИКОГО (817–821 гг.)

[О христианизации саксов]

7. По окончании этой войны была возобновлена война против саксов*, которая казалась как бы прерванной на время. Никакая из войн не была столь продолжительной, столь жестокой и столь тяжелой для франкского народа, потому что саксы, подобно всем почти племенам, населявшим Германию, по природе свирепые, преданные идолопоклонству и враждебные нашей вере, не считали бесчестным осквернять или преступать и божеские и человеческие законы. Были и другие причины, которые в любой миг могли привести к нарушению мира, а именно: так как граница между нашими и их пределами почти повсюду идет по равнинам, кроме немногих мест, где обширные леса или пограничные цепи гор четко разделяют земли обоих народов, то здесь беспрестанно происходили то убийства, то грабежи, то поджоги. Все это так ожесточило франков, что они сочли за должное не только воздавать саксам тем же самым, но вступить против них в открытую войну. Так и началась война против саксов, которая велась непрерывно в течение 33-х лет с великим ожесточением с обеих сторон, но с большими потерями для саксов, нежели для франков. Она могла бы кончиться и раньше, если бы не вероломство саксов. Трудно сказать, сколько раз они, побежденные и смиренно молившие о пощаде, сдавались на милость короля, обещали повиноваться его приказаниям, безотлагательно выдавали требуемых от них заложников и принимали отправленных к ним послов. Несколько раз они были так усмирены и обессилены, что даже изъявляли готовность отказаться от идолопоклонства и принять христианскую веру. Но, сколько бы раз они ни проявляли склонность сделать это, они всегда были готовы от этого отступиться. Так что нельзя даже сказать, что из двух было для них легче: ведь со времени начала войны против них не проходило и года, чтобы не случилось с ними подобной перемены. Но никакая их изменчивость не могла победить великодушия короля и твердости его духа, неизменной как в несчастьи, так и в счастьи, и не могла отклонить его от предпринятого дела. Ибо никогда он не допускал, чтобы они безнаказанно совершали нечто подобное, но мстил им за вероломство и надлежащим образом карал их, выступая против них сам, или посылая войско под командованием своих графов, пока, наконец, не сломил всех, кто обычно оказывал ему сопротивление, и не подчинил их своей власти; он снял с местожительства 10 тысяч человек, вместе с женами и детьми, населявших оба берега Эльбы, и расселил тут и там по разным местам Галлии и Германии. Тянувшаяся столько лет война, как известно, окончилась тем, что саксы приняли условия, поставленные им королем: отречься от идолопоклонства и старых отцовских обрядов, принять христианскую веру с ее таинствами и, соединившись с франками, образовать с ними один народ.

Средневековье в его памятниках [Электронный ресурс] / под ред. Д.Н. Егорова. – М., 1913. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003809927/.

№ 4
УСТАВ СВЯТОГО БЕНЕДИКТА НУРСИЙСКОГО [ИЗВЛЕЧЕНИЕ]

Гл.1. Роды жизни монашеской

Известно, что монахи бывают четырех родов. Первый – киновиты, живущие в одном монастыре и воинствующие по общему уставу, под управлением одного аввы. Второй – анахореты, т.е. пустынники, которые удаляются в пустынь не в первоначальном жару по обращении, но по долговременном испытании себя в монастыре, научив-

шись бороться с дьяволом при молитве и совете многих среди братского воинства, и будучи уверены, что с Божией помощью могут уже вступать в единоборство с врагом, низлагать его, отревая его внушения в воле плоти и помышлений. Третий, весьма нехороший род монахов – сарабаиты, которые, не обучившись под руководством опытного наставника и не будучи искушены, подобно злату в горниле, еще рабствуя делами века и мягкие как свинец для приятия от впечатлений греховных, принимают постриг, думая, что могут обмануть и Бога, а не одних людей… Четвертый род монахов – гироваги (шатайки), которые всю жизнь блуждают туда и сюда, по три и четыре дня, гостя по разным кельям; все шатаются и никогда не сидят на одном месте, – это самоугодливые рабы чрева; они гораздо хуже сарабаитов… Мы же… приступим к начертанию законов жизни киновитов – рода иночествования самого благонадежного.

Гл.2. Каков должен быть авва?

Авва, достойный главенства в монастыре, всегда... должен… имя наибольшего оправдывать делами. Он в монастыре представляет... лицо Христа, почему ничего, кроме заповедей Господних… не должен он ни внушать, ни учреждать, ни повелевать...

Да памятует авва, что как об его учении, так и о послушании учеников... на страшном суде Божием будет произведено строгое рассмотрение, и да ведает, что на пастыря падает вина, если Домовладыка менее, чем должно, найдет пользы в овцах...

Когда кто принимает имя (и бремя) аввы, то двояким руководством должен предшествовать ученикам своим, т.е. не словом только... но делом показывать все доброе и святое... Не должно ему иметь на лица зрения; ни одного любить более чем другого, разве только найдет кого лучшим в добрых делах и послушании; не знатного предпочитать обращающемуся из рабства... Если по требованию справедливости найдет это нужным авва, пусть сделает, а если нет, пусть всякий держит свое место, потому что… все мы едино во Христе... Итак, да будет у аввы одинаковая ко всем любовь, – и одинаковая ко всем дисциплина, смотря по делам их… Пусть не пропускает без внимания погрешностей и опущений, но... с корнем да отсекает их… Паче же всего да опасается он ...более заботиться о вещах преходящих, земных и тленных, но всегда да помышляет о том, что он души взялся управить в царстве...

Гл. 3. О том, что надобно братий приглашать на совещания

Коль скоро надобно делать по монастырю что-либо особенное, авва пусть соберет все братство и скажет ему, в чем дело. Выслушав мнения братий, он обсудит все сам собою и сделает, что найдет полезным... Братия же пусть предлагает свои мнения со всякою смиренною подчиненностью, не дерзая с настойчивостью защищать, что им придумалось... в воле аввы состоит постановить, что почтет он более спасительным, и все должны ему повиноваться.

Гл. 4. Виды добрых дел

1. Во-первых, Господа Бога любить от всего сердца, всею душою и всею силою (Лк.10). 2. Потом – ближнего, как самого себя. 3. Далее – не убивать (Мф.5). 4. Не прелюбодействовать (Лев. 19). 5. Не красть (Исх.20). 6. Не похотствовать (Втор.5). 7. Не лжесвидетельствовать (2 Петр.2). 8. Почитать всех людей (Лк.9). 9. Чего себе не желаешь, не делать того и другому (Тов.4). 10. Отвергаться себя самого, чтобы следовать Христу (Мф.17). 11. Тело свое умерщвлять и порабощать (I Кор.9). 12. Не искать утех (2 Петр 2). 13. Любить пост (Дан.1). 14. Кормить бедных (Тов.4). 15. Одевать нагих (Ис.58). 16. Посещать больных (Мф.25). 17. Погребать мертвых (Тов.1). 18. Помогать в беде (Эккл.6). 19. Утешать в скорби (Эккл.7). 20. Быть чужду делам века (2 Тим.2). 27. Не клясться, чтобы не нарушить клятвы (Мф.5). 29. Не воздавать злом за зло

(I Сол.5). 33. Переносить гонения за правду (Мф.5). 42. Увидев какое в себе добро, Богу то приписывать, а не себе (Иак.1).43. Злое же почитать своим делом и себе то вменять (Ос.13). 44. Бояться дня судного (Иов.31). 47. Смерть каждодневно иметь пред очами своими (Втор.4). 53. Не любить многословия (Прит.10). 55. Не любить разражаться смехом (Эккл.7). 59. Похотей плотских не совершать и волю свою ненавидеть (Гал.5). 60. Заповедям аввы во всем повиноваться (Евр.13), хотя бы сам он (чего да не будет) поступал иначе… 62. Заповеди Божьи каждодневно делом исполнять (Сир.6).

Гл.7. О смирении

Первая степень смирения есть, когда кто страх Божий всегда полагая себе пред очи, всячески бегает забвения; но всегда помнит все, что заповедал Бог, равно как и то, что презирающие Бога пойдут за грехи свои в геенну; …всякий час блюдет себя от грехов и прегрешений, мыслию, словом, очами, руками и ногами, отсекая свои хотения, наипаче же похотения плоти. Вторая степень смирения есть, если кто, не любя своей воли, не находит удовольствия в том, чтобы исполнять свои пожелания, но делами подражает Господу. Третья степень смирения есть – чтобы по любви к Богу, со всяким послушанием подчиняться набольшему... Четвертая степень смирения есть – чтобы в самом послушании на дела трудные и сердцу своему противные… хранить молчаливое, но благодушное... терпение и... не отступать назад... Пятая степень смирения есть – чтобы худых помышлений… или дел худых... не утаивать от аввы своего… Шестая степень смирения есть – чтобы монах довольствовался всякой скудостию… и при всем… считал себя худым и нестоящим работником... Седьмая степень смирения есть, когда кто считает себя низшим и худшим из всех… Восьмая степень смирения есть, когда монах ничего не делает, кроме того, к чему обязывает общий монастырский устав и к чему побуждают примеры набольших. Девятая степень смирения есть, когда монах удерживает язык свой от говорения, и храня молчание не говорит, пока не спросят... Десятая степень смирения есть, если неохоч и не скор бывает на смех... Одиннадцатая степень смирения есть, если монах, когда говорит, говорит кротко и без смеха, смиренно, но с верностию, немного, но разумно, и не возвышая до громкости голоса своего... Двенадцатая степень смирения есть, когда монах… всегда и перед всеми показывает себя смиренным: то есть …. всюду, склонив голову, взор вперяет в землю...

Гл.8. О ночном богослужении

Во время зимы, т.е. от ноябрьских календ до Пасхи, вставать надобно в восьмом часу ночи... От Пасхи же до сказанных календ ноября время бдения определять по расчету такому, чтобы по окончании их... тотчас следовала Утреня, которая обыкновенно начинается с рассветом.

Гл. 16. Сколько каждый день совершать богослужений?

Пророк говорит: “Седмерицею днем хвалих Тя” (Пс.118,164). Это священное седмеричное число мы исполним, совершая утреню, первый, третий, шестой и девятый часы, вечерню и повечерие.

Гл. 21. О деканах монастырских

Если братство велико, надо избрать из самих братий таких, которые имеют доброе свидетельство и живут свято, и поставить их деканами, чтобы они несли попечение о своем десятке во всем... Выбор надо делать по успехам в жизни и способности назидать словом учения.

Гл. 22. Как спать монахам?

Каждый пусть спит на особой кровати. Если можно – пусть все спят в одном месте… Лампада в спальне пусть горит до самого утра.

Спать должны в одеждах своих, опоясанные поясами или вервями. Когда спят, ножичков своих... пусть не имеют... чтобы не поранить себя во время сна. Монахи всегда должны быть наготове, и как только дан знак, без промедления вставши, спешить... на дело Божие… Вставая на дело Божие, пусть друг друга братски поощряют, рассеивая извинения, придумываемые сонливыми.

Гл. 24. Какого рода должны быть эпитимии?

Эпитимия должна быть соразмеряема с виной, и определение это зависит от суда аввы. Кто в легком в чем провинится, того лишать участия с братьями в столе… и в церкви не должен ни петь псалма, или антифона, ни совершать чтения, пока исполнит эпитимию. Пищу принимать ему одному, после стола братьев…

Гл. 25. О важных погрешностях

Провинившийся в важном каком деле… вместе с отлучением от стола отлучается и от молитвы вместе с братиями. Никто из братий не должен входить с ним в... общение, даже в разговор... И приветствовать никто не должен его, проходя, ни давать ему что съестное.

Гл.33. Могут ли монахи иметь какую-либо собственность?

Особенно надо с корнем исторгнуть из монастыря страсть любоимания, чтобы никто не смел ничего дать, ни взять без позволения аввы, ни иметь что собственное, никакой вещи, ни книги, ни доски, ни грифеля, совершенно ничего: так как никто из братий не имеет уже в своей власти ни тела своего, ни воли своей. Всего необходимого всякий пусть ожидает от аввы; и никому не позволительно иметь что-нибудь, кроме того, что даст или определит авва.

Гл. 36. О больных братиях…Авве надобно всячески заботиться, чтобы о больных не была допускаема никакая небрежность: келью для них назначить особую, и для хождения за ними назначить брата… Бани для больных готовить сколько нужно; а для здоровых, особенно молодых, пореже дозволять ее. Разрешать больным и вкушение мяса… Но коль скоро оправятся – пусть по обычаю воздерживаются от мяса.

Гл. 39. О количестве и мере яств

Полагаю, что достаточно будет... предлагать два варева на всех трапезах, в шестом или девятом будут они часу... если достанутся откуда плоды или овощи, то прибавить и это третье кушание… От мяса же четвероногих решительно все должны воздерживаться, кроме… больных.

Гл. 40. О мере пития

Так, относительно вина… полагаем, что для каждого достаточно будет на день стакана вина...

Гл. 48. О каждодневном рукоделии

Праздность – враг души. Потому в известные времена братья должны заниматься и рукоделием, в известные же опять часы – божественным чтением. Оба эти занятия… распределить так: от Пасхи до октябрьских календ братия… работают… от первого часа до четвертого; от четвертого же до шестого – занимаются чтением... В воскресенье пусть все занимаются чтением, исключая тех, которые отряжены на разные послушания. Если кто не хочет или не может читать и рассуждать, заставлять такого работать, чтобы не был в праздности...

Гл. 58. Об образе принятия братий в монастырь

Если пришедший прибудет.. и наносимые ему нарочно оскорбления, и намеренное недопущение внутрь обители в продолжение четырех или пяти дней вынесет терпеливо… то дозволить ему наконец войти… поместить его в кельи новоначальных, где пусть изучает, что прикажут: там ему принимать пищу и спать... Надобно рассказать ему все трудности... какие встречаются на пути к Богу. Если пообещает он твердость, то спустя два месяца прочитать ему настоящий Устав... Спустя шесть месяцев еще прочитать ему Устав, чтобы хорошо понял, к чему приступает. Если будет стоять в своем намерении, через четыре месяца еще прочитать ему тот же Устав... Принимать же должно в церкви в присутствии всех: причем он дает публично обещание не отступать от своего намерения, быть всегда исправну в поведении, нраве и в послушании... Обещание свое должен он изложить письменно... и написать его своею рукою... Если он имеет что, то или раздает это прежде бедным, или при всех жертвует в монастырь...

Гл. 63. О месте, какое каждый брат занимать должен, и о взаимных отношениях

Места в монастыре братия пусть всегда держат те, какие им следуют по времени вступления в обитель и по достоинству жизни, и как определит авва... В том порядке, какой установил он, или какой имеют братия, пусть приступают они к целованию мира, и к причащению, держат череду в пении псалмов и стоят в хоре.…Младшие по иночеству должны почитать старших по нему, а старшие должны любить младших... старшие, обращаясь к младшим, пусть говорят “брат такой-то”, а младшие к старшим “отец такой-то”. А авву… звать “господин авва”.

Где бы ни встретились братья – младший у старшего просит благословения. Когда подходит старший, младший должен встать и дать ему место. Младший не должен садиться, пока не прикажет ему старец...

Гл. 64. О поставлении аввы…Поставлять того, кого изберет согласно все братство в страхе Божьем, по здравому совету. Во внимание при сем иметь достоинство жизни и степень умственного образования... Если братия... изберет... себе в аввы, который не чужд... пороков... но об этом узнает какой-нибудь епископ, в епархии которого находится тот монастырь, или аввы других монастырей, или соседние христиане, то пусть все позаботятся воспрепятствовать исполнению совета злых...

Гл. 66. О привратнике монастыря

…Монастырь же… надо устроить так, чтобы все нужное, как то: вода, мельница, сад, хлебня, разные мастерские находились внутри монастыря, чтобы монахам не было необходимости выходить за ограду и блуждать, ибо это совсем неполезно для душ их.

Гл. 69. В монастыре никто другого защищать не должен

Всячески надобно остерегаться, чтобы ни в каком случае один другого монаха не защищал в монастыре, хотя бы они связаны были узами родства. Ни под каким видом не должно дерзать на это монахам...

Гл.70. Чтобы никто не смел наказывать другого

Воспрещается в монастыре всякое присвоение себе власти. Постановляем, чтобы никто не дерзал кого-нибудь из братий отлучать или наказывать, кроме тех, кому власть сия дана аввою. Согрешающие же пусть перед всеми обличаются, чтобы и прочие страх имели. Детей до пятнадцатилетнего возраста можно наказывать телесно, но и это с благоразумною мерою.

Текст приводится по изданию: Устав святого Бенедикта // Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: Быт, нравы, идеалы. – М.: Юристъ, 1996. – С. 291–297.

№ 5
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ТУЛУЗСКОГО СОБОРА О «БОЖЬЕМ МИРЕ» (1046 г.)

В условиях феодальной раздробленности и бесконечных междоусобиц с XI в. церковь предпринимает шаги, положившие начало такому явлению как Божье перемирие или Божий мир, которое явилось единственным отпором творившемуся беспорядку. Конечно, церковь не могла запретить феодальные войны, так как они считалась правом феодалов, но была предпринята попытка ограничить продолжительность этих войн, защитить церковь, клириков и безоружных крестьян.

1. Вот мир, учрежденный епископами, аббатами, графами, виконтами и другими богобоязненными магнатами всей епархии, именно: отныне и впредь да не дерзает никто силою врываться в церковь, церковную ограду, кладбище и жилище, кои есть и будут около церкви, на протяжении тридцати церковных шагов в окружности.

3. Определили также, чтобы никто не дерзал нападать на невооруженных клириков, монахов или монахинь и обиду им или какое-либо зло учинять. Никто да не дерзает причинять вред общинам каноников; монахов или монахинь, а также землям и владениям, коими церкви нашей епархии, невооруженные клирики, монахи и монахини пользуются... А если кто сделает это, вдвойне им обязан дать возмездие.

4. Равным образом утвердили, чтобы никто в сей епархии не дерзал захватывать в качестве добычи ни кобылиц с их жеребятами моложе шестимесячного возраста, ни быков, ни коров, ни ослов, ни ослиц, ни овец, ни баранов, ни ягнят, ни коз, ни козлов, ни молодняка их.

5. Никто да не дерзает сжигать или разрушать жилища крестьян или клириков, а также голубятни их и сараи. Крестьянина, крестьянку, невооруженных клириков, монахов или монахинь никто да не смеет убивать, ранить, увечить, схватывать и подвергать наказанию иначе, как за вину их... и, однако, лишь после судебного разбирательства... Одежд, плугов и кирок у крестьян не отнимать... Оливковых деревьев не сжигать и их плодов не губить.

7. Утвердили также накрепко поименованные епископы Господне перемирие, именно – чтобы непрерывно соблюдалось оно всеми христианами от заката солнца четвертого дня, т.е. среды, до восхода солнца второго дня, т.е. понедельника. Непрерывно соблюдать его также с первого дня Адвента Господня до восьмого дня после Богоявления, когда празднуется день св. Илария. Соблюдать его также непрерывно с понедельника перед Великим Постом до первого понедельника после Пятидесятницы. Также в кануны и праздники Обретения и Воздвижения креста Господня, в три кануна и праздника св. Марий, в кануны и праздники всех апостолов и в канун и праздник св. Лаврентия.

Постановили еще отнести сюда кануны и праздники св. Павла Нарбонского, св. Иоанна Крестителя, св. апостолов, св. архангела Михаила, св. Мартина Исповедника и Всех Святых. Сюда же отнесли посты четырех времен года. Означенные дни перемирия Господня поименованные епископы постановили соблюдать со включением предшествующих и последующих ночей, именно – от заката солнца, когда начинается это перемирие Господне, до восхода солнца, когда оно кончается. Если же кто во время этого Божьего перемирия учинит кому-либо какое-либо зло, вдвойне ему вред возместит, а потом подвергнется испытанию холодной водой... Если же кто во время этого перемирия по своей воле, без всякого повода человека умертвит... определили тому быть во все дни его жизни в изгнании. Если же совершит это по какому-либо поводу, быть ему в изгнании на срок, какой положит епископ с канониками...

Постановление Тулузского собора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://textarchive.ru/c-2548942-p22.html.

№ 6
ПИСЬМО БЕРНАРА, ЕПИСКОПА БЕЗЬЕ, О СОБЛЮДЕНИИ «БОЖЬЕГО МИРА» (1170 г.)

Бернар, Божией милостью епископ Безье, возлюбленному своему Видуину, архипресвитеру Безье, мир и привет. Полагаю я, дражайший [брат мой], что по справедливости за множество прегрешений наших – не только в прошлом, но и в настоящем – ниспосланы нам бедствия, кои мы терпим... Но хотя и утеснены мы великими войнами и опасностями, все же, возлагая упование на милосердие Божие, блага и мира для земли жаждем достигнуть. Призвали мы посему Раймонда, виконта [Безье] и рыцарей земли [сей] и заставили их принести клятву [о соблюдении] мира. Под охрану мира поставили: всех монахов с имуществом их, всех клириков с имуществом их, всех крестьян с имуществом их, всех рыбаков, охотников, женщин и тех, кои сопровождают их без оружия; участников похоронных процессий, всех неподкованных кобылиц, всех вьючных животных с вьюками их, всех путников и купцов со всем имуществом, какое везут или несут они, быков, коров, овец, свиней, коз, мельницы и оливковые насаждения.

Посему по долгу нашему в обязанность вам вменяем: увещевайте прихожан своих, чтобы до последнего воскресенья перед Вознесением Господним принесли клятву о соблюдении мира и о принуждении всех, кто нарушит его, являться по нашему вызову в Сарзак для судебного разбирательства. Если же кто из сеньоров, владеющих замками, клятвы о соблюдении мира до названного воскресенья не принесет, да не совершается во всем приходе божественная служба, пока не даст клятвы. Все прочие с 15-летнего возраста, буде принести клятвы не пожелают, да будут отвержены от церкви... постановили мы также, чтобы от заката солнца среды до восхода солнца понедельника все безоружные были под охраною Божьего перемирия, дабы никто не смел брать кого-либо в плен, истязать и зло ему учинять.

Письмо Бернара… [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://textarchive.ru/c-2548942-p22.html.

№ 7
ГРИГОРИЙ VII О ПАПСКОЙ ВЛАСТИ (ДИКТАТ ПАПЫ) 1075 г.

1. Римская церковь была основана лишь самим Господом.
2. Только римский папа вправе называться вселенским.
3. Одному папе принадлежит право назначения и смещения епископов.
4. Легат папы на соборе по своему положению стоит выше любого епископа, даже если он имеет более низкое звание; ему также принадлежит право перевода епископов.
5. Папа может выносить решение о смещении и отсутствующих лиц.
6. С отлученными папой от церкви лицами запрещено даже находиться в одном доме.
7. Одному папе можно в соответствии с потребностями времени издавать новые законы, образовывать новые епископства, капитулы преобразовывать в аббатства и наоборот, делить богатые епископства и объединять бедные.
8. Один папа может носить императорские регалии.
9. Все князья должны целовать ногу только у папы.
10. Только имя папы упоминают в церквах.
11. Во всем мире лишь он удостоен имени папы.
12. Папа вправе низлагать императоров.

13. Папа вправе, если существует необходимость, переводить епископов с одной епископской кафедры на другую.

14. По своему усмотрению папа может переместить клирика из одной церкви в другую.

15. Тот, кого папа посвятил в сан, может быть главой любой церкви, на него не может быть возложено выполнение более низкой должности. Того, кого папа посвятил в сан, другой епископ не вправе рукоположить в более высокий сан.

16. Без распоряжения папы нельзя созывать вселенский собор.

17. Не опираясь на авторитет папы, никакой капитул и никакая книга не могут считаться каноническими.

18. Никто не вправе изменить решения папы, пока он сам не внесет в него соответствующие изменения.

19. Никто не имеет права судить папу.

20. Никто не вправе осмелиться судить лицо, обратившееся с апелляцией к Апостольскому Престолу.

21. Наиболее важные дела каждой церкви следует представлять на рассмотрение папы.

22. Римская церковь ещё никогда не ошибалась, она, согласно свидетельству Писания, вечно будет непогрешимой.

23. Римский папа, если он был избран в соответствии с канонами, с учётом заслуг Святого Петра, несомненно, станет святым, как это подтвердил епископ Павии Святой Эннодий, и с ним в этом были согласны многие святые отцы, это можно найти в декретах Святого Симмаха.

24. По приказу и в соответствии с полномочиями папы обвинения могут быть выдвинуты и духовными лицами более низкого сана.

25. Папа может смещать или возвращать на свою должность епископа без созыва собора.

26. Нельзя считать католиком того, у кого нет единства с римской церковью.

27. Папа может освободить подданных от присяги верности лицу, совершившему грех.

Хрестоматия по истории средних веков / под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. – М.: Учпедгиз, 1953. – Т. 1. – С. 313–314.

№ 8
ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПАПЫ УРБАНА II НА КЛЕРМОНСКОМ СОБОРЕ (ИЗ «ИЕРУСАЛИМСКОЙ ИСТОРИИ» ФРАНЦУЗСКОГО ХРОНИСТА РОБЕРТА РЕЙМССКОГО)

…Народ франков… К вам обращается моя речь, к вам несутся слова моих убеждений. Я хочу вам поведать, что привело меня в ваши пределы, какая ваша крайность и всех верных заставила меня стать пред вами.

От пределов Иерусалима и из города Константинополя к нам пришла важная грамота, и прежде часто доходило до нашего слуха, что народ персидского царства, народ проклятый, чужеземный, далекий от бога, отродье, сердце и ум которого не верит в господа, напал на земли тех христиан, опустошив их мечами, грабежом и огнем, а жителей отвел к себе в плен или умертвил... церкви же божии или срыл до основания, или обратил на свое богослужение... Кому же может предстоять труд отомстить за то и исхитить из их рук награбленное, как не вам... Вас побуждают и призывают к подвигам

предков величие и слава короля Карла Великого... и других ваших властителей... В особенности же к вам должна взывать святая гробница спасителя и господа нашего, которою владеют нынче нечестные народы... Земля, которую вы населяете, сдавлена отовсюду морем и горными хребтами, и вследствие того она сделалась тесною при вашей многочисленности: богатствами она необильна, и едва дает хлеб своим обрабатывателям. Отсюда происходит то, что вы друг друга кусаете и пожираете, ведете войны и наносите смертельные раны. Теперь же может прекратиться ваша ненависть, смолкнет вражда, стихнут войны и задремлет междоусобие. Предпримите путь ко гробу святому; исторгните ту землю у нечестного народа и подчините ее себе. Земля та... "течет медом и млеком". Иерусалим – плодороднейший перл земли, второй рай утех..."

Когда папа Урбан... говорил все это и многое другое в этом роде, все присутствовавшие были до того проникнуты одною мыслью, что в один голос воскликнули: "Так хочет бог, так хочет бог!". По рассказам, многие тут же нашили себе красные кресты на одежду в ознаменование себя воинами Христа; первым из них был епископ Адемар, которого Урбан назначил вождем похода, благоразумно воздерживаясь от личного участия в нем.

Заборов, М.А. История Крестовых походов в документах и материалах. / М.А. Заборов. – М., 1977. – С. 51–54.

№ 9
БЕРНАР КЛЕРВОСКИЙ.
ПОХВАЛА НОВОМУ РЫЦАРСТВУ [ИЗВЛЕЧЕНИЕ]

Идеолог крестовых походов цисцерцианский аббат Бернар Клервоский (1091–1153) в специально посвященном рыцарским орденам сочинении пытался оправдать их существование, примирив служение Богу и военную деятельность. Отрывок из трактата начала XII в., написанный для зарождающегося ордена тамплиеров, считается ответом на письмо, написанное Бернару его другом Гуго Пайеном, одним из основателей ордена тамплиеров. Воспроизводится пролог и первые 4 главы данного трактата. Эти разделы связаны с деятельностью ордена тамплиеров и представляют интерес для изучения первых воинских орденов.

Пролог

Гуго, рыцарю Христа и Магистру Христова Ополчения: Бернар, известный в миру как аббат Клервоский, желает ему вести справедливую битву. Если я не ошибаюсь, мой дорогой Гуго, не один, не два, а три раза вы просили, чтобы я написал краткое наставление Вам и Вашим товарищам. Вы говорите, что уж если мне не дозволено держать в руках копье, то, по крайней мере, я мог бы направить против врага-тирана свое перо, и что эта скорее моральная, чем материальная поддержка, окажет Вам немалую помощь. Я довольно долго откладывал Вашу просьбу не потому, что пренебрег ею, а лишь для того чтобы меня не обвинили в слишком поверхностном и поспешном к ней отношении. Я боялся плохо сделать то, что более умелая рука сделала бы лучше, и таким образом, работа могла бы остаться из-за меня не выполненной, и выполнение ее стало бы еще более затруднено. Итак, затратив много времени на раздумья такого рода, я, наконец, решил сделать то, что мог, потому что не хотел, чтобы моя неспособность была принята за нежелание. Пусть читатели сами судят о результате. Если кому-либо моя работа покажется никуда не годной или не отвечающей ожиданиям, я все же буду удовлетворен тем, что сделал все, что было в моих силах.

Глава 1. Слово наставления рыцарям-тамплиерам

По всей видимости, на земле появилось новое рыцарство… Это, говорю вам, новый тип рыцарства, неизвестный прошедшим векам. Он непрерывно ведет войну на два фронта, против зла во плоти и против духовного его воинства на небесах. Если кто-либо сильно противостоит врагу во плоти, уповая лишь на крепость плоти, едва ли я отмечу это, ибо примеров тому множество. Также и когда кто-либо борется с демонами и пороками одной лишь духовной силою; нет в этом ничего удивительного, хотя и заслуживает похвалы, ибо мир полон монахов. Но когда видишь человека, мужественно опоясывающего себя обоими этими мечами, кто не сочтет это достойным всяческого удивления, тем более, что ранее такого не случалось! Вот это поистине рыцарь без страха, защищенный со всех сторон, потому что душа его защищена броней веры, тогда как тело защищено броней из стали. Так он вооружен вдвойне, и не страшен ему ни дьявол, ни человек. Не потому, что он просто не боится смерти – нет, он даже жаждет ее. Зачем ему бояться жизни или смерти, если жизнь для него – Христос, а смерть – благо? Радостно и с верою стоит он за Христа. Но с еще большей радостью предпочел бы он раствориться во Христе и пребывать с ним. Идите уверенно вперед, рыцари, и отразите врагов креста Господня своими отважными сердцами. Знайте, что ни жизнь, ни смерть не в силах лишить вас любви Господа нашего Иисуса Христа, и повторяйте при любой опасности следующие слова: "Живые ли, мертвые ли, мы принадлежим Господу нашему." Вот это слава – вернуться победителями с такой битвы! Благословен тот, кто умрет в этой битве как мученик! Радуйся, храбрый атлет, если живешь и побеждаешь в Господе, но радуйся и торжествуй еще больше, если умирая, воссоединяешься со своим Господом… Если благословенны умирающие в Господе, то кольми паче умирающие за него! Воистину драгоценна в глазах Господа смерть его святых, погибают ли они в битве, или умирают в постели, но смерть на поле брани более дорога ему потому, что она славнее. Как безмятежна жизнь, когда совесть незапятнанна! Говорю вам, как безмятежна жизнь, когда встречаешь смерть без страха. И еще более безмятежна, когда смерть желанна и принимается с благоговением. Как свято, как надежно защищено это рыцарство, и как оно абсолютно свободно от двойного риска, коему подвергают себя те, кто сражается не во имя Господа. …О земной (мирской) воин, ты боишься, как бы телесная смерть твоего врага не означала твоей собственной духовной смерти или как бы и тело, и душа твоя не были им убиты. Воистину, опасность или победа для христианина зависят от настроя сердца его, а не от военной удачи. Если сражается он за правое дело, любой исход битвы никогда не будет победой зла; равно как и результат битвы никогда не будет благим, если бился он не за правое дело, и если намерения его не были чистые. Если вдруг тебя убьют в тот момент, когда ты лишь пытался убить другого, ты умрешь убийцей. Если же тебе улыбнется удача, и получится, что в своем желании преодолеть и победить ты убьешь человека, ты будешь жить убийцей. Вам же не к лицу быть убийцами, живыми или мертвыми, победителями или побежденными. Какая несчастливая победа: одолев человека, сдаться перед пороком, и упиваться пустой славой, повергнув врага на земь, позволяя гневу и гордости победить тебя! А как же те, кто убивает не в пылу мести и не из-за переполняющей их гордыни, а лишь ради спасения своей жизни? Даже такую победу я не могу назвать справедливой, ибо смерть тела поистине меньшее зло, чем духовная смерть. Душе не надо умирать вместе с телом. Нет, умереть должна душа, которая грешна.

Глава 2. О мирском рыцарстве

К чему же стремится мирское рыцарство, точнее, эта шайка мошенников и негодяев? К чему, как не к смертному греху победителя и вечной смерти побежденного? Что ж, тогда позвольте мне привести слова Апостола и призвать того, кто пашет,

пахать с надеждою, а того, кто молотит, молотить с надеждою получить ожидаемое. Что же это за чудовищная ошибка, о рыцари, и что за неуемное стремление, заставляющее вас сражаться с таким упорством и размахом, и все это лишь ради смерти и греха! Вы покрываете шелком своих коней, и чем только не украшаете вы доспехи свои. Вы раскрашиваете щиты и седла, украшаете шпоры и удила золотом, серебром и драгоценными камнями. А затем, в блеске всего этого великолепия бросаетесь навстречу гибели в яростном гневе и с безрассудной храбростью. Что это? Амуниция воина или, может быть, это более походит на женские безделушки? Вы думаете, что мечи ваших врагов будут отражены вашим золотом? Вы думаете, что они пощадят ваши драгоценности или не смогут пронзить ваши шелка? Как вы, должно быть, знаете по собственному опыту, более всего необходимые воину три вещи: он должен оградить себя силой, проницательностью и осторожностью. Он должен быть свободен в движениях и иметь возможность быстро обнажить свой меч. Тогда зачем вы заслоняете взор свой локонами, похожими на женские, зачем одеваетесь в длинные, стесняющие движения туники, пряча свои нежные холеные руки в просторных и неудобных рукавах? Но прежде всего, не смотря на всю вашу броню, незащищенной остается ваша совесть, ибо вы решились пойти на такое опасное дело по столь несерьезному и пустому поводу. Что же служит причиной войн и раздоров между вами, помимо необоснованных вспышек гнева, жажды пустой славы или страстного стремления обладать земными благами? Поистине не защищен тот, кто убивает или погибает из-за подобных причин.

Глава 3. О новом рыцарстве

Но рыцари Христа могут уверенно сражаться в битвах Господа своего, не боясь совершить грех, поражая врага, или опасности самому быть убитым. Ибо убить или самому быть убитым во имя Христа – не грех, а скорее дорога к славе. В первом случае рыцарь побеждает во имя Христа, а во втором – воссоединяется с ним. Господь принимает смерть врага, оскорбившего его, и еще более охотно отдает себя утешению своего павшего рыцаря. Говорю вам, рыцарь Христа может разить с уверенностью и с еще большей уверенностью может он умирать, ибо он служит Христу, когда сражается, и служит себе, когда погибает. И не напрасно носит он меч, ибо послан Господом, чтобы наказать злодеев и славить праведных. Если он убивает делающего зло, то он не человекоубийца, но, если можно так сказать, убийца зла. Он воистину Христов мститель для злодеев, и по праву считается защитником христиан. И если ему самому суждено быть убитым, мы знаем, что он не сгинет, а будет пребывать в мире и спокойствии. Когда он убивает, то во благо христово, а когда погибает – для собственного блага. Смерть язычника прославляет христианина, ибо прославляет Христа; в то время как смерть христианина дает Царю возможность показать свою щедрость, вознаграждая своего рыцаря. В первом случае справедливые возрадуются, увидев свершенную справедливость, а во втором скажут: Воистину справедливость вознаграждается, воистину Господь Бог на земле судья. Я не хочу сказать, что язычников следует убивать при наличии другого способа помешать им преследовать верующих, но теперь лучше уничтожить их, чем позволить силе грешников возобладать над праведниками, а праведникам погрязнуть в пороке.

Что же тогда? Если христианину не дозволено разить мечом, почему же тогда предтеча Спасителя призвал солдат довольствоваться жалованием, а не запретил им следовать этому призванию? Но если это дозволено всем, кому это суждено Богом, как оно и есть в данном случае, при условии, что они сами не были призваны служить Господу, то кому, хочу я спросить, может быть это дозволено с большим правом, как не тем, чьи руки и сердца удерживают для нас Сион, город нашей силы? Итак, когда нарушители божественного закона были изгнаны, праведный народ, хранящий истину,

может получить защиту. Народы, любящие воевать, следует рассеять. Те, кто доставляют нам неприятности, должны быть отсечены. И все, творящие беззаконие, должны быть изгнаны из града Господня. Они заняты тем, что пытаются вынести неисчислимые сокровища, помещенные в Иерусалим христианскими народами, осквернить святыни. Они хотят владеть святилищем Бога как своим наследством. Пусть же оба меча правоверных падут на выи врагов, чтобы уничтожить каждого, кто отвергает слово Господне, то есть христианскую веру, чтобы не сказали потом язычники: “Где же их Бог?" Когда они будут изгнаны, он вернется к своему народу и в дом свой, вызвавшие гнев его, как сказано в Евангелии: “Се, оставляется вам дом ваш пуст." Он жаловался устами пророка: “Я оставил дом свой, я отрекся от народа своего" и исполнит другое пророчество: “Господь сотворил избавление народу своему." И придут они на гору, чтобы ликовать и радоваться добрым деяниям Господа. Радуйся, Иерусалим, и узнай время посещения твоего! Торжествуйте, пойте вместе, развалины Иерусалима, ибо утешил Господь народ свой, искупил Иерусалим. Обнажил Господь святую мышцу свою пред глазами всех народов. О дева, израильская, ты пала, и не нашлось никого, кто поднял бы тебя. Восстань же теперь и отряси с себя прах, о пленная дочь Сиона! Не будут уже называть тебя "оставленной" и землю твою не будут более называть "пустынею", ибо Господь благоволит к тебе, и земля твоя будет населена. Возведи очи твои и посмотри вокруг: все они собираются и идут к тебе. Се помощь, посланная тебе Господом! Через них исполнено уже древнее обетование: “Я соделаю тебя величием навеки, радостью в роды родов. Ты будешь насыщаться молоком народов, груди царские сосать будешь." И вновь: “Как мать утешает детей своих, так и я утешу тебя. В Иерусалиме найдешь ты утешение." Разве вы не видите, сколь часто эти древние свидетельства предвещали появление нового рыцарства? Истинно, как мы ранее слышали, так теперь узрели в граде Господа всего воинства. Разумеется, мы не должны допустить, чтобы эти буквальные исполнения пророчеств заслонили от нас духовный смысл писаний, ибо мы должны жить в вечной надежде, несмотря на временные исполнения пророческих высказываний. В противном случае осязаемое может вытеснить неосязаемое, материальная бедность будет угрожать духовному благополучию, а нынешние блага опередят будущее исполнение. Более того, временная слава земного города не затмевает славы его небесного двойника, а скорее готовит к нему, по крайней мере, до тех пор, пока мы помним о том, что один есть отражение другого и что именно небесный город – наша родина.

Глава 4. Об образе жизни рыцарей-тамплиеров

А теперь, в качестве примера, или, по крайней мере для того, чтобы устыдить тех наших рыцарей, которые сражаются скорее во имя дьявола, чем во имя Бога, мы вкратце опишем жизнь и добродетели рыцарей Христа. Давайте посмотрим, как они ведут себя и дома, и на поле брани, как они появляются на людях и чем рыцарь божий отличается от земного рыцаря. Прежде всего, они всегда дисциплинированны и умеют повиноваться. Как свидетельствует Священное Писание; непослушный сын погибнет, а неповиновение – грех, равный колдовству. Отказаться повиноваться – такое же преступление как идолопоклонство. таким образом, они приходят и уходят по приказу своего начальника. Носят они то, что он им дает, и не осмеливаются думать о том, чтобы надеть что-либо или питаться чем-либо из какого-либо другого источника. Так избегают они всякого излишества в одежде и в пище и довольствуются лишь самым необходимым. Они живут как братья в веселом и воздержанном содружестве, без жен и детей. Так что их евангельское совершенство ни в чем не ощущает недостатка. Живут они одной семьей без какой-либо личной собственности, стараясь хранить единство духа, живя в мире и согласии. Можно сказать, что у множества одно сердце и одна душа, чтобы подчеркнуть, что никто не поступает по своей собственной воле, а каждый предпочита-

ет следовать приказу командира. Они никогда не проводят время в безделии и праздности и не бродят без цели. Но в тех редких случаях, когда они не на службе, стараются отработать свой хлеб починкой своих изношенных доспехов и порванной одежды, либо просто наводя порядок. В остальном они руководствуются общими интересами и приказами своего командира.

Среди них нет различия между личностями, а разница скорее определяется достоинствами рыцаря нежели благородством крови. Они соперничают друг с другом во взаимной предупредительности и берут на себя бремя товарищей своих, выполняя заветы Христа. Ни одно неуместное слово, ни одно праздное действо, ни один несдержанный смех иди самый тихий шепот или же роптание, будучи раз замечены, не остаются неисправленными. Они навсегда отказались от игры в кости или шахматы и питают отвращение к охоте. Они не находят радости в нелепой жестокости соколиной охоты, которая так широко распространена. А шутов, магов, бардов, трубадуров и участников ристалищ и турниров они презирают и отвергают как различные проявления мирской суеты, тщеславия и нездорового обмана. Они коротко остригают волосы, в согласии со словами Апостола о том, что мужчинам не к лицу растить длинные локоны. Поистине они редко моют голову и никогда не делают причесок, довольствуясь тем, что непричесанные, покрыты пылью и несут на себе отметины солнца и доспехов. Когда близится час сражения, они внутренне вооружают себя верою, а внешне – стальною броней, а не украшают себя золотом, ибо задача их – устрашить врага, а не разжечь в нем чувство алчности. Они подбирают себе сильных и быстрых коней, а не тех, что великолепны и красиво убраны. Они настраивают мысли свои на борьбу до победы, а не на участие в параде. Не о славе думают они и стараются быть грозными, а не нарядными. И в то же время они не задиристы, не опрометчивы и не торопливы. Благоразумно и предусмотрительно выстроены они в правильные ряды, как, мы знаем, делали их отцы. Поистине настоящий израильтянин – человек мирный, даже когда отправляется на войну. Как только он оказывается в гуще сражения, этот рыцарь оставляет свою мягкость и кротость, как бы говоря: “Разве я не ненавижу тех, кто ненавидит тебя, о Господи, разве мне не отвратительны враги твои?" Эти рыцари сразу стремительно атакуют врага, видя в нем стадо баранов. Не смотря ни на какое численное превосходство врагов, никогда они не считают их свирепыми варварами или внушающими страх ордами. Также не преувеличивают они и собственной силы, но верят в то, что Господь всего воинства дарует им победу. Они помнят слова макабеев: “Горстка воинов легко может победить многочисленного врага". Господь небесный не видит разницы даровать ли освобождение руками множества или малого числа воинов, ибо победа в войне не зависит от многочисленности армии, а храбрость – дар небес. Много раз они были свидетелями того, как один человек преследовал тысячу, и как двое обращали в бегство 10000 врагов. Так, удивительным и уникальным образом они выглядят более кроткими, чем овечки, будучи более свирепыми, чем львы. Не знаю, как лучше называть их: монахами или солдатами. Возможно, правильнее будет признать их и теми и другими. Воистину обладают они и монашеским смирением и воинской мощью. Что можно сказать еще, кроме того, что все это деяния Господа и чудеса, творимые перед нашими глазами. Это избранное воинство Господа, набранное им со всех концов земли. Это доблестные мужи Израиля, избранные, чтобы хорошо и преданно охранять гробницу, которая есть колыбель самого Соломона. Каждый из них держит в руке меч и прекрасно обучен военному делу.

Бернар Клервоский. Во славу нового воинства // Западное монашество и папство / В. Герье. – М., 1913.

СЕМИНАР 6
СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЗАПАДНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ

Направление семинара:
Западноевропейский средневековый человек и его мир

1. Средневековая картина мира, ее теологичность.
2. Учение о небесной иерархии. Трехмерная схема общества.
3. Средневековая концепция человека.
4. Средневековые представления о пространстве, времени, истории.

Предлагаемая тема семинара связана с теми подходами к изучению истории, которые характеризуют т.н. «новую историческую науку» (или историческую антропологию). Ключевым для этого направления исторической науки являются понятие «картина мира» и «ментальность», с сущностью которых и нужно разобраться.

Каждому периоду мировой истории и каждой цивилизации свойственна своя исторически обусловленная «картина мира». Средневековый взгляд на мир был христианским. Необходимо понять, как во времена средневековья люди воспринимали время, пространство, труд, богатство, бедность, будущую смерть. Что для них было хорошим и что – плохим. Знакомство с взглядами Ф. Кемпийского позволит понять ценности, которые влияли на жизнь людей той эпохи.

Однако при традиционализме этого мировоззрения потребности развивающегося общества вносили изменения и в него. Необходимо проанализировать, как менялась схема общества, как постепенно человек все больше и больше начинал переориентироваться с небесных проблем на земные. Что происходило с восприятием времени, труда, статуса купцов и преподавателей и т.д.

Помощь в работе над проблемами семинара окажут работы Р. Ладюри, А.Я Гуревича, Ж. Ле Гоффа, Ю.А. Арнаутовой, представленные в УМК (См. Ридер, № 13–18).

Источники

1. Кемпийский Ф. О подражании Христу // Богословие в культуре средневековья. – Киев, 1992. – С. 227–382.
2. История средних веков. / сост. М.М. Стасюлевич. – СПб.: ООО «Издательство Полигон». – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999.
3. Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. – М., 1972.

Литература

1. Барг, М.А. Эпохи и идеи / М.А. Барг. – М., 1988.
2. Бицилли, П.М. Элементы средневековой культуры / П.М. Бицилли. – СПб., 1995. – С. 11–94.
3. Гвардини, Ф. Конец нового времени / Ф. Гвардини // Вопросы философии. – 1990. – № 4.
4. Гуревич, А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников / А.Я. Гуревич. – М., 1989.
5. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада / Ж. Ле Гофф; пер. с франц. С.В. Чистяковой и Н.В. Шевченко; под ред. В.А. Бабинцева. – 2-е изд., испр.– Екатеринбург : Изд-во Урал, ун-та, 2002.
6. Ле Гофф Ж. С небес на землю / Ж. Ле Гофф // Одиссей. Человек в истории. – М., 1991.

7. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого / Ж. Ле Гофф // пер. с фр.; общ. ред. С.К. Цатуровой. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2001.

8. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – М., 1992.

9. Поньон, Э. Повседневная жизнь Европы в тысячном году / Э. Поньон // пер. с франц. Э. М. Дратовой. – М.: Мол. Гвардия, 1999.

10. Средневековая Европа глазами современников и историков: в 5 ч. – Ч. 3. – М., 1995. – С. 12–41.

ДОКУМЕНТЫ К СЕМИНАРУ № 6

№ 1
ФОМА КЕМПИЙСКИЙ. О ПОДРАЖАНИИ ХРИСТУ [ИЗВЛЕЧЕНИЯ]

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава I

О подражании Христу и о презрении к миру и суете его

1. Кто последует за Мною, – говорит Христос, наш Спаситель, – тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни. Такими словами призывает нас Иисус Христос следовать учению Его и подражать жизни Его, и если мы воистину хотим просветиться и избавиться от слепоты духовной, следует посвятить все духовные поиски свои созерцанию жизни и святого учения Иисуса Христа.

3. Что пользы тебе рассуждать глубокомысленно о Троице, если нет в тебе смирения, и этим не угоден ты Троице? Истинно, не высокие слова делают человека святым и праведным, а жизнь праведная делает его угодным Богу. Лучше предаваться раскаянию (за грехи свои), чем знать лишь определение того, что такое раскаяние. Если знаешь всю Библию наизусть и все изречения всех философов, что пользы тебе от этого, если нет в тебе благодати, милосердия и любви? Суета сует, – все суета, за исключением любви к Богу и служения Ему Одному. Высочайшая мудрость состоит в том, чтобы через презрение к миру приближаться к Царствию Небесному.

4. Поэтому искать себе тленных сокровищ на земле и возлагать на них надежды – суета. Суета – гоняться за почестями и стремиться к высокому положению. Суета – отдаваться похотям плоти и желать того, за что придется нести тяжкое наказание. Суета – желать долгой жизни и мало заботиться о жизни праведной. Суета – беспокоиться с сиюминутном и не думать о том, что грядет. Суета;– иметь пристрастие к тому, что преходяще, и не стремиться туда, где пребывает радость вечная.

5. Почаще вспоминай, что сказано: глаз не может удовольствоваться тем, что видит, а ухо тем, что слышит… Ибо тот, кто подчинен своим чувственным желаниям, оскверняет совесть и лишается благодати Божьей.

Глава II

О смиренном знании себя самого

1. Всякий человек желает обладать знанием, но много ли значит знание без страха Божия? Смиренный землепашец, слуга Божий, несомненно, стоит выше, чем горделивый философ, который, не познав самого себя, отдается изучению хода небесных светил… Если бы я знал обо всем в этом мире, но не имел бы любви, что пользы мне от этого (знания) перед Богом, который будет судить меня по делам моим?

2. Отступись от неуемного желания (достичь) многого знания, ибо в нем много смятения и обмана. Те, кто (много) знают, жаждут быть на виду и слыть мудрецами. Много есть такого знания, которое приносит мало, а то и вовсе никакой пользы душе, и неразумен тот, кто занимается всяким делом, но не тем, что послужит его спасению…

3. Чем больше и глубже твои знания, тем строже судим будешь, если живешь не свято. Не превозносись оттого, что владеешь каким-либо искусством или знанием, а скорее страшись знания, данного тебе. Но если кажется тебе, что ты знаешь многое и имеешь какое-то разумение, помни: того, чего ты не знаешь, несравненно больше. Не считай себя знатоком возвышенного, а лучше признай свое неведение. Отчего кичишься перед другими (своей ученостью) – ведь найдется (всегда) множество людей, которые ученее тебя и искуснее тебя в Законе (Божьем)?...

4. Высшее и самое полезное знание – знать о себе всю правду и презирать себя. Не превозносить себя, а думать о других только хорошее и возвышенное – вот великая мудрость и великое совершенство. Если видишь, что другой грешит или совершил черное дело, не думай, что ты лучше его, ибо не знаешь, долго ли сам будешь оставаться в праведности. Все мы слабы и бренны, и не считай, что кто-то слабее тебя.

Глава III

О научении истине

2. И что пользы нам от многообразия всего в этом мире? Тот, кому дано Слово вечное, свободен от мнений, (разнящихся между собой). Все происходит от Слова, все объявляет нам об одном: вот Первоначало, обращающееся к нам. Без него нельзя ничего понять, нельзя ни о чем составить верного суждения…

3. Чем больше человек внутренне укрепится и чем больше он будет внутренне прост, тем глубже и тем легче он постигнет высокие тайны, ибо получит свыше свет разумения. (Человек), душа которого чиста, непорочна и не подвержена сомнениям, не тратит сил попусту на дела суетные, ибо все свои деяния он вершит во славу Божью; (такой человек) не ищет благ для себя. Что более всего мешает тебе и мучает тебя? Твои необузданные желания. Добродетельный и благочестивый человек готовит себя внутренне к тому, что он намерен совершить вовне, и дела его чисты от порока и подчинены суду праведных намерений и разума. Кому приходится вести самую тяжкую борьбу? Тому, кто стремится превозмочь себя. Нашим насущным делом должно стать стремление побеждать себя и оттого становиться сильнее и лучше.

4. … Не следует осуждать науку или какое-либо знание, (ведь) знание само по себе есть добро и предписано Богом, но знанию следует предпочитать чистую совесть и добродетельную жизнь. Но поскольку люди часто предпочитают знание добродетельной жизни, они часто заблуждаются, и жизнь их дает мало или вовсе никаких плодов.

5. О, если бы люди стремились к искоренению пороков и насаждению добродетелей так же настойчиво, как они стремятся к обсуждению всяческих любопытных вещей! Тогда бы не было столько зла и безобразий в народе, не было бы такой распущенности среди монастырской братии. Ведь когда придет Судный День, у нас не спросят, что мы читали, но спросят нас, что мы сделали; не спросят нас, хорошо ли мы умели излагать (свои мысли), а спросят нас, жили ли мы по вере. А теперь скажи мне, где ныне все те книжники и ученые, которые, как тебе известно, преуспевали в своей учености? Уже другие заняли их места, и не думаю, что помнят о них. Пока они были живы, их почитали, а теперь даже и не вспоминают.

6. О, как быстро проходит слава в этом мире! Боже, если бы жизнь человеков соответствовала их учености, вот тогда бы они поистине обладали достойным знанием! Как много тех, кто губит себя в этом мире суетной ученостью, и мало тех, кто заботится о служении Богу!... Истинно велик тот, кто мал в своих собственных глазах и ни во что не ставит высочайшие почести. Истинно мудр тот, кто все земное почитает за прах и тлен, чтобы обрести Христа. Истинно учен тот, кто поступает по воле Божьей и отрекается от воли своей.

Глава V

О чтении Писания

1. В Священном Писании следует искать истины, а не красоты слога. Писание надлежит читать, пребывая в том же состоянии духа, в котором оно было написано. Мы должны искать в Писании пользы, а не тонкостей изложения. Нам следует читать простые и благочестивые книги так же охотно, как мы читаем высокоученые и возвышенные. Не прельщайся авторитетом того, кто писал, и неважно, обладает ли он большим или малым разумением; пусть влечет тебя к чтению одна лишь любовь к чистой истине. Не спрашивай: кто сказал (это), а внимай тому, что сказано…

Глава VI

О неумеренных желаниях

1. Как только человек начинает неумеренно желать чего-либо, его сразу охватывает беспокойство. Гордые и жадные не имеют покоя, бедные и смиренные духом пребывают в спокойствии и умиротворении, которые сами по себе и есть благо. Человек, который еще не полностью укротил свои чувства, легко подвержен мелким и презренным искушениям. Тому, кто слаб духом, устремлен к плотскому и привержен к чувственному, весьма трудно оторваться от земных пристрастий, и поэтому когда он пытается избавиться от них, то часто впадает в печаль и негодует на тех, кто ему перечит.

2. А если он получает то, чего так желал, его тут же начинают мучить угрызения совести, ибо он пошел на поводу у страсти своей, а страсть (никогда) не может дать ему мира и успокоения, которых он так искал. Итак, именно в противлении страстям, а не в подчинении им обретается истинное успокоение сердца…

Глава VII

О том, что следует избегать суетных надежд и гордости

1. … Но не стыдись служить другим во имя любви к Иисусу Христу и не стыдись выглядеть в этом мире убогим. Не полагайся сам на себя, но укрепись в своем уповании на Бога. Делай сколько можешь, и Бог поможет твоим добрым намерениям. Не полагайся ни на свои знания, ни на труды кого бы то ни было, а уповай на милость Божью, Который помогает смиренным и усмиряет тех, кто слишком много о себе мнит.

2. Не похваляйся ни богатством, если оно у тебя есть, ни своими друзьями, если они могущественны, но хвались Богом, который дарует все это, и более того – желает дать нам Себя Самого. Не восхищайся силою и красотою тела, ибо и малая болезнь может его обезобразить или сгубить. Не восторгайся талантами своими и живостью ума, дабы не прогневить Бога, – ведь все, что имеешь хорошего, даровано Богом.

3. Не почитай себя лучше других, дабы не предстать отвратительным перед Богом, Который ведает обо всем, что есть в человеке. Не гордись своими добрыми делами, ибо суд Божий отличен от суждений человеческих, и то, что радует человека, часто не радует Бога. Если есть в тебе что-либо добродетельного, смиренно полагай, что у других добродетелей больше. Не будет тебе вреда, если будешь ставить себя ниже других, однако много вреда сотворишь ты себе, если будешь ставить себя выше хотя бы одного (человека). У смиренного мир в сердце, а в сердце гордого ревность и смятение.

Глава IX

О послушании и подчинении

1. Пребывать в послушании, жить в подчинении и не быть хозяином самому себе, – тяжело это, но достойно. Гораздо спокойнее подчиняться, чем начальствовать. Многие пребывают в повиновении скорее по необходимости, чем по любви; такие люди тяжко из-за этого страдают и ропщут; они не обретут свободу духа до тех пор, пока,

во имя Бога, не подчинятся полностью. Можешь искать покой и здесь, и там, но найдешь его только в смиренном подчинении своему прелату. …

2. …Кто из людей обладает достаточной мудростью, чтобы знать все? Никто. Посему не слишком доверяй своему разумению, а прислушивайся с готовностью к мнению других. Даже если намерения твои благие, но ты оставишь их ради (любви к) Богу и последуешь разумным предписаниям других, то будет тебе от этого большая польза…

Глава X

О том, что следует избегать излишества в словах

1. Избегай, по возможности, мирских пересудов и мирских дел; они очень мешают (духовному сосредоточению), даже если участвуешь в них по простоте душевной, ибо суета нас захватывает и оскверняет столь быстро! Как сожалею я, что во времена прежние мне чаще доводилось говорить, чем молчать, и бывать среди людей, чем пребывать в уединении. Но отчего же тогда мы с такой охотой встречаемся и говорим друг с другом и так редко со спокойной совестью пребываем в молчании? А поступаем мы так оттого, что в этих встречах и разговорах ищем мы утешения и хотим облегчить сердце, обремененное разными мыслями. Вот почему с такой охотой мы говорим и думаем о том, что любим и чего желаем, или о том, что нам больше всего неприятно.

2. Но увы! Суетны наши пристрастия, тщетны наши желания. Ибо это внешнее утешение возводит лишь препятствия, и немалые, на пути к утешению внутреннему и Божественному. Посему необходимо блюсти себя и молиться, дабы не проводить время в праздности. Но если позволительно и желательно говорить, говори, но лишь о том, что служит назиданию…

Глава XI

О поисках умиротворения и рвении к духовному совершенствованию

1. Достаточно мира и покоя было бы (в наших сердцах), если бы мы не вмешивались в чужие дела и (не прислушивались) к чужим словам, не имеющим к нам никакого отношения… Блаженны простые (сердцем), ибо обретут мир и спокойствие.

3. Если бы мы полностью отрешились от самих себя и внутренне очистились, то смогли бы мы вкусить Божественного и приобщиться к созерцанию небесного. Больше всего и сильнее всего мешает нам то, что мы не освободились от страстей и вожделений и не можем принудить себя встать на путь, который приводил святых к совершенствованию жизни. И стоит какому-нибудь огорчительному происшествию, пусть и малому, случиться с нами, тотчас падаем духом и бросаемся искать у других утешения.

6. Тяжело оставлять привычное, и еще тяжелее идти против собственной воли. Но тяжелее всего – постоянно пребывать в муках, лишившись навеки радостей небесных. Но если не удастся превозмочь себя в малом и легком, то как же превозможешь себя в том, что много труднее? Сопротивляйся изначально (предосудительной) склонности и откажись от дурных привычек, чтобы они мало-помалу не привели тебя впоследствии к еще большим затруднениям. О, если бы ты задумался над тем, какое умиротворение себе и сколько радости другим ты бы мог принести праведной жизнью, тогда, думается, ты заботился бы о духовном совершенствовании намного больше.

Глава XXIII

О том, что следует помнить о смерти

1. Она приходит так быстро – следи же неусыпно за тем, как ты распоряжаешься (своей жизнью). Сегодня еще жив человек, а завтра уже нет его. А как только исчезает человек из виду, тут же исчезает он и из памяти людской. О, сколь бесчувственно и черство сердце человека, помышляющего только о настоящем и мало пекущегося

о будущем! А ведь тебе следовало бы вести себя и в делах, и в помыслах так, как будто предстоит тебе в ближайшем времени умереть. Если бы совесть твоя была чиста, тебе незачем было бы так страшиться смерти. Лучше бы тебе избегать греха, чем бежать от смерти. Если ты не готов сегодня, как будешь готов завтра

2. Что пользы в долгой жизни, если мы так мало преуспеваем в совершенствовании? Долгая жизнь не обязательно ведет человека к совершенству, а часто приводит к умножению его недостатков. Ах, если бы хоть один день мы могли прожить в этом мире достойно! Многие подсчитывают годы, прошедшие со дня обращения, (полагая, что они прожиты достойно), но плоды обращения бывают часто столь скудны. Страшно умирать, но, возможно, жить долго еще страшнее. Блажен тот, у кого всегда перед очами час смертный, и кто каждый день готовит себя к смерти…

3. Когда приходит утро, думай о том, что, может быть, не доживешь до вечера. Когда настанет вечер, не пребывай в уверенности, что увидишь утро. Будь всегда готов к смерти и живи так, чтобы она никогда не могла застать тебя врасплох… И когда этот последний час придет, вся твоя прошедшая жизнь предстанет пред тобой в совсем ином свете, и будешь ты премного скорбеть о том, что жил столь беспечно и пребывал в лености.

4. Как счастлив, как благоразумен тот, кто в этой жизни стремится быть таким, каким хочет предстать перед смертью! Великую уверенность в том, что смерть будет встречена достойно, дают полное презрение к миру, горячее желание преуспеть в добродетели, любовь к порядку, постоянная настроенность на покаяние, готовность к повиновению, самоотречение и умение терпеливо переносить все невзгоды и напасти во имя любви Христовой. Пока ты здоров, ты можешь совершить много достойного, а если одолеют тебя болезни, то уж и не знаю, что сможешь ты (сделать достойного), ибо лишь немногих болезнь исправляет. Редко достигают святости также и те, кто много странствует.

5. Не возлагай надежд на друзей и ближних своих и не откладывай на будущее добрых дел, способствующих твоему спасению, ибо люди забудут тебя скорее, чем ты думаешь… Придет время, когда пожелаешь ты дня или хотя бы часа, чтобы исправиться, но не знаю, будет ли дан тебе этот час.

6…. Старайся ныне жить так, чтобы в твой смертный час у тебя было больше причин радоваться, чем страшиться. Учись ныне умирать для мира, чтобы затем открыться для жизни с Христом. Учись ныне презирать все (земное), чтобы затем ты мог свободно идти к Христу. Наказывай ныне тело свое покаянием, чтобы затем обрести твердую уверенность (в спасении).

8. Кто вспомнит о тебе после твоей смерти, кто помолится за тебя? Делай сейчас, делай, любезный друг мой, все, что можешь для себя сделать, ведь не знаешь ты, когда умрешь, и не ведомо тебе, что за смертью воспоследует. Собирай богатство нетленное, пока у тебя есть время, и не думай ни о чем, кроме своего спасения. Заботься только о Божьем деле, приобретай друзей сейчас, почитай святых Божиих и подражай делам их с тем, чтобы после ухода из этой жизни тебя приняли в вечные обители.

9. Будь на этой земле как странник и чужой, которого не заботят дела земные. Держи свое сердце всегда свободным и устремленным к Богу, ибо не имеем здесь постоянного града. Молись ежедневно с воздыханиями и слезами о том, чтобы душа твоя после смерти (тела твоего) могла блаженно перейти к Богу.

Глава XXIV
О страшном суде и о наказании грешникам

1. Всегда помни о том, что ожидает тебя в конце, и думай, как предстанешь ты перед строгим Судьею, от Которого ничто не скрыто, Которого не умилостивишь дарами, Который не принимает оправданий и Который будет судить справедливо и беспристрастно…

2. Великое и спасительное очищение дается человеку, если он, терпя обиды и несправедливости от других, более скорбит о злобе человеческой, нежели страдает от этих обид; если с готовностью он молится о тех, кто восстает против него, и в сердце своем прощает им их вину; если он, (не колеблясь, сам) просит у других прощения; если он более склонен к состраданию, чем к гневу; если он, сделав над собой усилие, заставляет себя полностью подчинить плоть духу. Лучше теперь избавляться от греха и пороков, чем ожидать очищения в будущем. Однако мы сами себя вводим в заблуждение своей непомерной привязанностью к плотскому.

3. Что будет сжигать (очистительный) огонь, как не твои грехи? Чем больше будешь щадить себя теперь (в этой жизни) и чем больше будешь подчиняться своей плоти, тем более суровому наказанию будешь подвергнут потом, тем больше накопится в тебе того, что будет питать очистительный огонь. В том будет человек более всего наказан, в чем грешил он более всего. Ленивых там будут язвить раскаленные шипы, чревоугодники будут одолеваемы нестерпимым голодом и жаждою, любители роскоши и любострастия погружены будут в кипящую смолу и смрадную серу, а завистливые взвоют от боли, подобно бешеным псам.

4. Ни один грех не останется без наказания. Каждому греху будет определено свое мучение. Гордые там (в аду) будут ввергнуты в стыд и смущение, а скупые будут пребывать в самой убогой нищете. Час мучений там будет тяжелее, чем здесь сто лет самого сурового покаяния. Здесь (в этом мире) хоть иногда бывают передышки в тяжких трудах и испытаниях, хоть иногда можно получить утешение от друзей, там же низвергнутым не будет никакого успокоения, и никакого утешения осужденным. Поэтому сейчас думай и печалься о грехах своих, чтобы в день Суда избегнуть тебе опасности вместе с блаженными, ибо тогда праведник с великим дерзновением станет пред лицом тех, которые оскорбляли его и презирали подвиги его. Тогда станет судить Тот, Кто в этом мире смиренно отдавал себя на суд человеческий. Тогда бедный и смиренный обретет великую уверенность, а заносчивый гордец задрожит от страха.

5. Тогда станет ясно, что мудрым в здешнем мире был тот, кто ради Иисуса Христа примирялся с тем, что его считали презренным безумцем… Тогда возрадуется каждый благочестивый и возопит безбожный. Тогда плоть, которая подверглась изнурению, возрадуется больше, чем если бы ныне она предавалась всяческим удовольствиям. Тогда рубища воссияют, а самые изысканные одеяния померкнут. Тогда убогая хижина будет цениться больше, чем раззолоченный дворец. Тогда упорство и терпение помогут больше, чем все могущество земное. Тогда простое послушание будет восхваляться больше, чем любая премудрость земная.

6. Тогда непорочная и чистая совесть будет приносить больше радости, чем вся философия. Тогда презрение к богатству будет иметь больше цены, чем все сокровища земные. Тогда благочестивая молитва будет большей утехой, чем наизысканнейшее блюдо. Тогда будешь испытывать ты больше радости от того, что хранил молчание, а не от того, что вел долгие беседы. Тогда святые дела будут цениться больше, чем множество красивых слов. Тогда праведная жизнь и суровое покаяние будут давать большую отраду, чем все услады земные. Учись же сейчас переносить малые тяготы, чтобы потом быть избавленным от великих мук. Испытай сначала здесь (хоть в малой степени) то, что, возможно, придется терпеть впоследствии. Если ты теперь не можешь вынести малых страданий, каково тебе будет выносить мучения вечные? Если сейчас не можешь ты вытерпеть и малой муки, каково же тебе будет тогда в геенне огненной? Знай, что нельзя и в здешнем мире предаваться наслаждениям, и в грядущем пребывать в радости с Христом – это несовместимо.

Глава XXV

О ревностном совершенствовании всей нашей жизни

1. Всегда оставайся недремлющим и прилежным в служении Богу и почаще думай о том, для чего ты пришел (в этот мир) и для чего ты его оставляешь. Не для того ли, чтобы жить для Бога и стать духовным человеком? Итак, будь ревностным в своем совершенствовании, ибо вскоре будешь вознагражден за свои старания, и тогда (в смертный час) не будет в тебе ни страха, ни печали…

4. … Две вещи более всего помогают человеку в совершенствовании: решительное и полное отречение от того, к чему в натуре человека есть порочная склонность, и ревностное стремление к тем добродетелям, которых недостает человеку больше всего. Особо старайся при этом преодолевать в себе то, что более всего тебе неприятно в других.

7. Ревностный в вере претерпевает и охотно принимает все, что ему предписано делать. Набожного, но нерадивого и ленивого преследует напасть за напастью, его одолевают терзания, потому что не имеет он внутреннего утешения, а внешнего утешения ему искать запрещено. Набожному, но несобранному грозят тяжкие испытания. Тот, кто ищет для себя уступок и послаблений, всегда будет пребывать в терзаниях, ибо всегда найдется либо одно, либо другое, что будет ему не по нраву.

8. Посмотри, как живут монахи, строго соблюдающие монастырский устав! Они редко покидают свои кельи, пребывают в уединении, питаются скудно, одеваются просто, трудятся много, говорят мало, бодрствуют допоздна, встают рано, творят молитвы долго, читают обильно, блюдут правила строго. Посмотри, как монахи и монахини разных уставов поднимаются каждую ночь, чтобы восславить Господа! И стыдно было бы тебе предаваться лени и нерадению в таком святом деле, в то время как такое множество монахов бодрствуют, чтобы славословить Бога.

11. Всегда помни о том, какой конец тебя ожидает, и о том, что потерянное время не вернуть. Без радения и прилежания никогда не приобретешь добродетелей… Тяжелее противиться порокам и страстям, чем исполнять многотрудную работу. Тот, кто не избегает мелких грехов, мало-помалу впадает в большие. Если день провел с пользой, к вечеру всегда будешь испытывать радость. Следи за собой, побуждай себя (к добродетели), кори себя и, вспоминая (прегрешения) других, не забывай и себя, и насколько сможешь себя пересилить, настолько продвинешься к добродетели. Да будет так.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава XII

О том, что необходимо учиться терпению и противиться вожделениям

2. Если ты скажешь, что не в силах претерпеть многих (испытаний), то как же сможешь ты переносить огонь чистилища? Из двух зол всегда следует выбирать меньшее. Поэтому чтобы избежать будущих мук вечных, старайся ради любви Божьей терпеливо переносить страдания и беды нынешние. Не думаешь ли ты, что люди в здешнем мире не страдают или страдают мало? Не найти тебе такого, которого бы миновали все до одной печали, даже если станешь искать среди самых утонченных и изнеженных. Но в их жизни, скажешь ты, много наслаждений, они делают то, что им нравится, и поэтому быстро забывают огорчения. Пусть так, они имеют все, что хотят, но долго ли, по-твоему, это может продлиться?

3. Все их богатство развеется, как дым, и даже памяти не останется об их былых утехах. Но еще при жизни они не могут предаваться удовольствиям, не испытывая горечи, тоски и страха, ибо часто то же самое, что приносило им наибольшую радость, впоследствии приносит им боль и страдание. И воздается им по справедливости, ибо раз они ищут удовольствий и предаются им без меры, не избегнуть им горечи разочарования.

4. Как быстротечны, как призрачны, как безрассудны и как низки все эти земные утехи! Но люди, ослепленные и опьяненные ими, не понимая того, поступают, словно твари бессловесные: ради тех малых наслаждений, которые они хотят получить в этой тленной жизни, они ведут свою душу к смерти…

Глава XIII

О смиренном послушании раба Христова

1…. Если человек не подчиняется с охотою и по доброй воле стоящему выше, это знак того, что плоть его еще не повинуется ему всецело, часто артачится и ропщет. Учись же подчиняться без сопротивления стоящему выше тебя, если желаешь усмирить плоть свою... Для твоей души нет врага худшего и более опасного, чем ты сам, если нет у тебя доброго согласия с духом. Если хочешь преодолеть плоть и кровь свои, тебе нужно достичь истинного презрения к себе самому. Но все еще слишком любя себя самого, ты боишься вверить себя целиком чужой воле.

3. Восстань в гневе против себя самого, не допускай, чтоб тобою правила гордыня, яви себя столь покорным и ничтожным, чтобы тебя каждый попирал и топтал, словно грязь под ногами. На что ты можешь жаловаться, червь? Что можешь возразить, мерзкий грешник, поносящим тебя, ведь столько раз ты творил неугодное Богу, столько раз совершал такое, что заслуживает мук ада? Но Я, видя великую ценность души твоей передо Мной, пощадил тебя, чтобы ты познал любовь Мою к тебе, всегда воздавал Мне благодарение за Мои благодеяния, предавался истинной покорности и смирению и терпеливо сносил презрение к себе.

Глава XXVI

О величии свободного духа и о том, что его можно достичь смиренною молитвою, а не чтением

2. Молю Тебя, Господи Боже мой, сохрани меня от забот этого мира, не допусти, чтобы я потворствовал нуждам своим телесным и чтобы овладела мною страсть к наслаждениям земным, оберегай от всяких напастей душевных, чтобы не одолели меня горести и не пал я духом. Но я молю быть избавленным не от того, чего стремится избегнуть здешний мир и суетность человеческая, а от тех напастей и бедствий, которые из-за проклятия нашей смертной природы тяготеют надо всеми нами, тяжким бременем ложатся на душу раба Твоего и мешают ему, сколь сильно бы он того ни желал, обрести свободу духа.

3. О Боже мой, сладость неизреченная, сделай так, чтобы горьким стало любое плотское утешение, которое уводит меня от любви к вечному и коварно обольщает видимостью сладостной радости. Молю Тебя, Боже, сделай так, чтобы не поддался я зовам плоти и крови, чтобы не обольстили меня этот мир и его столь краткие радости, чтобы не одолел меня дьявол и лукавство его. Даруй мне силу противостоять (всему этому), терпение переносить (все напасти), постоянство в стремлении (к небесному). Даруй мне неприятие всех земных утешений, даруй мне сладчайшее отдохновение Духа Твоего и вместо любви чувственной наполни меня любовью к имени Твоему святому.

4. Вижу я, что заботы о еде, питье, одежде и обо всем прочем, что служит поддержанию тела, тяготят дух, устремленный к Тебе. Даруй мне умеренность в пользовании всем тем, что необходимо для поддержания тела, и не допусти, чтобы охватили меня слишком сильные пристрастия. Ведь невозможно отвергнуть все земное вообще, ибо плоть в этой жизни нуждается в поддержании. Но святой закон запрещает стремиться к излишествам и к тому, что служит наслаждению, дабы не дерзнула плоть восставать против духа. Молю Тебя, о Господи, о том, чтобы вел Ты меня среди всех земных искусов и научал тому, чтобы не восхотел я какого-либо излишества.

Фома Кемпийский. О подражании Христу // Богословие в культуре Средневековья. – Киев, 1992. – С. 227–382.

СЕМИНАР 7
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ. ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД

Направление семинара:
Средневековый город и цеховое ремесло

1. Возникновение средневековых городов. Внешний вид. Архитектура.
2. Борьба городов за свои права. Складывание городского самоуправления. Социальный состав.
3. Организация ремесла. Цехи. Гильдии. Братства.
4. Развитие торговли и кредита в Западной Европе.

Долгое время европейское общество сохраняло аграрный характер. 95% населения жило в деревнях. Но с X–XI вв. в этот аграрный мир все больше врывается город. В чем принципиальное отличие западноевропейского города от других мест поселения? Каков правовой статус горожан? Фрагмент из Ридера (№ 19) позволит ознакомиться с современными взглядами на происхождение и функции средневековых городов.

Используя ряд предлагаемых источников, надо показать борьбу горожан за свои права и охарактеризовать городское право.

Почти с самого начала существования города – с XI–XII вв. – ремесленники объединялись в особые организации – цехи. Они являлись в XII–XV вв. господствующей формой организации ремесла и сыграли очень важную роль в развитии производства и в истории города вообще. Публикуемые источники содержат необходимый материал для освещения вопросов плана. Вначале даются отрывки из цеховых статутов, зафиксированных в так называемой «Книге ремесел». Это была составленная во второй половине XIII в. первая детальная запись порядков, сложившихся в цехах Парижа. Запись, произведенная по инициативе Этьена Буало – парижского прево (главы Парижского округа), рисует организацию цехового ремесла в период расцвета цехового строя. Эти статуты дают возможность рассмотреть положение учеников и подмастерьев, а также регламентацию всех сторон процесса производства, качества сырья и готовых изделий, их сбыта и пр. Надо ответить на вопрос: чем объясняются подобные ограничения и тенденция уравнять положение всех мастеров? Надо отметить, какие из этих ограничений носили сначала прогрессивный характер, защищали интересы ремесленников, создавали необходимые условия для их труда, способствовали накоплению технических навыков и улучшению качества товаров.

Развитие городов было неразрывно связано с расширением значения товарно-денежных отношений. Растет роль торговли, изменяется роль купцов в обществе и их статус. Источники позволят проанализировать купеческие хартии.

Источники

1. Купеческие хартии в Англии XIV в. и их предыстория / пер. Ю.Б. Борисова // Средние века. – 1992. – Вып. 55.
2. Средневековое городское право / под ред. С.М. Стама. – Саратов, 1989.
3. Стоклицкая-Терешкович, В.В. Средневековый город в Западной Европе в XI–XV веках: учеб.-метод. пособие. / В.В. Стоклицкая-Терешкович, С.Л. Плешкова. – М., 1969.
4. Практикум по истории средних веков / сост. М. Абрамсон [и др.]. – М., 1971.
5. Хрестоматия по истории средних веков: в 3-х т. / под ред. С.Д. Сказкина. – Т. 2. – М., 1963.
6. Регистры ремесел и торговли города Парижа // Средние века. – 1957–1958. – Вып. 10–11.

Литература

1. Абрамсон, М.Л. Крупные города Англии в XII-XIII вв. / М. Л. Абрамсон // Средние века. – 1985. – Вып. 48.
2. Гуревич, А.Я. Средневековый купец / А.Я. Гуревич // Одиссей. Человек в истории. – 1990.
3. Дживелегов, А.К. Средневековые города в Западной Европе / А.К. Дживелегова. – М.: Книжная находка, 2002.
4. Левицкий, Я.А. Города и феодализм в Англии / Я.А. Левицкий. – М., 1987.
5. Ястребицкая, А.Л. Городская Европа / А.Л. Ястребицкая // Средневековая Европа глазами современников и историков. – Т. 2. – М., 1995.

ДОКУМЕНТЫ К СЕМИНАРУ № 7

№ 1
ПЕРВОЕ ГОРОДСКОЕ ПРАВО СТРАСБУРГА (ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XII в.)

1. По образу других городов на том почетном условии основан Страсбург, чтобы каждый человек, как чужой, так и местный уроженец, имел в нем мир во всякое время и от всех.

2. Если кто вне [города] совершит преступление и из-за страха вины бежит в него, пусть пребывает в нем безопасно. Пусть никто, применив насилие, не наложит на него руку; [он же] покорно и с готовностью пусть предстанет перед судом.

3. Пусть никто не приносит в город и не осмеливается [в нем] хранить награбленное или украденное, если не будет готов дать отчет каждому истцу.

4. Пусть никто не введет [в город] пленника, если не представит его шультгейсу (causidicus) или судье (iudex), который пусть сохранит его до законного рассмотрения дела.

5. Все должностные лица этого города подчинены власти епископа, так что либо он сам их назначает, либо те, которых он сам поставил. Старшие же будут назначать младших соответственно тому, как они им подчинены.

6. Никому епископ не должен давать общественной должности, кроме [тех], кто принадлежит к людям, зависимым от его церкви.

7. Четырех же должностных лиц, на которых лежит управление городом, епископ инвестирует своей рукой (властью), а именно: шультгейса, бургграфа, телонеария и магистра монеты.

8. Шультгейс имеет право назначать двух подчиненных ему заместителей, которых обыкновенно называют судьи, настолько уважаемых, чтобы горожане, сохраняя свою честь, могли предстать перед ними в суде.

9. Также шультгейсу принадлежит [право] назначать трех лиц, которых называем геймбургами: одного во внутреннем, т.е. старом, городе и двух – во внешнем и надзирателя тюрьмы, в которой содержатся под охраной преступники.

Таковы же обязанности каждого в отдельности.

10. Шультгейс будет судить за кражу, за frevela, за денежные долги всех горожан города и всех прибывших в него из этого епископства, если они не противопоставят разумного [основания для] исключения, кроме министериалов церкви и тех, которые принадлежат к зависимым людям (de familia) епископа, и [тех], которые им назначены на должности.

11. Получает же власть преследовать и наказывать преступников, которую называют банн, не от епископа, но от фогта. Ибо ту власть, которая в соответствии с харак-

тером преступления направлена на пролитие крови при вешании, отрубании головы, изувечении и тому подобном, духовное лицо не должно ни иметь, ни передавать [другому]. Поэтому, после того как епископ поставит фогта, император дает ему банн, т.е. [право] наказания мечом осуждаемых таким образом и всю власть их преследовать.

12. Так как ее (т.е. эту власть) имеет, следовательно, только лишь в силу фогтского звания (advocatia), то справедливо, чтобы никоим образом не отказывал в ней шультгейсу, телонеарию, магистру монеты, кого бы ни поставил епископ, от которого он сам держит фогтство.

13. В этом городе, итак, никто не имеет права суда, исключая императора или епископа или тех, которые имеют [судебную власть] от него.

14. У судей, которые подчинены шультгейсу, власть судить не распространяется на кражи, но только на денежные долги.

15. Место же судов на рынке у св. Мартина. Поэтому никто из тех, на кого подана жалоба, не должен быть вызван в дом шультгейса или судьи, но только в вышеупомянутое общественное место.

16. Если, однако, судьи или шультгейс вызовут кого-либо к себе на дом и те не придут, то за это [они] не будут (обязаны уплатить) какую-либо композицию.

17. Обязанность надзирателя тюрьмы [состоит в том, чтобы] бдительно стеречь всех вверенных его охране.

18. Если же кого-либо упустит, вместо него примет вину, если не будет у него отнят силой.

19. Также его обязанность приговоренных к повешению выводить к виселице, завязывать глаза приговоренного повязкой, воздвигать виселицу, приставлять лестницу, подводить преступника к самой лестнице. Тогда только примет его заместитель фогта и, накинув на шею петлю, его повесит.

23. Этот же заместитель фогта будет вырывать глаза, кастрировать, отрубать голову и выполнять все прочие наказания соответственно разному характеру преступлений.

25. Также должен вызывать в суд обвиняемых в присутствии шультгейса или судей.

26. Способ же вызова таков: пусть назовет истца и объявит его противнику, что он вызван на суд, либо устно [самому ему] присутствующему, где бы с ним ни встретился, либо у его дома в первый, второй и третий раз с перерывом в одну ночь (одни сутки).

27. Если, когда будет сделан первый, второй или третий вызов, тот не придет и посланец судьи докажет tercia manu, что [он] сделал эти три вызова или по крайней мере первый лицом к лицу, то тот уплатит судье композицию в 30 солидов.

28. Будучи же вызван на суд, должен явиться в первое время (т.е. по первому зову) и, сколь долго судья будет заседать в суде, столь долго будет ожидать истца или уйдет по разрешению судьи. Не должен, однако, [судья] отказывать ему в разрешении уйти, если попросит. Если же судья обвинит его, что в установленное время не пришел, то он поклянется, что там был, или уплатит ему композицию.

29. Шультгейс или судья не должен разбирать в суде никакого дела, за исключением того, с которым обратились к нему. Если же будет уличен, что сделал что-либо помимо судебного порядка и справедливого суда, по закону теряет свою должность.

30. Горожанина, находящегося в состоянии готовности к дороге, т.е. уже входящего на корабль или садящегося на лошадь или в повозку, никто из согорожан его не должен задерживать из-за жалобы. Но так как он настолько не заботился о себе, что дело свое отложил до такого крайнего времени, то справедливо, чтобы все, что против того имел, до его возвращения отложил.

31. Если кто обвинит своего согорожанина вне города перед чужим судьей, то из-за этой вины обязан уплатить композицию и судье города, и тому, кого обвинил, и возместить ему ущерб, который из-за его жалобы [тот] понес.

35. Если кто-либо оскорбит другого словом или делом при народе [и] если оба захотят предстать на суд народа, судья решит согласно суду и приговору народа. Если же, однако, [они не захотят этого, то] обвиняемый очистит себя простой своей клятвой или же тот [обвинитель] пусть уличит его (докажет его вину) посредством поединка.

36. Если кто-либо без судьи или посланца судьи дерзко нападет на своего согорожанина внутри ограды его дома или двора, уплатит судье 30 солидов за frevela. Тому же, на кого напал, оплатит свое преступление в троекратном размере.

37. Во всех дворах монастырских братьев или министериалов, в которых [они] сами лично не будут жить, шультгейс или судья имеет право вызова на суд и принуждения их обитателей.

38. Точно так же [шультгейс] имеет право судить слуг братьев любого монастыря в отношении их личности, а именно в делах, касающихся торговли, если хотят торговать.

39. Всякий, кто прибудет в город, являясь должником какого-либо человека, если будет обвинен перед судьей, должен быть представлен шультгейсу на суд тем каноником или министериалом, в дом которого он вступил. Если же (каноник или министериал) этого не сделает, то должен ответить вместо него.

40. Из всех композиций, следуемых за кражу, две части причитаются шультгейсу, а третья – фогту. При этом должно соблюдаться следующее различие: если композиция будет уплачена фогту, то его [право] отделить себе третью часть, шультгейсу – две. Сам именно пусть получает следуемую ему композицию, и какую сумму при получении композиции он установит – большую или малую, – шультгейс не должен ее ни уменьшать, ни увеличивать, но пусть считает правильной.

41. Наоборот, если композиция будет уплачена самому шультгейсу, его будет право взять две части [себе], а третью дать фогту. И сходным образом, какую сумму композиции сам установит, фогт пусть ее не отменяет.

42. Фогт же не должен судить [нигде], кроме как во дворце епископа. Если же кого-либо вызовет к себе на дом, то тот, кто не придет, не должен из-за этого платить ему какую-либо композицию.

44. К обязанности бургграфа принадлежит назначать магистров почти всех officiorum6 в городе, а именно: седельников, кожевников, перчаточников, сапожников, кузнецов, мельников и тех, которые делают винные бочки и кружки, и изготовителей мечей, и которые продают плоды, и трактирщиков. И в отношении них имеет право суда, если в чем-либо прегрешат в своих обязанностях.

45. Место же суда и наказания их находится во дворце епископа.

47. К праву бургграфа принадлежит также получение некоторых пошлин, как, например, с мечей, которые в ножнах выносятся на рынок для продажи. С других же товаров, которые на кораблях привозятся из Кельна или откуда бы то ни было, пошлину пусть получает телонеарий.

48. Также с растительного масла, орехов, плодов – откуда бы они ни были привезены, которые проданы за деньги, пошлину получает бургграф. Если же [они] проданы за соль, вино, зерно или за какую угодно другую цену, то пошлину пусть поделят бургграф и телонеарий.

49. Помимо вышеназванных, все остальные пошлины принадлежат к должности телонеария. Они же [взимаются] по-разному.

50. Если кто с одного корабля на другой перегрузит свои товары, с каждого корабля даст 4 денария.

51. Всякий купец (mercator), который пройдет через этот город со своим грузом [на вьючных животных], но ничего не продаст и не купит, не уплатит никакой пошлины.

52. Если кто-либо из зависимых людей этой церкви – мужчина или женщина – продаст в этом городе вещи, которые сделал своими руками или которые выросли

у него, то не даст пошлины. И если купит что-либо для своих надобностей, что не будет продавать ради наживы, также не даст пошлины. Если же, однако, кто-либо наклевещет на него, что проданные вещи не выросли у него и не были им самим сделаны или [что он] купил их ради наживы, то простой своей рукой пусть себя очистит.

53. Если кто купит или продаст (менее чем) на 5 солидов, не даст пошлины.

55. Пошлину с углей и пеньки, которую епископы до сих пор взимали, как и получали банн вина и хлеба, которые называются bernbrot, телонеарий пусть не взимает.

56. К должности телонеария относится удостоверять раскаленным железом все меры – малые или большие – для соли, вина, растительного масла и зерна, сделанные магистром трактирщиков. И их никому не должен уступать, разве согорожанину своему для [измерения] амы (ата) вина или четверти зерна и прочих подобных мелочей, и [притом] бесплатно.

57. Однако если их пожелает иметь кто-либо из горожан для своей надобности, то ему дозволяется, но так, чтобы они были добросовестно и самим лично телонеарием клеймены, так же как и каждому из горожан можно иметь в доме свои собственные весовые гири при том, однако, условии, чтобы они были сделаны магистром монеты.

58. Также обязанность телонеария все мосты нового города – сколько их будет нужно – и бургграфа все [мосты] старого [города] строить настолько прочно, чтобы всякий мог безопасно проехать со своими повозками и вьючными животными. Если же из-за старости, слишком большой изношенности или какой-либо неисправности мостов кто-либо потерпит ущерб, то телонеарий или бургграф должны быть принуждены каждый по своей части по праву возместить.

Следует об обязанности магистра монеты.

59. Он по праву имеет судебную власть [в делах относительно] фальшивой монеты и над самими фальшивомонетчиками как в городе, так и вне [его] по всему епископству без какого-либо препятствия [со стороны] судей.

60. Где бы во всем епископстве он ни нашел фальшивомонетчика, пусть доставит его в город и судит согласно судебному праву города.

61. Монета же должна быть такого веса, чтобы 20 солидов составляли марку, каковые денарии (т.е. чеканенные из этого расчета) называются pfundig. И эта [монета], постоянная и устойчивая, должна обращаться в этом епископстве, если только не будет подделана. Тогда же по совету мудрых пусть будет изменен соответственно другой форме, но не другому весу.

62. Место же чеканки монеты находится около рыбаков. Чеканить денарии надо в одном помещении, чтобы все взаимно видели работу рук своих.

63. Никто, кроме людей, зависимых от этой церкви, не должен делать денарии.

64. В месте, где сидят менялы, никто другой не должен покупать серебро, кроме только одних чеканщиков денариев. В других местах по всему городу пусть покупают и продают серебро все желающие, если это не будет воспрещено из-за [чеканки] новой монеты.

65. Когда новая монета чеканится и старая запрещена, то, [считая] от дня запрещения, объявляется срок в трижды четырнадцать дней, т.е. шесть недель, в течение которых магистр монеты может всякого, кого захочет, задержать за то, что принимает запрещенную монету. Если же тот захочет отрицать, то пусть cum septima manu поклянется, что он не сделал [этого]. В противном случае уплатит магистру монеты композицию в 60 солидов.

66. По истечении шести недель никого не должен задерживать, если не увидит, что кто-либо получает запрещенную монету.

67. Если увидит, [что кто-либо получает денарий], пусть возьмет денарий, и отведет его (преступника) в суд, и там его обвинит. И если тот будет отрицать [вину], с тремя

честными людьми пусть уличит его, что получил. И уличенный уплатит ему композицию в 60 солидов. Если же не захочет его уличить, то он своей рукой себя очистит.

70. Если епископ захочет переплавить серебро своей камеры и из него чеканить денарии, пусть примет его магистр монеты и разделит между монетчиками, чтобы из него делали денарии. И если денарии суть phundig, возвращает с каждой марки 20 солидов без двух денариев.

71. Если же будут отчеканены в сколь угодно более легком весе, то [все равно] всегда сдается с марки на 2 денария меньше.

73. Когда епископ приказывает чеканить новую монету, то сначала делаются 5 солидов той формы и того веса, которые должна иметь в обращении [новая] монета.

74. Их будет хранить бургграф, сколь долго монета эта [будет обращаться], с тем расчетом, чтобы в случае обвинения, что эта монета подделана, посредством тех 5 солидов она была испытана и удостоверена.

75. Магистр монеты также поклянется, что будет чеканить монету того веса и формы, которые имеют те 5 солидов.

76. Когда магистр монеты будет возвращать епископу железные приспособления, в которых делаются денарии, пусть возвратит ему два [штампа] в форме монет (денариев) и два в форме оболов (полушек). Кроме этого, все остальное полностью возвратит и поклянется, что он не имеет [ничего] более и не знает, чтобы кто-либо имел. При этом формы будут уничтожены и разломаны и обломки возвращены магистру монеты или же сам [магистр монеты] по разрешению епископа удержит их целыми и неповрежденными.

77. Всякий желающий получить право монетчика даст епископу половину марки золота, магистру монеты 5 денариев золота, монетчикам 20 солидов тяжелой (полновесной) монеты.

78. Когда епископ пожелает изменить монету, то даст железные приспособления [для изготовления] монеты на шесть недель.

79. Всякий монетчик, живущий вне города, который в городе купит серебро, пусть оплатит право монеты.

80. Каждый, кто повредит стены или ров города, уплатит бургграфу композицию в 40 солидов.

81. Всякий, кто застроит улицу, также предстанет для уплаты штрафа перед бургграфом. Никому же [бургграф] не должен давать разрешения.

82. Пусть никто не вываливает навоз или отбросы перед своим домом, если не желает немедленно вывезти их, за исключением предназначенных для этого мест, а именно: около мясных ларей, также около св. Стефана, и также около колодца на конном рынке, и около места, которое называется Гевирке.

83. Ров города должен иметь по окружности вне стены [в ширину] 60 футов, внутри [от стены] – 30 футов.

84. Всякий, кто желает выстроить мельницу, пусть просит разрешения у бургграфа и согласия у горожан. Заручившись тем и другим, пусть даст бургграфу золотую монету.

85. Пусть никто не платит пошлины с рогож, [или циновок], кур, гусей, яиц, лука, капусты и других каких угодно овощей, с чаш, с кружек, если не продаст на 5 солидов.

86. Никто не должен иметь в городе свиней, если не поручит их пастуху.

87. Место же, где пасутся свиньи, находится между воротами, которые называются Wallemanus burgetor, и другими ближайшими воротами.

88. К праву епископа принадлежит иметь из этого города 24 посланца, и только лишь из числа торговцев. Их обязанность в пределах только епископства совершать поездки с поручениями епископа к его людям. Если же в то время они понесут какой-либо

ущерб – или в отношении своей личности, или в отношении своих вещей, которые везли с собой в пути, – епископ должен им возместить.

89. Отдельные из них обязаны ежегодно три раза совершать такие поездки с поручениями за счет епископа. Со стороны епископа им оказывается такая почесть, чтобы при его празднествах, когда он пригласит своих людей, они имели перед ним самим почетные места за столом, чтобы тем людям его [благодаря этому] сделались тем более известны.

90. Когда епископ вступит в город, то его лошади должны быть размещены в господской конюшне, которая начинается от странноприемного дома и идет по окружности стены до сада епископа.

91. Если [епископ] будет иметь больше лошадей, то их возьмут шультгейс или судьи его и конюший и разместят их по домам, где обычно находятся пристанища для пришлых людей. Если [еще] больше будет иметь лошадей, то по праву не может разместить их в каких-либо других домах города, если не сможет этого добиться посредством просьб.

92. Если же император или король вступит [в город], его лошади размещаются всюду.

93. Отдельные горожане должны также ежегодно 5 дней работать на господской барщине, за исключением всех монетчиков, которые принадлежат к числу зависимых людей церкви, и за исключением двенадцати среди кожевников, и за исключением всех седельников, и четырех среди перчаточников, и четырех среди пекарей, и восьми среди сапожников, и всех кузнецов, и всех плотников, и мясников, и бочаров винных бочек.

94. На господский двор, находящийся внутри города, шультгейс пусть дает для плугов епископа 13 быков, которых получает в случае смерти людей церкви, и 1 лошадь, на которой магистр двора будет ездить и возить семена в поле.

95. Даст также 12 свиней и 2 боровов: одного для нужд епископа, другого для нужд горожан.

98. Каждый из судей даст во время жатвы 5 солидов, и магистр мельников 1 солид, и магистр трактирщиков 1 солид для покупки хлеба при жатве.

99. И когда будет обмолачиваться хлеб епископа, каждому из судей [он] даст один мальтер [зерна], так как судьи и глашатаи должны стеречь хлеб епископа при жатве, пока идет уборка.

100. Быков, предназначенных для плугов епископа, шультгейс не должен употреблять для других надобностей, разве только для обработки его Schuchbuze, но и епископ [не должен] использовать их на другие нужды, кроме как для своего плуга.

102. Среди кожевников есть 12, которые за счет епископа должны [обрабатывать] кожи и [изготовлять] меховые одежды, сколько епископу понадобится. Материал для них магистр кожевников, взяв с собой сколько будет нужно из [числа] этих 12, пусть купит на деньги епископа в Майнце или Кельне. Если какой-либо ущерб потерпят в дороге как в вещах, так и из-за плена, епископ должен им возместить.

103. Право (обязанность) кузнецов таково. Когда епископ отправится в поход императора, каждый кузнец даст по 4 подковы со своими гвоздями. Из них бургграф даст епископу на 24 коня, остальные удержит [себе].

104. Если епископ отправится ко двору [императора], каждый [кузнец] дает по 2 подковы со своими гвоздями, из числа которых бургграф дает епископу на 12 лошадей, а остальные удержит [себе].

105. Кроме того, кузнецы обязаны делать все, что понадобится епископу в его дворце – или в дверях, или в окнах, – что надлежит делать из железа. При этом им дается железо, и в это время (покрываются) издержки жизни.

106. Если епископ начнет осаду какого-либо замка или у него будет осажден [замок], то [кузнецы] дадут 300 стрел. Если епископу понадобится больше, то за его счет в достаточном количестве пусть доставят.

107. Запоры и цепи для запирания городских ворот, получив общественные [средства на] расходы, должны делать кузнецы.

108. Среди сапожников есть 8 [человек], которые будут давать епископу, отправляющемуся ко двору или в поход императора, чехлы для светильников. Все остальное, что понадобится для вышеуказанного или для осады замков, либо из кожаных мешков, либо in bustris, либо из какого угодно соответствующего [характеру] вышеупомянутых нужд снаряжения, изготовляемое из черной кожи, пусть делают за счет епископа.

109. Четверо среди перчаточников дадут епископу, отправляющемуся ко двору или в поход, сколько будет необходимо белой кожи на чехлы для светильников. Все остальное, сколько будет необходимо для вышеупомянутых вещей и для осады замков, из белой кожи пусть делают за счет епископа.

110. Седельники дадут епископу, отправляющемуся ко двору, 2 вьючных седла, в поход империи – 4. Если будет иметь нужду в большем количестве, за счет епископа пусть сделают.

111. Когда епископ отправляется в поход или ко двору, то изготовители мечей должны чистить мечи и шлемы конюшего, дворецкого, виночерпия, камерария и всех необходимых и повседневных слуг епископа. Кроме того, если окажется нужным, будут чистить охотничьи копья епископа.

112. Кружечники пусть выделывают все кружки, в скольких будет иметь нужду епископ или при своем дворе, когда [император] к нему прибудет, или [при дворе] императора, или отправляясь ко двору императора, за счет самого [епископа]. Магистр же бочаров даст последним древесный материал. Кроме этого, ежедневно будет давать дерево кружечникам епископа.

113. Бочары, получив древесный материал от своего магистра и обручи и связки a cellerario епископа, пусть сделают все, в чем будет иметь нужду епископ, находясь дома, или император, или императрица, когда будут присутствовать здесь, для бани своей, и для кухни, и для нужд виночерпиев. Точно так же и когда [епископ] отправляется ко двору, все то же доставят за счет епископа. Кроме этого, на все винные бочки епископа – малые и большие – будут [набивать обручи] за его счет.

114. Право (обязанность) трактирщиков по понедельникам чистить отхожее место епископа и амбар, если этого захочет.

115. Мельники и рыбаки должны перевозить епископа по воде, куда бы [он] ни захотел, от Руста выше [по течению] и ниже Веллетора. Им телонеарий предоставит суда сколько необходимо. Сами же с веслами своими войдут [в них] и отведут их обратно до сада епископа, откуда и вывели [их], за счет самого [епископа]. Дадут же рыбаки двух людей, мельники – третьего человека. Если по своей небрежности погубят суда, то пусть заплатят. Если будут у них отняты силой, то епископ возместит.

116. Рыбаки должны ловить рыбу для нужд епископа [в промежуток времени] между рождеством св. Марии и праздником св. Михаила ежегодно в течение трех дней и трех ночей со всеми своими снастями, когда вода будет более благоприятна, в Рейне ниже [по течению] Веллетора и выше Руста, в Альзе вплоть до Эберсгейма, в Брейше вплоть до Моллесгейма, в Шуттере вплоть до Мербурга, в Кинциге вплоть до Кинцдорфа за счет епископа.

117. В Брейше от верхней стены города до нижней около св. Стефана пусть никто не осмелится ловить рыбу без разрешения епископа или его дворецкого.

118. Плотники по понедельникам должны выходить на работу епископа за его счет. Когда самым ранним утром придут [на место] перед дворцом, пусть не осмелятся уходить до звона колокола, в который ударят к ранней обедне. Если тем временем не будут взяты на работу епископа, то свободные в тот день пусть уходят. [Они] не могут быть принуждаемы идти на работу для кого-либо другого, кроме епископа.

Хрестоматия по истории средних веков: в 3-х т. – Т .2. – М., 1963. – С.459–472.

№ 2
ЛЮБЕК. ГОРОДСКОЕ ПРАВО ИМПЕРАТОРА ФРИДРИХА I ОТ 19 ОКТ. 1188 г.

1.…Все населяющие город наш Любек, какого бы они ни были положения, будут иметь право всяческого пользования: путем и беспутьем, полями и пустошами, водами и рыбными ловлями, лесами и пустошами…

3. Сверх того… патронат над приходской церковью Девы Марии, чтобы по смерти одного священника горожане как бы патроны, выбирали себе другого, кого захотят, и представляли его епископу.

4. К тому же пусть они свободно передвигаются с товарами по всему герцогству без поборов и без пошлины…

5. Если кто-либо из них замешан будет в каком-либо деле, то в пределах всей нашей империи и в саксонском герцогстве пусть оправдываются перед судьей данной местности, не подвергаясь заключению, по праву уже упомянутого города.

8. А если кто-нибудь умрет там, и окажется, что у него не будет наследника, мы постановили, чтобы все его наследство и пожитки в течение года с днем неприкосновенно хранились в доме, где он умер, если случайно не явится в течение указанного срока кто-нибудь близкий, который и получит наследство согласно городскому праву. Если же в течение этого времени не придет никто из его близких, все, им оставленное, выдается королевской власти.

9. Русские, готы, норманны и прочие восточные народы пусть являются…и свободно уходят из него без пошлин и без торговых поборов.

10. Также и купцы любого королевства, любого города пусть являются сюда и свободно покупают, пусть только платят таможенную пошлину…

13. Сверх того…, чтобы никто…не захватывал своими зданиями или укреплениями территории…если же кто-либо каким-либо способом соорудит укрепление на суше или на воде, то пусть они, опираясь на нашу волю, его извлекут, а укрепление уничтожат. А кто преднамеренно захватит здания города и будет обличен, платит 60 фунтов.

14. А граждане упомянутого города не будут ходить в поход, а будут только защищать свой город.

16. Если же кто-либо из окрестной земли станет оспаривать чью-либо свободу и заподозренный сможет доказать, что год и один день прожил в городе без чьего-либо протеста, то заподозренный выходит из дела чист.

№ 3
«ГОРОДСКОЙ ВОЗДУХ ДЕЛАЕТ ЧЕЛОВЕКА СВОБОДНЫМ»

Из городского права, дарованного императором Фридрихом II городу Гослару 13 июля 1219 г.

1. Если кто-либо проживал в городе Госларе и при жизни своей никем не был уличен в рабском состоянии, то после смерти его никто да не посмеет назвать его рабом или низводить в рабское состояние.

2. Если же какой-либо чужак пришел жить в названный город и так оставался там в течение года и дня, причем ни разу ему не ставили на вид рабского состояния, не уличили его в этом, и сам он в этом ни признавался, то пусть он пользуется общею с другими гражданами свободою; и после смерти его никто да не посмеет объявлять его своим рабом.

Бремен: право городской черты. 28 ноября 1186 г.

Фридрих, Божиею споспешествующего милостью император... Ценя честную и постоянную преданность горожан города Бремена и желая по заслугам воздать за их верность, мы уступаем им и утверждаем за городом Бременом те права, которые блаженной памяти император Карл по настоятельной просьбе св. Виллегада, первого святителя церкви Бременской, уступил этому городу, а именно: 1. Если какой-либо мужчина или женщина пробудет безпрепятственно в городе Бремене в пределах того, что в просторечье называется вайхбильдом[1], в течение года и дня, и если кто-либо после этого вздумает [пожелает] оспаривать его свободу, то, наложив молчание на жалобщика, пусть будет предоставлено тому доказать свою свободу ссылкой на вышеуказанный срок; изымаются все люди Бременской церкви и всех церквей, примыкающих к ней по правовому своему положению

Присяга при принятии на гражданство жителей Кельна 1355 г.

Вот в чем должны присягать те, которых заново принимают в бюргеры Кельна:

1…Они должны присягнуть в том, что будут верны и преданы Совету и городу Кельну и будут стоять за его добро и оборонять его от всякого зла, по крайнему своему разумению.

2. Также будут выходить на зов набатного колокола и иметь полное собственное снаряжение на благо Совета и города Кельна.

3. А когда они принесут таковую присягу, то могут быть приняты во гражданство (стать полноправными бюргерами) со всеми свободами, какими пользуются другие бюргеры. Ели окажется при этом, что он уже три года жил в Кельне и жил своим домом, пусть внесет 6 гульденов, а если … меньше трех лет, то пусть внесет 12 гульденов.

4…если возникнет дело, что они чьи-либо, и их потребуют в течение года после выдачи грамоты на гражданство, то следует отдать его господину, и его бюргерское звание не должно давать ему прикрытия.

Средневековье в его памятниках: сб. переводов [Электронный ресурс] / под ред. Д. Н. Егорова. – М., 1913. – С.117–120, 142–147. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003809927/.

№ 4
СТАТУТ ПАРИЖСКИХ ТКАЧЕЙ ШЕРСТИ

1. Никто не может быть в Париже ткачом шерсти, если не купит ремесло у короля. И его продает от имени короля тот, кто купил (этот) взнос у короля, одному дороже, другому дешевле, как ему заблагорассудится.

2. Ни один ткач шерсти и никто другой не должен иметь мастерскую в пределах Парижского округа, если не умеет собственноручно заниматься ремеслом, если он не сын мастера.

[1] Weichbild – городское пространство, в пределах которого действуют городские свободы.

3. Каждый парижский ткач шерсти может иметь в своем доме два широких станка и один узкий, а вне дома он не может иметь никакого, если не хочет иметь его на тех же правах, на которых мог бы иметь его чужак.

4. Каждый сын мастера ткача шерсти, пока он находится под опекой своих отца и матери, т.е. если у него не было и нет жены, может иметь 2 широких станка и один узкий в доме своего отца, если он умеет заниматься ремеслом собственноручно; и не должны оплачивать ночную стражу, ни (платить) другие взносы, ни покупать ремесло у короля, пока они находятся в этом положении.

5. Каждый ткач шерсти может иметь в своем доме одного из своих братьев и одного из своих племянников; и для каждого из них может иметь в своем доме 2 широких станка и один узкий с тем, чтобы братья и племянники работали собственноручно, и как только они перестанут работать, мастер не сможет держать станка. Братья и племянники не обязаны покупать ремесло у короля, ни нести ночную сторожевую службу, ни платить талью, пока они находятся под опекой своего брата и дяди.

6. Мастер ткач шерсти не может из-за сыновей или одного из своих братьев или племянников иметь вышеупомянутые станки вне своего дома.

7. Ни один ткач шерсти не может иметь эти станки ни для кого, кроме сыновей от законной супруги, или своих братьев, или племянников, рожденных в законном браке; так как для сына своей жены, ее брата или племянника он их иметь не может, а только для своих братьев и племянников, и ни для одной души он не может их иметь, если не для своих сыновей или братьев по отцу или по матери, или сыновей брата или сестры от законного брака.

8. Каждый ткач шерсти в своем доме может иметь не больше одного ученика, но он не может иметь его меньше, чем на 4 года службы и за 4 парижских ливра, или на 5 лет службы за 60 парижских су, или на 6 лет службы за 20 парижских су, или на 7 лет службы без денег.

9. Мастер ткач может взять ученика на больший срок службы и за большую плату, но за меньшую он его взять не может.

10. Ученик может выкупиться со службы, если угодно мастеру, но лишь в том случае, если он прослужил 4 года. Но мастер не может ни продать его, ни расстаться с ним, если он не прослужил четырех лет, ни взять другого ученика, если не случилось, что 279 ученик сбежал, женился или отправился за море.

11. Мастер ткач шерсти не может иметь (другого) ученика, пока длятся четыре года, в течение которых ему может служить (первый) ученик, если этот ученик не умер или не отказался от ремесла навсегда.

Но как только он умрет или откажется от ремесла, мастер может взять другого на вышеупомянутых условиях, но только одного ученика.

12. Если ученик убежит от своего хозяина по безрассудству или легкомыслию, он должен возвратить хозяину все издержки и убытки, которые тот понес вследствие его вины, с тем, что он может вернуться к ремеслу у этого хозяина, не у другого, если хозяин не хочет его покинуть.

13. Если ученик уйдет от своего хозяина вследствие вины хозяина, он или его друг должны прийти к старшине ткачей и это перед ним засвидетельствовать; и старшина в течение двух недель должен призвать к себе хозяина ученика, сделать ему выговор и сказать, чтобы он достойно содержал ученика, как сына уважаемого человека, одевал и обувал. И если он этого не сделает, ученику подыщут другого хозяина.

14. Если хозяин ученика этого не сделает по приказу старшины, последний должен взять ученика и поместить его в другое место, где ему покажется лучше, и должен заставить дать деньги ученику, если он умеет их заработать, и если ученик не может зарабатывать денег, старшина ткачей должен подыскать ему другого хозяина среди членов цеха и его пристроить.

15. Если ученик уйдет от своего хозяина по вине хозяина в течение четверти года, хозяин возвращает ему три четверти его денег; и если он уйдет в течение полугода, хозяин возвращает ему половину, а если он уйдет, когда ему остается прослужить лишь четверть года, хозяин возвращает ему лишь четвертую часть его денег, и если он пробыл у хозяина целый год и тогда уходит по вине хозяина, хозяин вовсе не возвращает ему денег, так как в течение первого года он не имеет никакой прибыли.

16. Если мастер так беден, что не может возвратить своему ученику, который уходит от него по его вине, денег целиком или частью, как выше сказано, если он умирает или убегает, старшина цеха должен подыскать ученику достойным образом хозяина из среды членов цеха; так как в их цехе постановлено, что никто не должен брать ученика иначе как по совету старшины и по крайней мере двух из четырех присяжных.

17. Старшина и двое присяжных или трое, или четверо, должны смотреть, имеет ли мастер достаточно имущества и смышлёности, чтобы взять ученика. И если старшина и присяжные видят, что мастер, который берет ученика, не имеет нужных качеств для того, чтобы держать ученика, они могут взять хороший и достаточный залог и выполнить все сполна по отношению к ученику, чтобы ученик не терял своего времени, а его отец своих денег.

18. Ни один ткач не может ткать этанфор камелэн1, если в ткани не будет 2.200 ниток в ширину.

19. Парижский ткач может красить в своем доме во все цвета, кроме гэд[2]; окрашивать в цвет гэд можно только в двух домах; так как королева Бланка, да отпустит ей Бог грехи, пожаловала, что цех ткачей может иметь 2 дома, где можно заниматься ремеслом красильщиков и ткачей свободно без обязанности платить красильщикам какие-либо взносы, и что эти ткачи могут иметь рабочих и подмастерьев красильщиков без (слияния с цехом красильщиков и без уплаты причитающихся с последних взносов). И подобным же образом другие ткачи могут иметь рабочих и подмастерьев из красильщиков, чтобы окрашивать в другие цвета.

20. Когда ткач, красильщик в цвет гэд, умирает, парижский прево по совету мастеров и присяжных ткачей должен назначить на его место другого ткача, который будет иметь такое же право окрашивать материю в цвет гэд, какое имел первый. В цехе ткачей можно окрашивать материи в цвет гэд только в двух домах, и это пожаловала им королева Бланка, как выше сказано.

22. Ни один ткач не может ткать в Париже коричневых и белых камелэн, если основа и уток не одинаковой прочности, если они имеют меньше 2.200 ниток и 7 картье ширины. И если ткань имеет меньше 2.200 ниток, мастер подлежит 5 су штрафа, и если ткань не имеет ни достаточной ширины, ни 2.200 ниток, он подлежит 10 су штрафа, из которых король имеет половину, а старшина и присяжные другую половину за их труд и заботу.

23. Ни один ткач не может ткать в Париже полного сукна, если не одинаково прочны основа и уток, если в полной ширине ткани меньше 1.600 ниток и 7 картье ширины и 5 картье в основе, под угрозой вышеупомянутого штрафа.

25. Чистым сукном называют в Париже сукно, в котором основа и уток одинаковой прочности.

26. Все ткани, какого бы они ни были сорта сукна, должны быть по крайней мере 7 картье ширины, под угрозой вышеупомянутого штрафа.

29. Никто в Париже не может употреблять в работу шерсть и нитки, окрашенные в черный цвет котла, если снаружи нет другого цвета, ни белых ниток, окрашенных с помощью лакмусового ягеля, ни радужной шерсти, ни в основе, ни в окраске, если это не основа для сукон радужного цвета, без того, чтобы не подлежать штрафу в 5 су, половина королю, половина старшине и присяжным, ткачам или иным.

30. Расчесанный уток синего, коричневого, зеленого цвета нельзя ткать иначе, как на той же основе, т.е. на основе того же самого цвета, в который шерсть была окрашена и расчесана. И если он поступит иначе, подлежит 20 су штрафа, если он работает для себя, а если он работает не для себя, своей жены или для лиц, принадлежащих к его дому, или с целью перекрасить, должен уплатить вышеупомянутые 20 су штрафа и поклясться на св. Евангелии перед старшиной и присяжными, что он ни одной душе не продаст этого сукна, прежде чем не скажет ему без спроса об этом браке; и если он продает сукно и не говорит о браке, как он поклялся, старшина и присяжные должны дать знать об этом парижскому прево, и прево должен его наказать согласно его разумению. Из этих 20 су половину получает король, другую половину старшина и присяжные за их труд и заботу.

31. Никто при выделке сукна не может класть вместе с настоящею шерстью шерсть ягненка, и если он это сделает, подлежит 10 су штрафа за каждый кусок: половина королю, другая половина старшине и присяжным за их заботу и труды.

32. Все сукна должны быть целиком из шерсти и так же хороши в начале, как и в средине, и если они не таковы, тот, кому они принадлежат, подлежит за каждый кусок сукна 5 су штрафа, с какого бы они ни были станка; половина королю, половина старшине и присяжным за их заботу и труд.

34. Старшина и присяжные должны заставить принести в Шатлэ испорченное сукно, когда они его найдут, и тогда сукно должно быть разрезано на 5 кусков, каждый кусок в 5 он (aunes) 3, если в куске есть (столько мер).

И тогда старшина и присяжные отдают тому, чье было сукно, его куски, по приказу прево, при уплате вышеупомянутых 20 су штрафа.

36. Ни один ткач, едущий на Шампанские ярмарки, не должен продавать сукон из Сен-Дени, или Ланьи, смешав (их) с парижскими сукнами, ни в самом Сен-Дени, ни в рядах, которые парижские ткачи имеют на парижском главном рынке. И если бы он был в этом уличен, они были бы для него потеряны, и их получила бы местная юстиция, т.е. в Париже король, в Сен-Дени аббат и в других местах местная юстиция.

37. Ни один ткач не должен терпеть у себя или у кого-либо другого из членов цеха вора, убийцу или человека дурных нравов, который содержит любовницу в поле или дома. И если бы у кого-нибудь в городе оказался такой слуга, мастер или подмастерье, которым это было бы известно, должны дать знать старшине и присяжным цеха; старшина и присяжные должны уведомить прево, и прево, если ему будет угодно, должен заставить его очистить город. Но он не нашел бы никого, кто бы взял его на работу, если бы он не отказался от своего безумства.

38. Парижский ткач, если у него есть для продажи своих сукон лоток в рядах, должен уплачивать королю каждый год с каждого лотка 5 су алажа (halage): в средине поста два с половиной су и на св. Ремигия два с половиной су; (он должен уплачивать) каждую субботу с каждого лотка обол кутюма; на ярмарке Сен-Ладр, прежде чем ярмарка будет закрыта, он должен заплатить 5 су ларькового сбора. Уплатой этих 6 су он освобождается от платежа вышеупомянутого обола и тонлье за сукно, которое он покупает или продает, пока длится ярмарка. И следует указать, что каждый лоток не должен быть длиннее пяти картье; они не должны платить большей суммы алажа, ларькового сбора, ни майлей[4], сколько бы человек ни держало один лоток.

39. Ни один ткач не должен платить тонлье за сукно, продаваемое по частям.

40. Каждый ткач должен за каждую цельную штуку сукна, продаваемую в рядах, 6 денье в качестве тонлье. И столько же должен покупатель, если он покупает не для собственного употребления.

41. Каждый ткач должен за цельную штуку сукна, продаваемую в течение недели в его доме, 2 денье в качестве тонлье, если живет на королевской земле. Столько же должен покупатель, если покупает не для собственного употребления, за исключением недели епископа, когда каждый ткач, где бы он ни продавал, в своем доме или в рядах,

или в другом месте, должен (уплатить) 6 денье в качестве тонлье за каждую штуку сукна, и столько же тот, кто покупает, если покупает не для собственного употребления. Вышеупомянутый тонлье продавец не обязан получать или спрашивать с покупателя, если не хочет, и даже свой собственный взнос он не должен платить, если у него не спрашивают; за это во всех других землях, кроме королевской, с него не должны требовать никакого штрафа. Ткачи уплачивают тонлье в одном месте в большем, в другом в меньшем размере, как привыкли, за сукно, продаваемое в их домах в течение недели.

43. Каждый ткач должен за каждые шесть мотков ниток, которые он покупает на парижском рынке или в другом месте на королевской земле, один денье в качестве тонлье, столько же он должен, если продает. Если он их покупает на чужой земле, должен заплатить тонлье, согласно местным обычаям.

44. Если не ткач, а кто-нибудь другой, женщина или мужчина, покупает или продает нитки, должен с 18 денье – обол и ничего не должен с меньшей суммы, и сколько бы нитки ни стоили, вплоть до 9 ливров по весу, не должен больше обола, так как с 9 ливров следует платить только обол. И если они весят 9 ливров, и было не больше 17 лишних (связок) ниток, не должен больше обола. Итак, с большего количества больше, с меньшего меньше, от девяти до девяти ливров.

45. Ни один ткач не должен класть в работу грубых ниток и грубой шерсти[5], и если положит, подлежит 5 су штрафа, если это будет замечено во многих местах; из них 5 су – половину – получит король, половину присяжные.

47 (§, приписанный на полях). Никто из вышеупомянутого цеха не должен начинать работу раньше восхода солнца под угрозой штрафа в 12 денье мастеру и в 6 денье подмастерью, если только не в силу необходимости закончить штуку сукна; в этом случае подмастерье может прийти (раньше времени, но) лишь в течение одного дня.

48. Ночная королевская служба ткачей заключается в том, что старшина и ткачи платят 20 парижских су королю каждую ночь, когда они должны нести караул, и 10 парижских су тем, которые его несут, как в качестве их жалованья, так и в качестве жалованья страже Малого и Большого мостов; а также в том, что они ставят 60 человек в качестве караульных каждую ночь, когда обязаны нести караул.

49. Старшина цеха ткачей должен созывать ночной караул, и в этом отношении он является королевским служащим и должен это делать хорошо и честно, согласно присяге.

50. Ни один ткач не обязан ночной караульной службой, если ему минуло 60 лет или если жена его родила, и об этом он должен дать знать старшине цеха, который созывает караул от имени короля.

51. Подмастерья ткачи должны оставлять работу, как только прозвонит первый удар колокола к вечерне, в каком бы приходе они ни работали, но складывать работу они должны после молитвы (puis ses vespres).

53. Все вышеупомянутые штрафы должны быть уплачиваемы парижскому прево или его подчиненному. И из рук прево или его подчиненного присяжные должны за свои труды получать половину, как выше изложено.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1) Парижский ливр – 20 су, 1 су – 20 денье, 1 денье – 2 обола.
2) Camelin estanfort – материя из козьей шерсти и шелка, отсюда также «camelot» – камлот; затем вообще шерстяная ткань дикого цвета без окраски.
3) Особая краска синего цвета.
4) Мера длины (1,2 м).
5) Четверть денье.
6) Laine jardeuse – шерсть с длинным белым жестким волосом.

Социальная история средневековья. – Т. II: Деревня и город позднего средневековья / под ред. Е. А. Косминского и А..Д. Удальцова. – М.-Л.: Госиздат, 1927.

№ 5
ИЗ «РЕГИСТРОВ РЕМЕСЕЛ И ТОРГОВЛИ ГОРОДА ПАРИЖА»

Статут XI

О ювелирах и постановлениях их цеха

1. В Париже может быть ювелиром всякий, кто хочет и знает ремесло, лишь бы он работал по обычаям и кутюмам цеха, которые таковы.

2. Никто из парижских ювелиров не может работать с золотом, на котором нет парижской пробы, илис еще лучшим [золотом], и это пробированное золото превосходит всякое другое, где бы оно ни обрабатывалось.

3. Никто из парижских ювелиров не может обрабатывать в Париже серебро, если оно не такое, как английское или еще лучше.

4. Никто из парижских ювелиров не может иметь больше одного постороннего ученика, но из своей родни или родни своей жены, будь то дальней или близкой, он может брать столько, сколько захочет.

5. Никто из парижских ювелиров не может иметь родного или постороннего ученика меньше чем на 10 лет, если только ученик не обучен так, что он может зарабатывать в год 100 су[1] и на свое питье и еду.

6. Никто из парижских ювелиров не может работать ночью, если только эта работа не для короля, королевы, их детей и братьев или для парижского епископа...

12. ... Если три присяжных находят в цехе человека, который делает изделия из плохого золота или плохого серебра и не хочет раскаяться, трое присяжных приводят его к парижскому прево, и прево наказывает тем, что изгоняет его на четыре или шесть лет, в соответствии с тем, что он заслужил.

Статут XII

Об изготовителях оловянной посуды

1. Каждый, кто хочет быть в Париже изготовителем оловянной посуды, может свободно им быть, лишь бы хорошо и честно работал, и может он иметь столько подмастерьев и учеников, сколько хочет.

2. Никто из изготовителей оловянной посуды не может работать ночью или в праздничные дни, когда весь город празднует; а кто так поступит, обязан уплатить королю 5 су штрафа, так как ночного освещения недостаточно, чтобы он мог хорошо и честно делать работу своего ремесла.

3. Изготовитель оловянной посуды по праву должен делать всякие изделия своего ремесла только из хорошего и доброкачественного сплава, как дело этого требует; если же делает иначе, теряет изделие и уплачивает королю 5 су штрафа.

5. Никто не может и не должен продавать старые оловянне изделия за новые; а если кто так сделает, должен королю 5 су штрафа.

7. Изготовители оловянной посуды должны нести караул, если им меньше 60 лет...

Статут XIII

О веревочниках

1. Всякий, кто хочет, может быть в Париже веревочником, т.е. делать веревки из всякого рода волокон, липового лыка или волоса, лишь бы знал ремесло, имел средства и работал по обычаям и кутюмам ремесла, которые таковы.

2. Веревочники могут иметь столько подмастерьев, сколько им угодно, но они не могут иметь больше одного ученика, которого они должны взять не меньше чем на четыре года, но на больший срок они могут взять...

4. Никто из веревочников не может и не должен делать веревки какого бы то ни было сорта, кроме как целиком из одного материала, а именно: или всю из лыка, или всю из пеньки, или всю из льна, или всю из шелка, кроме веревок, которые де-

лаются из волоса, в которые добавляется пенька, чтобы веревки были лучше, дороже и дольше сохранялись.

5. Никто из веревочников не может и не должен смешивать старые веревки с новыми...

7. Никто из веревочников не может и не должен делать какие бы то ни было канаты, т.е. веревки, с помощью которых работники и лошади тянут суда против течения, если они не будут одинаковыми и хорошими как внутри, так и снаружи...

9. Каждый, кто нарушит что-нибудь из вышесказанного, уплатит королю 5 парижских су штрафа всякий раз, как нарушит, каждое плохое изделие, если будет сделано, сжигается...

11. Два присяжных имеют власть забрать все плохие изделия в их цехе от имени короля везде, где найдут, и отнести парижскому прево. Если кто-нибудь им сопротивляется, они должны на него указать и сообщить парижскому прево, и прево должен вышеупомянутым образом оштрафовать его за нарушение и за сопротивление.

Средние века: сборник. – М., 1958. – Вып. X. – С. 323–325, 351–356, 358–361. – Вып. XI. – С. 177, 205.

№ 6
ЗАПРЕЩЕНИЕ ВЫДЕЛКИ СУКОН В ДЕРЕВНЯХ

Маго, графиня Артуа и Бургундии... нашему Сент-Омерскому бальи.

Через посредство наших возлюбленных и верных старшин и эшевенов нашего города Сент-Омера нам было указано, что к ним явились трое с жалобой на то, что терпят производство сукон в селах вокруг города, что, как они говорят, противно общей пользе и запрету, который был прежде вынесен. Цех суконщиков этого города Сент-Омера начинает так падать и снижаться, что, если суконное производство вышеупомянутых сел будет еще долго терпимо, цех суконщиков в нашем городе Сент-Омере будет разорен, что большая часть людей среднего достатка, которые живут и поддерживают себя этим ремеслом, будет вынуждена покинуть город и искать в другом месте источников существования; поэтому нас умоляли старшины и эшевены, чтобы ввиду этого мы пожелали найти подходящее лекарство, так как вовсе неудобно ради обогащения сел терпеть разорения города, который должен быть и есть прибежище и защита окрестных сел. Принимая также во внимание, что если, как говорят старшины и эшевены, в селах совсем нет присяги относительно прозводства сукон такого качества, как им нравится и как бы они хотели, то благодаря этому под названием сукон Сент-Омера могут продавать и уже продают вырабатываемые в селах сукна, отчего, как они говорят, про суконное производство Сент-Омера распостраняется очень дурная слава. Мы вам предписываем и приказываем, чтобы вы, уверенные прежде всего повелительно и вполне, что это так, если вы находите противным обычаю нашего города и противным общей пользе, чтобы эти сукна подобным образом обрабатывались в упомянутых селах, приказываем, чтобы вы запретили и заставили запретить под угрозой сильного наказания по всем селам, чтобы с этих пор они не вырабатывали никаких сукон [и чтобы вы дали понять], что вы не потерпите их выработкии, если вы сожете найти, что прежде это было им запрещено, заставьте их заплатить нам соответсвующим образом штраф.

Дано в Париже, за печатью нашего секретаря, 8 марта, года 1323.

№ 7
3-Й ЦЕХОВОЙ УСТАВ ШЕЛКОТКАЧИХ КЕЛЬНА 1469 г. ИЮНЯ 20-ГО ДНЯ

Мы, бургомистры и совет города Кельна, объявляем всем, кому предстоит увидеть и услышать эту грамоту, нижеследующее:

Наши предки – бургомистры и совет города Кельна – в год от рождества господня 1437 в мае месяце, в понедельник, следующий за днем св. Люции, учредили женский шелкоткацкий цех, утвердили его на прочных законах и предписаниях и дали означенным ткачихам устав, приложив к нему городскую печать; в этом уставе содержалась оговорка, что если бургомистры и совет найдут его в чем-либо несоответствующим общему благу, то они в праве во всякое время, по мере надобности, расширить или сократить его. Устав был дан по предложению и нижайшей просьбе наших дорогих и верных бюргерш и жительниц из числа ткачих шелковых изделий, возбужденной ими из-за того, что ремесло, которым они занимались в течение ряда лет почетным и похвальным образом, стало приходить в заметный упадок, с одной стороны, из-за некоторых новшеств, с другой – из-за отсутствия у них до сих пор писаных законов, подобных тем, какими обладают другие ремесла; сверх того устав дан во славу всемогущего бога и нашего города, во имя общего блага и, наконец, ради того, чтобы купец, как свой, так и приезжий, не рисковал быть обманутым...

1. ...Ни одна женщина, принадлежащая к этому цеху, не имеет права занять положение главной мастерицы по выделке шелка, не проучившись и не прослужив три года в этом цехе. Учение она должна пройти у главных мастериц цеха... таким образом, что если она не уживется у одной мастерицы, то может продолжать учение у другой, не иначе однако, как с ведома цеха.

2. Все прослужившие три года в этом цехе могут стать главными мастерицами по выделке шелка... Главная мастерица имеет право обучать своих детей у себя дома в течение вышеуказанного времени; затем они могут вступить в цех, внеся один рейнский гульден. Другие же ученицы, закончившие срок учения, могут вступить в цех лишь под условием взноса двух рейнских гульденов, считая, что рейнский гульден равен 3 маркам и 5 шиллингам нашей кельнской валюты...

3. Главная мастерица имеет право держать у себя одновременно не больше 4 учениц... не считая ее собственных детей.

4. Ткачиха может обучать девушек ремеслу только у себя дома, держа их на своем иждивении, под угрозой исключения из цеха навсегда…

5. Если продавщица или ученица этого цеха произведет у хозяев хищение стоимостью в 2 кельнские марки, то она лишается права заниматься этим ремеслом...

6. Девушка, желающая изучить ремесло, должна уплатить цеху 1 марку для осведомления властей о том, что она приступила к учению, чтобы ее могли записать.

7. Запрещается вышеупомянутым мастерицам и их мужьям производить шелковые изделия из пряжи, изготовленной не в Кельне, и отдавать их красить. Нарушившие это правило караются отобранием шелка, половина которого поступает в пользу совета и бургомистра, а другая половина – в пользу старшин [мужского и женского пола] цеха. К тому же означенные лица теряют право в будущем заниматься производством шелковых изделий.

8. Красильщики шелка в нашем городе имеют право работать только для главных мастериц. Это постановлено для того, чтобы сохранить источники пропитания наших бюргеров, бюргерш и жителей. Красильщик шелка, нарушивший этот пункт, уплачивает 100 марок штрафа и подвергается в течение месяца заключению в городской башне. Мастерицам же запрещается давать ему работу, пока он не уплатит штрафа.

9. Запрещается окрашивать шелк... вайдой. Нарушивший это правило уплачивает 5 марок штрафа с каждого фунта шелка...

12. ...Ни ткачихи шелковых изделий, ни кто-либо по их поручению не имеют права изготовлять парчу, иначе как из парчевого шелка; уток должен быть из золота и серебра такого качества, как это принято в нашем городе. Нарушение этого правила карается 5 марками штрафа с каждого фунта шелка.

13. Шелковые шнуры разрешается делать лишь так, чтобы уток был из парчового шелка; при желании можно примешивать хороший шнуровой шелк. Нарушивший это постановление уплачивает 5 марок штрафа.

14. Запрещается примешивать к парче или шнурам крашеную или некрашеную пряжу. Нарушивший это правило теряет право заниматься выработкой шелковых изделий, а товар, изготовленный таким образом, сжигается.

16. Мастерицы, принадлежащие к шелкоткацкому женскому цеху, не имеют права отдавать шелк для прядения или другой обработки лицам, живущим вне Кельна, а также бегинкам и духовным, проживающим в монастырях и скитах... Нарушившие это правило лишаются права заниматься своим ремеслом.

17. ...Тем, которые за заработную плату прядут шелк, делают парчу или шнуры или как-либо иначе участвуют в изготовлении шелковых изделий, следует платить по обычной норме и не иначе, как деньгами, имеющими хождение в Кельне, а не каким-либо другим товаром. Нарушивший это правило уплачивает штраф в размере стоимости того товара, за производство которого была дана заработная плата.

19. Главным мастерицам разрешается красить только собственный шелк. Нарушившие это постановление лишаются права заниматься ремеслом...

20. Все лица, принадлежащие к этому цеху, обязаны оказывать повиновение старшинам во время обхода, совершаемого этими последними для осмотра шелка и шелковых заведений. Оказавший сопротивление словом или делом платит рейнский гульден штрафа и тем не менее все-таки должен представить свою работу старшинам для суждения о ней.

21. Если старшины найдут, что работа неправильно исполнена и не является добротным товаром, то они отбирают его и представляют властям. Тот, у кого найдено это изделие, должен сам разрезать его на куски и сверх того уплачивает с каждого лота по 2 шиллинга штрафа.

22. Лица, не принадлежащие к женскому шелкоткацкому цеху и продающие в Кельне шелк и шелковые изделия, должны следить за тем, чтобы они были хорошего качества и являлись добротным товаром. Если старшины при осмотре найдут, что это не так... то продавец такого плохого шелка платит с каждого фунта 4 марки штрафа.

23. Каждый год главные мастерицы совместно выбирают двух мужчин, которые занимаются торговлей, и двух женщин, принадлежащих к этому цеху, в старшины; однако муж и жена не могут одновременно занимать должность старшин... По окончании срока старшины лишь два года спустя могут быть вновь избраны на эту должность. Они обязаны собираться каждые две недели для обсуждения дел, касающихся цеха, и творить суд по мере надобности. Каждый из них получает по 4 шиллинга вознаграждения за каждое заседание.

Немецкий город: сб. материалов / под ред. В.В. Стоклицкой-Терешкович. – М., 1936. – С. 25–29.

№ 8
КУПЕЧЕСКАЯ ХАРТИЯ 1303 г.

Эдуард, милостью божьей король Англии, лорд Ирландии и герцог Аквитании, обращается к архиепископам, епископам, аббатам, приорам, графам, баронам, шерифам, стюардам, чиновникам, бейлифам и ко всем своим подданным. Заботясь о благополучии купцов из нижеперечисленных королевств, земель и провинций, а именно: Германии, Франции, Испании, Португалии, Наварры, Ломбардии, Тосканы, Прованса, Каталонии, нашего герцогства Аквитания, Тулузы, Фландрии, Брабанта и всех других иностранных земель, под каким бы именем они ни были известны, мы желаем, чтобы

эти купцы могли, находясь под нашим покровительством и защитой, свободно прибывать в наши владения. Прибывающих купцов мы намерены использовать для службы нам и нашему королевству.

Мы благосклонно отнеслись к многочисленным прошениям этих купцов и решили от нашего имени и от имени своих наследников пожаловать им следующие свободы и привилегии.

Прежде всего все купцы, пользуясь нашим покровительством, могут свободно приходить в наше королевство Англию и другие наши владения с любыми товарами. При этом они не должны платить пошлины за ремонт стен и мостов, а также за мощение улиц.

В наших землях и городах эти купцы могут торговать оптом как с натурализовавшимися лицами (denizens) или жителями нашего королевства, так и с иностранцами, чужаками (strangers) и другими лицами. Однако такие товары, которые обычно называют мерсери (mercere), или пряности (species), они могут продавать в розницу, как делали это прежде.

Кроме того, все эти купцы могут свободно распоряжаться своими товарами, отправлять или перевозить их куда им будет угодно. Купцам разрешается везти свои товары в любые страны, за исключением тех, жители которых являются врагами короля. Вывозить товары позволено только после уплаты надлежащих пошлин. Единственным исключением является вывоз вина, которое, если его доставили в Англию любым законным способом, не может быть вывезено из королевства без специального разрешения и королевского позволения.

Все вышеупомянутые купцы могут свободно селиться во всех городах и останавливаться в них, получив согласие тех, кому принадлежат постоялые дворы и дома.

Любой контракт, заключенный между купцами и другими людьми, откуда бы они ни были, относительно товаров любого рода, должен быть прочным и нерасторжимым, чтобы ни один купец не мог отказаться от заключенного ранее контракта или расторгнуть его после того, как договаривающиеся стороны дали и получили "божий пенс". И если возникнет спор по такому контракту, судебное разбирательство должно проводиться по правилам и обычаям тех ярмарок и городов, где этот контракт был заключен и зарегистрирован.

Обещаем этим купцам, что ни под каким предлогом не будем причинять им ущерб арестами или конфискациями товаров по праву захвата. Если же в случае создавшейся необходимости товары будут захвачены, то купцам будет немедленно уплачена та цена, за которую купцы могли бы продать их на рынке, или товары будут возмещены другим образом, но так, чтобы сами купцы при этом были удовлетворены. При этом ни мы, ни наши чиновники не должны оценивать или определять стоимость их товаров.

Мы постановляем, чтобы все бейлифы и чиновники ярмарок и городов оказывали этим купцам каждый день быстрое правосудие в соответствии с купеческим правом по всем отдельным искам, которые относятся к компетенции этого права. И если окажется, что вышеупомянутые бейлифы и чиновники причинят беспокойство купцам, задержав их товары, то виновные в причинении убытка должны быть наказаны, даже если купцы и получат полное возмещение ущерба. В этом случае штраф, наложенный на чиновников и бейлифов, должен поступать пострадавшим купцам, чтобы ускорить для них правосудие.

Все судебные иски, по которым купцы являются истцами или ответчиками, кроме уголовных преступлений, наказанием за которые является смертная казнь, должны рассматриваться судом присяжных. Половину состава суда присяжных должны составлять люди из тех земель, откуда сам купец, а другую половину – добропорядочные и честные люди из того места, где был подан иск. Если в том месте, где должен состояться суд, не окажется достаточного числа купцов из вышеназванных земель, то их должны заменить теми, кого найдут подходящими для этого.

Мы предписываем, чтобы во всех торговых городах и на ярмарках нашего королевства в определенных местах были установлены весы. Перед взвешиванием продавец и покупатель должны видеть, что чашки весов пусты, и, когда весовщик убирает руки, чашки весов должны находиться на одном уровне. Во всем нашем королевстве должен быть один вес и одна мера, подлинность которых должна подтверждаться нашей печатью. Каждый желающий может иметь у себя весы для взвешивания не более 25 фунтов веса, если это не противоречит праву лорда того места, где он проживает, и не ущемляет привилегии, пожалованные нами, а также обычаи, соблюдаемые в городах и на ярмарках.

Далее, если шерифы и мэры не будут постоянно оказывать купцам полное и быстрое правосудие, мы желаем, чтобы был назначен судьей для этих купцов честный и благоразумный человек, проживающий в Лондоне, к которому они могли бы обратиться и получить быстрое возмещение долгов. При разбирательстве спорных дел, в которых участвуют купцы, этот судья должен руководствоваться купеческим правом, даже если спорные вопросы, возникающие между купцами, не указаны в этой хартии.

Повелеваем, чтобы эта хартия строго соблюдалась, и любые привилегии, которые мы или наши наследники будем жаловать, не должны ущемлять вышеперечисленные свободы и освобождения от пошлин и поборов.

За предоставленные привилегии и освобождения от пошлин купцы единодушно согласились платить следующие пошлины:

– 2 ш. сверху "старой пошлины" с каждой бочки вина, которую эти купцы привезут в наше королевство и за перевоз которой платят фрахт (frettum) морякам. Эта пошлина должна быть выплачена в течение 40 дней после того, как вино выгружено с корабля на берег;

– с каждого тюка[1] шерсти или 300 овечьих шкур, которые сами купцы или другие для них будут покупать и вывозить из нашего королевства, они должны платить дополнительно 40 п. сверх "старой пошлины" в половину марки, которую прежде до этого платили;

– половину марки за каждый ласт кож, вывозимых из нашего королевства, сверх того, что до этого платили;

– 2 ш. с каждого куска сукна, называемого "скарлет"[2] (scarlata) или полностью окрашенного красителем "грейн"[…].

И поскольку некоторые из этих купцов торгуют и другими товарами, такими, как мелкие и дорогие товары, сукна из Тарса, шелк, сандал, зерно, лошади и другие животные и товары, на которые трудно установить фиксированную пошлину, эти купцы согласились платить с перечисленных товаров стоимостью в 1 фунт 3 пенса за ввоз этих товаров в наше королевство в течение 15 дней после того, как товары доставлены, разгружены или проданы, и подобным образом с вывозимых товаров.

При уплате пошлины в 3 п. с товаров стоимостью в 1 фунт этим купцам должно оказываться доверие, если купцы предъявят гарантийные письма от своих лордов или товарищей. В том случае, если купец не имеет таких грамот, он должен дать клятву, что заплатит пошлину. В отсутствие купца клятву должен дать его слуга.

Кроме того, разрешается членам купеческих товариществ продавать и покупать шерсть друг у друга внутри нашего королевства без уплаты пошлины. Однако так, чтобы это не наносило ущерба нашим пошлинам.

---

[1] *В один тюк (sack) входило 300 овечьих шкур или шерсть, полученная со стрижки 300 овец. Ласт кожи-200 кож.*

[2] *Скарлет – дорогое шерстяное сукно, окрашенное красителем, называемым "грейн". Этот дорогостоящий краситель получали из высушенных личинок жучков, которые жили только в коре вечнозеленых дубов. Основными районами, откуда доставлялся краситель в Западную Европу, были Пиренейский полуостров, Малая Азия и Северная Африка.*

Да будет известно, что после того, как эти купцы один раз заплатят пошлину, они должны быть свободны от уплаты за свои товары в других местах нашего королевства, несмотря на то, остаются ли товары в королевстве или вывозятся.

От своего имени и имени своих наследников мы приказываем, чтобы купцы не платили ничего сверх установленных пошлин. У них запрещается вымогать деньги и брать товары по праву захвата.

Дано нашей рукой в Виндзоре 1 февраля в 31 год нашего правления.

Купеческие хартии в Англии в начале XIV в. // Средние века – М., 1992. – № 55.

СЕМИНАР 8
ФРАНЦИЯ В X–XIII вв. ВАССАЛЬНО-ЛЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Направление семинара:
Вассально-ленные отношения. Рыцарство

1. Источники по истории вассально-ленных отношений и рыцарства.
2. Вассально-ленные отношения: общее и особенное.
3. Возникновение и отличительные черты рыцарства.
4. Повседневная жизнь и быт рыцарства.
5. Рыцарская этика и ее историческая роль.

Вассально-ленные отношения и рыцарство – неотъемлемая часть истории средневековой Западной Европы. Документы, выбранные для семинара, позволяют достаточно подробно рассмотреть основные черты вассально-ленных отношений. Наиболее чистым воплощением феодального права было законодательство Латинского Востока – «Иерусалимские ассизы», что связано с определенной искусственностью самих государств крестоносцев, правовые нормы которых были как бы «пересажены» из Франции на совершенно иную почву. Будет интересным ознакомиться с характеристикой вассальных отношений, описанных в «Иерусалимских ассизах», данной М.А. Заборовым (Ридер, № 9). Рассматривая вассально-ленные отношения, следует обязательно привлечь материал из монографий М. Блока и Ю. Л. Бессмертного (См. Ридер, № 22).

Больший интерес представляет «Книга о рыцарском ордене» Рамона Льюля. Постоянно привлекают внимание историков вопросы о роли войны в жизни рыцарей, о причинах их воинственности. Статья Ю. П. Малинина позволит рассмотреть вопрос о формировании и эволюции рыцарской этики. Используя документ из монографию Ж. Ле Гоффа «Средневековый мир воображаемого» можно показать отношение церкви к турнирам.

Источники

1. Жизнеописание трубадуров. – М., 1993.
2. Зарубежная литература Средних веков. – М., 1974.
3. Песни трубадуров. – М., 1979.
4. Песнь о Роланде. – Разн. изд.
5. Хрестоматия по истории средних веков. – Т. 1. – М., 1961. (И другие издания).

Литература

1. Ауров, О.В. Образ жизни кастильского рыцаря XIII в. / О. В. Ауров // Вопросы истории. – 2003. – № 8. – С. 56–63.

2. Бессмертный, Ю.Л. Казус Бертрана де Борна, или «Хотят ли рыцари войны?» / Ю.Л. Бессмертный // Казус. – М., 1999. – С. 131–147.

3. Блок, М. Феодальное общество / М. Блок. – М, 2003. – Главы 2,3.
4. Добиаш-Рождественская, О.А. Крестом и мечом. Приключения Ричарда I Львиное Сердце / О.А. Добиаш-Рождественская; послесл. Б. С. Кагановича. – М. 1991.
5. Кардини, Ф. Истоки средневекового рыцарства / Ф. Кардини. – М., 1987. – С. 338–360.
6. Ле Гофф Ж. Символический ритуал вассалитета / Ж. Ле Гофф // Другое Средневековье. – Екатеринбург, 2000. – С. 211–262.
7. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого / Ж. Ле Гофф; пер. с фр.; общ. ред. С. К. Цатуровой. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. – Раздел 4. – С. 304–216.
8. Лучицкая, С.И. Рыцарство – уникальный феномен западноевропейского Средневековья / С. И. Лучицкая // Одиссей: Человек в истории. – 2004.
9. Малинин, Ю.П. Рыцарская этика в позднесредневековой Франции (XIV–XV) / Ю.П. Малинин // Средние века. – 1992. – Выпуск 55. – С. 195–213.
10. Оссовская, М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали / М. Оссовская. – М., 1987.
11. Средневековая Европа глазами современников и историков. – Ч. 2. Раздел 2; Ч. 3. Раздел 2. – М., 1995.
12. Средневековый мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник / Смирнова Е. Д. [и др.]. – Минск: Беларусь, 1999.

ДОКУМЕНТЫ К СЕМИНАРУ № 8

НАПРАВЛЕНИЕ СЕМИНАРА: ВАССАЛЬНО-ЛЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ. РЫЦАРСТВО

№ 1
ОДОН, ГРАФ БЛУА, КОРОЛЮ РОБЕРТУ (1025 г.)

Государю своему, Роберту королю, граф Одон... Граф Ричард, вассал твой, увещевал меня явиться для суда или соглашения по поводу споров, которые ты со мною имел, и я передал все это дело в его руки. Тогда он, с твоего согласия, назначил мне срок для суда... Но с наступлением срока, когда я готов был отправиться, уведомил он меня, чтобы я не трудился являться на суд, как было условлено, ибо неугодно де принимать тебе другого оправдания или соглашения, кроме как того, чтобы признать меня недостойным держать от тебя какой бы то ни было феод… Но удивляешь ты меня очень, государь мой, как столь поспешно, не разобрав дела, присудил ты меня недостойным феода твоего? Ведь, если дело касается условий происхождения, то, благодарение Богу, родовитость есть у меня. Если дело касается качества феода, который ты мне дал, то известно, что не из твоих он владений, но из того, что мне, по милости твоей, от предков моих перешло по наследству. Я служил тебе и при дворе, и в войске, и на чужбине. Если же потом, когда ты наложил на меня опалу и данный мне феод порешил отобрать, я, обороняя себя и феод свой, нанес тебе какие-либо обиды, то ведь совершил я это раздраженный несправедливостью и вынужденный необходимостью. Ибо, как же я могу оставить и не оборонять феода своего? Бога и душу свою ставлю в свидетели, что лучше предпочту умереть на своем феоде, нежели жить без феода. Если же ты откажешься от замысла меня феода лишить, ничего более на свете я не буду желать, как заслужить твою милость.

№ 2
ПАВИЙСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ 1037 г. (ИЗ «КНИГИ ФЕОДОВ»)[1]

КНИГА 1

Глава 1. О тех, которые могут давать феод и которые не могут. Как феод получается и как удерживается

Так как мы собираемся вести речь о феодах, рассмотрим сперва, кто может давать феод. А давать феод могут: архиепископ, епископ, аббат, аббатисса, пробст, если право давать феод было у них исстари. Также могут давать феод: герцог, маркграф, граф...

Рассмотрев лица, рассмотрим, каково было начало феодов. В отдаленнейшее время зависело от власти господ, когда им будет угодно отобрать вещь, данную ими в феод. После этого пришли к тому, что феод был неотъемлем только год. Затем установилось, что феод держался в течение всей жизни вассала. Но так как феод не переходил к сыновьям по праву наследования, то дальше пришли к тому, что он стал переходить к сыновьям, а именно к тому из них, за которым сеньор хотел укрепить бенефиций. Ныне же установилось так, что он переходит одинаково ко всем.

Глава 5. Каким образом утрачивается феод

Теперь посмотрим, как феод утрачивается. Если сеньор будет сражаться в открытом бою, а вассал покинет его в самом бою не мертвого и не смертельно раненого, то вассал лишается феода. Равно, если вассал наставит рога своему сеньору, или замыслит сделать это, или срамно поиграет с его женой, или если вступит в связь с его дочерью, либо с внучкой по сыну, либо с его невесткой, либо с сестрой сеньора, то по закону лишается феода. Равным образом, если нападет на сеньора или замок его, зная, что там находится сеньор или жена сеньора. Равно, если убьет его брата или племянника, то есть братнего сына.

Глава 7. О природе феода

Природа феода такова, что если государь инвестировал каким-либо феодом, то он не может лишить феодов без вины.

То же самое, если инвеститура совершена..., старшими вассалами .. Если же инвеститура совершена меньшими или самыми младшими вассалами, тогда иное дело. Таких можно лишать феода без всякой вины, если только они не находятся в Римском походе. В таком случае к меньшим вассалам отношение то же, что и к большим. Нельзя также, если они купили себе феод. Тогда надо вернуть его цену согласно давнему и разумному обычаю. Нынешние же различают не так тонко и говорят, что к меньшим вассалам надо применять то же, что сказано про старших.

Глава 13. Об отчуждении феода

Если вассал захочет произвести отчуждение части своего феода до половины, без разрешения сеньора, он волен сделать это. Дальше половины он идти не может, согласно справедливому и правому обычаю, иначе он теряет феод, а сделка его будет недействительной.

Глава 21 Феод без вины не утрачивается

Мы постановляем, чтобы ни один рыцарь не утрачивал своего бенефиция без установленной вины, если он приговором своих равных не будет уличен в нарушении

---

[1] *В 1037 г. Конрад II утвердил в Ломбардии так называемую Павийскую конституцию, или «Книгу феодов», которая была принята в качестве законов, санкционирующих систему феодальных держаний в Германии.*

обязательств, обычно перечисляемых рыцарями, когда они приносят присягу верности своим сеньорам, либо если он не откажется служить сеньору, тогда по выяснении проступка назначается срок для истребования феода, с которого он не служит сеньору. Ибо если будет установлено, что он не служил своему сеньору 20 лет и более, а сеньору в этой службе не было нужды, то он не теряет феода...

№ 3
ИЗ КНИГИ ЖАНА Д'ИБЕЛИНА («ИЕРУСАЛИМСКИЕ АССИЗЫ», XII–XIII вв.)

Глава CXCV

Когда кто – мужчина или женщина – вступает в вассальную зависимость от верховного сеньора королевства, он должен стать перед ним на колени, соединить свои руки и, вложивши их в руки сеньора, сказать ему: "Сир, вот я становлюсь вашим ближним вассалом за такой-то феод – и назвать феод, за который признает свою вассальную зависимость, – и вот я обещаю вам защищать и оберегать вас против всех людей, какие [только] будут жить и умрут". А сеньор в ответ ему должен сказать: "Принимаю вас в вассальную зависимость с соблюдением верности богу и мне, при условии ненарушения прав моих". И должен облобызать его в уста в ознаменование верности. Но если тот, кто делается вассалом верховного сеньора, как это изложено выше, раньше признал свою вассальную зависимость от другого [сеньора] – мужчины или женщины, – вассала или невассала верховного сеньора, он должен при вступлении в [новую] вассальную зависимость оговорить свою верность ему, ибо никто, вступивши уже раз в вассальную зависимость, не может потом стать вассалом другого, не оговоривши верности своему первому сеньору и не испросивши на то у него разрешения; иначе он нарушит верность тому, вассалом которого он сделался ранее. И каждый вассал, будь то мужчина или женщина, должен... защищать и оберегать своего сеньора против всех...

Посему вменяется ему, как мне кажется, в обязанность не поднимать и не заставлять поднимать руку на особу сеньора, а также не терпеть и по мере сил не допускать, чтобы кто-либо другой делал это. Нельзя также брать, ни заставлять брать и удерживать что-либо из имущества сеньора без его разрешения и вопреки его воле, если только это не делается по приговору и с ведома курии сеньора... И не должны ни мужчина ни женщина действовать против своего сеньора советом.., а также поднимать оружие против сеньора, кроме как совместно с другим своим сеньором, которому обязаны они верностью так же, как и тому. И нельзя умышленно наносить ущерб чести и причинять материальный вред своему сеньору, ни терпеть.., чтобы другой делал это... И надлежит честно подавать своему сеньору совет по своему разумению всякий раз, как сеньор будет обращаться с просьбою о совете.

Глава CXCVI

Сеньор не должен ни лично, ни через других налагать руку на особу и на феод своего вассала иначе, как по разбирательству и с ведома курии. И обязан он, как мне кажется, соблюдать по отношению к своему вассалу, в силу верности между ними, все то вышеизложенное, что вассал обязан соблюдать по отношению к сеньору; ибо между сеньором и вассалом нет ничего, кроме верности, и эту верность должны они тщательно и обоюдно блюсти при всех вышеизложенных обстоятельствах... Обязанность вассала – отдавать себя в заложники за своего сеньора для вызволения его из темницы, если сеньор будет просить о том лично либо через какого-либо вестника. И всякий, кто признал себя вассалом другого, в случае, если сеньор его окажется во время битвы пешим среди врагов или иначе подверженным опасности смерти, либо лишению свободы,

обязан в силу своей верности по чести приложить все силы к тому, чтобы снова посадить его на коня и спасти от этой опасности. И если он не сможет сделать этого по другому, обязан уступить ему по его просьбе собственного коня или другое животное, на котором пошел в поход, помочь ему сесть верхом и всеми силами оказать содействие спасению его особы. Если же кто не выполнит по отношению к своему сеньору вышеназванных обязательств, он нарушит по отношению к нему свою верность, и если сеньор сможет доказать это жалобой в курии, он может поступить с ним как с человеком, уличенным в нарушении верности. А кто выполнит по отношению к сеньору названные обязательства, сеньор должен по своей верности приложить все силы к освобождению того или тех из вассалов своих, кои дали ему возможность снова сесть на коня, или того или тех из вассалов своих, кои отдали себя в заложники, дабы освободить его... И каждый, кто держит от другого феод и потому состоит вассалом его, обязан по ассизе отвечать за долги сеньора своего и быть поручителем за него до такой суммы, какую можно было бы получить при продаже по справедливой цене феода, который он от него держит и за который он состоит в его вассальной зависимости. А кто не выполнит этих обязательств по отношению к своему сеньору, теряет, как полагаю, на всю свою жизнь феод, который от него держит.

Глава CCXI

Если кто состоит в вассальной зависимости от многих сеньоров, можно ему, не нарушая верности, при всяких обстоятельствах и всякими способами помогать первому своему сеньору против всех этих других, ибо стал он вассалом других с сохранением верности первому. Точно таким же образом может он помогать и каждому из прочих сеньоров, не затрагивая, однако, первого и не затрагивая тех, чьим вассалом он стал раньше того, кому желает оказывать помощь.

Глава CCXVI

Вот службы.., которыми обязаны вассалы перед своим сеньором, коему должны они лично служить за данные им феоды, когда посылает он им оповещение лично или через других, как то полагается. Должны они идти служить, по его вызову, конно и оружно во всех местах королевства, куда он позовет их... И тот, кто обязан служить лично с рыцарем или слугою, должен нести службу по всему королевству.., если оповещение ему было сделано правильно. И если вассал призван в курию, он должен идти подавать совет тому или той, кого сеньор укажет, если это только не будет его противник или если тяжба не касается его лично, ибо никто не обязан показывать против себя самого, хотя бы было на то приказание сеньора или кого другого. Должен также участвовать [вассал] в разбирательствах, дознаниях и исках курии, если сеньор то приказывает; должен идти свидетельствовать убийства, если сеньор прикажет ему идти от имени курии; должен присутствовать по приказанию сеньора при освидетельствовании побоев, в которых обвиняют сеньора, с намерением принести на него жалобу перед курией..: и должен нести всякую другую службу, какую обязаны нести члены курии как таковые, когда сеньор им прикажет... Женщина же, которая держит феод, обязанный личною службою, служит сеньору в том смысле, что должна идти замуж по указанию сеньора, если он ей укажет, что она должна выйти замуж. Когда же она вступит в брак, муж ее обязан нести сеньору все вышеперечисленные службы...

Глава CCXXVI-bis

Какими службами обязан сеньору вассал, если он преступил (предельный) возраст или очевидным образом изувечен.

Существует ассиза и обычай, согласно которым все рыцари, переступившие шестидесятилетний возраст или очевидным образом изувеченные, от личной службы освобождаются, и если таковой извинится тем, что он переступил возраст, сеньор взамен его личной службы… всякий раз при оповещении будет брать у него на военные нужды коня и оружие, и если он вчиняет иск или отвечает по делу, по которому полагается поединок, он не обязан защищаться через заместителя, если не согласится на то добровольно.

Учебно-методический комплекс по истории Средних веков: в 5 кн. / под ред. В.А. Ведюшкина. – М.: КДУ, 2008. – Книга 4. – С. 191–196.

№ 4
ИЗ «КНИГИ О РЫЦАРСКОМ ОРДЕНЕ» РАМОНА ЛЬЮЛЯ

Рамон Льюль (1235-1315) – каталанский миссионер, философ, теолог, один из самых влиятельных и оригинальных мыслителей европейского Средневековья.

Часть 1. О предназначении рыцарства

9. Столь высоки достоинства рыцарского ордена, что не только вступают в него наиблагороднейшие люди, обладающие наиблагороднейшими конями и наиблагороднейшим оружием, но стало само собой разумеющимся, что люди, принадлежащие к рыцарскому ордену, становятся сеньорами.

10. Быть избранным, иметь коня, доспехи и быть господином еще недостаточно для того, чтобы претендовать на высокую честь принадлежности к рыцарству, ибо рыцарь нуждается также в оруженосце и стремянном, которые заботились бы о нем и о его конях. Необходимо также, чтобы кто-то пахал, перекапывал землю и выпалывал сорняки, дабы давала она плоды, которыми питаются рыцарь и его кони; следует ему также ездить верхом, вести жизнь сеньора и находить усладу в том, что приносит тяготы и заботы его подданным.

12. Наука и школа рыцарства предписывают рыцарю позаботиться о том, чтобы сын его в юном возрасте был обучен верховой езде, ибо, не овладей он этим искусством в юности, в старости он им уже не овладеет. Необходимо также, чтобы сын рыцаря, будучи оруженосцем, приучился ухаживать за конем; желательно также, чтобы сын рыцаря, прежде чем стать господином, побывал в подчиненных и привык прислуживать господину, ибо как же иначе, став рыцарем, узнал бы он, в чем заключается достоинство сеньора. Поэтому следует рыцарю отдать своего сына в услужение к другому рыцарю, дабы научился он прислуживать за столом и в походе, равно как приобрел иные рыцарские навыки.

13. Подобно тому, как желающий стать плотником должен поступить в подмастерья к плотнику, а желающий стать сапожником поступить в подмастерья к сапожнику, тот, кто искренне помышляет о рыцарском ордене, должен поступить в услужение к рыцарю; ибо если бы оруженосец, вознамерившийся стать рыцарем, осваивал бы науку рыцарства у кого бы то ни было, но только не у рыцаря, это было бы столь же несуразно, как если бы плотник обучал тонкостям своего ремесла того, кто готовится стать сапожником.

Часть 2. Об обязанностях рыцаря

9. Рыцари обязаны отстаивать справедливость, ибо если судьи призваны устанавливать справедливость, то рыцари призваны справедливость отстаивать. В том же случае, если рыцарь будет до такой степени в ладах с науками, что овладеет знаниями, необходимыми для судьи, этому рыцарю следовало бы стать судьей; ибо тот, кто способен отстаивать справедливость, лучше других может ее и устанавливать; тем самым рыцарь вполне достоин быть судьей.

10. Рыцарь должен ездить верхом, участвовать в турнирах, биться на копьях, носить доспехи, всегда быть готовым к поединкам, пировать с равными себе, владеть мечом, охотиться на оленей, медведей, кабанов, львов, а также уметь многое другое в том же роде, что входит в обязанности рыцарей; ибо все это способствует тому, что рыцари привыкают к ратным делам и приучаются отстаивать рыцарские установления. Другими словами, пренебрегать тем, что позволяет рыцарю как нельзя лучше выполнять свои обязанности, означает пренебрегать рыцарским орденом.

22. Рыцарь обязан иметь замок и коня, дабы мог он охранять дороги и защищать крестьян. Рыцарь обязан иметь села и города, дабы отстаивать справедливость среди вверенных ему жителей и дабы собирать в одном месте плотников, кузнецов, сапожников, булочников, торговцев и людей иных профессий, занимающихся в этом мире своим делом, каждое из которых по-своему отвечает нуждам человека. Отсюда следует, что рыцари, именно для того, чтобы оказаться способными выполнять свои обязанности, обеспечены и замками, и селами, и городами; между тем, если бы обязанности рыцаря заключались в том, чтобы разрушать села, замки и города, сжигать и рубить леса и посевы, резать скот и грабить на дорогах, то изменой рыцарству было бы строить и создавать замки, крепости, села и города, защищать крестьян, содержать сторожевые башни для охраны дорог и многое в этом же роде; тем самым получалось бы, что цели, которые ставили перед собой при создании рыцарства, совпадали бы с изменой рыцарству и с его полной противоположностью.

Рыцари должны преследовать изменников, воров и грабителей; ибо подобно топору, который был создан для того, чтобы им рубили деревья, рыцарь призван истреблять дурных людей. Отсюда следует, что если сам рыцарь является грабителем, вором и изменником, а грабители и воры должны истребляться и пленяться рыцарями, то рыцарь, являющийся вором, изменником и грабителем, дабы отвечать своему предназначению, должен не кого-либо другого, а самого себя убить или пленить; в том же случае, если бы он, со всей строгостью соблюдая свои рыцарские обязанности по отношению к другим, отказался со всей строгостью отнестись к самому себе, то и предназначение рыцарского ордена скорее бы распространялось на других людей, а не на него самого. В то же время коль скоро абсолютно неестественно, чтобы кто-либо сам себя убивал, то рыцаря, оказавшегося вором, изменником и грабителем, должен убить и уничтожить другой рыцарь. Рыцарь же, который укрывает и поддерживает рыцаря, оказавшегося изменником, грабителем и вором, не отвечает своему предназначению; ибо если бы он в этом случае ему отвечал, то, убивая и истребляя воров и изменников, не являющихся рыцарями, он действовал бы вопреки своему предназначению.

Часть 3. Об испытаниях, которым должен быть подвернут оруженосец, вознамерившийся быть посвященным в рыцари

11. Принимая оруженосца в рыцари, надлежит справляться о его нравах и обычаях; ибо если за худые нравы недостойных рыцарей изгоняют из рыцарского ордена, то тем более не стоит дурного оруженосца принимать в рыцари, чтобы потом его за недостойные поступки и подлый нрав изгонять.

13. Надлежит выяснить, с какой целью оруженосец хочет стать рыцарем; ибо если он добивается рыцарства, дабы разбогатеть, получить владение или же прославиться, а не затем, чтобы принести славу рыцарству или же славным рыцарям, покрывающим ее славою, то в стремлении к рыцарству он стремится его ославить, и его бесславное стремление к тому, чтобы рыцарство принесло ему богатство, благополучие и славу, недостойно.

14. Оруженосец, алчущий рыцарства, должен знать о грузе ответственности, с рыцарством сопряженном, и о тех опасностях, которым подвергаются вознамерившиеся стать рыцарями и выполнять рыцарский долг. Ибо не столько смерти должен бояться рыцарь, сколько позора…

15. Не бывает рыцарей без доспехов, отличает рыцарей достойное поведение, и связаны с рыцарством большие расходы. Поэтому не может быть рыцарем безоружный оруженосец, не располагающий определенными средствами, ибо из-за нехватки денег он не сможет приобрести доспехов, а из-за недостатка доспехов и средств он станет грабителем, изменником, вором, лжецом, лицемером, и ничего в нем не будет от рыцарства.

Рамон Льюль. Книга о любящем и возлюбленном. Книга о рыцарском ордене. Книга о животных. Песнь Рамона. – СПб., 1997. – С. 79, 86, 93, 103–104.

№ 5
СТИХОТВОРЕНИЯ ТРУБАДУРА БЕРТРАНА ДЕ БОРНА

5.1

Мила мне радость вешних дней,
И свежих листьев, и цветов,
И в зелени густых ветвей
Звучанье чистых голосов, –
Там птиц ютится стая.
Милей – глазами по лугам
Считать шатры и здесь и там
И, схватки ожидая,
Скользить по рыцарским рядам
И по оседланным коням.

Мила разведка мне – и с ней,
Смятенье мирных очагов,
И тяжкий топот лошадей,
И рать несметная врагов.
И весело всегда я
Спешу на приступ к высотам
И к крепким замковым стенам,
Верхом переплывая
Глубокий ров, – как, горд и прям,
Вознесся замок к облакам!

Лишь тот мне мил среди князей,
Кто в битву ринуться готов,
Чтоб пылкой доблестью своей
Бодрить сердца своих бойцов,
Доспехами бряцая.
Я ничего за тех не дам
Чей меч в бездействии упрям,
Кто, в схватку попадая,
Так ран боится, что и сам
Не бьет по вражеским бойцам.

Вот, под немолчный стук мечей
О сталь щитов и шишаков,
Бег обезумевших коней

По трупам павших седоков!
А стычка удалая
Вассалов! Любо их мечам
Гулять по грудям, по плечам,
Удары раздавая!
Здесь гибель ходит по пятам,
Но лучше смерть, чем стыд и срам.

Мне пыл сражения милей
Вина и всех земных плодов.
Вот слышен клич: "Вперед! Смелей!"
И ржание, и стук подков.
Вот, кровью истекая,
Зовут своих: "На помощь! К нам!"
Боец и вождь в провалы ям
Летят, траву хватая,
С шипеньем кровь по головням
Бежит, подобная ручьям...

На бой, бароны края!
Скарб, замки – всё в заклад, а там
Недолго праздновать врагам!

Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. – М., 1974. – С. 94–95.

5.2 Сирвента

Мужики, что злы и грубы,
На дворянство точат зубы,
Только нищими мне любы!
Любо видеть мне народ
Голодающим, раздетым,
Страждущим, не обогретым!
Пусть мне милая солжёт,
Ежели солгал я в этом!

Нрав свиньи мужик имеет,
Жить пристойно не умеет,
Если же разбогатеет,
То безумствовать начнёт.
Чтоб вилланы не жирели,
Чтоб лишения терпели,
Надобно из года в год
Век держать их в чёрном теле.
Кто своих вилланов холит,
Их ни в чём не обездолит
И им головы позволит
Задирать – безумен тот.
Ведь виллан, коль укрепится,
Коль в достатке утвердится,
В злости равных не найдёт –
Всё разрушить он стремится.

Если причинят виллану
Вред, увечье или рану,
Я его жалеть не стану –
Недостоин он забот!
Если кто о нём хлопочет,
Он тому помочь не хочет
Хоть немножко в свой черёд.
Злобой он себя порочит.

Люд нахальный, нерадивый,
Подлый, скаредный и лживый,
Вероломный и кичливый!
Кто грехи его сочтёт?
Он Адаму подражает,
Божью волю презирает,
Заповедей не блюдёт!
Пусть Господь их покарает!

Зарубежная литература средних веков / сост. Б. И. Пуришев. – М., 1974. – С. 169.

№ 6
ИЗ «ЖИЗНЕОПИСАНИЯ БЕРТРАНА ДЕ БОРНА»

Бертран де Борн был владетель замка в епископате Перигорском – замка под названием Аутафорт. Беспрестанно воевал он со своими соседями – графом Перигорским и виконтом Лиможским, с братом своим Константином и с Ричардом, пока тот был графом Пуатье. Был он доблестный рыцарь и храбрый воин, куртуазный поклонник дам и трубадур отличный, сведущий в законах вежества и сладкоречивый, равно рассуждать умевший о добре и худе.

Когда бы ни пожелал, всегда умел он заставить Генриха-короля и сыновей его поступать по его указке, а желал он всегда одного: чтобы все они – отец, сын и брат все время друг с другом воевали. Желал он также, чтобы всегда воевали между собой король французский и король английский. Когда же они мир заключали или перемирие, тотчас же старался он сирвентами своими этот мир разрушить, внушая каждому, что тот себя опозорил, заключив мир и пойдя на уступки. И от этого получал он великие блага, но и бед претерпевал немало.

Жизнеописание трубадуров. – М., 1993. – С. 51, 53.

№ 7
ОТРЫВОК ИЗ ПРОПОВЕДИ ЖАКА ДЕ ВИТРИ[1] «ПРОТИВ ТУРНИРОВ И ЗОЛ, ИЗ НИХ ПРОИСТЕКАЮЩИХ»

Помню, как однажды говорил я с одним рыцарем, который очень охотно посещал турниры и приглашал туда других рыцарей, посылая им герольдов и гистрионов, чтобы те сообщали им о начале турниров, и, по его собственному заверению, не думал он, что такого рода игры или состязания являются грехом. Ибо во всем ином он воистину был набожен. И вот я решил показать ему, как семь смертных грехов сопровож-

[1] Жак де Витри (ок. 1175-1240) – известный французский проповедник, епископ Акры в Палестине.

дают турниры. Не минует их гордыня (superbia), ибо ради похвалы людской и суетной славы нечестивцы и честолюбцы посещают ристалища. Не пропускает их зависть (invidia), ибо каждый завидует другому, когда тот оказывается сильнее его и снищет себе больше похвал. Присутствуют там и ненависть с гневом (odium et ira), ибо один наносит удар другому, причиняет ему вред, а нередко и смертельно ранит его и убивает. И это ввергает ристающихся в четвертый смертный грех, который именуется унынием или скорбью (acedia vel tristitia): они настолько одержимы тщеславием, что все духовные блага перестают привлекать их; а когда им не удается одержать победу над противником и они бегут, осыпаемые упреками, они скорбят чрезвычайно. Здесь и пятый смертный грех, то есть корыстолюбие или грабеж (avaritia vel rapina), ибо каждый, кто обратил своего противника в бегство, берет его в плен и заставляет платить выкуп и таким образом забирает себе коня вместе с оружием у того, кого он победил в бою. Из-за турниров взимают рыцари тяжкие и непосильные поборы, безжалостно забирают имущество своих людей, не боятся забрать сложенный к ногам их урожай и промотать все, что было собрано на полях, нанеся тем самым большой ущерб бедным крестьянам. На турнирах присутствует и шестой смертный грех, чревоугодие (castrimargia), который приглашает на пиршества и сам является на них, дабы приглашенные жертвовали всем ради мирских удовольствий: обжираясь и предаваясь гастрономическим излишествам, они проматывают не только свое достояние, но и имущество бедняков, коих заставляют туго-натуго затягивать пояса: «Когда цари теряют разум, греки терпят поражение» (Гораций. Послания, I, 2, 14). Тут же и седьмой смертный грех, именуемый сладострастием (luxuria), ибо они хотят понравиться бесстыжим женщинам, для чего стараются отличиться в поединках, а также носят вместо флага какую-либо женскую вещицу как отличительный знак. По причине преступлений и жестокостей, человекоубийств и кровопролитий, совершаемых на турнирах, Церковь отказала в христианском погребении погибшим на турнирах. «Повсюду ходят нечестивые» (Пс., XI, 9). «С мельничным жерновом на шее», то есть в кругу порочной жизни, «они утонули во глубине морской», то есть в пучине горечи и мучений (Мф., XVIII, 6). Когда вышеназванный рыцарь услышал эти слова и открыто признал их истину, до сей поры ему неведомую, то он так же, как некогда любил турниры, отныне стал их ненавидеть. Воистину, многие грешат по неведению; люди эти, коли бы они понимали и старательно искали истину, никогда бы не грешили, подобно тем воинам, которые усердно расспрашивали Иоанна Крестителя: «А мы, что нам делать?» Он отвечал им, что не должны они никого обижать, не должны ни на кого возводить ложных обвинений и никого оговаривать облыжно, а надо им довольствоваться своим жалованьем, которое, как свидетельствует Августин, было положено воинам, дабы те, в поисках пропитания, не пытались бы силой взять себе добычу.

Цит. по: Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого / Ж. Ле Гофф; пер. с фр; общ. ред. С. К. Цатуровой. – М.: Изд. Группа «Прогресс», 2001. – С. 315–316.

№ 8
ИЗ ПИСЬМА ЕПИСКОПА ШАРТРСКОГО ФУЛЬБЕРТА ГЕРЦОГУ АКВИТАНИИ ГИЛЬОМУ (1020 г.)

...Кто клянется в верности своему сеньору, неизменно должен помнить о следующих шести [обязательствах]: невредимость, безопасность, почитание, польза, легкая доступность, прямая возможность. Невредимость – это значит не наносить вреда телу сеньора. Безопасность – это значит не выдавать его тайн и не вредить безопасности его укреплений. Почитание – это, значит не наносить вреда его праву суда и всему другому, что касается его положения и прав. Польза – это значит не наносить ущерба его

владениям. Легкая доступность и прямая возможность – это значит не мешать ему достигать тех выгод, которых он легко может достигнуть, а также не делать для него невозможным то, что возможно. Если верный [вассал] остережется от этого вреда, то ведь того требует справедливость, и [еще] не заслуживает вассал за это феода, ибо недостаточно воздержаться от зла, если не сотворить блага. Остается поэтому, чтобы при соблюдении упомянутых шести [обязательств] вассал давал совет и оказывал помощь своему сеньору без обмана, если он хочет быть достойным награждения феодом, а также неизменно соблюдал верность, в которой клялся. И сеньор во всем этом должен точно таким же образом поступать в отношении к своему верному [вассалу]. А если этого не выполнит, по заслугам будет считаться вероломным, как и тот [вассал] будет обманщиком и клятвопреступником, если будет уличен в нарушении своих: обязательств действием или сговором...

Хрестоматия по истории средних веков. – Т. 1. – М., 1961. – С. 488–489.

МОДУЛЬ 3
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (XIV–XV вв.)

СЕМИНАР 9
ФРАНЦИЯ. СРЕДНЕВЕКОВОЕ КРЕСТЬЯНСТВО

Направление семинара:
Крестьянство в средневековой Европе

1. Положение феодально-зависимого крестьянства в XI–XIII вв.
2. Сущность и причины кризисных явлений XIV в. Личное освобождение крестьянства и его влияние на социально-экономическое и правовое положение крестьян.
3. Общее и особенное в положении крестьянства Англии, Франции, Германии в Позднее Средневековье.

В данном семинаре надо проанализировать разные категории феодально-зависимых крестьян и их эволюцию в период Высокого и Позднего Средневековья. Почему, когда и в каких формах происходит освобождение крестьян от личной зависимости. Для семинара предлагаются источники главным образом французского происхождения: отрывки из грамот сеньоров и королевских грамот, ордонансов, в т. ч. характеризующие процесс освобождения крестьянства. Следует обратить внимание на «Поэму о версонских вилланах», рисующую яркую картину положения зависимого крестьянства. Используя документ, можно охарактеризовать формы феодальной ренты, баналитетные права сеньоров. «Песня землепашца» характеризует положение английского крестьянства. «Кутюмы Бовези» позволяют увидеть многообразие форм серважа в разных регионах Франции. Ряд документов показывает процесс личного освобождения крестьян, появление цензивы и крестьян-цензитариев. Надо обратить внимание на появление в Германии мейерской аренды и различные тенденции развития в разных регионах империи. Фрагмент из работы Ж. Дюби (Ридер, № 12) позволит увидеть этапы возникновения французской деревни и взгляды историков на некоторые теоретические акспекты этих процессов в Европе. Характеристика серважа дана у М. Блока (Ридер, № 12.1).

Источники

1. История средних веков / сост. М.М. Стасюлевич. – СПб.: ООО «Издательство Полигон»; М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999.

2. Хрестоматия по истории средних веков / под ред. акад. С.Д. Сказкина. – М., 1963. – Т. 2.

Литература

1. Бессмертный, Ю.Л. Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII–XIII вв. / Ю.Л. Бессмертный. – М., 1969.
2. Блок, М. Феодальное общество / М. Блок; пер. с фр. М.Ю. Кожевниковой. – М., 2003. – С. 248–270.
3. Гутнова, Е.В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе (XI–XV вв.) / Е.В. Гутнова. – М., 1984.
4. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма: в 3 т. – Т. 2. – М., 1986.
5. Косминский, Е. А. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. / Е.А. Косминский. – М.-Л., 1947.
6. Сказкин, С.Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века / С.Д. Сказкин. – М., 1968.

ДОКУМЕНТЫ К СЕМИНАРУ № 9

№ 1
ИЗ ГРАМОТЫ 1060 г.

Да будет ведомо, что все оброчные дворы (casales) должны нести одинаковый оброк; каждый двор должен давать ежегодно по 8 денариев... 8 мер пшеницы и 24 (меры) овса... А также виноградник, некогда именовавшийся виноградником аббата, дважды в году должны вскапывать, подрезать и выполнять в нем все нужные работы, выжимать виноградный сок и доставлять его (для сливания) в господские бочки; если же виноградник будет обращен в поле, должны нести труды по обработке полей, насколько это понадобится и как полагается вплоть до доставки собранного урожая в господские амбары.

Хрестоматия по истории средних веков / под ред. акад. С.Д. Сказкина. – М., 1963. – Т. 2. – С. 362.

№ 2
ПЕСНЯ ЗЕМЛЕПАШЦА

Я слышал, что люди на этой земле горько жаловались, как им трудно обрабатывать землю. Хорошие годы доброго урожая минули – люди забыли, что такое шутки, и больше не поют песен.

Теперь мы должны только работать, нам не осталось ничего другого; я не могу больше жить, собирая колосья после жатвы; но еще горше, когда приходится просить милостыню, ибо каждый четвертый пенни должен идти королю[1].

Так, мы жалуемся королю, но получаем холодный ответ, и, надеясь поправить свои дела, все время теряем больше и больше; тот, кто имеет какое-либо добро, не надеется его сохранить, но всякий раз мы в конце концов теряем самое дорогое.

Тяжело терять, когда мало, что есть, а у нас много нахлебников, ожидающих нашего добра; луговой сторож норовит причинить нам ущерб, чтобы получить мзду; бейлиф постоянно приносит нам вред, считая, что поступает хорошо; лесной сторож

[1] *Имеются в виду государственные налоги, которые английские крестьяне (как лично зависимые, так и свободные) обязаны были уплатить при каждом очередном сборе.*

занят тем, что сторожит нас, следя за нами из-за деревьев. У нас не может быть ни достатка, ни покоя. Так они грабят бедняка, который для них ничего не значит: он должен гибнуть в поту и в труде.

Он должен изнывать, хотя он принял присягу[1], и у него нет даже шапки, чтобы прикрыть голову. Так произвол шествует по стране, право нарушается, и вся рыцарская спесь опирается на труд бедняка.

Так они грабят бедняка и полностью обчищают его [карманы]; богатые лорды делают это без всякого права, так что их земли и их люди находятся в убожестве – настолько большой ущерб наносят им бейлифы своими вымогательствами. [Из-за этого] терпят унижение многие монахи, бароны и крепостные, клирики и рыцари[2]. Так произвол шагает по стране, наводя ужас на всех, выкармливая обман и заставляя всех склоняться перед могуществом. А тот, кто заставляет нищих бродить с посохом и сумой, остается безнаказанным и неумолимым. Так, нас выгоняют из хороших домов в углы; и те, кто прежде носил хорошее платье, теперь одеты в лохмотья.

А потом еще является бедль[3] с насмешливыми словами: «Приготовь мне серебро для оплаты штрафа – ведь твое имя занесено в мои документы, и ты это отлично знаешь»[4]. А я уже более чем десять раз уплатил свои поборы! И все же я должен отнести ему жареных кур, а в рыбный день – миногу и лосося.

И вот я должен на выбор или выставить поручителей, или продать мой хлеб, когда он еще на корню. И для тех, кто получит все мое добро, я все же останусь грязным грубияном и буду вынужден, таким образом, истратить все, что я собирал целый год. Я вынужден отдать то, что я накопил раньше, и позаботиться об этом до того, как придут судебные приставы. Ведь господин бедль является как дикий кабан – он кричит, что он опустошит мое жилище; чтобы его умилостивить я должен дать ему марку или еще больше, хотя я продал свою кобылу в установленный [обычаем] день[5]. Так под видом штрафов они притесняют нас, охотясь за нами, как собаки охотятся за зайцами. Они преследуют нас, как собаки преследуют зайцев на холме. С тех пор как я работаю на земле, я постоянно терпел такие обиды. Бедли никогда не призывались к ответу, ведь они умеют избегать этого, мы же всегда попадаемся.

Так я с холодом в сердце несу все эти заботы, с тех пор как веду хозяйство и владею своей хижиной. Чтобы уплатить налог королю, я продал зерно, предназначенное для посева, и теперь моя земля пустует и привыкает к отдыху. С тех пор как они увели из моего хлева мой лучший скот, я готов плакать, думая о своей судьбе, – так рождаются нищие, и наша рожь гниет на корню. Наша рожь гниет на корню из-за плохой погоды. По свету бродит отчаяние и горе; насколько лучше сразу погибнуть, чем так трудиться.

Хрестоматия по истории средних веков в трех томах / под ред. акад. С.Д. Сказкина. – Т. 2.: X–XV века. – М., 1963. – С. 318–320.

---

[1] *Под присягой, очевидно, понимается вступление крестьянина в «десяток свободного поручительства», из которых состояла система круговой поруки крестьянского населения, существовавшая в Англии XI – XV вв.*

[2] *Намек на то, что сами феодалы в конечном итоге терпят ущерб из-за разорения их крестьян.*

[3] *Бедль – судебный пристав в манориальной курии, которому были подсудны личнозависимые крестьяне, а иногда и свободные держатели того или иного лорда.*

[4] *Имеются в виду протоколы курии, в которых фиксировались штрафы или недоимки с вилланов – лично зависимых крестьян.*

[5] *Обычно в феодальной вотчине XIII в. виллан, для того, чтобы продать скот, должен был получить разрешение от феодала, а иногда продажа скота разрешалась только в определенный день.*

№ 3
ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН ОТ СЕРВАЖА И ОБРАЗОВАНИЕ ЦЕНЗОВЫХ ДЕРЖАНИЙ[1] (1185 г.)

1. ...Аббат Арнульф и весь монастырь Ферриер освобождают и отпускают на волю на вечные времена от всех тягот серважа всех сервов как мужского, так и женского пола, которые ныне проживают в приходе Сен-Элюа и в предместье монастыря, как слуг монахов, так и всех прочих – их жен, детей и их будущее потомство. Они также дают право им и своим госпитам, живущим в этом приходе, полную свободу уйти по своему усмотрению и распорядиться своим добром как свободным госпитам.

2. ...Всех тех, кто живет в пределах монастырского предместья, и тех, кто желает жить там в будущем, церковь освобождает от поборов, денежных требований и тальи. А вместо освобождения каждый владелец дома с очага должен ежегодно уплачивать церкви 5 су ценза. Если кто-либо владеет многими домами, то один из них может быть житницей, за который надо платить 6 денье, за каждый из остальных домов упомянутый держатель платит по 5 су...

3. …Все, кто проживает в пределах монастырского предместья, платят подорожную подать по вторникам… На праздник св. Петра, в июле, также платят подорожную пошлину. Они платят винаж[2] постоянно и фораж[3] на следующий день после праздника св. Мартина, а также уплачивают в пользу церкви тариф в 3 денье за каждую бочку, большую или малую, проданную ими.

12...Каждый раз, когда избирается новый аббат, каждый житель предместья аббатства должен заплатить для пира по 5 су с каждого дома и по 5 су сверх ежегодного ценза…

...Никто из наших сервов, госпитов и жителей этих мест, находящихся от нас в какой-либо зависимости, не может пользоваться вышеописанной свободой без нашего дозволения. Все, кто получил эту свободу, в случае войны должны помогать нам и охранять наше имущество.

13.Они же должны накануне праздника св. Ремигия ежегодно платить только прево Шато-Ландон талью, сумма которой равна 15 ливрам.

Хрестоматия по истории средних веков / под ред. академика С.Д. Сказкина. – М., 1963. – Т. 2. – С. 367–369.

№ 4
ИЗ «ПОЭМЫ О ВЕРСОНСКИХ ВИЛЛАНАХ» (СЕРЕДИНА XIII в.)

Сеньором деревни Версон (Нормандия) являлся монастырь св. Михаила. Между 1240- 1250 гг. крестьяне стали проявлять недовольство по поводу своего положения. Автор поэмы – дворянин Эсту Ле Гоз. Он был служилым человеком монастыря и хотел образумить недовольных крестьян. В поэме речь идёт о т. н. старых вилланах, крестьянах, которые в ходе процесса феодализации во франкском королевстве сохранили личную свободу и не стали сервами. Вместе с тем в произведении упоминается одна характерная для серважа повинность – формальяж (от лат. foris – вне и marito –

[1] *Цензовое держание (цензива) – крестьянское земельное держание, с которого уплачивалась сеньору денежная рента (ценз), реже – оброк продуктами и талья государству. Цензива отчуждалась при условии уплаты сеньору особой пошлины.*

[2] *Винаж – издольщина с виноградника*

[3] *Фораж – определенный процент с продажи вина*

сочетаюсь браком), в соответствии с которой крестьяне должны были получить согласие и платили своему господину выкуп при заключении брака с лицом, находящимся вне его юрисдикции. Зачастую выполняли барщинные работы, платили натуральный оброк. Тех крестьян, которые приобретали личную свободу в результате освобождения от серважа, называли новыми вилланами или цензитариями.

Снова несу я свою жалобу святому Михаилу – вестнику небесного царя – на всех версонских вилланов и особо на виллана Осбера, предателя, который хочет обездолить святого Михаила.

Вилланы должны возить камень – без споров и сопротивления. В нём что ни день, то нужда. И на печах и на мельницах. Вилланы постоянно повинны службой. Строится ли дом – они должны подавать каменщикам камень и цемент. Все это делает каждый виллан, кроме Осбера Пенеля, который придумал скверное новшество: вилланы выбрали его своим вожаком (да умрут они за это в стыде!) и сделали его ходатаем, чтобы обобрать сеньора. Не устроили ли они того с рядом других знатных? Да, они это проделывают постоянно.

Первая работа в году – к Иванову дню. Вилланы должны косить луга, сгребать и собирать сено в копны и складывать его стогами на лугах, а потом везти на барский двор, куда укажут. Бордарии же уберут сено в сарай. Эту работу они делают постоянно.

Затем должны они чистить мельничные канавы, каждый приходит со своей лопатой, с лопатой же на шее идут они выгребать сухой и жидкий навоз. Такую работу делает виллан.

Но вот наступает август, а с ним новая работа (её-то им только недоставало!). Они обязаны барщиной, и её не следует забывать. Вилланы должны жать хлеб, собирать и связывать его в снопы, складывать скирдами среди поля и отвозить немедленно к амбарам. Эту службу несут они с детства, как несли её предки. Так работают они на сеньора. Если их земли подлежат шампару, то никогда не свезти им с полей своих снопов: идут они искать сборщика и приводят его с великой неохотой; если виллан погрешит против установленного счета, то сборщик пристыдит его и наложит большой штраф, буде он ему чего недодал. И вот нагружает он шампар на свою двуколку, не смея скинуть ни единого снопа, везет к амбару общего шампара. Его же собственный урожай остается под дождем и ветром, и виллан тоскует о своем хлебе, который лежит на поле, где терпит всяческий ущерб! И вот подъезжает он к амбару, где берут с него штраф, если он потерял хоть один сноп, упавший с воза в поле или на дороге. Привязывает он своих лошадей, но им не дадут ни крошки корму; а если увидит его меряльщик, то он также сумеет огорчить виллана, требуя с него вина. Немало приходится платить тому, над кем висят три или четыре приказчика: один принимает, другой разгружает, третий ведет к меряльщику – бедняку же одни слезы! Сдав хлеб, виллан, наконец, уходит (давно не знал он такой радости!), кляня на своем наречии того, кто наградил его такой судьбой, а потому и допустил над ним такое измывательство.

А потом подходит время ярмарки «на лугу» и сентябрьский богородичный день, когда надо нести поросят. Если у виллана восемь поросят, то он берет двух наилучших, один для сеньора, который, конечно, не возьмет того, что похуже! А сверх того, надо приложить по денье за каждого поросенка из оставшихся. Все это должен платить виллан. Затем наступает день святого Дионисия. Тут вилланы хватаются за голову – ведь им надо вносить ценз, и они в страхе. А вот подходит срок уплаты за огораживание, – ведь вилланы держат большие загороди. Если виллан уже давно обрабатывает своё поле, то всё же он не может и не смеет обнести его изгородью, прежде чем не внесёт пошлину сеньору и не получит его согласия. Но на земле, с которой уплачивает шампар, виллан не смеет ни положить камня для ограды, ни возвести стену или другое ограждение. Ещё об одном хочу сказать вам.

Виллан не может продать свою землю без того, чтобы сеньор не получил тринадцатой доли с цены. Затем они опять повинны барщиной. Когда они распахали землю, то идут за зерном в амбар, сеют и боронят. На долю каждого приходится один акр. После этого они должны нести лепешку к «вотчинному» Андрееву дню, что бывает за три недели до Рождества. Она предназначается для господского стола. К Рождеству надо сдавать кур, в случае, если они недостаточно хороши и нежны, приказчик заберёт в залог виллана. Затем идёт пивная повинность: ячмень и пшеница с каждого. Ну-ка, заставляйте их платить! Полностью должны они рассчитаться! Ступайте, забирайте их лошадей, уводите коров и телят, удерживайте их залоги по всем дворам. Пригоняйте побольше, ничего не оставляйте им в подарок.

Если виллан выдает дочь замуж, за пределы сеньории, то сеньор получает пошлину – «кюлаж». Затем приходит Вербное воскресенье, богом установленный праздник, когда нужно везти сеньору пошлину на овец, так как с вилланов по наследству требуется эта повинность. Если они не смогут уплатить в срок, то тем самым передают себя на милость сеньора. На Пасху вилланы опять повинны барщиной. Когда вилланы вспашут землю, идут они в амбар за зерном, сеют и боронят. Каждый обрабатывает один акр под ячмень. После этого надо ехать в кузницу подковывать лошадей, потому что пора отправляться за дровами в лес. Богатое вознаграждение получает за это виллан – по два денье в день! Затем следует повозная повинность, ведь ежегодно они возили хлеб в Домжан. И тут немало издевались над ними. Вилланы еще облагаются одним картье пшеницы. Кроме того, на них лежит обязанность молоть на мельнице сеньора. Если виллан не рассчитался с мельником, как ему полагается, то мельник возьмет своё на зерне, отмеряя его такой мерой, что возместит свой помол; лопаткой загребет себе муки так, что полной мерой останется едва половина, и еще прихватит горсточку. Но вот виллан получил свою часть и спешит идти домой без шума и драки. Но тут наступает самое худшее – виллан должен заплатить еще и за выпечку своего хлеба. Жена виллана отправляется к сеньориальной печи и исправно платит свой форнаж, приносит лепешку и подмогу, но пекарша, надменная и важная, ворчит, а пекарь недоволен и бранится, говоря, что он не получил, сколько ему полагается. Он клянётся господними зубами, что печь будет истоплена плохо и что не придется есть хорошего хлеба – он будет непропечённым.

Сир, да будет вам известно, что нет под небом более подлого народа, чем версонские вилланы, – это мы твердо знаем. Поэму эту написал Эсту Легоз и многими словами подкрепил правду высказанного.

Хрестоматия по истории средних веков / под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. – М.: Учпедгиз, 1950. – Т. 2. – С. 47–49.

№ 5
ГРАМОТА КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА IX ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕСТЬЯН ОТ ЛИЧНОЙ ЗАВИСИМОСТИ (1246 г.)

Во имя святой и нераздельной Троицы. Аминь. Людовик, божией милостью король франков. Да будет ведомо всем, кто увидит эту грамоту – настоящим и будущим, что, так как все нижепоименованные мужчины и женщины селения нашего, именуемого Villa nova regis, около Парижа – лично зависимые от нас и сервы, мы, благочестием и милосердием движимые, и их, и наследников их – настоящих и будущих… навеки украсили даром свободы, с удержанием, однако, и сохранением для нас и наследников наших других по закону нам следуемых платежей, кои ранее они должны были нам и имели обычай вносить. Постановляем, однако, и желаем, что если кто-либо из нижепо-

именованных отпущенных на волю или из потомков когда-либо сочетается браком с лицом зависимого состояния, тем самым возвращен будет к прежней несвободе, и все его имущество поступит в наши руки…

Имена же их нижеследующие [названо более 300 имен мужчин и женщин].

Хрестоматия по истории средних веков / под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. – М.: Учпедгиз, 1950. – Т. 2. – С. 46.

№ 6
ИЗ «КУТЮМ БОВЕЗИ» БОМАНУАРА (ОКОЛО 1280 г.)

…Есть много состояний серважа. Ибо один из сервов так подчинен своим сеньорам, что эти сеньоры могут распоряжаться всем их имуществом, имеют право на жизни и смерти, могут держать их в заключении по своей воле – за вину или без вины – и никому из них не ответственны, кроме как одному Богу. С другими обращаются более человечно, ибо при их жизни сеньоры не могут ничего с них требовать, если только они не провинятся, кроме их чиншей, рент или повинностей, обычно платимых за серваж. И лишь когда они умирают или женятся на свободных женщинах, все их имущество – движимое и недвижимое – переходит к сеньорам. И если серв умирает, нет у него наследника, кроме сеньора, и дети серва ничего не получают, если не заплатят выкупа сеньору. Это последнее носит название "мертвой руки" и "брачного".

§ 1457. Наш обычай более мягок (courtoise) в отношении к сервам, нежели во многих других странах, ибо во многих других странах сеньоры могут распоряжаться жизнью и смертью своих сервов когда и как им угодно, а также принуждать их вечно жить па своих землях. В Бовези же с ними обращаются более человечно, ибо при условии уплаты своим сеньорам положенных обычаем ренты и специального налога, собираемого с каждой семьи (chevages), они могут идти служить и жить вне юрисдикции своих сеньоров. Но нигде они не должны отказываться платить следуемый сеньору брачный выкуп (formariages), за исключением мест, пребывание в которых может дать им свободу, как, например, в некоторых городах, всякий житель которых свободен в силу привилегии или обычая. Ибо, как только кто проведает, что его крепостной поселился в таком месте, он может потребовать его возвращения, если заявит на него свои права в течение одного года и одного дня или в течение того срока, который действителен для этих мест, согласно их обычаям. Многие сервы, таким образом тайно ушедшие от своих сеньоров на жительство в другие места, получили свободу...

Хрестоматия по истории средних веков / под ред. акад. С.Д. Сказкина. – М., 1963. – Т. 2. – С. 360–361.

№ 7
ОРДОНАНС КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА X (1315 г.) ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ СЕРВОВ

…Так как по естественному праву каждый должен родиться свободным, но по некоторым обычаям и кутюмам, с незапамятных пор установленным и доселе в нашем королевстве хранимым, а также случайно за поступки предков множество нашего простого народа (commun peuple) впало в крепостную зависимость (servitudes) и разные [другие зависимые] состояния, что весьма нам не нравится. И мы, принимая во внимание, что королевство наше названо и слывет королевством франков, и желая, чтобы действительное положение вещей соответствовало [этому] названию и чтобы положе-

ние народа было исправлено нами с началом нашего нового царствования, по обсуждении с нашим великим Советом повелели и повелеваем, чтобы повсюду в королевстве нашем, поскольку это в нашей власти и власти преемников наших, такие состояния несвободы приведены были к свободе (franchises) и чтобы всем тем, кои либо по происхождению, либо по давности, либо вновь в силу браков или в силу проживания на несвободной земле впали в крепостную зависимость, дана была на добрых и приличных условиях свобода. И ради того, чтобы простой народ наш не терпел более ни обид, ни вреда от сборщиков, сержантов и других служащих, которых прежде посылали по делу о мэнмортах и формарьяжах, как это было до сих пор, что весьма нам не нравится, а также ради того, чтобы и другие сеньоры, владеющие лично зависимыми людьми, по примеру нашему, привели их к свободному состоянию, мы, вполне полагаясь на верность и испытанную мудрость вашу, настоящей грамотою поручаем и приказываем вам отправиться в Санлисский бальяж и его ведомство, а также во все местечки, города, общины и к отдельным лицам, кои будут требовать у вас вышеназванной свободы, с тем чтобы договариваться и условливаться с ними относительно известных выкупов, которыми были бы достаточно вознаграждены за выгоды, кои с названного состояния могли поступить нам и преемникам нашим, и давать им, насколько это касается нас и преемников наших, общую и постоянную свободу, как выше сказано и как более подробно мы вам о том устно говорили, объявляли и поручали. И даем по совести обещание за нас и за преемников наших, что утвердим, одобрим, соблюдаем и повелим соблюсти и оградить все, что вы сделаете и обещаете в названных случаях, и грамоты, кои вы выдадите по делу о договорах, выкупах и о даровании свободы городам, общинам, местечкам или отдельным лицам, мы тотчас же утвердим и будем выдавать наше на то [разрешение] всякий раз, как будут они о том просить нас...

Дано в Париже, в третий день июля, в год от воплощения господа 1315.

Хрестоматия по истории средних веков / под ред. акад. С.Д. Сказкина. – М., 1963. – Т. 2. – С. 364–365.

№ 8
ЛЮДОВИК IX, КОРОЛЬ ФРАНКОВ, УТВЕРЖДАЕТ СОГЛАШЕНИЕ, ЗАКЛЮЧЁННОЕ МЕЖДУ БРАТИЕЮ СВ. ПЕТРА ШАРТРСКОГО И ЛЮДЬМИ БУАВИЛЯ, МОРВИЛЯ И ШЕВАНН (1258 г.)

Во имя святой и нераздельной Троицы, аминь, Людовик, милостью божией король франков… Видели мы грамоту нашего орлеанского бальи, гласящую следующее: всем, кто увидит настоящую грамоту, Жирард de Kauserio орлеанский бальи… Когда возникла распря между аббатом и братиею монастыря св. Петра Шартрского… и людьми трех селений, именно – Буавиля, Морвиля и Шеванн… пришли они к следующему соглашению… За отмену аббатом и монастырем… мельничного и печного баналитета и за полное уничтожение в дальнейшем обложения, коему подвергались люди Буавиля, как лично зависимые люди означенных аббата и монастыря, хотя они и утверждали, что и до соглашения и после соглашения всегда были свободны, означенные люди Буавиля, Морвиля и Шеванн… обещались… заплатить означенным аббату и монастырю 800 ливров турской монетою… В силу настоящего мирного соглашения названные аббат и монастырь будут считать оных людей Буавиля… от личной зависимости свободными. Было при этом… условлено… что люди означенных трех селений… кои имеют и будут иметь в означенной сеньории земли или другие какие-либо владения, будут платить… ежегодно названным аббату и монастырю с владений своих

чинш, десятины; шампар, нести повинность по угощению, извозную повинность и все другие платежи и повинности, каковые люди сеньории Буавиля несут по обычаю.

Хрестоматия по истории средних веков / под ред. Н. П. Грацианского и С.Д. Сказкина. – М.: Учпедгиз, 1950. – Т. 2. – С. 17–18.

№ 9
ФОРМУЛА МЕЙЕРСКОЙ АРЕНДЫ

Документ дает представление о краткосрочной мейерской аренде, получившей с XIII в. наибольшее распространение в Северо-Западной Германии и встречавшейся в ряде районов Германии.

Мы, (такой-то) аббат, (такой-то) приор и все монархи (такого-то) монастыря, для нашей и наших монастырских приемников памяти отмечаем.

Так как в (такой-то) день истек срок (столько-то) лет мейерской аренды...[1] двора под номером (таким-то) и мейер вновь просит его в аренду с этого же срока, мы согласились пойти ему навстречу и с (такого-то) дня возобновить его аренду на 9 лет. Мы даем вышеуказанному (такому-то) в (таком-то) месте и вместе с ним входящую в него (указывается количество моргенов) пахотную землю вместе со всеми принадлежностями и милостями, в том числе огород, луг и право на лес, как это все записано в специальном документе (in der specification beschrieben) и как оно до сих пор соблюдалось по отношению к этому двору. Однако (такой-то) обязан содержать в исправности все строения в монастырском мейерском дворе, образцово обрабатывать поля, не допускать ничего из того, что может нанести ущерб владельцу земли; он не имеет права без нашего разрешения даже самую малость отдавать под залог, променять, поставлять под видом налога или каким-нибудь образом отчуждать.

За все [арендованное] он обязан и согласен ежегодно в день Михаэлиса сдать монастырю хорошее чистое зерно: pro toto[2] (столько-то) шефелей[3] пшеницы, (столько-то) шефелей ржи.

Однако pro ordinario[4] (столько-то) гимтенов[5] ржи, (столько-то) гимтенов ячменя.

Все это он обязан своевременно представлять, как это и подобает преданному и прилежному мейеру.

Если же случится, что полевым плодам будут нанесены какие-нибудь повреждения[6], и он (мейер) захочет, чтобы ему были снижены его мейрские обязательства, то он должен сообщить о вреде, нанесенном урожаю, в (такое-то) монастырское владение, где в зависимости от понесенных потерь ему и будет снижено общее количество чинша.

Если же в течение 9 лет он (мейер) пробудет примерным хозяином, которому этого срока в день Михаила (такого-то) года он вновь попросит этот надел в аренду, то ему или его родным он будет раньше других предоставлен (vor anderen), разумеется при уплате традиционной мерки вина и довольствия.

Однако если указанный [мейер] или его близкие не станут соблюдать все так, как выше сказано, и станут расчленять мейерский двор, или даже самую малость отчуждать оттуда без ведома монастыря, или несвоевременно вносить ежегодный чинш

---

[1] *Пропуск в тексте.*

[2] *Pro toto – в целом, за все.*

[3] *Шефель – зерновая мера, неодинаковая в разных местах.*

[4] *Pro ordinario – обычно, согласно обычаю.*

[5] *Гимтен – четверик.*

[6] *Очевидно, в результате града, войны и других стихийных бедствий.*

и оброки, то мейер, согласно данному документу и земельному праву, немедленно теряет свое право на аренду, а монастырь может по выбору передать этот двор другому.

Уплачено денег:

за заверку документа (господский пфенниг для бедных),

за вручение его (столько-то),

писарю и за печать (столько-то).

Данный документ подписал (такой-то).

Настоящий [аббат и приор] приложил монастырскую печать.

Дано в монастыре (таком-то) в день (такой-то).

Размеры участка согласно измерениям (такого-то) года: двор вместе с домами (столько-то веток[1]), огород возле двора (столько-то веток)/

Хрестоматия по истории средних веков / под ред. акад. С.Д. Сказкина. – Т. 2.: X–XV века. – М., 1963. – С. 458–459.

СЕМИНАР 10
АНГЛИЯ. СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ МОНАРХИЯ

Направление семинара:
Сословно-представительная монархия в Западной Европе

1. Социально-политическое развитие Англии в XШ в. Политика Иоанна Безземельного и принятие Великой хартии вольностей.
2. Гражданская война в Англии и возникновение парламента. Особенности структуры и полномочия английского парламента.
3. Усиление королевской власти во Франции в начале XIV века. Возникновение Генеральных штатов, их структура и функции.
4. Политическое развитие Германии в XIV–XV вв. Специфика немецких сословно-представительных органов.

Сословно-представительная монархия – одна из визитных карточек западноевропейского Средневековья. Увидеть общее и особенное в возникновении, функционировании и значении сословно-представительных учреждений в разных европейских странах – задача семинара. Главными источниками для работы над темой семинара являются тексты «Великой хартии вольностей» и «Золотой буллы». При анализе Хартии надо выделить и сгруппировать статьи, отражающие интересы различных слоев английского населения. Одинаковы ли интересы баронов и простого рыцарства? Как отражены в Хартии интересы крестьян и горожан. Какие требования можно считать общесословными? Какие статьи направлены против злоупотреблений королевских чиновников? Чрезвычайно важны статьи 39–40, в исторической перспективе повлиявшие на становление в Англии господства права и независимого суда. Следует обратить внимание на наличие разных точек зрения при оценке Хартии.

«Золотая булла» характеризует специфику политического развития Священной Римской империи в Средние века. Важно понять структуру и функции Генеральных Штатов во Франции и рейхстага в Германии. Чем была обусловлена специфика их структуры и функций. В Ридер включены фрагменты из работ Е.В. Гутновой и

[1] *Ветка – часто встречаемая мера, длина которой колебалась от 2 до 4 м. Измерения участника, судя по уставам, производились только в ширину.*

Н.А. Хачатурян (№ 20, 21), позволяющие лучше понять специфику средневековых сословно-представительных собраний.

Источники

1. Хрестоматия по истории средних веков: в 3 т. – Т. 2. / под ред. С.Д. Сказкина. – М., 1963. – С. 336–355, 482–490.
2. История средних веков / сост. М. М. Стасюлевич. – СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1999.
3. Практикум по истории средних веков. – М., 1971. – С. 192–210.

Литература

1. Бойцов, М.А. Золотая булла 1356 г. и королевская власть в Германии во второй половине XIV в. / М.А. Бойцов // Средние века. – М., 1989. – Выпуск 52.
2. Гутнова, Е.В. Сословно-представительные собрания средних веков в истории европейской цивилизации / Е.В. Гутнова // Цивилизации. – М., 1995. – Вып. 3.
3. Дюби, Ж. История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк / Ж. Дюби. – М., 2000. – С. 331–341.
4. Колесницкий, Н.Ф. «Священная Римская империя»: притязания и действительность / Н.Ф. Колесницкий. – М., 1977.
5. Пти-Дютайи, Ш. Феодальная монархия во Франции и в Англии X–XШ веков / Ш. Пти-Дютайи. – СПб.: Евразия, 2001. – Глава IV.
6. Репина, Л.А. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века / Л.А. Репина. – М., 1979.
7. Хачатурян, Н.А. Сословная монархия во Франции XШ–XV вв. / Н.А. Хачатурян. – М., 1989.
8. Штокмар, В.В. История Англии в средние века / В.В. Штокмар. – СПб.: Алетейя, 2000.

ДОКУМЕНТЫ К СЕМИНАРУ № 10

АНГЛИЯ

№ 1
ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ХРОНИК, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ИОАННУ БЕЗЗЕМЕЛЬНОМУ

1203 г. Matt. Paris, p.209. В день святого Николая [король] прибыл в Портсмут. Под тем предлогом, что графы и бароны представили свои извинения и оставили его среди врагов в заморских землях, благодаря чему из-за их отсутствия он потерял замки и земли свои, он взял с них седьмую часть всей их движимости.

1204 г. Matt. Paris, p.209. На другой день после обрезания собрались на совещание в Оксфорд король и магнаты Англии, где уступлено было королю военное вспомоществование, именно с каждого щита две марки с половиною; также и епископы, и аббаты, и имевшие бенефиции церковники не ушли без обещания.

1205 г. Matt. Paris, p.212. Около пятидесятницы король Иоанн собрал большое войско будто бы с тем, чтобы отправляться за море, и, хотя архиепископ кентерберийский и многие другие были против этого, велел собрать в Портсмуте большое количество кораблей. Затем король с небольшой свитой в начале июля взошел на корабли и с распущенными парусами вверил себя Нептуну, но, изменив свое намерение, на третий день

пристал в Stodtlandt'e возле Warham'a. Вернувшись, король взял с графов, баронов и рыцарей и церковных людей чрезмерную сумму денег под тем предлогом, что они не хотели следовать за ним в заморские земли, чтобы он мог вернуть потерянное наследство.

Matt. Paris, p. 240. В том же [1213] году 25 августа собрались в городе Лондоне в церкви святого Павла Стефан архиепископ кентерберийский с епископами, аббатами, приорами, деканами и баронами королевства... На этом совещании, как говорят, упомянутый архиепископ подозвал к себе некоторых вельмож королевства и стал говорить им секретно таким образом: «Вы слышали,– сказал он,– как в Уинчестере я снял с короля отлучение и заставил его дать клятву, что он уничтожит несправедливые законы и восстановит добрые законы, т.е. законы Эдуарда, и заставит всех в королевстве их соблюдать. Ныне найдена некая хартия Генриха первого, короля Англии, с помощью которой вы могли бы, если бы захотели, восстановить в прежнем виде давно утраченные вольности».

1214 г. Matt. Paris, pp. 249, 252, 253. Николай, тускуланский епископ и апостольского престола легат, в день апостолов Петра и Павла в кафедральной церкви (святого Павла) торжественно снял приговор интердикта... Король Англии Иоанн, исполнив то, что ему нужно было сделать в заморских землях, вернулся в Англию 14 ноября. К этому времени собрались на совещание в Эдмондсбэри графы и бароны Англии, как бы на богомолье, хотя на деле было иное. Ибо, когда они долго и тайно стали совещаться, принесена была хартия некая короля Генриха первого, которую эти бароны, как было сказано выше, получили в городе Лондоне от Стефана кентерберийского архиепископа... И вот все собрались в церкви святого Эдмунда и, начиная со старших, поклялись над большим алтарем, что если король откажется уступить уже названные законы и вольности, то они пойдут на него войной и освободят себя от верности ему, пока он не подтвердит им грамотой, скрепленной его печатью, всего, чего они потребуют от него. А затем с общего согласия постановили, что после рождества господня все они явятся к королю и потребуют, чтобы он подтвердил им вышеописанные вольности, а в то же время они должны запасаться лошадьми и оружием, чтобы в случае, если бы король вследствие своего двоедушия захотел уклониться от исполнения собственной клятвы, чему они охотно верили, они могли путем захвата его замков заставить его дать им удовлетворение.

1215 г. Matt.Paris, pp. 253-255. На рождестве господнем король был со своим двором в Устере в течение едва одного дня, затем, поспешно прибыв в Лондон, воспользовался гостеприимством в Новом Темпле. Явившиеся сюда к королю названные выше магнаты в блестящем военном вооружении потребовали, чтобы он подтвердил некоторые вольности и законы короля Эдуарда вместе с другими вольностями, им и королевству Англии и церкви английской данными, как они содержатся в хартии короля Генриха первого и в названных выше законах. Слыша же это, король... потребовал перемирия до конца пасхи... Между тем король, желая обеспечить себя на будущее время, потребовал принести себе одному по всей Англии клятву верности против всех людей и возобновить феодальную присягу, а чтобы еще лучше обеспечить себя, в день очищения блаженной Марии принял крест господень ... В неделю пасхи собрались магнаты в Стамфорде... Насчитывали в этом войске две тысячи рыцарей, кроме слуг конных и пеших... Во главе их были ...Роберт Фиц-Уолтер, Евстахий de Vesci, Ричард de Persy [следуют еще сорок два имени] и многие другие... В Стефане кентерберийском архиепископе они имели главного своего единомышленника. Король же в это время находился в Оксфорде. В понедельник... ближайший после недели пасхи помянутые бароны собрались в городе Брэкли... (Король) послал к ним архиепископа кентерберийского и Уильяма Маршалла, графа Пемброка... чтобы узнать от них, какие это законы и вольности, которых они домогаются. И они посланцам... представили цидулу, которая в большей своей части заключала в себе древние законы и обычаи королевства... Тогда архиепископ с товарищами

своими, представляя королю эту цидулу, отдельные статьи ее наизусть прочел пред ним... Когда таким образом архиепископ и Уильям Маршалл не могли побудить короля дать свое согласие, они по повелению короля вернулись к баронам... Магнаты... избрали Роберта Фиц-Уолтера вождем воинства... и так... направились к Нортгамптону... не сделав дела, двинулись к крепости Бедфордской. И вот к ним сюда явились посланцы от города Лондона, тайно сообщая им, что если они хотят войти в город, то они поспешно туда бы шли… Девятого июня... они без всякого шума вошли в города Лондон.... И, получив от уже названных горожан уверенность в своих силах, они отправили письма к тем графам, баронам и рыцарям, которые до сих пор в Англии казались приверженцами, хотя и фиктивными, короля...: Вот частью имена тех, которые еще не присягнули названным выше вольностям: Уильям Маршалл, граф Пемброк [следует еще 21 имя]. Все они, когда получили приказ баронов, то когда большая часть их отправилась в Лондон, вступили в союз с названными выше магнатами, совершенно покидая короля... Назначили королю день, чтобы он явился к ним на совещание на луг между Стензом и Уиндзором расположенный, в пятнадцатый день июня. И вот собрались... И вот наконец после того, как переговорили о разных вещах, король Иоанн, видя, что силы его не равны силам баронов, без затруднения уступил законы и вольности.

Текст воспроизведен по изданию: Памятники истории Англии XI–XIII вв. – М.: Гос. соц. эк. Издательство, 1936.

№ 2
ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ [ИЗВЛЕЧЕНИЯ]

1215 г. Иоанн, Божьей милостью король Англии, сеньор Ирландии, герцог Нормандии и Аквитании, и граф Анжу, архиепископам, епископам, аббатам, графам, баронам, юстициариям, чинам лесного ведомства, шерифам, бэйлифам, слугам и всем должностным лицам и верным своим привет.

1. Во-первых, дали мы перед Богом свое согласие и настоящей хартией нашей подтвердили за нас и за наследников наших на вечные времена, чтобы Английская церковь была свободна и владела своими правами в целости и своими вольностями неприкосновенными, что явствует из того, что свободу выборов, которая признается важнейшей и более всего необходимой Английской церкви, мы по чистой и доброй воле, еще до несогласия, возникшего между нами и баронами нашими, пожаловали и грамотой нашей подтвердили и получили подтверждение её от сеньора папы Иннокентия Третьего, которую и мы будем соблюдать, и желаем, чтобы ее добросовестно на вечные времена соблюдали и наследники наши.

Пожаловали мы также всем свободным людям королевства нашего за нас и за наследников наших на вечные времена все нижеписанныя вольности, чтобы имели их и владели ими они и их наследники от нас и от наследников наших.

2. Если кто из графов или баронов или других держателей, держащих от нас непосредственно (in capite) за военную повинность, умрет, и в момент его кончины наследник его будет совершеннолетен и обязан будет платить рельеф, то он (наследник) должен получить свое наследство после уплаты старинного рельефа, т.е. наследник или наследники графа (должен уплатить) за целую графскую баронию сто фунтов (стерлингов), наследник или наследники барона за целую баронию сто фунтов, наследник или наследники рыцаря, владеющего целым рыцарским фьефом, сто шиллингов самое большее; а кто меньше должен платить, пусть и дает меньше, согласно древнему обычаю фьефов.

3. Если же наследник кого-либо из таких (держателей) окажется несовершеннолетним и находящимся под опекой, то, достигнув совершеннолетия, пусть получает свое наследство без уплаты рельефа и пошлины.

4. Опекун земли этого наследника, который несовершеннолетен, должен брать с земли наследника только умеренные доходы и умеренные обычные платежи и умеренные повинности, и при этом не нанося ущерба и разорения ни людям, ни вещам; и если мы поручим опеку какой-либо из таких земель шерифу или кому-либо другому, который должен будет давать нам отчет о доходах её, и он разорит и опустошит эту находящуюся под его опекой землю, то мы возьмем с него штраф, и земля пусть будет поручена двум полноправным и честным людям из этого фьефа, которые и будут давать отчет о доходах нам или тому, кому мы назначим; и если мы подарим или продадим кому-либо опеку над какой-нибудь из таких земель, и он произведет на ней разорение или опустошение, то он лишится этой опеки, и она будет передана двум полноправным и честным людям из этого фьефа, которые таким же образом, как сказано выше, будут давать нам отчет.

5. Опекун же, пока будет держать в опеке землю, будет поддерживать дома, парки, помещения для скота, пруды, мельницы и прочее, относящееся к этой земле, из доходов этой земли и обязан будет передать наследнику, когда тот достигнет совершеннолетия, всю его землю снабженной плугами и другим сельскохозяйственным инвентарем, сколько требуется его в рабочее время и сколько можно иметь его, сообразуясь разумно с доходами с земли.

6. Наследники будут вступать в брак так, чтобы не было неравнаго брака, и таким при том образом, чтобы до заключения брака об этом доводилось до сведения близких из кровных родственников самого наследника.

7. Вдова после смерти мужа своего немедленно же и без всяких затруднений пусть получает приданое и свое наследство и пусть ничего не платит за свою вдовью часть или за свое приданое, или за свое наследство, каковым наследством муж её и сама она владели в день смерти мужа, и пусть остается в доме своего мужа в течение сорока дней после смерти его, в течение которых ей будет выделена её вдовья часть.

8. Никакая вдова не должна быть принуждаема к браку, пока желает жить без мужа, так, однако, чтобы представила ручательство, что не выйдет замуж без нашего согласия, если она от нас держит, или без согласия своего сеньера, от которого она держит, если она от кого-либо другого (а не от нас) держит.

9. Ни мы, ни наши чиновники не будем захватывать ни земли, ни дохода с неё за долг, пока движимости должника достаточно для уплаты долга; и поручители самого должника не будут принуждаемы (к уплате его долга), пока сам главный должник будет в состоянии уплатить долг; и если главный должник окажется не в состоянии уплатить долг, не имея откуда заплатить, поручители отвечают за долг и, если пожелают, могут получить земли и доходы должника и владеть ими до тех пор, пока не получат возмещения долга, который они перед этим за него уплатили, если только главный должник не докажет, что он уже рассчитался с этими поручителями.

12. Ни щитовыя деньги, ни пособие (auxilium) не должны взиматься в королевстве нашем иначе, как по общему совету королевства нашего, если это не для выкупа нашего из плена и не для возведения в рыцари первороднаго сына нашего и не для выдачи первым браком замуж дочери нашей первородной; и для этого должно выдавать лишь умеренное пособие; подобным же образом надлежит поступать и относительно пособий с города Лондона.

13. И город Лондон должен иметь все древния вольности и свободные свои обычаи как на суше, так и на воде. Кроме того, мы желаем и соизволяем, чтобы все другие города и бурги, и местечки, и порты имели все вольности и свободные свои обычаи.

14. А для того, чтобы иметь общий совет королевства при обложении пособием в других случаях, кроме трех вышеназванных, или для обложения щитовыми деньгами, мы повелим позвать архиепископов, епископов, аббатов, графов и старших баронов (majores barones) нашими письмами за нашей печатью; и кроме того повелим позвать

огулом, через шерифов и бэйлифов наших, всех тех, которые держат от нас непосредственно (in capite); (повелим позвать мы всех их) к определенному дню, т.е. по меньшей мере за сорок дней до срока, и в определенное место; и во всех этих призывных письмах объясним причину приглашения; и когда будут таким образом разосланы приглашения, в назначенный день будет приступлено к делу при участии и совете тех, которые окажутся налицо, хотя бы и не все приглашенные явились.

15. Мы не позволим впредь никому брать пособие с своих свободных людей, кроме как для выкупа его из плена и для возведения в рыцари его первороднаго сына и для выдачи замуж первым браком его первородной дочери; и для этого надлежит брать лишь умеренное пособие.

16. Никто не должен быть принуждаем к несению большей службы за свой рыцарский лен или за другое свободное держание, чем та, какая следует с него.

17. Общия тяжбы не должны следовать за нашей курией, но должны разбираться в каком-нибудь определенном месте.

18. Расследования о новом захвате, о смерти предшественника и о последнем представлении на приход должны производиться только в своих графствах и таким образом: мы или, если мы будем находиться за пределами королевства, наш верховный юстициарий, будем досылать двух судей в каждое графство четыре раза в год, которые вместе с четырьмя рыцарями каждаго графства, избранными графством, должны будут разбирать в графстве в определенный день и в определенном месте графства вышеназванныя ассизы.

19. И если в день, определенный для собрания графства, вышеназванныя ассизы не могут быть рассмотрены, то должно остаться столько рыцарей и свободных держателей из тех, которые присутствовали в этот день в собрании графства, чтобы с их помощью могли быть составлены надлежащим образом судебные приговоры, соответственно тому, более важное или менее важное будет каждое из дел (подлежащих их решению).

20. Свободный человек будет штрафоваться за малый проступок только сообразно роду проступка, а за большой проступок будет штрафоваться сообразно важности проступка, причем должно оставаться неприкосновенным его основное имущество (salvo contenemento suo); таким же образом (будет штрафоваться) и купец, и его товар останется неприкосновенным; и виллан таким же образом будет штрафоваться, и у него останется неприкосновенным его инвентарь, если они подвергнутся штрафу с нашей стороны; и никакой из названных выше штрафов не будет наложен иначе, как на основании клятвенных показаний честных людей из соседей (обвиняемых).

21. Графы и бароны будут штрафоваться не иначе, как при посредстве своих пэров, и не иначе, как сообразно роду проступка.

22. Клирик будет штрафоваться в качестве держателя своего светскаго держания не иначе, чем другие (держатели), названные выше, а не сообразно величине своей церковной бенефиции.

23. Ни община, ни отдельный человек не должны быть принуждаемы сооружать мосты на реках, кроме тех, которые издревле обязаны делать это по праву.

24. Ни шериф, ни констебль, ни коронеры, ни другие чиновники наши не должны разбирать дел, подсудных нашей короне.

26. Если кто-либо, держащий от нас светский лен, умрет, и шериф или бэйлиф наш предъявит наш приказ об уплате долга, который умерший должен был нам, то пусть шериф или бэйлиф наш наложит запрещение на движимое имущество умершего, найденное на светском лене, и составит ему опись в размере суммы этого долга, в присутствии полноправных людей, так, однако, чтобы ничего не было отчуждено из этого имущества, пока не будет уплачен нам долг, вполне выяснившийся; а остаток пусть будет оставлен душеприказчикам, чтобы они могли выполнить завещание умершего;

а если ничего нам он не был должен, то вся движимость пусть будет оставлена за умершим, причем должны быть обезпечены жене его и детям следуемыя им части.

27. Если какой-либо свободный человек умрет без завещания, движимость его пусть будет распределена руками близких родственников его и друзей под наблюдением церкви, причем должна быть обеспечена уплата долгов каждому, кому умерппй был должен.

28. Ни констебль, ни другой какой-либо наш чиновник не должен брать ни у кого хлеб или другое имущество иначе, как немедленно же уплатив за него деньги или же получив от продавца добровольное согласие на отсрочку (уплаты).

29. Никакой констебль не должен принуждать рыцаря платить деньги взамен охраны замка, если тот желает лично охранять его или через другого честного человека, если сам он не может сделать этого по уважительной причине; а если мы поведем или пошлем его в поход, он будет свободен от обязанности охраны замка соразмерно времени, в течение какого он был в походе по нашему повелению.

30. Никакой шериф или бэйлиф наш или кто-либо другой не должен брать лошадей или повозки у какого-либо свободного человека для перевозки иначе, как с согласия этого свободного человека.

31. Ни мы, ни чиновники наши не будем брать лес для укрепления или для других надобностей наших иначе, как с согласия самого того, кому этот лес принадлежит.

32. Мы не будем удерживать у себя земель тех, кто обвинен в тяжких преступлениях, дольше года и дня, а затем земли эти должны быть возвращены сеньерам этих ленов.

35. Одна мера вина пусть будет по всему нашему королевству, и одна мера пива, и одна мера хлеба, именно лондонская четверть, и одна ширина крашеных сукон и некрашеных и сукон для панцырей, именно два локтя между краями; то же, что о мерах, пусть относится и к весам.

37. Если кто держит от нас per feodifirmam или per socagium или per burgagium, а от кого-либо другого держит землю за военную повинность (рыцарскую службу), мы не будем иметь опеки над наследником и над землею его, которую он держит от другого, на основании этой feodifirmae, или socagii, или burgagii; не будем мы иметь опеки и над этой feodifirma, или над socagium, или над burgagium, если сама эта feodifirma не обязывает нести военную повинность. Мы не будем иметь опеки над наследником или над какой-либо землею, которую он держит от другого за рыцарскую службу, на том основании, что он (в то же время) и от нас держит землю на праве parvae sergenteriae, обязанный давать нам ножи или стрелы или что-либо подобное. (*Feodifirma, socagium и bargagium – разные виды свободного, но не военного, не рыцарского держания, именно: денежное держание, простое свободное держание и городское держание, т.е. держание по городскому праву. – Прим. пер.*)

38. Впредь никакой чиновник не должен привлекать кого-либо к ответу (на суде, с применением ордалий) лишь на основании своего собственного устного заявления, не привлекая для этого заслуживающих доверия свидетелей.

39. Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо (иным) способом обездолен, и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных его (его пэров) и по закону страны.

40. Никому не будем продавать права и справедливости, никому не будем отказывать в них или замедлять их.

41. Все купцы должны иметь право свободно и безопасно выезжать из Англии и въезжать в Англию, и пребывать, и ездить по Англии, как на суше, так и по воде, для того, чтобы покупать и продавать без всяких незаконных пошлин, уплачивая лишь

старинные и справедливые, обычаем установленные пошлины, за исключением военного времени и если они будут из земли, воюющей против нас; и если также окажутся в нашей земле в начале войны, они должны быть задержаны без ущерба для их тела и имущества, пока мы или великий юстициарий наш не узнаем, как обращаются с купцами нашей земли, находящимися тогда в земле, воюющей против нас; и если наши там в безопасности, то и те другие должны быть в безопасности в нашей земле.

42. Каждому пусть впредь будет позволено выезжать из нашего королевства и возвращаться в полной безопасности, по суше и по воде, лишь сохраняя верность нам; изъятие делается, в интересах общей пользы королевства, только для некоторого короткого времени в военное время; исключаются сидящие в заключении и поставленные, согласно закону королевства, вне закона, а также люди из земли, воюющей с нами, и купцы, с которыми надлежит поступать так, как сказано выше.

45. Мы будем назначать судей, констеблей, шерифов и бэйлифов лишь из тех, которые знают закон королевства и имеют желание его добросовестно исполнять.

46. Все бароны, которые основали аббатства и имеют грамоты английских королей или старинные держательские права в отношении к ним, должны иметь опеку над ними на время вакансий, как им надлежит иметь.

47. Все леса, которые стали заповедными королевскими лесами при нас, немедленно же должны перестать быть ими; так же надлежит поступать и с реками, которыя были объявлены нами заповедными.

48. Все дурные обычаи, существующие относительно заповедных королевских лесов и выделенных в них для охоты заповедных мест, а также должностных лиц, заведующих этими лесами и местами, шерифов и их слуг, рек и их охранителей, немедленно же должны быть подвергнуты расследованию в каждом графстве через посредство двенадцати присяжных рыцарей из того же графства, которые должны быть избраны честными людьми того же графства, и в течение сорока дней после того, как будет произведено разследование, должны быть ими совершенно уничтожены, чтобы больше никогда не возобновляться, так, однако, чтобы мы предварительно об этом были уведомлены или наш юстициарий, если мы не будем находиться в Англии.

49. Всех заложников и (все) грамоты, которые были выданы нам англичанами в обеспечение мира или верной службы, мы немедленно возвратим.

52. Если кто был лишен нами, без законного приговора своих пэров, (своих) земель, (своих) замков, (своих) вольностей или своего права, мы немедленно же вернем ему их; и если об этом возникла тяжба, пусть будет решена она по приговору двадцати пяти баронов, о которых сделано упоминание ниже, где идет речь о гарантии мира; относительно же всего того, чего кто-либо был лишен без законного приговора своих пэров королем Генрихом, отцом нашим, или королем Ричардом, братом нашим, и что находится в наших руках или чем другие владеют под нашим обеспечением, мы получим отсрочку до конца обычного срока принявших крест; исключение составляет то, о чем уже начата тяжба или уже произведено расследование по нашему повелению перед принятием нами креста; когда же мы вернемся из нашего паломничества или, если случится, что воздержимся от нашего паломничества, мы немедленно же окажем относительно этого полную справедливость.

53. Такую же отсрочку мы будем иметь и таким же образом и в оказании справедливости относительно лесов, которые должны перестать быть заповедными королевскими лесами, и тех, которые останутся заповедными королевскими лесами, которые Генрих, отец наш, или Ричард, брат наш, объявили заповедными королевскими лесами, и относительно опеки земель, входящих в состав чужого феода, каковую (опеку) мы до сих пор имели на том основании, что кто-либо (держащий землю от другого сеньера) в то же время держал феод и от нас за рыцарскую службу, и относительно

аббатств, которыя основаны были на чужом феоде, а не на нашем, относительно которых сеньер феода заявил свое право; и когда вернемся или если воздержимся от нашего паломничества, относительно этого тотчас же окажем полную справедливость.

54. Никто не должен подвергаться аресту и заключению в тюрьму по жалобе женщины, если она жалуется по случаю смерти кого-либо иного, а не своего мужа.

55. Все пошлины, которыя были уплачены нам несправедливо и против закона страны, и все штрафы, уплаченные несправедливо и против закона страны, пусть будут преданы полному забвению или пусть с ними будет поступлено по приговору двадцати пяти баронов, о которых упоминается ниже, где идет речь о гарантии мира, или по приговору большинства их совместно с вышеназванным Стефаном, кентерберийским архиепископом, если он будет иметь возможность присутствовать, и с другими, которых он пожелает для этого позвать с собою; а если он не будет иметь возможности присутствовать, дело тем не менее и без него пусть идет так (при этом), что если в подобной тяжбе будет выступать какой-либо или какие-либо из вышеназванных двадцати пяти баронов, то они устраняются, поскольку дело идет о решении этой тяжбы, а на их место и только для этого назначаются другие остальными из этих двадцати пяти и дают присягу.

60. Все же те вышеназванные обычаи и вольности, какие только мы соблаговолили признать подлежащими соблюдению в нашем королевстве, насколько это касается нас в отношении к нашим (вассалам), все в нашем королевстве, как миряне, так и клирики, обязаны соблюдать, насколько это касается их в отношении к их вассалам.

61. После же того, как мы, для Бога и для улучшения королевства нашего и для более успешного умиротворения раздора, родившегося между нами и баронами нашими, все это вышеназванное пожаловали, желая, чтобы они пользовались этим прочно и нерушимо на вечные времена, создаем и жалуем им нижеписанную гарантию, именно: чтобы бароны избрали двадцать пять баронов из королевства, кого пожелают, которые должны всеми силами блюсти и охранять и заставлять блюсти мир и вольности, какия мы им пожаловали и этой настоящей хартией нашей подтвердили, таким именно образом, чтобы, если мы или наш юстициарий, или бэйлифы наши, или кто-либо из слуг наших, в чем-либо против кого-либо погрешим или какую-либо из статей мира или гарантии нарушим, и нарушение это будет указано четырем баронам из вышеназванных двадцати пяти баронов, эти четыре барона явятся к нам или к юстициарию нашему, если мы будем находиться за пределами королевства, указывая нам нарушение, и потребуют, чтобы мы без замедления исправили его.

И если мы не исправим нарушения или, если мы будем за пределами королевства, юстициарий наш не исправит (его) в течение времени сорока дней, считая с того времени, когда было указано это нарушение нам или юстициарию нашему, если мы находились за пределами королевства, то вышеназванные четыре барона докладывают это дело остальным из двадцати пяти баронов, и те двадцать пять баронов совместно с общиною всей земли будут принуждать и теснить нас всеми способами, какими только могут, то есть путем захвата замков, земель, владений и всеми другими способами, какими могут, пока не будет исправлено (нарушение) согласно их решению; неприкосновенной остается (при этом) наша личность и личность королевы нашей и детей наших; а когда исправление будет сделано, они опять будут повиноваться нам, как делали прежде.

И кто в стране захочет, принесет клятву, что для исполнения всего вышеназваннаго будет повиноваться приказаниям вышеназванных двадцати пяти баронов и что будет теснить нас по мере сил своих вместе с ними, и мы открыто и свободно даем разрешение каждому давать присягу, кто пожелает дать ее, и никому никогда не воспрепятствуем дать присягу.

Всех же в стране, которые сами добровольно не пожелают давать присягу двадцати пяти баронам относительно принуждения и теснения нас совместно с ними, мы заставим дать присягу нашим приказом, как сказано выше.

И если кто-либо из двадцати пяти баронов умрет или удалится из страны или каким-либо иным образом лишится возможности выполнить вышеназванное, остальные из вышеназванных двадцати пяти баронов должны избрать по собственному решению другого на его место, который подобным же образом принесет присягу, как и прочие.

Во всем же, что поручается исполнять тем двадцати пяти баронам, если случится, что сами двадцать пять будут присутствовать, и между ними о чем-либо возникнет несогласие, или если некоторые из них, получив приглашение явиться, не пожелают или не будут в состоянии явиться, пусть считается решенным и твердым то, что большая часть тех, которые присутствовали, постановила или повелела, так, как будто бы согласились на этом все двадцать пять; и вышеназванные двадцать пять должны принести присягу, что все вышесказанное будут соблюдать верно и заставлять (других) соблюдать всеми зависящими от них способами.

И мы ничего ни от кого не будем домогаться, как сами, так и через кого-либо другого, благодаря чему какая-либо из этих уступок и вольностей могла бы быть отменена или уменьшена;

и если бы что-либо такое было достигнуто, пусть оно считается недействительным и не имеющим значения, и мы никогда не воспользуемся им ни сами, ни через посредство кого-либо другого.

63. Поэтому мы желаем и крепко наказываем, чтобы английская церковь была свободна, и чтобы люди в королевстве нашем имели и держали все названныя выше вольности, права, уступки и пожалования надлежаще и в мире, свободно и спокойно, в полноте и в целости для себя и для наследников своих от нас и от наследников наших во всем и везде на вечныя времена, как сказано выше.

Была принесена клятва как с нашей стороны, так и со стороны баронов, что все это вышеназванное добросовестно и без злого умысла будет соблюдаться.

Свидетелями были вышеназванные и многие другие.

Дано рукою нашею на лугу, который называется Рэннимид, между Уиндзором и Стэнзом, в пятнадцатый день июня, в год царствования нашего семнадцатый.

Текст приводится по изданию: Памятники истории Англии XI–XIII вв. – М., 1936. – С. 96–116.

ГЕРМАНИЯ

№ 3
ПРИВИЛЕГИЯ ФРИДРИХА II КНЯЗЬЯМ ЦЕРКВИ (1220 г.)

Во имя святой и нераздельной троицы Фридрих II... божьей милостью римский король, всегда священный, и король Сицилии. Размышляя с должным вниманием о том, с какой силой и верностью возлюбленные и верные наши князья-епископы до сих пор помогали нам, возводя нас на высоту престола, поддерживая нас на оном и, наконец, благосклонно и согласно выбрав своим королем и господином сына нашего Генриха, мы решили всегда возвеличивать тех, кто возвеличил нас... А посему, ввиду того что на тягость им выросли во время долгой смуты в империи ныне, благодарение создателю, рассеянные разные обычаи или, вернее, злоупотребления, как-то: новые таможни, монета, которая зачастую сама себя обесценивает сходством чекана, бесчинства фогтов их церквей и иные беды, коим нет числа, мы решили воспротивиться сим злоупотреблениям с помощью некоторых постановлений.

1. Во-первых, обещаем, что никогда впредь после смерти какого-либо церковного князя не будем присваивать фиску его наследства; также запрещаем любому миря-

нину присваивать его себе под каким бы то ни было предлогом, но пусть отойдет оно к преемнику, если предшественник умер без завещания; его завещание, если сделает таковое, мы считаем действительным. Если же кто вопреки этому постановлению осмелится присвоить себе наследство, то пусть считается опальным и вне закона и пусть навсегда лишится феода или бенефиция, если имеет таковой.

2. Также впредь не будем без их совета или против их воли вводить новые пошлины и новые монеты в их территориях или в подсудных им областях, но будем крепко и неизменно сохранять и защищать старые пошлины и монетные права, уступленные их церквам, и сами не будем их нарушать и не позволим нарушать другим...

3. А людей, состоящих у них в крепостной зависимости того или иного рода и уклонившихся по какой-либо причине от своих по отношению к ним обязанностей, мы не станем принимать в города наши во вред их господам. Желаем также, чтобы это положение соблюдалось как ими самими между собой, так и светскими господами по отношению к ним.

5. Если кто из них изобличит по ленному праву своего вассала, который его оскорбил, и вернет тем самым его феод, мы сохраним этот феод для него. И если он по своей доброй воле и щедрости захочет нам передать феод, то мы примем его независимо от нашей дружбы или вражды. Но если у церковного князя случится пустовать каким-либо образом феоду даже благодаря смерти инфеодированного, то мы собственной властью, точнее, насилием в него ни в коем случае не вступим, если не сможем получить по доброй воле и щедрой уступке, а, наоборот, всемерно будем защищать феод для него.

7. И так как меч светский создан в помощь мечу духовному, то вслед за отлучением, [произведенным прелатом – князем церкви] последует наша опала, и она не отменяется до снятия отлучения.

9. Также постановляем, чтобы никакие постройки, именно замки и города, не воздвигались в поместьях церквей либо для фогта, либо под каким-нибудь другим предлогом. И если какие случайно воздвигнут против воли тех, кому принадлежат поместья, то пусть будут королевской властью разорены.

10. Также по примеру деда нашего, блаженной памяти императора Фридриха, запрещаем кому бы то ни было из королевских чинов наших присваивать себе в городах этих князей какую-либо юрисдикцию в таможенных, монетных и иных делах, кроме как только в течение недели до заседания нашей курии, объявленной там всенародно, и в течение недели после нее. Но и в течение этих дней пусть не осмеливаются они в чем-либо преступать юрисдикцию [местного] государя и обычаи города. Всякий же раз, как мы вступим в какой-либо город не ради заседаний государственной курии, они в нем не будут иметь никаких прав, но местный государь и господин пусть пользуется всей полнотой власти.

11. А чтобы ведомо было потомкам и не выпало из памяти и из ведения современников, мы приказали приписать это к сей грамоте и грамоту снабдить подписью имен присутствующих, т. е. князей, и скрепить печатью нашей...

Свидетелями были [4 архиепископа, 9 епископов].

№ 4
ОТМЕНА ГОРОДСКИХ И РЕМЕСЛЕННЫХ ВОЛЬНОСТЕЙ
(1231-1232 гг.)

Фридрих II... Пожелав, чтобы вольности и милости, которыми по высочайшему нашему дарению ныне и впредь будут обладать наши имперские князья, толковались самым широким образом и применялись вполне свободно и беспрепятственно, мы санкцией настоящего эдикта совершенно отменяем и кассируем во всех городах и местах Германии коммуны, советы, бургомистров, ректоров и всяких других должностных лиц, которые ставятся городской общиной без соизволения архиепископов или епископов.

Отменяем также и кассируем для всех ремесел братства, или товарищества, как бы они ни назывались в народе. Также мы решили постановить санкцией этого эдикта, чтобы в каждом городе или месте, где существует чекан монеты, ни товары, ни съестные припасы не продавались и не покупались на иные деньги, кроме тех денариев, которые приняты в данном городе или месте.

Как в былые времена города и владения, даруемые императорским величеством, находились в ведении архиепископов и епископов, так и ныне мы желаем, чтобы они неизменно оставались в ведении их самих и их должностных лиц, специально ими назначенных, а обычай какого-либо города, если он и противоречив, тому не помеха: мы считаем его фактом, а не правом.

И вот, чтобы столь чудовищный лжеобычай был совершенно устранен и не прикрывался каким-либо авторитетом, мы отныне и впредь окончательно отменяем и объявляем совершенно ничего не значащими и пустыми все привилегии, патенты и грамоты, данные либо нашей милостью, либо предшественниками нашими, а также архиепископами и епископами какому-либо городу относительно сообществ, коммун и советов в умаление власти князей, империи или частных лиц. При этом мы заявляем, что положения настоящего нашего постановления, составленные на основании законов кесарей и в полном сознании нашей правоты, вышли в форме имперского постановления. А посему постановляем и скрепляем императорским эдиктом, чтобы ни один человек ни из знатных, ни из простых, ни из церковных, ни из светских никогда и никоим образом не осмелился противодействовать или не подчиняться этому нашему торжественному постановлению. Если кто отважится, то пусть знает, что кроме немилости нашей он подвергнется штрафу в 40 фунтов чистого золота, который пойдет в наш фиск.

[Засвидетельствовано 14 архиепископами и епископами, 3 герцогами, 6 графами и другими лицами.]

№ 5
ПРИВИЛЕГИЯ КНЯЗЬЯМ (1232 г.)

Фридрих II, божьей милостью римский император августейший, король иерусалимский и сицилийский. Величие нашего императорского сана и благо государственного управления только тогда пребывают в мире и справедливости, когда мы проявляем должную заботу о наших князьях и магнатах, на которых, как голова на славном теле, покоится наша империя. Итак, да будет известно настоящим и будущим, что мы вместе с нашим любезным сыном Генрихом, королем римским, собрались… и по просьбе князей и магнатов, которых прибыло туда множество, подтвердили и укрепили нашим авторитетом пожалованные королем и сыном нашим [Генрихом] милости и привилегии его курии в Вормсе [1231]...

1. Итак, подтверждаем и постановляем в соответствии с тем, что пожаловал сын наш, что ни мы, ни кто-либо другой не будет возводить крепости и города в округе церквей под предлогом фогтства.

2. Точно так же не будут учреждаться новые рынки во вред существующим исстари.

3. Пусть каждый пользуется полной свободой посещать какой хочет рынок.

4. Не должны также чиниться препятствия в пользовании старыми дорогами, если ими желают пользоваться путешествующие.

5. Во всех наших городах отменяется «запретная миля».

6. Пусть каждый князь свободно и беспрепятственно пользуется всеми правами юрисдикции, а также графствами и сотнями, как принадлежащими ему по наследству, так и инфеодированными, в полном соответствии с обычаями своей земли.

7. Сотенные графы (centumgravii) пусть получают сотни от владельца земли или от тех, кто инфеодирован ими.

8. Никто не может изменить местоположение сотни без согласия господина земли.

10. Чтобы горожане, именуемые пфальбюргерами (пфальбюргёры – люди, имеющие земельную собственность за пределами города) были полностью изгнаны [из королевских городов].

11. Чтобы винный чинш, деньги, зерно и прочее, что обязались платить крестьяне [городам] больше не взимались.

12. Чтобы в паши города не принимались люди, принадлежащие князьям, магнатам, министериалам и церквам.

13. Чтобы собственность и лены, занятые нашими городами у князей, знати, министериалов и церквей, были освобождены и в дальнейшем не занимались.

14. Ни нами, ни нашими людьми не будут чиниться никакие препятствия правам князей осуществлять свободное передвижение по землям, полученным от нас в феоды.

16. В наши города не будут приниматься осужденные, беглецы и скрывающиеся от преследования, а принятые будут выдаваться.

17. Обещаем, что в округе какого-либо князя впредь не будем открывать монетных дворов, из-за чего обесценивалась бы монета этого князя.

18. Наши города не будут распространять свою юрисдикцию за пределы городской черты, если только не имеют права на специальную юрисдикцию.

19. Пусть в наших городах судебные дела разбираются по месту жительства обвиняемых или по месту поимки преступников и должников...

20. Никто не может взять в залог имущество, полученное в качестве феода, без согласия высшего господина.

21. Чтобы люди, проживающие в наших городах, выполняли в пользу своих господ положенные и законные повинности от всего своего имущества и чтобы их не беспокоили незаконными повинностями.

23. Чтобы зависимые люди, находящиеся под фогтской или вотчинной властью, если они пожелают уйти к своим господам, не удерживались нашими служащими.

Свидетели: [4 архиепископа, 3 епископа, 1 аббат, 3 герцога, 3 графа, ряд имперских министериалов и др.].

Хрестоматия по истории средних веков. – Т. 2. – М., 1963. – С.482–486.

№ 6
ЗОЛОТАЯ БУЛЛА (1356 г.)

Карл IV созвал Нюрнбергский сейм 1355 года, "чтобы посоветоваться для общей пользы о мире и походе в стране". На основании постановления этого сейма Карл IV издал "Золотую буллу" для того, чтобы не было раздора "между семью князьями-избирателями Священной империи, которыми она должна освящаться, как семью сияющими светильниками в единстве семиобразного духа", чтобы "противодействовать будущим опасностям раздоров и разногласий между князьями-избирателями". "Золотую буллу" первоначально называли Carolina (по имени Карла), и лишь с 1366 г. – "Золотой буллой" (по привешенной золотой печати).

«ЗОЛОТАЯ БУЛЛА» [ИЗВЛЕЧЕНИЯ]

Глава II
Об избрании римского короля

1. После же того, как... князья-избиратели или их послы вступят в город Франкфурт, они должны немедленно, на другой же день, рано утром прослушать в присут-

ствии их всех в церкви св. апостола Варфоломея заказанную ими мессу... И архиепископ майнцский даст им форму присяги, и он с ними и они или, в случае их отсутствия, (их) послы с ним принесут на народном языке присягу...

3. Наконец, по принесении князьями-избирателями или (их) послами... присяги... пусть приступят они к избранию и никак уже названного города Франкфурта не покидают, прежде чем большая часть их не выберет временного главу мира или христианского народа, то есть римского короля, долженствующего стать императором. Если же они не успеют это сделать в течение 30 дней, считая без перерыва со дня принесения упомянутой присяги, то после этого, по прошествии этих 30 дней, пусть они питаются лишь хлебом и водою и никоим образом не выезжают из вышеназванного города до тех пор, пока ими или большею частью их не будет избран правитель или временный глава верующих, как об этом сказано выше.

4. После же того, как в том же месте они или большая по числу часть их совершит избрание, такое избрание должно считаться и рассматриваться так же, как если бы оно было совершено ими всеми единодушно без чьего-либо несогласия. И так как то, о чем ниже пишется, по древнему, установленному и похвальному обычаю всегда до селе нерушимо было соблюдаемо, посему и мы постановляем и предписываем всей полнотой данной нам императорской власти, что тот, кто вышеуказанным способом будет избран римским королем, тотчас же по окончании избрания, прежде чем он в силу власти Священной империи займется какими-нибудь другими делами или предприятиями, должен всем вместе и каждому в отдельности князьям-избирателям, духовным и светским, которые считаются ближайшими членами Священной империи, незамедлительно и беспрекословно подтвердить и одобрить своими грамотами и печатями все их привилегии, грамоты, права, вольности, пожалования, старинные обычаи, а также почетные саны и все, что они от империи получили и чем обладали вплоть до дня выборов, и все перечисленное повторить еще раз им, после того как будет коронован императорской короной. Такое подтверждение избранный сам сделает и повторит каждому князю-избирателю особо, сперва от своего королевского имени, а затем под императорским титулом, и во всем этом будет обязан всем этим князьям-избирателям вместе к каждому из них в отдельности не чинить никаких препятствий а, наоборот, без злого умысла оказывать милостивую поддержку.

5. Мы постановляем, наконец, что в случае, если три князя-избирателя, присутствующие (на выборах), или (их) послы за (их) отсутствием, изберут в римские короли четвертого среди них или из их среды, то есть князя-избирателя, присутствующего или отсутствующего, то голос этого избранного, если он будет присутствовать, или его послов, в случае его отсутствия должен иметь полную силу, увеличивая число избирающих и образуя большинство вместе с (голосами) прочих князей-избирателей...

Глава III

О местах, занимаемых архиепископами Трирским, Кёльнским и Майнцским

...Красе и славе Священной римской империи, чести императора и желанному благу государства благоприятствует единодушие достопочтенных и светлейших князей-избирателей, которые, как высокие столпы, с ревностным благочестием и предусмотрительной мудростью поддерживают собою священное здание и помощью коих укрепляется десница императорской власти; и чем более полной благодатью взаимного благоволения связываются они между собою, тем более обильные блага мира и спокойствия счастливо изливаются на христианский народ.

Поэтому, чтобы между достопочтенными архиепископами майнцским, кёльнским и трирским, князьями-избирателями Священной империи пресечены были впредь на вечные времена поводы ко всяческим спорам и подозрениям, которые в будущем

могли бы возникнуть относительно первенства или ранга их мест на императорских и королевских собраниях; и чтобы сами они, пребывая в спокойствии сердец и душ, лучше, в полном единодушии и со рвением действенной любви могли размышлять на утешение христианскому народу о делах Священной империи, мы, по обсуждении со всеми князьями-избирателями, как духовными, так и светскими, и по их совету постановляем и полнотой императорской власти настоящим законным эдиктом, долженствующим сохранять силу на вечные времена, утверждаем, что вышеназванные достопочтенные архиепископы при всех публичных императорских актах, как-то, в судах, при наделении ленами, на званых обедах, а также на совещаниях по всяким прочим делам, ради которых случится, что они должны будут собраться для обсуждения вопросов, касающихся обоюдной пользы и чести их и империи,– могут, в праве и должны сидеть так: (архиепископ) трирский– прямо против лица императора; майнцский – в своем архиепископстве и в своих областях, и за пределами своих областей в пределах канцлерства по Германии, за исключением лишь Кёльнской области, а Кёльнский – в своем архиепископстве и в своих областях и за пределами своих областей во всей Италии и Галлии – по правую сторону римского императора...

Глава IV

О князях-избирателях вообще

1. Сверх сего мы постановляем: всякий раз, как отныне впредь случится проводить имперское торжественное собрание (curiam), при любом заседании, как в совете, так и за (обеденным) столом, и в любых иных местах, где императору или римскому королю случится заседать вместе с князьями-избирателями,– чтобы по правую сторону императора или римского короля, непосредственно за архиепископом майнцским или кёльнским, а именно, за тем (из них), которому придется в то время, в силу его привилегии, сидеть с указанной правой стороны от императора, сообразно с тем, в какой это будет местности и в какой из областей,– должны занимать места: первое – король Богемии, как государь, коронованный и помазанный, а непосредственно за ним второе – пфальцграф рейнский; с левой же стороны, непосредственно за тем из названных архиепископов, которому придется сидеть с левой стороны, первое место займет герцог саксонский, а за ним второе – маркграф бранденбургский.

2. Далее, когда бы и сколько бы раз в будущем ни случалось (престолу) Священной империи быть вакантным, архиепископ майнцский будет тогда иметь власть, – как он имел (эту) власть, насколько известно, сыздавна, – созывать письменными извещениями прочих вышеупомянутых князей, своих соучастников по упомянутым выборам; когда же они все или те, которые смогут и пожелают присутствовать (на выборах), соберутся к назначенному дню выборов, названный архиепископ майнцский – и никто другой – должен будет опросить голоса своих соизбирателей, каждого в отдельности, в следующем порядке: первого, разумеется, он опросит архиепископа трирского, коему мы предоставляем первый голос, который, как нам известно, принадлежал ему до сих пор; второго – кёльнского архиепископа, коему по рангу и должности присвоено первому возлагать королевскую корону на римского короля; третьего – короля Богемии, коему, среди светских князей-избирателей, по его королевскому сану, по праву и по заслугам принадлежит первенство; четвертого – пфальцграфа рейнского; пятого – герцога саксонского; шестого –маркграфа бранденбургского; о голосах их всех названный архиепископ майнцский расспросит в указанном порядке. После этого названные князья-избиратели, его соучастники (по выборам), спросят, в свою очередь, его, чтобы и он сам выразил свое мнение и объявил им, (за кого подаст) свой голос.

3. Сверх того, на торжественных имперских собраниях (curus) маркграф бранденбургский будет подавать воду для омовения рук императора или римского короля, а король Богемии – первый кубок, который, однако, он, в силу привилегии своей коро-

левской власти, не будет обязан подавать, имея королевскую корону (на голове), если только не пожелает (сделать это) по доброй воле; затем пфальцграф (рейнский) будет обязан подносить блюдо, а герцог саксонский, как это повелось исстари, исполнять обязанности маршала.

Глава V

О праве пфальцграфа (Рейнского), а также герцога Саксонского

1. Далее, сколько бы раз, как сказано выше, ни оказывался престол Священной империи вакантным, светлейший пфальцграф рейнский, эрцтрухзес (верховный стольничий) Священной империи на основании своего княжеского достоинства или пфальцграфской привилегии должен до принятия власти будущим римским королем быть временным правителем (provisor) этой империи в рейнских землях, в Швабии и в областях, где действует франконское право, с властью творить суд, предоставлять церковные бенефиции, собирать налоги и доходы, раздавать лены, принимать присяги на верность вместо (императора) и от имени Священной империи...

И мы желаем, чтобы в тех местах, где действует саксонское право, этим же правом временного правления (provisionis) пользовался светлейший герцог Саксонский эрц-маршал Священной империи, таким же образом и на таких же условиях, как это изображено выше.

2. И хотя император или римский король по тем делам, за которые его могут призвать к ответу, должен, как это говорят установлено по обычаю, держать ответ перед пфальцграфом рейнским, эрцтрухзесом, князем-избирателем Священной империи, однако сам пфальцграф не будет вправе производить этот суд ни в каком другом месте, кроме как при императорском дворе, то есть (там), где на ту пору император или римский король окажется пребывающим.

Глава VII

О наследовании князей-избирателей

Среди тех бесчисленных забот, которыми ежедневно утруждается сердце наше ради благосостояния Священной империи, коей мы благополучно, по воле божьей, правим, наши помыслы направлены главным образом на то, как бы всегда соблюдалось желанное и благотворное единение между князьями-избирателями Священной империи, и (как бы) сердца их в согласии искреннего благорасположения пребывали. Их заботливостью тем легче и тем скорее может быть оказана помощь колеблющемуся миру, чем менее в их среду будет закрадываться какое-либо недоразумение и чем чище будет сберегаться их (взаимное) благорасположение после того, как будут устранены (всяческие) сомнения, и право каждого будет с полной ясностью провозглашено...

Для того чтобы между сыновьями этих светских князей-избирателей в будущем не могли возникать поводы к беспорядкам и несогласиям по вопросам указанного права, голоса и власти, и (чтобы), таким образом не мог быть опасными проволочками (dilationibus) нанесен ущерб общему благу, – мы с божьей помощью, желая наилучше предотвратить будущие опасности, устанавливаем и императорской властью постановляем настоящим законом, долженствующим иметь силу на вечные времена, чтобы после того, как кто-либо из этих светских князей-избирателей скончается, право, голос и власть ,в этих выборах переходили беспрекословно к его законному первородному сыну недуховного звания...

Глава IX

О золотых и серебряных и иного вида рудниках

Настоящим постановлением, долженствующим сохранять силу на вечные времена, мы устанавливаем и, по надлежащем рассмотрении, объявляем, что наши наслед-

ники, короли Богемии, а равно князья-избиратели, все вместе и каждый в отдельности, которые когда-либо будут, – духовные и светские, – всеми копями, золотыми и серебряными, и рудниками олова, меди, железа, свинца и других любых металлов, а также соли, как найденными, так и могущими быть найденными когда-нибудь впоследствии в указанном королевстве, в землях, ему принадлежащих и во владениях, подвластных тому же королевству, – могут полностью обладать и законно владеть со всеми, безо всякого исключения, правами, как таковые (вещи) могут находиться и обыкновенно находятся в (чьем-либо) владении...

Глава X
О монетах

Кроме того, мы постановляем, чтобы каждому будущему королю Богемии, нашему преемнику, (предоставлено было) следующее право, которое, как известно, предоставлялось с древнего времени нашим предшественникам, достославным королям Богемии, и которым они мирно и беспрерывно обладали, а именно (право) производить и разрешать производить чеканку золотых и серебряных монет во всяких местах и частях своего королевства, подчиненных ему земель и принадлежащих (ему владений), где король предпишет и где ему заблагорассудится, – всяким способом и во всякой форме, которые до сего времени соблюдались в самом королевстве Богемии и в этих (его землях);...

Равным образом мы желаем, чтобы настоящее постановление и пожалование, в силу настоящего нашего императорского закона, полностью было распространено на всех князей-избирателей, как духовных, так и светских, на их преемников и законных наследников во всех тех видах и на всех тех условиях, как говорится выше.

Глава XI
Об иммунитете князей-избирателей

Мы постановляем также, что никакие графы, бароны, сеньоры, ленники, вассалы, владельцы замков, рыцари, слуги, горожане, городские Обитатели и никакие (вообще) лица, подданные церквей кёльнской, майнцской и трирской, какого бы положения, состояния и сана они ни были, (как) в прежние времена не могли быть вызываемы, (так) и отныне впредь на вечные времена не должны и не могут быть привлекаемы и вызываемы по требованию какого бы то ни было истца вне территории и за границами и пределами этих церквей и владений, к ним принадлежащих, в какой бы то ни было и в чей бы то ни было суд, кроме как в суд архиепископов майнцского, трирского и кёльнского и их судей, как это и было соблюдаемо, насколько нам известно, в прежние времена...

Мы желаем, чтобы это же постановление в силу настоящего нашего императорского закона полностью было распространено на светлейших: пфальцграфа рейнского, герцога саксонского и маркграфа бранденбургского, князей-избирателей светских, или недуховных, на их наследников, преемников и подданных – во всех тех видах и на всех тех условиях, как говорится выше...

Глава XII
О собрании князей-избирателей

Среди тех многообразных забот о государстве, которыми беспрестанно занимается наша мысль, наше величество по многом размышлении усмотрело, что необходимо будет, чтобы князья-избиратели Священной империи для обсуждения (вопросов, касающихся) блага самой империи и земного мира, собирались чаще, чем это принято, так как они – (эти) прочные основы и незыблемые столпы империи, – живя в землях, далеко отстоящих друг от друга, имеют возможность сообщать друг другу и вместе с тем обмениваться друг с другом мнениями о наиболее тягостных недостатках (настоятельных нуждах) знакомых им областей и способны благотворными, предусмотритель-

ными решениями своими умело содействовать надлежащему исправлению таковых. И вот на торжественном сейме (curia) нашем, проведенном в Нюрнберге нашим величеством вместе с достопочтенными духовными и светлейшими светскими князьями-избирателями и многими другими князьями и сеньорами, мы, переговорив с этими князьями-избирателями и по их совету, сочли за нужное вместе с названными князьями-избирателями, как духовными, так и светскими, к общей пользе и благу установить, что эти князья-избиратели должны впредь лично съезжаться ежегодно один раз, спустя четыре, считая непрерывно, недели после праздника Пасхи, (то есть) воскресения Господня, в каком-либо из городов Священной империи...

Глава XV
О заговорах

Кроме того, проклятые и священными законами порицаемые заговоры и (тайные) сходки или недозволенные сообщества (лиги) в городах или за их пределами, между городом и городом, между лицом и лицом, либо между лицом и городом, – под предлогом ли покровительства или принятия в граждане, – или заговоры какой бы то ни было окраски, а также союзы и соглашения и заведенный насчет этого обычай, который мы рассматриваем скорее, как пагубу, – мы отвергаем, осуждаем и по надлежащем рассмотрении объявляем лишенными силы; (а именно те соглашения и союзы), которые города или лица какого бы то ни было сана, состояния, или положения до настоящего времени устраивали или в будущем вздумают устраивать, как между собой, так и с другими без одобрения сеньоров, подданными или слугами коих они (являются) или на землях коих они пребывают, даже если они (эти соглашения) и не направлены против этих сеньоров; поскольку не подлежит сомнению, что (эти заговоры и сообщества) признавались священными законами в бозе почивших августейших предшественников наших недопустимыми и подлежащими отмене. Отсюда, конечно, исключаются те союзы и лиги, о которых известно, что их заключили между собою князья, города и другие ради общего мира провинций и земель...

Глава XVI
О пфальбюргерах

Далее, так как некоторые граждане и подданные князей, баронов и других (лиц), – как на это до нас доходяг частые жалобы, – стремясь сбросить с себя узы исконного подданства и даже с безрассудной дерзостью пренебрегая им, добиваются, чтобы их приняли в число граждан других городских общин; и довольно часто в прошлом добивались этого; и, однако, в действительности продолжают проживать в землях, в больших и малых городах и селениях прежних сеньоров, которых они осмелились или осмеливаются так коварно покинуть, претендуя (в то же время) на пользование вольностями и защитой тех городских общин, к которым они так переходят, – их в областях Германии обыкновенно называют пфальбюргерами; –то, поскольку не должно потворствовать ничьему коварству и обману, мы полнотой императорской власти, находя поддержку в мудром совете князей-избирателей духовных и светских, по надлежащем рассмотрении постановляем и настоящим законом, долженствующим сохранять силу на вечные времена, утверждаем, что отныне и впредь упомянутые граждане и подданные, издевающиеся так над теми, кому они подчинены, ни в коем случае не должны ни в каких землях, местностях и провинциях Священной империи получать права и вольности тех городских общин, принятия в гражданство которых они столь коварно добиваются и доселе добивались, – разве только они, переселяясь на самом деле со всем своим имуществом в эти городские общины, имея там свои очаги и постоянно и действительно, а не фиктивно, там проживая, принимают в них на себя полагающиеся налоги и муниципальные повинности...

Глава XVII

Об объявлениях частных войн (файдах)

Относительно тех, которые под предлогом, что у них имеется законное основание к объявлению частной войны (файды) каким-либо лицам, объявляют (эту) войну в местах, где те не имеют жилищ (domicilia) или обычно не проживают, и заранее их не предупреждают, мы объявляем бесчестным нанесение всякого ущерба, причиняемого поджогами, расхищениями или грабежами тех, которыми объявлена война. И так как нельзя брать под защиту ничей обман или коварство, то настоящим постановлением, долженствующим сохранять вечную силу, мы определяем, что такого рода объявления частных войн, таким путем совершенные и готовящиеся в будущем быть совершенными против каких бы то ни было сеньоров или лиц, с которыми (дотоле) поддерживалось общение, знакомство или добрая дружба, не имеют законной силы; и никому не дозволяется под предлогом объявления частной войны нападать на кого-либо, производя поджоги, расхищения или грабежи, если об объявлении войны не будет послано извещение за три полные дня (до начала ее) лично тому, против кого объявляется война; или об этом не будет публично объявлено в том месте, где последний обычно проживает, и если (факт) посылки такого рода извещения не сможет быть полностью подтвержден достоверными свидетелями. Всякий же, кто иначе вздумает объявлять войну и нападать на кого-нибудь не так, как упомянуто, должен без судебного разбирательства (lo ipso) лишиться чести, как если бы не было сделано никакого объявления войны. Также мы предписываем подвергнуть его, как изменника, через любых судей установленным наказаниям. Мы запрещаем и осуждаем незаконные войны и раздоры, все вместе и каждую в отдельности, также все незаконные поджоги, расхищения и грабежи, непричитающиеся и необычные пошлины, навязанные конвои и обычные вымогательства платы за эти конвои, – под страхом наказаний, которыми священные законы повелевают карать все вышеуказанные (деяния) и каждое из них.

Глава XX

О неотделимости курфюршеств от прав, с ними связанных

Так как все княжества и каждое (из них) в отдельности, в связи с которыми светские князья-избиратели получают, как известно, права и голос на выборах римского короля, долженствующего потом стать императором, до такой степени сопряжены и неразрывно соединены с этим правом, должностями, санами и с другими правами, с ними связанными и от них проистекающими, что право, голос, должность и сан, а также другие права, относящиеся к какому-либо из этих княжеств, не могут доставаться никому другому, кроме того, о ком известно, что он владеет самим курфюршеством с его территорией, вассально-зависимыгми землями, ленами и доменами и со всем к нему относящимся, – то настоящим императорским эдиктом, долженствующим сохранять силу на вечные времена, мы предписываем, что каждое из названных курфюршеств должно в такой степени оставаться и быть навеки нераздельно соединенным и связанным с избирательным правом, голосом, должностью и всеми прочими санами, правами, и всем к нему относящимся, что владетель какого-либо курфюршества должен также пользоваться спокойным и свободным обладанием правом, голосом, должностью, саном и всем к нему относящимся и почитаться всеми за князя-избирателя; и сам, а не (кто-либо) иной, должен быть без всяких возражений приобщаем и допускаем прочими князьями-избирателями к выборам и ко всем иным актам, которые надо будет совершать ради чести и блага Священной империи; и ничто из вышеизложенного никогда не должно быть отделяемо либо обособляемо от другого, так как все это нераздельно и должно быть нераздельным; и ни в судах, ни вне (их) не может быть ни требуемо, ни получаемо, ни даже судебным решением отделяемо; и никто, заявляющий притязание на одно без другого, не должен быть выслушиваем...

Глава XXII

О местах князей-избирателей в процессиях и кому надлежит вести инсигнии

Для определения же порядка следования в процессиях (светских) князей-избирателей в присутствии шествующего императора и римского короля, о чем мы упомянули выше, мы постановляем, чтобы всякий раз, как на торжественном императорском собрании князьям-избирателям придется вместе с императором или римским королем шествовать в процессиях при каких-либо актах или торжествах, и нужно будет нести императорские инсигнии, – герцог саксонский, несущий императорский или королевский меч, должен шествовать непосредственно перед императором или королем и находиться между ним и архиепископом трирским; а пфальцграф рейнский, несущий императорскую державу, должен шествовать от герцога саксонского с правой стороны, маркграф же бранденбургский, несущий скипетр,– с левой по прямой линии; король же Богемии должен следовать непосредственно за самим императором или королем, не имея никого посередине.

Глава XXIV

Если кто-либо с князьями, рыцарями или частными лицами или даже с какими бы то ни было лицами из плебса вступит в преступное сообщество и принесет клятву данного сообщества относительно убийства достопочтенных и светлейших наших и Священной римской империи духовных или светских князей-избирателей или одного из них, то (так как они являются частью нас самих, и так как законы требуют, чтобы с той же строгостью каралось желание совершить преступление, как и совершение его) да будет он сам, как виновный в оскорблении величества, казнен мечом с конфискацией всего его имущества в пользу нашей казны; сыновья же его, которым мы по особому императорскому милосердию даруем жизнь, (ибо они должны были бы погибнуть от той же казни, как отец, так, чтобы их пример внушал страх перед отцовским, как бы унаследованным ими преступлением) и, да будут устранены от всякого, наследования с материнской и дедовской стороны, а также (со стороны) других родственников, да не получают они ничего по завещаниям других лиц, да будут навсегда нищими и бедными, да тяготеет над ними всегда бесчестие отца, да не будут допускаемы они ни до какой почести, ни к какой присяге, да будут они, словом, такими, чтобы им, погрязающим в вечной нужде, и смерть была утешением, а жизнь наказанием; наконец, мы повелеваем, чтобы беспощадно были лишены доброго имени те, которые когда-либо попытаются заступиться за таковых. К дочерям их, сколько бы их ни было, должна, согласно нашей воле, перейти только четвертая, определенная законом Фальцидия, доля из имущества матери, скончается ли она, оставив завещание или не оставив его, так чтобы дочери скорее получали скудное подаяние, чем пользовались полными выгодами и добрым именем наследниц; ибо решение относительно них должно быть потому более мягким, что мы уверены, что по слабости своего пола они будут менее дерзновенными. Также освобождения из-под отеческой власти, которые указанными лицами были бы предоставлены либо их сыновьям, либо дочерям, – конечно, после издания (настоящего) закона, – не должны иметь силы. Приданое, всяческие дарения, ровно как отчуждения чего-либо, о которых станет известно, что они совершены обманным или каким-нибудь образом или по закону в то время, когда упомянутые (лица) уже замыслили вступить в заговор или (преступное) сообщество, не должны иметь никакой силы. Жены же вышеназванных (лиц), получив обратно свое приданое (если к ним относится положение, что принятое ими от мужей, как подаренное они обязаны сохранять для сыновей), пусть знают, что по прекращении узуфрукта им придется оставить нашей казне все, что по закону причиталось сыновьям. И четвертая Фальцидиева доля также из этих вещей должна выделяться только дочерям, но не сыновьям.

То, что мы предписали относительно упомянутых (лиц) и их сыновей, мы с такой же строгостью распространяем на их приверженцев, соумышленников и слуг с их детьми. Однако, если кто-нибудь из них в самом начале устройства заговора, воспламенившись рвением к истинной похвале, сам выдаст этот заговор, – он будет пожалован нами наградой и почестью; тот же кто, уже приняв участие в заговоре, хотя бы поздно, откроет неизвестные дотоле тайны замыслов, будет сочтен достойным поощрения и помилования. Далее мы постановляем, что если станет известно о чем-либо совершенном против вышеназванных князей-избирателей, то даже после смерти виновного можно возбуждать уголовное преследование. Вместе с тем при этом преступлении, которое относится к оскорблению величества (императора) в лице его князей-избирателей, за господина подвергаются пытке также и его рабы. Сверх сего, мы желаем и настоящим императорским эдиктом постановляем, чтобы даже после смерти виновных можно было возбуждать это обвинение, так чтобы в случае изобличения умершего была осуждена его память, а имущество его отнято у наследников; ибо, как только кто возымеет преступнейшее намерение, с тех пор он подлежит наказанию за умысел. Далее мы предписываем, чтобы с тех пор, как кто-либо вознамерится совершить такое преступление, он не может ни отчуждать (своего имущества), ни отпускать на волю (своих рабов), и должник законно может не платить ему долга. По этому делу, то есть по делу преступного заговора, направленного против князей-избирателей, духовных и светских, согласно нашему решению за господина, как сказано выше, допрашиваются под пыткой рабы. И если кто умрет, и обнаружится, что умерший был замешан в таком деле, то на имущество его должен быть наложен арест ввиду неопределенности того, кто будет его преемником.

Глава XXV

Если подобает, чтобы прочие княжества сохранялись в своей целостности, дабы укреплялось правосудие и верные подданные наслаждались покоем и миром, то гораздо более должны сохраняться в неприкосновенности княжества, домениальные владения, саны и права их величеств князей-избирателей, ибо, где большая угрожает опасность, (там) следует применять и большие меры к ее предотвращению, – чтобы из-за падения столпов не разрушалась и основа всего здания. Поэтому мы предписываем и настоящим императорским эдиктом, долженствующим сохранять силу навеки, приказываем, чтобы отныне и впредь на вечные будущие времена достославные и величественные княжества, а именно: королевство Богемское, пфальцграфство Рейнское, герцогство Саксонское и маркграфство Бранденбургское, их территории, области, зависимые и вассальные земли и любое к ним принадлежащее, не раздроблялись (по долям), не разделялись (в натуре) и не расчленялись под каким-либо условием; но с тою целью, чтобы они, наоборот, навсегда оставались в совершенной своей целостности, в них должен наследовать первородный сын, и ему одному должно принадлежать право и верховенство...

Глава XXIX

1. Мы узнали также из вполне ясных известий и преданий древних, что с незапамятных времен теми, кто нам счастливо предшествовал, беспрерывно соблюдалось то, что избрание римского короля, будущего императора, совершалось в вольном городе Франкфурте, первая коронация – в Ахене, а первый его королевский сейм проводился в городе Нюрнберге; поэтому мы объявляем, что по тем же основаниям вышеуказанное должно соблюдаться и на будущее время, если этому или чему-либо из этого не встретитгся законное препятствие...

Текст воспроизведен по изданию: Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. – М., 1961.

МОДУЛЬ 4
ВОСТОЧНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

СЕМИНАР 11–12
АРАБО-ИСЛАМСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Направление семинара:
Арабо-исламская средневековая цивилизация

1. Доисламская Аравия.
2. Жизнь и пророческая деятельность Мухаммада. Возникновение ислама и формирование мусульманской общины.
3. Халифат при «праведных халифах». Арабские завоевания. Сунниты и шииты.
4. Халифаты Умайядов и Аббасидов. Особенности верховной власти и социально-экономических отношений в халифате. Причины распада халифата Аббасидов.
5. Арабо-исламская средневековая культура и наука. Картина мира. Способ жизни.

Подготовка к этому семинару требует особого внимания к вопросам о той роли, которую сыграл ислам в объединении арабов, о своеобразии ислама и его влиянии на государственный строй, экономические отношения и нормы жизни арабо-мусульманского мира. Что способствовало быстрому распространению этой религии среди неарабских народов? Почему арабо-мусульманское общество было таким организованным и покорным? Чем отличается мусульманский и христианский взгляд на мир? Что их объединяет? Особого внимания заслуживают вопросы истории Халифата, его эволюции в разные периоды. Следует обратить внимание на особенности аграрных отношений в Халифате, организации верховной власти, развитии науки и культуры в мусульманском мире. В отрывке из «Истории халифата» О.Г. Большакова можно ознакомиться с оценкой наследия Мухаммада (См. Ридер, № 23).

Источники

1. Коран. – Любое издание.
2. Хрестоматия по истории средних веков: в 3-х т. – Т.2. – М., 1963. – С. 234–248.

Литература

1. Беляев, Е.А. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннем средневековье / Е.А. Беляев. – М., 1965.
2. Большаков, О.Г. История халифата: в 4-х т. – О.Г. Большаков. – Т. 1–3. – М., 1989–1998.
3. Васильев, Л.С. История религий Востока / Л.С. Васильев. – М., 1988.
4. Грюнебаум, Г.Э. фон. Классический ислам. Очерк истории (600–1258) / Г.Э. фон Грюнебаум. – М., 1988.
5. Массэ, Э. Ислам. Очерк истории / Э. Массэ. – М., 1982.
6. Монтгомери, У.У. Влияние ислама на средневековую Европу / У.У. Монтгомери. – М., 1976.
7. Основные черты арабо-мусульманской культуры. –М., 1981.
8. Очерки истории арабской культуры. V–XV вв. – М., 1982.
9. Пиотровский, М.Б. Коранические сказания / М.Б. Пиотровский. – М., 1991.

ДОКУМЕНТЫ К СЕМИНАРУ № 11–12

№ 1
ИБН АБД АЛ-ХАКАМ[1] О ЗАВОЕВАНИЯХ АРАБОВ

Рассказ о тех, кто говорит, что Египет взят по договору

Говорит [Ибн 'Абд ал-Хакам]: затем вновь идет рассказ Муса б. Аййуба и Ришдина б. Са'да, [которые передали сообщение] ал-Хасана б. Саубана [со слов] Хусайна б. Шуфая:

Когда 'Амр взял Александрию, там остались те, кто был захвачен в плен и на кого был возложен харадж (*Харадж – поземельный налог*). Их насчитывалось тогда шестьсот тысяч человек, не считая женщин и детей. Люди разошлись с 'Амром относительно своей доли [добычи], и большинство хотело получить свою долю. 'Амр сказал: «Я не могу *PAC*поряжаться вашей долей, пока не напишу эмиру верующих». *'Амр* написал ему, сообщая о взятии Александрии и ее делах и о том, что мусульмане требуют свою долю [добычи]. 'Умар написал ему: «Не разделяй добычу. Оставь побежденным харадж как дань для мусульман, как их силу для борьбы за веру с их врагом!» 'Амр установил [размер] дани, подсчитав жителей Александрии, и возложил на них харадж.

Весь Египет был взят по договору на условии уплаты двух динаров каждым мужчиной. Относительно джизйи (*джизйа – подушный налог с христиан и иудеев, сохранивших свою религию в мусульманском государстве)* ни с чьей головы брали больше двух динаров и, кроме того, то, что следовало соответственно размеру земли и посевов, за исключением Александрии, потому что ее жители должны были терпеть харадж и джизйу соответственно тому, что решил их правитель, т. к. Александрия была взята силой, без договора и обязательства, у ее жителей не было мирногодоговора, и они не стали зиммиями (*Зиммии (букв, находящиеся под покровительством»), здесь: копты*).

Рассказал нам 'Усман б. Салих, [передавая слова] Бакра б. Мудара, [который сообщил сведения] 'Убайдаллаха б. Абу Джа'фара, сказавшего: мне рассказал человек, знавший Амра б. ал-'Аса. Он сказал:

«У коптов есть договор у такого-то и у такого-то» – и назвал троих людей.

Рассказал нам 'Абдаллах б. Салих: нам сообщил Йахйа б. Аййуб, [передавая сведения] 'Убайдаллаха б. Абу Джа'фара [со слов] шейха из предводителей войска:

Договор египтян был у их предводителей. Я спросил одного престарелого шейха о завоевании Египта. Он ответил: «Мы приехали в Медину во время правления 'Умара б. ал-Хаттаба. Я был [уже] взрослым и был при завоевании Египта». Я сказал ему: «Вот люди говорят, что у египтян нет договора». Он возразил: «Не стоит обращать внимания. Не молится тот, кто говорит, что у них нет договора». Я спросил: «А разве у них есть запись [договора]?» Он ответил: «Да! [У них есть] три записи: одна у Талма, владетеля Ихна, другая – у Кузмана, владетеля Рашида, третья у Йуханнаса, владетеля Баруллуса». Я спросил: «Каков же их мирный договор?» Он ответил: «[На условии уплаты] двух динаров джизйи с каждого человека и кормления мусульманам». Я попросил: «Сообщи мне, какие обязательства [на мусульманах]». Он сказал: «Условий шесть: не выгонять их (коптов) из их домов, не отбирать их женщин, не посягать на их деревни и их земли и не увеличивать [обложения, которое возложено] на них».

Рассказ о тех, кто говорит, что Египет взят силой

Говорят другие:

Египет взят силой, без договора и соглашения.

---

[1] *Ибн Абд Ал-Хакам – египетский историк 9 века. Он рассказывает о древней истории Египта, о появлении там арабов и их расселении, о первых десятилетиях арабского правления в этой стране, о завоевании Магриба и Пиренейского полуострова.*

Рассказал нам Абд ал-Малик б. Маслама: нам поведал Ибн Вахб, [передав сообщение] 'Ийада б. 'Абдаллаха ал-Фихри [со слов] Раби'и б. Абу 'Абд ар-Рахмана:

Амр б. ал-'Ас захватил Египет без договора и соглашения. 'Умар б. ал-Хаттаб запретил брать что бы то ни было из имущества страны (для раздела], имея в виду [общие нужды] ислама и мусульман.

Рассказал нам ' Абд ал-Малик б. Маслама: нам поведал Ибн Вахб, [который передал сообщение] 'Абд ар-Рахмана б.Шурайха, [пересказавшего сведения] Йа'куба б. Муджахида [со слов] Зайда б. Аслама. Он сказал:

У 'Умара б. ал-Хаттаба был сундук, где хранился каждый договор, который был заключен между ним и всяким, с кем он заключал договор. Но в нем не обнаружили договора с египтянами.

Сказал 'Абд ар-Рахман б. Шурайх – я не знаю, со слов ли Зайда он сообщил или кого-то еще:

«Те из египтян, кто принял ислам, вошли в [мусульманскую] общину, а те, кто отказался, стали зиммиями».

Рассказали нам Абу-л-Асвад ан-Надр б. 'Абд ад-*Джаббар* и 'Абд ал-Малик б. Маслама, говоря: нам поведал Ибн Лахи'а [со слов] 'Абд ал-Малика б. Джунады, писца *Хаййана* б. Сурайджа, египтянина, маула [племени] курайш. Он сказал:

Хаййан написал 'Умару б.'Абд ал-'Азизу, спрашивая его, возлагать ли джизйу умерших коптов на живых. 'Умар спросил'Ирака б. Малика. 'Ирак ответил: «Я не слышал ни о каком договоре или соглашении для них. Они были захвачены силой и [находятся] на положении рабов». И 'Умар написал Хаййану б. Сурайджу, чтобы тот возлагал джизйу умерших коптов на живых.

Цитируется по: Учебно-методический комплекс по истории Средних веков: в 5-ти кн. / под редакцией Ведюшкина В.А. – МКДУ, 2008. – Кн.4. – С.261–264.

№ 2
АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АРАБСКОМ ХАЛИФАТЕ В XI в.

Абу-л- Хасан Алий ибн- Мухаммад ибн- Хабиб ал- Басрий ал- Маварди «Книга о принципах управления» [Извлечения]

Категории земель по принципам налогообложения

Все земли делятся на четыре категории.

Первая категории – земли, оживленные мусульманами. Это земли ушра *(Ушр – десятая часть урожая, выплачиваемая в качестве поземельного налога арабами-мусульманами в пользу государства*) и не дозволено облагать их хараджем **(***Харадж – 1) поземельный налог, платимый в пользу государства завоеванными народами, сохранившими свою религию; 2) единый фиксированный налог – дань, платимая в пользу государства народами, заключившими с завоевателями договор о сохранении земли в их владении, о покровительстве со стороны государства).*

Вторая категория – земли, ради сохранения которых владельцы их приняли ислам. Они имеют преимущественное право на эти земли, и, по мнению аш-Шафи'и, – да благословит его аллах – они – земли ушра, и не дозволено облагать их хараджем. Абу-Ханифа говорит: имам (В данном случае это халиф, облеченный властью светского правителя и духовного главы–имама) может по собственному выбору наложить на них харадж или ушр. Если он наложил на них харадж, то не позволено перевести их на ушр, но если он наложил на них ушр, то дозволено перевести их на харадж.

Третья категория – земли, завоеванные у неверующих посредством оружия, с бою. Они, по мнению аш-Шафи'и, – и добыча, подлежащая разделу между взявшими их

в качестве добычи, и они – земли ушра. Не дозволено облагать их хараджем. Малик их считает вакфом *(Вакф – государственная собственность, изъятая из гражданского оборота*) из-за хараджа, налагаемого на них. Абу-Ханифа говорит, что имам может выбирать: разделить их или сделать вакфом.

Четвертая категория – земли, о которых неверующие заключили договор. Это та специальная категория земель, которая облагается хараджем и состоит из двух видов.

Первый вид – земли, брошенные их владельцами. Таким образом ставшие принадлежностью мусульман без сражения. Они – вакф в пользу всех мусульман и облагаются хараджем, который представляет постоянную арендную плату, если его сумма и не будет определена по времени, когда это будет в общих интересах. Харадж не подлежит изменению ни при принятии ислама, ни при вступлении под покровительство. Не дозволено продавать субстанции этих земель из-за распространения на них статута вакфа. (Словом «субстанция» переведено сочетание слов «ракабат ал-ард» – букв, шея земли).

Второй вид – земли, владельцы которых остались на них и заключили договор об их сохранении в своем владении посредством хараджа, который налагается на них. Этот вид состоит из двух подвидов.

Первый подвид – земли, владельцы которых при заключении договора с нами отказались от собственности на них в пользу нас. Эти земли – вакф мусульман подобно землям, брошенным их владельцами. Харадж, налагаемый на них, представляет арендную плату, которая сохраняется и при обращении их владельцев в ислам. Не дозволено им продавать субстанцию этих земель. Они сохраняют преимущественное право на них, пока они соблюдают договор, независимо от того, останутся ли они неверующими или примут ислам, у них нельзя отобрать эти земли, так же как нельзя отобрать арендованные земли у арендаторов. Платеж хараджа не освобождает их от платежа подушного налога – джизьи, если они станут людьми зиммы и изберут новое местожительство. А если они не вступают в покровительство – зимму, сохраняют договор и не платят джизью, то не дозволено оставить их в этом положении больше года. А меньше одного года без платежа джизьи оставлять их дозволено.

Второй подвид – земли, владельцы которых сохранили собственность на них, не отказались от их субстанции и о которых они заключили договор при условии уплаты хараджа, налагаемого на них. Это харадж-джизья, которая взимается с них, пока они остаются неверующими, но при обращении вислам снимается. Дозволено не брать у них подушный налог, и им разрешается продавать эти земли, кому они пожелают: из их среды, из мусульман или из зиммьев. Если они продадут землю своим, то на нее будет сохранен статут хараджа. Если они продадут землю мусульманину, то харадж с нее снимается. Если они продадут землю зиммьям, то, возможно, с нее будет взиматься харадж из-за неверия покупателя, а, возможно, с него будет снят харадж из-за того, что после принятия им зимма, условия прежнего договора для него не обязательны.

Принципы пожалования икта

Что касается икта ат-тамлик[1], то земля, пожалованная на правах икта, делится на три категории: мертвую землю, обработанную землю и землю с полезными ископаемыми.

Что касается мертвой земли[2], то она двух видов.

Первый вид – земля, которая не переставала быть мертвой с давних времен, не подвергалась обработке и на которую не была установлена собственность. Это та земля, которую султан может пожаловать тому, кто её оживит и обработает. По мнению Абу-Ханифы, пожалование ее в икта – условие дозволенности ее оживления, так как

[1] *Икта ат-тамлик – пожалование земли на правах собственности. Ал-Маварди знает и другой вид пожалования: икта ал-истиглал – пожалование дохода с земли.*

[2] *Согласно мусульманским законоведам, мертвыми считались все земли, которые не находились во владении или в собственности кого-либо и не обрабатывались.*

Абу-Ханифа не разрешает оживить мертвую землю без дозволения имама. По мнению аш-Шафи'и, пожалование её на правах икта дает получателю преимущественное право на ее оживление по сравнению с другими, но это пожалование не обусловливает дозволенности ее оживления, ибо оживлять мертвую землю дозволяется без разрешения имама. Согласно обоим мнениям, тот, кто получает мертвую землю на правах икта, посредством оживления приобретает преимущественное право по сравнению с другими. Посланник аллаха – да благословит его аллах, да приветствует – пожаловал Зубайру ибн-Авваму[1] земли из мертвой земли ан-Наки столько, сколько тот покрыл бы галопом своего коня. Зубайр припустил своего коня, а потом, желая увеличить получаемую землю, перебросил свой кнут через коня, и посланник аллаха – да благословит его аллах, да приветствует – сказал: «Дайте ему землю до места падения его кнута».

Второй вид – земля, которая была обработана, а потом пришла в негодность и стала мертвой, бесплодной. Такая земля двух видов. Первый вид – земля, которая существовала при джахилии[2] подобно землям адии самуд[3]. Этот вид походит на землю, которая не была обработана, и ее пожалование на правах икта дозволено. Посланник аллаха – да благословит его аллах, да приветствует – сказал: «Земля ади принадлежит аллаху, его посланнику, а потом от меня – вам», подразумевая землю ади.

Второй вид – земля, которая была приобретена во время ислама и на которую распространялась собственность мусульман, а потом она пришла в негодность и стала мертвой, бесплодной. О правилах ее оживления у законоведов три различных мнения.

По мнению аш-Шафи'и, на эту землю посредством оживления нельзя установить собственность, независимо от того, известны или не известны ее владельцы. Малик говорит, что посредством оживления на нее можно установить собственность, независимо от того, известны или не известны ее владельцы. Абу-Ханифа говорит, что если владельцы этой земли известны, то на нее посредством оживления собственность не устанавливается, но если они не известны, то на нее посредством оживления собственность устанавливается. Согласно его мнению, посредством оживления не дозволено установить собственность на мертвую землю без пожалования ее на правах икта. Если ее владельцы известны, тогда не дозволено пожаловать мертвую землю на правах икта, ибо ее владельцы имеют преимущественное право на ее продажу и оживление; но если они не известны, то пожалование ее на правах икта дозволено и это пожалование – условие законности ее оживления.

Когда мертвая земля по комментированному нами способу становится икта, лицо, которому имам пожалует ее и в силу этого приобрело на эту землю преимущественное право по сравнению с другими, не может установить собственность на эту землю, пока ее не оживит. Если это лицо приступает к оживлению полученной земли, то по окончании ее оживления становится собственником. Если же получивший мертвую землю на правах икта не приступает к ее оживлению, то он имеет преимущественное право на эту землю только в качестве ее владельца, но не собственника. Будут рассмотрены причины, из-за которых он не приступил к ее оживлению; и если они будут явно уважительными, то нельзя оспаривать у него эту землю, и он сохраняет ее в своем владении, пока существуют эти причины.

Но если причины будут неуважительными, то, по мнению Абу-Ханифы, нельзя оспаривать у него эту землю до истечения трех лет. Если владелец оживит ее в течение

---

[1] *Зубайр – один из близких сподвижников Мухаммада, участник завоевания Египта, был убит в «сражении верблюда».*

[2] *До возникновения ислама и государства.*

[3] *Названия древних племен, употребляемые в значении древнего происхождения. Ал-Маварди имеет в виду земли, которые были в собственности племен или отдельных лиц до возникновения ислама, запустевшие по разным причинам, в том числе по причинам переселения племен.*

этого времени, то хорошо, а если нет, то упраздняется статут икта на том основании, что Умар назначил срок пожалования три года…

По мнению аш-Шафи'и, установление срока не обязательно. Во внимание принимается возможность этого лица оживить мертвую землю, и когда наступит время, в течение которого земля должна быть оживлена, то ему будет сказано: или ты оживи ее, и она будет утверждена в твоей собственности, или откажись от нее с тем, чтобы она вернулась в положение, в котором она находилась до ее пожалования. Что касается срока, назначенного Умаром, – да будет доволен им аллах, то он, возможно, был вызван частным обстоятельством, или же его мнение было признано годным во всех случаях. Если какой-либо узурпатор присвоит пожалованную мертвую землю и оживит ее, то по этому поводу законоведы высказывают три различных мнения.

По мнению аш-Шафи'и, тот, кто оживит такую землю, приобретает преимущественное право над лицом, получившим ее на правах икта.

Абу-Ханифа говорит, что при оживлении такой земли до истечения трех лет, она остается в собственности того, кому она была пожалована, а после истечения трех лет она становится собственностью того, кто ее оживил. Малик говорит, что если эту землю оживили, зная о том, что она была пожалована на правах икта, то тогда земля остается в собственности того, кому она была пожалована, но если ее оживили, не зная о том, что она была пожалована на правах икта, то тогда тот, кому она была пожалована, может выбирать: или оплатить расходы по оживлению тому, кто мертвую землю оживил, или оставить [ее] у него и передать ему же остальную часть мертвой земли.

Что касается обработанной земли, то она двух категорий. Первая – земля, собственник которой признан и на которую у султана нет никаких прав, за исключением обязательств, налагаемых на эту землю казной, когда, она находится на территории ислама (дар ал-ислам, согласно ал-Маварди, – территории, подчиненные мусульманской юрисдикции), независимо от того, будет ли она принадлежать муслимам или зиммьям; но если земля находится на территории войны (дар ал-харб противопоставляется дар ал-исламу. Согласно ал-Маварди, дар ал-харб – территории, не подчиненные мусульманской юрисдикции и могущие стать объектом завоеваний), которую мусульмане еще не захватили, и имам пожелает пожаловать ее на правах икта с тем, чтобы тот, кому она будет пожалована, вступил в собственность при ее завоевании, то это дозволено. Тамим ад-Дари просил посланника аллаха – да благословит его аллах, да приветствует, – чтобы тот пожаловал ему Уйун ал-Балад, который находился в Сирии, до ее завоевания, и он так и сделал.

Таким образом, если кто-либо просит у имама в дар имущество на территории войны и оно еще в собственности ее населения или кто-либо просит пленных и подростков с этой территории, с тем чтобы при ее завоевании он имел преимущественное право на них, то это дозволено. Дарение разрешено и тогда, когда еще не известно, осуществимо ли оно, ибо оно зависит от общего положения Аш-Ша'би рассказал, что Харим ибн-Аус ибн Харис ат-Таи сказал пророку – да благословит его аллах, да приветствует: «Если аллах доставит тебе победу над Хирой, то дай мне Бинт Нафилу».

Когда Халид хотел заключить договор с жителями Хиры, Харим заявил ему: «Посланник аллаха – да благословит его аллах, да приветствует – назначил мне Бинт Нафилу (имя девушки), и не включай ее в договор». Башир ибн-Са'д и Мухаммад ибн-Маслама засвидетельствовали это, и Халид исключил ее из договора и передал Хариму, который продал ее за тысячу дирхемов. Со времен договоренности Харима она изменилась и состарилась. Хариму сказали: «Горе тебе, ты ее удешевил, а если ты запросил, то родственники ее дали бы тебе в два раза больше». Тот ответил: «Я не думал, что существовало число большее, чем тысяча».

Когда икта ат-тамлик соответствует этой категории, то необходимо рассматривать условия завоевания. Если завоевание имело место на основе договора, то земля освобождается для лица, получившего ее на правах икта, и она подлежит изъятию из

условий договора в силу предшествующего пожалования этой земли на правах икта. Но если завоевание осуществлено посредством оружия, то лицо, получившее землю на правах икта и дара, приобретает преимущественное право на пожалованную и подаренную землю над теми, кто ее взял в качестве добычи. Дело последних будет рассмотрено, и если они знали о пожаловании и дарении этой земли до ее завоевания, то они не имеют права требовать возмещения за пожалованную и подаренную землю. Но если они не знали об этом до завоевания, то имам дает им в возмещение то, что их удовлетворит, таким же образом, как имам дает им компенсацию из добычи за какое-нибудь другое дело. Абу-Ханифа говорит, что не обязательно дать им компенсацию из добычи как за пожалованную и подаренную землю, так и за какое-нибудь другое дело.

Вторая – земля, владелец которой не признан и на которую никто не может предъявить права. Эта категория делится на три вида.

Первый вид – земля, которая в завоеванных странах была взята имамом в пользу казны или по праву хумсатак как она "принадлежала людям хумса, или по праву конфискации для удовлетворения тех, кто взял ее в добычу. Умар ибн-ал-Хаттаб[1] – да будет доволен им аллах – конфисковал на территории Савада земли Хосроя, земли членов его дома и земли, собственники которых или бежали или погибли в сражении[2]. Общая сумма дохода с этих земель составляла 9 000 000 дирхемов. Он расходовал ее в интересах мусульман и никому не жаловал из этих земель икта. Потом Усман[3] – да будет доволен им аллах – начал жаловать из них икта, так как считал, что пожалование их на правах икта дает больше доходов, чем их оставление необработанными. Эти пожалования земли на правах икта он обусловливал платежом по праву фая[4]. Эти его пожалования были икта иджара[5], а не икта ат-тамлик. Доход с этих земель увеличился до того, что достиг, как говорят, 50 000 000 дирхемов. Из этого дохода выдавал он награды и дары, а после халифы передавали его друг другу. Во время ал-Джамаджима в 82 г., когда восстал ибн ал-Аш'ас, сгорел Диван и каждый забрал ту часть этой земли, которая примыкала к его владению[6].

Это тот вид обработанной земли, субстанцию которой не дозволено пожаловать на правах икта, ибо посредством конфискации она стала принадлежать казне как собственность всех мусульман и на субстанцию этого вида земли распространяется статус постоянного вакфа.

---

[1] *Умар ибн-ал-Хаттаб – второй халиф (634–644), при котором были завоеваны Ирак, Сирия, Египет и большая часть собственно Ирана.*

[2] *Всего в руки государства перешло 10 категорий земель, а основная масса земли Савада была оставлена прежним владельцам.*

[3] *Усман–третий халиф (644–656); при его правлении раздача на правах икта из фонда конфискованных земель приняла особенно широкие размеры, хотя, по утверждению исторических источников, к такой практике частично прибегал и халиф Умар.*

[4] *Фай – добыча. Часть законоведов считает, что это доход с земель, завоеванных арабскими войсками, присваиваемый государством в «пользу всех мусульман», а другая часть – сторонники развитой концепции государственной собственности на землю – считает, что фай – это земли, завоеванные арабскими войсками. Прежним владельцам государство уступило право пользования, а собственность на сами земли принадлежит государству, мусульманской общине».*

[5] *Иджара – аренда. Таким образом, ал-Маварди признает за владельцами этих земель не право собственников, а право арендаторов, имевших право пользования. Тем самым этот вид земли выпадает из рубрики икта ат-тамлик, но концепция ал-Маварди не увязывается с исторической действительностью, в частности с приведенным им самим фактом захвата этого вида земли частными лицами после сожжения Дивана во время восстания Ибн ал-Аш'аса.*

[6] *Ал-Маварди имеет в виду восстание Абд ар-Рахман ибн-Мухаммада ибн ал-Аш'аса, наместника Седжестана, в 700 г. против Халифа Абд ал-Малика и его наместника Хаджжаджа. В восстании приняло участие наряду с арабскими войсками, которыми командовал Абд ар-Рахман, множество шиитов и хариджитов. После ряда побед войска восставших в 702 г, потерпели одно из поражений у Дайра ал-Джамаджима, в окрестности Куфы.*

Второй – земли хараджа, субстанции которых не дозволено пожаловать в собственность. Этот вид делится на два подвида.

Первый подвид – земли, субстанции которых – вакф, а ее харадж–арендная плата. Передача в собственность вакфа посредством пожалования, а также посредством продажи и дарения незаконна**.** (Вопреки утверждению ал-Маварди владельцы хараджных земель, обремененные тяжелыми налогами, продавали или дарили свои земли арабским феодалам, платившим по сравнению с ними незначительный поземельный налог – десятую часть урожая. Халиф Умар II признал законность всех сделок, имевших место до 100 г. (718/19)).

Второй подвид – земля, субстанция которой частная собственность, а ее харадж – джизья.

Незаконно пожаловать в икта землю, которая находится в частной собственности и собственники которой признаны.

Третий подвид – земля, владельцы которой умерли и на которую, не имеют права наследники умершего.

№ 3
НАСИР-И-ХУСРАУ «САФАР-НАМЭ» [ИЗВЛЕЧЕНИЯ]

ГОРОДА ХАЛИФАТА В XI в.

г. Алеппо

Мы приехали в г. Алеппо. От Мейяфарикина до Алеппо 100 фарсахов. *(Фарсах – мера длины, расстояние, которое можно проехать за час)* Я нашел, что Алеппо– прекрасный город. Он окружен стеной, высоту которой я определил приблизительно в 25 араш (*Араш – мера длины, равняется длине руки от локтя до кончика среднего пальца*). Есть там и замок, выстроенный на скале. Мне кажется, что Алеппо не меньше Балха, он густо заселен, и все строения соприкасаются. В этом городе взимают пошлину с товаров, идущих через Сирию, Рум, Диарбекр, Египет и Ирак, и из всех этих стран туда наезжают купцы и торговцы. В Алеппо четверо ворот: Баб-ал-яхуд (Еврейские ворота), Баб-Алла **(**Божьи ворота), Баб-ал-Джинан **(**Садовые ворота) и Баб-Антакиэ (Антиохийские ворота). Базарным весом там служит ратль Захири, составляющий 480 дирхемов... На полях они сеют исключительно пшеницу, и родится ее много. В большом обилии деревья фиговые, оливковые, фисташки, миндаль и виноградная лоза. Вода в городе дождевая и колодезная.

г. Триполи

От Алеппо до Триполиса тем путем, которым мы ехали, 40 фарсахов.

Мы прибыли туда в субботу 5-го шабана (7. II). В окрестностях было много полей, садов и деревьев. Было очень много сахарного тростника, апельсинов сладких и кислых, бананов, лимонов и фиников. В это время как раз собирали сок сахарного тростника.

Город Триполис выстроен так, что три стороны его омываются морем. Когда море волнуется, волны плещут через стены. С той стороны, которая выходит на сушу, устроено укрепление с большим рвом и крепкими железными воротами. С восточной стороны возвышается каменная стена с такими же зубцами и бойницами. На верху стены установлены метательные машины. Обитатели города боятся румийцев, которые нападают на город с кораблями. Пространство города 1000 араш в квадрате. Высота зданий четыре и пять этажей, есть даже и шесть. Улицы и базары там красивые и чистые, можно было бы подумать, что каждый из них – разукрашенный замок. Пища, плоды и съестные припасы всех родов, какие мне только приходилось видеть в Персии, были и там, только их было во сто раз больше.

Посреди города стоит огромная, чистая, хорошо украшенная и прочно выстроенная соборная мечеть. Во дворе ее большой купол, а под куполом мраморный бассейн с бронзовым фонтаном. На базаре тоже устроен фонтан, где вода в обилии бьет из пяти труб. Люди пользуются ею, а большая часть течёт по земле и впадает в море. Говорили, что в этом городе20 000 жителей, а вокруг него много поселков и селений**.** Там вырабатывают хорошую бумагу вроде самаркандской, но только лучше.

Хрестоматия по истории средних веков: в 3-х т. / под ред. акад. С.Д. Сказкин. – Т. 2. – 1963. – С. 226–235.

СЕМИНАР 13
КИТАЙСКО-КОНФУЦИАНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЯПОНИЯ

Направление семинара:
Китай в XIV–XV вв.

1. Монгольское завоевание Китая.
2. Китай в условиях монгольского господства.
3. Освобождение Китая от монгольского ига. Начало правления династии Мин.
4. Социально- экономическое развитие в период династии Мин.
5. Внешняя политика.

Внешнее положение Китая было сложным из-за постоянного возникновения на его границах государств соседних кочевых народностей, с которыми Китай либо воевал, либо платил ежегодную дань. В X в. это были кидане, в XI – тангуты, в XII в. – чжурчжени, а в XIII в. – монголы, завоевавшие всю территорию Китая. Надо понять то, чем отличалось монгольское завоевание Китая от предшествующих. Каков был статус и положение китайцев в условиях монгольского завоевания? Предлагаемые документы помогут увидеть борьбу китайцев против господства монголов, оценить аграрные мероприятия времени правления первого минского императора Чжу Юань Чжана. В Ридере (См. № 24) представлен фрагмент из второго тома «Всемирной истории» о монгольском владычестве в Китае.

Источники

1. Хрестоматия по истории средних веков: в 3-х т. – Т. 2. – М., 1963. – С.15–65.

Литература

1. Бокщанин, А.А. Императорский Китай в начале XV в. / А.А. Бокщанин. – М., 1976.
2. Бокщанин, А.А. Удельная система в позднесредневековом Китае: Период Мин, 1368–1644 / А.А. Бокщанин. – М., 1986.
3. Боровкова, Л.А. Восстание “красных войск” в Китае / Л.А. Боровкова. – М., 1976.
4. Васильев, Л.С. История Востока в 2 т. / Л.С. Васильев. – Т. 1. – М.,1993.
5. История Китая: учеб. для студ. вузов. / Л.С. Васильев [и др.]. – М.: изд-во МГУ, 1998.
6. Китай и соседи в древности и средневековье. – М., 1990.
7. Лагина, З.Г. Учение об управлении государством в средневековом Китае / З.Г. Лагина. – М., 1985.
8. Переломов, Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая / Л. С. Переломов. – М., 1981.
9. Сидихменов, В.Я. Китай: страницы прошлого / В.Я. Сидихменов. – М., 1987.

ДОКУМЕНТЫ К СЕМИНАРУ№ 13

№ 1
МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ (ИЗ «ЦЗЫ-ЧЖИ ТУНЦЗЯНЬ ГАНМУ»)

Разорение страны захватчиками

Монгольский государь (Чингис-хан), оставя Котая и Хотая с войском по северную сторону Пекина, разделил 46 китайских дивизий, равно и татаньские войска, на три армии. Трех сыновей своих... послал с правой, т. е. с западной, армией следовать по направлению хребта Тайхан на юг. Они взяли города... прошли до Желтой реки и произвели великое опустошение между городами Пинян и Тайюань (провинция Шаньси). Генерал Бот шел подле моря на восток... и произвел великие грабежи в Ляоси.

Монгольский государь с сыном Тулуем пошел средней дорогой, взял города Сюнчжоу... Цзинань, потом от Дакоу снова повернул с армией к Пекину. В сие время чжурчженьские (войска гос-ва Цзинь) войска со всех дорог [провинций] отозваны были... для охраны мест, лежащих позади гор в провинции Шаньси, а крестьяне все взяты были в ополчение и поставлены на стенах городских для взятия тех же городов. Так с противных сторон отцы узнавали сыновей, старшие братья взывали к младшим. По сей причине никто не имел твердости защищаться, и города при *п*ервом прибытии войск сдавались. Сим образом разорено около 90 областных городов. В губерниях Хубэй, Хэнань, Шаньдун на несколько тысяч ли пространства почти *все* жители были побиты. Золото и шелковые ткани, сыновья и дочери, волы и кони – все подобно циновке свернуто и увезено. Домы и хижины преданы огню, городские стены превращены в развалины.

Осада города Цайчжоу в 1234 г.

В новый год монгольские войска пировали. Голоса поющих и звуки флейт во все стороны разносились. В городе томились голодом и только что испускали вздохи... Перебежчики говорили, что минуло три месяца, как город не имеет съестных запасов. Седла, сапоги, ветхие литавры – все сварено; сверх того дозволено есть старых и слабых. Войска питались массой, сваренной из человеческих и скотских костей с зеленью. Нередко съедали целые отряды разбитых солдат.

Война в Сычуани в 1259 г.

Ван Цзянь храбро защищался. Монгольский государь (хан Мункэ) со всеми силами осадил его, но ни в одном сражении не мог одержать победы. Предводитель первого корпуса генерал Ван Да-чэн с отборными войсками в ночи взошел на стены внешнего города. Ван Цзянь дрался с ними до самого рассвета. Ван Да-чэн, один подъехавши, громко кричал: «Ван Цзянь! Я пришел даровать жизнь войскам и жителям целого города – лучше заблаговременно покориться». Едва кончил *сии* слова, как камень, пущенный из баллисты, поразил его. От сего удара получил болезнь и умер. В сие время пошел проливной дождь. Осадные лестницы подламывались. Задние войска не могли вперед подаваться, и все отступили. Монгольский государь также скончался под стенами Хэчжоу 52 лет от рождения. Князья и вельможи, обернувши тело *его* в шелковые ткани, положили на двух ослов и отправили на север.

№ 2
УЧАСТИЕ КРЕСТЬЯН В АНТИМОНГОЛЬСКИХ ВОССТАНИЯХ

Год гуйцзи(1353), 6-й месяц, день биншэн, первое число.

В Хаочжоу многие воины были ранены и убиты юаньскими солдатами

Император (*Имеется в виду будущий император Чжу Юань-чжан*) вернулся в родную деревню вербовать воинов, завербовал более 700 человек и вернулся

[в Хаочжоу]. Люди из свиты [Го Цзы-сина] доложили: «В [местечке] Чжанцзябао, [около] Динюаня, есть укрепленный лагерь отдельного отряда народного ополчения, который называется Лупайсай; им (отряду) недостает продовольствия, они никому не подчиняются и хотели бы к кому-нибудь присоединиться.

Война с Чжан Ши-чэном и занятие Исина

Год усюй *(1358), 10-й* месяц, в день цзясюй Сюй Да и Шао Жун (полководцы Чжу Юань-чжана) *взяли Исин.* Перед этим император Чжу Юань-чжан отправил посла сказать Сюй Да и другим: «Исин – маленький город, *но он* сильно укреплен, приступом его нелегко взять. Говорят, что на западе город соединяется с озером Тайху».

Чжан Ши-чэн (соперник Чжу Юань-чжана в борьбе за власть), бесспорно, подвозит продовольствие по этому пути. Если войска перережут дорогу, по которой подвозят продовольствие, то вражеские войска в городе будут испытывать нехватку продовольствия и город можно будет взять. Поэтому Сюй Да и другие перерезали [дорогу на Тайху] и, объединив силы, стремительно напали на город и овладели им.

Хрестоматия по истории средних веков: в 3-х т. – Т. 2. – М., 1963. – С. 18–25, 54–57.

№ 3
ПЕРЕСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ГОДЫ АНТИМОНГОЛЬСКИХ ВОССТАНИЙ

1. Лю Чжень. «Го чу ши цзи»

Тай-цзу[1], лично взяв [какой-либо] город, раздавал народу землю, все [документы] скреплял своей личной подписью, потом начинали облагать эти земли налогами.

После того как Тай-цзу взял Цзянькан[2], разрешили военным чиновникам обрабатывать заброшенные земли и превращать их в свою собственность. Гражданским чиновникам роздали должностные земли, [чиновники] подыскивали (букв, призывали) арендаторов, которые обрабатывали землю и вносили зерно, заменявшее жалованье.

2. Из «Мин ши»

Тай-цзу, как только усмирил Сучжоу, целиком отписал в казну поместья заслуженных сановников[3] их сыновей и младших братьев.

№ 4
АГРАРНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ НАЧАЛА МИН. УКАЗЫ О ПРИКРЕПЛЕНИИ КРЕСТЬЯН К ЗЕМЛЕ

1. О возделывании заброшенных земель

Еще был издан указ, повелевавший повсеместно земли, ранее оставленные людьми, бежавшими из-за военных действий, считать собственностью тех лиц, которые их возделают. Если же хозяева вернутся, то чиновники должны вознаградить их из близлежащих пустующих земель. Кроме того, [император] повелел разрешить всем людям повсюду превращать в вечную собственность возделанные ими заброшенные земли о освобождением их на три года от налогов и повинностей, а затем обложить

[1] *Тай-цзу – посмертное имя основателя Минской династии Чжу Юань-чжана.*

[2] *Цзянькан – современный Нанкин.*

[3] *Имеются в виду чиновники Чжан Ши-чэна. Войска Чжу Юань-чжана взяли Сучжоу в 1367 г.*

их налогом как частные земли[1]. И еще был издан указ о том, что людям, вернувшимся к своим хозяйствам и имеющим в настоящее время мало тяглых, а в прошлом имевшим много земли, не разрешается занимать землю не в соответствии с числом тяглых. В 3-м году (1370) из-за того, что вблизи городов в северных областях и уездах земли заброшены, было приказано призывать людей для подъема целины. На двор давали по 15 му пашни и по 2 му под огород. Имевших излишнюю рабочую силу не ограничивали этим количеством земли, всех их на три года освобождали от податей. В 13-м году (1380) императорским эдиктом было разрешено населению Хэнани, Шаньдуна, Бэй-пина и других бучжэнсы[2], а также областей Фэнъян, Хуай-ань, Янчжоу, Лучжоу и других в полную силу поднимать новь; власти не должны были облагать их налогами.

2. О наказании беглых крестьян, ремесленников и др.

Бегство на территорию соседних округов и уездов с целью уклонения от повинностей карается 100 ударами палкой.

Затем беглые возвращаются на первоначальное место приписки и облагаются повинностями. Попустительствовавшие их побегу старосты ли[3] и уездные чиновники, а также лица, скрывшие их [на новом месте], несут такое же наказание. 60 ударами палкой наказываются старосты ли, знавшие о побеге и не пославшие тотчас погони; уездные чиновники, не отправившие бумаги с требованием вернуть беглых на прежнее местожительство; чиновники [соседних уездов, получившие требование о возвращении беглых], но не задержавшие их и не отправившие их обратно. Действие этого закона не распространяется на лиц, переселившихся в другие области до 10-го месяца 7-го года правления Хуну, уже занесенных в реестры этих областей и обложенных повинностями. Бегство от повинностей крестьян и ремесленников, а также музыкантов и лиц прочих профессий, постоянно приписанных к казне, карается 10 ударами плети за один день, за каждые последующие 5 дней наказание увеличивается на одну степень, но не может быть больше 50 ударов плети. Попустительствовавшие им чиновники, ведающие раскладкой повинностей в данном уезде, подвергаются такому же наказанию. Взяточники караются по всей строгости в зависимости от величины взятки как извратившие закон в личных интересах. Необнаружение бегства 5 тяглых карается 20 ударами плети, за каждых последующих 5 человек наказание увеличивается на одну степень и доходит до 40 ударов плети. Если бежали менее 5 человек, то чиновники не несут ответственности.

3. О возвращении беглых крестьян

В 23-м году правления Хуну (1390) император повелел студентам государственной школы совместно с чиновниками каждой области, округа и уезда собрать жителей ли и цзя[4] и расследовать, есть ли в них беглые. Соответствующий уезд должен был составить бумагу и отправить с нею родственников и соседей по ли и цзя в различные места с розыском. Те ли и цзя, в которых есть беглые из других областей, по получении бумаги должны тотчас же отправить их в уезд. Чиновники обязаны выдать им продовольствие на дорогу и под стражей отослать их в округа и уезды, где они первоначально были приписаны, для занятий сельским хозяйством.

4. О разрешении беглым крестьянам пахать землю в новых местах

Год 24-й (1391), 4-й месяц, день гуйхай. Чиновники уезда Дайсянь, округа Дайчжоу, области Тайюань, подали доклад о том, что бежало более 300 крестьянских дво-

---

[1] *В «Мин Тай-цзу ши лу» этот указ датирован 1-м годом правления Хуну (1368). Хуну (1368 – 1398) – годы правления первого минского императора Чжу Юань-чжана.*

[2] *Бучжэнсы – провинция.*

[3] *Ли – административно-фискальное объединение из 110 крестьянских дворов.*

[4] *Цзя – административно-общинное объединение 10 дворов в сельской местности, имевшее также фискальные цели.*

ров, что в течение ряда лет их пытались вернуть назад, но они не возвращаются. [Чиновники] просили разрешения отдать приказ войскам вернуть их. Император, обращаясь к чиновникам ведомства финансов, сказал: «Крестьянам недостает одежды и пищи или же налоги очень тяжелы – вот они и бегут. Если бы у них было достаточное количество одежды и пищи, а чиновники не беспокоили их, то, даже если бы их прогоняли силой, разве они согласились бы покинуть свою деревню, свою землю? Приказываю не разрешать беглым крестьянам переходить границу, однако если [на новом месте] они имеют пахотную землю, достаточную для пропитания, то... следует включить их в тамошние списки населения и приказать местным властям помогать им. Если же есть такие, которые не хотят заниматься земледелием, а исключительно занимаются торговлей, то считать их беглыми и взять их под стражу».

5. Установление системы податей и повинностей. Из «Мин ши»

Система податей и повинностей – танские цзу, юн и дяо[1] – была подобна древности, а введенная Ян Янем система двух налогов – лян шуй[2] – была проста и легко осуществима. С течением времени, передаваясь из поколения в поколение вплоть до эпохи Мин, она не претерпела изменений.

Тай-цзу, сделавшись князем У, стал взимать лишь одну десятую податей. Люди выполняли повинности, исчисляемые с земли.

Уезды подразделялись на 3 категории: высшую, среднюю и низшую, внося соответственно этому различную сумму налогов – в 60000, 30000, 10000 даней и меньше. Области, исходя из суммы налогов, подразделялись также на три различные категории: высшая в 200000, а низшая в 100000 даней.

После восшествия на престол император[3] сразу же установил систему податей и повинностей, считая единственно правильным Желтый реестр, который включал тяглых (дин) и поля (тянь). На тяглых налагалась повинность, а на землю – зерновая подать. Налог был двух родов: летний налог и осенняя подать. Летний налог взимался не позже 8-го месяца, а осенняя подать – не позже 2-го месяца следующего года.

Тяглые подразделялись на 2 категории: совершеннолетние и несовершеннолетние. Как только человек родился, его имя вносили в списки и он числился несовершеннолетним тяглым; когда же он достигал 16 лет, то становился совершеннолетним тяглым и облагался повинностями, а по достижении 60-летнего возраста от них освобождался.

Исключение составляли барщинники чиновников, которые были освобождены от повинностей государству.

Повинностей было всего три вида: повинность, которой облагались дворы; повинность, накладываемая на тяглых крестьян, и повинности, устанавливаемые в разное время специальными императорскими указами. Все они выполнялись в порядке трудовой повинности или по найму.

В областях, округах и уездах проверили записи податного населения, выясняя, много или мало производят продуктов, богаты или бедны [дворы], чтобы налогообложение было равномерным и соответствовало [местным] возможностям.

В годы правления Хуну летний налог состоял из риса и пшеницы, а также из денег (монеты и ассигнации) и из шелка. Осенние подати состояли из риса, денег (монеты и ассигнации) и шелка.

---

[1] *Цзу – зерновой налог; юн – государственная барщина; дяо – налог тканями в период Танской династии (618–906).*

[2] *Реформы сановника Ян Яня были утверждены указом императора в 780 г.*

[3] *Имеется в виду Чжу Юань-чжан – вождь антимонгольского восстания, провозглашенный императором в 1368 г.*

При Хунчжи (1488 – 1505) подсчитали общее количество поступлений. В летние налоги входили: рис, просо, пшеница, гречиха, шелковая вата вместе с нераспутанными нитями, налоговый шелк, шелковая вата, заменяющая ткани, нитки взамен ткани.

Осенняя подать состояла из риса, ассигнаций «цзу», ассигнаций «линь», ассигнаций «шаньцзу», налогового шелка, налоговых тканей и пр.

Тай-цзу вскоре после восшествия на престол приказал на всех частнособственнических землях размером от 5 до 10 му отводить по ½ му на посадку тутовых деревьев, конопли и хлопчатника, а если земли имелось более 10 му, то вдвое больше.

С 1 му [засеянной] коноплей земли брали 8 лян подати, с 1 му хлопчатника – 4 ляна, если же сажали туты, то только через 4 года начинали взимать налоги. Те же, кто не посадил тутовых деревьев, были обязаны внести 1 кусок шелковой ткани; кто не посадил конопли и хлопка – вносил холстом и хлопчатобумажной тканью по 1 куску. По этой причине произошел подъем в разведении тутов и в шелкоткачестве.

В 9-й год правления Хуну (1376) приказано было народу во всей стране приравнять натуральные поборы к серебру, ассигнациям, звонкой монете, шелковым тканям. Один лян серебра, или 1000 вэнь монеты, или 10 гуаней[1] ассигнациями приравнивались к 1 даню[2] риса, а мелкой пшеницы меньше на 2/10. Один кусок хлопковой ткани приравнивался к 6 доу риса или к 7 доу пшеницы; 1 кусок холста из конопли приравнивался к 4 доу риса или 5 доу пшеницы. Шелк-сырец и ткани заменялись соответственно их весу. Желающим разрешалось вносить налоги просом.

В 17-м году (1358) в Юньани осенние подати заменили золотом, серебром, раковинами, холстом, лаком, киноварью, ртутью.

Тогда рис и пшеница считались основным налогом, а все, что их заменяло и вносилось как подать, считалось заменяющим налогом.

...В 30-м году (1396) в приказе императора ведомству финансов говорилось, что некий человек Гао Чжэнь написал о том, что Шэньси бедствует из-за задолженности по налогам, что и повелевалось обсудить. Чиновникам разрешалось в погашение задолженности по налогам в Поднебесной до 28-го года (1395) принимать рис, шелковые ткани, хлопок, золото, серебро и другие предметы. Что и сделали правилом.

Тогда ведомство финансов установило:

1 дин ассигнациями приравнивать к 1 даню риса;

1 лян золота приравнивать к 10 даням риса;

1 лян серебра приравнивать к 2 даням риса;

1 кусок шелковой ткани приравнивать к 1 даню 2 доу риса;

1 кусок хлопчатобумажной ткани приравнивать к 1 даню риса;

1 кусок ткани из рами приравнивать к 7 доу риса;

1 цзинь хлопка-сырца приравнивать к 2 доу риса.

Император сказал: «Ведь получением недоимок заменой желаю смягчить народную нужду. Подобное же бремя налогов может только увеличить бедствия народа. А разве это значит жалеть народ?

Каждый лян золота и серебра следует приравнивать к рису в двойном количестве[3]. Ассигнациями ограничиться 2 гуанями 500 вэнь за 1 дань. Остальное оставить, как предложено».

Хрестоматия по истории средних веков: в 3-х т. / под ред. акад. С.Д. Сказкина. – Т. 2. – М., 1963. – С. 59–64.

---

[1] *Гуань – ассигнация достоинством в 1000 медных монет.*

[2] *Дань – мера объема сыпучих тел, приблизительно равная 103 л.*

[3] *Т. е. не за 10, а за 20 даней риса взимать 1 лян золота; не за 2, а за 4 даня риса взимать 1 лян серебра.*

РАЗДЕЛ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ

ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. Термин «Средние века» введен
Французскими просветителями
Итальянскими гуманистами
Христианскими теологами
Учеными-позитивистами

2. Автор концепции «долгого средневековья»
А. Гуревич
Ж. Ле Гофф
Ж. Дюби
Ф. де Куланж

3. Что такое феодализм
Система управления страной
Система господства-подчинения, основанная на передаче феода за службу в наследственное держание
Система ведения хозяйственной деятельности в крупном землевладении
Система назначения должностных лиц

4. Основной путь формирования феодальных порядков в Западной Европе
Захваты земель
Развитие родовых порядков
Феодализация путем уравновешенного синтеза варварских и римских порядков
Сохранение рабства

5. Основной путь формирования феодальных порядков в Византии
Развитие родовых порядков
Захваты земель
Синтез варварских и античных порядков, с сильным преобладанием последних
Преобразования поздней первобытнообщинной организации

6. Какой была феодальная собственность
Полностью отчуждаемой
Ограниченной необходимостью несения службы
Коллективной
Частной

7. Вотчинное хозяйство было
Товарным
Натуральным
Мелкотоварным
Крупнотоварным

8. Термин «осень средневековья» применяется к периоду
V – XV вв.
XIV – XV вв.
XVI – первая половина XVII вв.
X – XШ вв.

9. Термин “средние века” имеет
Европейское происхождение
Западноевропейское происхождение
Азиатское происхождение
Американское происхождение

10. Основной путь формирования феодальных порядков в Центральной и Восточной Европе
Захваты земель
Бессинтезный тип генезиса феодализма
Сохранение рабства
Синтез варварских и римских порядков

ВАРВАРСКИЕ ГОСУДАРСТВА. ГОСУДАРСТВО МЕРОВИНГОВ

11. Какая из ниже перечисленных варварских народностей создала своё государство в Северном Причерноморье?
Франки
Вандалы
Бургунды
Готы

12. Что дало толчок Великому переселению народов в IV в. н. э.?
Передвижение на запад тюрков
Передвижение на запад гуннов
Морские походы викингов
Завоевательные походы венгров

13. Наиболее существенный признак германской общины-марки
Индивидуальные наделы-аллоды
Общинное собрание
Общие религиозные культы
Общая территория

14. Кто такой конунг
Свободный общинник
Военный вождь
Жрец у кельтов
Старейшина рода

15. С какой из варварских народностей связана печальная слава разрушителя культурных ценностей?
Франки
Вандалы
Бургунды
Алеманны

16. Дата падения Западной Римской империи
378 год
395 год
410 год
476 год

17. Кто такой Аттила?
Вождь гуннов
Вождь готов
Вождь вандалов
Вождь лангобардов

18. Создателем какого государства считается Хлодвиг?
Лангобардов
Бургундов
Франков
Вестготов

19. Первоначально многие варварские племена приняли христианство
В виде арианства
В виде богомильства
В виде ортодоксального христианства
В виде павликианства

20. Основой войска Хлодвига было
Вассальное войско
Народное ополчение
Наемное войско
Войско из галло-римлян

21. Время правления франкской династии Меровингов
Ш-VI вв.
IV- V вв.
IV- VII вв.
V-VIII вв.

22. Время первой записи «Салической правды»
Начало IV в.
Начало V в.
Начало VI в.
Начало VП в

24. Как звали первого единого короля франков?
Хлодион
Хлодвиг
Хлотарь
Хильперик

25. Первоначальное значение термина *граф*
Должностное лицо короля
Наследственный дворянин
Королевский воин
Командир отряда наёмников

26. Значение термина *министериал*
Заместитель министра
Рядовой воин
Торговый агент
Личный слуга короля

27. Что такое парцелла
Денежная компенсация за убийство свободного человека
Семейно-индивидуальное крестьянское хозяйство
Итальянская община
Общинные земли

ИМПЕРИЯ КАРЛА ВЕЛИКОГО

28. Время правления франкской династии Каролингов
VП-VШ вв.
VШ-X вв.
IX-XI вв.
X-XП вв.

29. Наиболее яркий представитель династии Каролингов
Карл Мартелл
Карл Толстый
Карл Великий
Карл Простоватый

30. Суть реформы Карла Мартелла во франкском государстве Каролингов
Введение бенефициев
Раздача земель за службу с правом передачи по наследству
Создание народного ополчения
Создание административных округов

31. Что такое *бенефиции*
Крестьянское хозяйство
Родовое владение феодала
Земля, находившаяся в наследстве
Условное земельное держание, данное на время службы

32. Что такое *аллод*
Общинные угодья
Племенные земли
Наследственные земли крестьянской семьи в общине
Земля, данная за службу на время её выполнения

33. Что такое *феод*
Крестьянское земельное владение
Земельное владение, данное за службу
Родовое владение феодала
Земельное владение, данное за службу с правом передачи по наследству

35. Что такое *прекарий*
Крестьянское земельное владение
Земельное владение, данное за службу
Родовое владение феодала
Участок, переданный крестьянину в ответ на письменную просьбу

36. Что такое *коммендация*
Переход под покровительство
Получение земельного владения
Отдача земли за службу
Получение оружия от господина

37. Что такое *вергельд*
Денежная компенсация за убийство свободного человека
Дружинник франкского короля
Земельные угодья, находившиеся в общем пользовании членов общины
Объединение купцов

38. Что такое иммунитет
Право феодала осуществлять функции центральной власти в своих владениях
Приусадебный участок
Господская земля в сеньории
Общественная земля в общине

39. Что такое *альменда*
Крестьянский надел в сеньории
Крестьянский надел в общине
Земельные угодья в общине, находящиеся в общем пользовании всех её членов
Надел мелкого рыцаря

40. Что такое капитулярий
Византийская община
Законы и распоряжения франкских королей из династии Каролингов
Органы управления монастырём
Господские земли в сеньории

41. Что такое *вассалитет*
Система личной зависимости крестьян
Военная организация варваров
Организация управления в сословной монархии
Обязанность служить господину, от которого получено земельное владение

42. Кто такие «ленивые короли»
Последние представители династии Меровингов
Последние представители династии Каролингов
Первые представители династии Плантагенетов
Первые короли у викингов

43. Когда Карл Великий был провозглашён императором
В 700 г.
В 800 г.
В 850 г.
В 900 г.

44. Наследовал трон после Карла Великого
Людовик Благочестивый
Людовик 1
Людовик П
Людовик VП

45. В чем суть Верденского договора 843 г.?
Договор о взаимопомощи
Договор о совместном походе против неверных
Договор о разделе колоний
Договор о разделе Франкской империи

46. Какие государства возникли в будущем на территории Франкской империи после Верденского раздела?
Западно- и Восточно-франкское королевства
Франция, Италия и Германия
Франция, Англия и Германия
Германия, Англия и Бургундия

47. Какая династия сменила у франков династию Каролингов?
Плантагенеты
Капетинги
Валуа
Бурбоны

ГЕРМАНИЯ В IX–XI вв.

48. Первоначально герцоги были в Германии
Королевскими служащими
Королевскими дружинниками
Свободными общинниками
Военными вождями

50. Основателем первой собственно германской королевской династии стал
Людовик Дитятя
Генрих 1 Птицелов
Конрад 1
Оттон 1

51. Имперская церковь была создана в
Англии
Священной Римской империи
Франции
Италии

52. Право церковной инвеституры при Оттоне 1 принадлежало
Папе Римскому
Императору Священной Римской империи
Королю лангобардов
Племенным герцогам

53. При каком германском короле была создана «Священная Римская империя»
При Генрихе 1
При Карле 1
При Оттоне 1
При Людвиге 1

54. Когда была создана «Священная Римская империя»
В 843 г.
В 911 г.
В 962 г.
В 1002 г.

55. Что такое земельная регалия (в Германии X в.)
Единица измерения
Право короля на пожалование лена
Право короля на разработку полезных ископаемых
Германская община

56. Право короля в Германии X в. отдавать приказы обязательного характера в области управления государством – это
Право королевской регалии
Право инвеституры
Право королевского бана
Право иммунитета

57. Феодальная вотчина в Германии выполняла функции
хозяйственные
судебные
административные
все вышеперечисленные

58. Что означает выражение «Идти в Каноссу»
Идти в поход
Идти на унизительные переговоры
Идти на костёр
Идти на ярмарку

59. Вормсский конкордат – это
Соглашение между Римским папой и германским императором
Соглашение между сеньором и вассалом
Соглашение между городами
Соглашение восставших с королём

АНГЛИЯ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

60. Основную массу населения англосаксонских королевств составляли
Эрлы
Кэрлы
Гезиты
Глафорды

61. Что такое гайда
Большой земельный надел у англосаксов
Крестьянская община
Королевское пожалование
Вид оружия у англосаксов

62. Кто такие глафорды
Слуги короля в Англии
Крупные землевладельцы англосаксонского периода
Военные вожди племен
Свободные крестьяне

63. Одним из главных отличий свободного человека в раннесредневековой Англии было
Право свободно вступать в брак
Право участвовать в народном собрании
Право участвовать в «майских полях»
Право выбирать религию

64. Бокленды появились в VII в.
В Англии
Во Франции
В Германии
В Византии

65. Крупные успехи в христианизации Ирландии были достигнуты благодаря
Миссионерству св. Патрика
Миссионерству св. Бонифация
Деятельности Альфреда
Деятельность папы Григория 1

66. Альфред Великий был королём
Шотландии
Швеции
Дании
Англии

67. Вильгельм Завоеватель был
Нормандским герцогом
Бургундским герцогом
Норвежским королём
Варяжским конунгом

68. Когда завершился англосаксонский период истории Англии
В 945 г.
В 1002 г.
В 1035 г.
В 1066 г.

69. Кто такие лорды
Дворяне во Франции
Горожане в Германии
Крупные землевладельцы в Англии
Рыцари в Испании

70. Кто такие керлы
Одно из кельтских племён
Рядовые свободные общинники в Англии
Знать в раннесредневековой Германии
Крестьяне в Византии

71. Кто такие эрлы
Англосаксонская знать
Скандинавские наёмники
Германские купцы
Франкские дружинники

72. Что такое гептархия («семикоролевье»)
Период в истории Англии
Период в истории Франции
Период в истории Германии
Период в истории Скандинавии

73. Что такое уитенагемот
Административный округ в империи Карла Великого
Совет знати в англосаксонском королевстве
Народное ополчение в раннесредневековой Англии
Народное собрание у викингов

СКАНДИНАВИЯ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

74. Бонд в Раннее Средневековье – это
Денежная единица
Народное ополчение
Свободный скандинав, имевший свое хозяйство
Тип судна

75. Что такое *одаль*
Община франков
Наследственное земельное владение бонда в Скандинавии
Должностное лицо королей династии Меровингов
Тип одежды в средневековой Англии

76. Традиционной датой начала походов викингов считается
793 г.
1066 г.
756 г.
800 г.

77. Парусное судно викингов
Каравелла
Драккар
Галион
Донжон

78. Что такое датские деньги
Сельдь, выступавшая в качестве денег
Дань, выплачиваемая викингам
Налог, собираемый англосаксонскими королями, для борьбы с датчанами
Деньги, ходившие в области Датского права

79. Основная особенность скандинавского феодализма
Удаленность от Рима
Ограниченность природных ресурсов
Сохранение свободного крестьянства
Редкое население

80. В чём суть Кальмарской унии 1397 г.
Союз для борьбы с Ганзой
Союз против германских княжеств
Союз для экспансии в восточную Прибалтику
Объединение скандинавских стран при гегемонии Дании

РЫЦАРСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА

81. Что такое лен (в Германии)
Городская корпорация
Земельное владение, пожалованное сеньором вассалу
Община в Германии
Королевская регалия

82. Что такое фуа
Разновидность одежды
Клятва верности вассала сеньору
Изделие средневекового ремесленника

83. Донжон – это
Часть вооружения рыцаря
Судно викингов
Деревянная башня на возвышенности, окружённая валом и рвом
Титул

84. Человеком «рук и уст» называли
Монаха
Рыцаря
Крестьянина
Купца

85. Что такое майорат
Передача имущества старшему наследнику
Передача прав на взимание оброка
Передача должности
Передача церковного сана

86. Основной обязанностью вассала в пользу сеньора была (о)
Оказание ему денежной помощи
Несение военной службы
Участие в его судебной курии

87. Вассал обязан оказать денежную помощь сеньору
При выкупе его из плена
При выдаче замуж его дочерей
На принятие рыцарского звания его старшим сыном
Все вышеперечисленное

88. Феодальная земельная собственность была
частной
условной
условной и иерархичной

89. Что такое оммаж
Клятва верности вассала своему сеньору
Французский аналог понятия феод
Акт передачи вассалом себя в подчинение сеньору

90. Что такое фьеф-рента
Условное срочное пожалование земли вассалу от сеньора
Безусловное пожалование земли королем своему вассалу
Пожалование сеньора своему вассалу в денежном выражении

91. Как католическая церковь относилась к рыцарским турнирам
Поощряла
ограничивала
осуждала

92. Кто такие шателены
Феодальные аристократы во Франции
Мелкие феодалы в Англии
Низшая ступень феодальной иерархии во Франции

ВИЗАНТИЯ

93. Когда Римская империя была разделена на Западную и Восточную
В 310 г.
В 395 г.
В 410 г.
В 455 г

94. Коренное отличие Византии от западной части Римской империи
Значительные размеры
Связи с востоком
Традиции Древней Греции
Многоукладность экономики

95. Когда правил Юстиниан I
В VI в.
В VII в.
В VII в.
В IV в

96. Основная цель правления Юстиниана
Сохранение античных порядков, восстановление империи
Модернизация экономики
Ликвидация рабства
Борьба с германцами

97. Как назывался основной юридический документ эпохи Юстиниана
Законник Стефана Душана
Салическая правда
Свод постановлений
Кодекс Юстиниана

98. Что такое фема (в Византии)
Должность
Военно-административный округ
Название области
Политическая группировка

99. Кто такие византийские стратиоты
Феодалы
Императорские гвардейцы
Купцы
Крестьяне-воины

100. Что такое «Земледельческий закон»
Свод обычного права византийских крестьян VIII в.
Название капитулярия Карла Великого
Документ, регламентирующий работу крестьян
Произведение Г. Турского

101. В чем суть иконоборчества в Византии
Борьба за контроль над церковью, за сокращения ее влияния
Борьба за подчинение церкви Риму
Борьба за должность патриарха
Борьба с ересями

102. Кто такие павликиане
Партия, оппозиционная византийским императорам
Еретическое движение в Византии
Воины-наемники в Византии
Монахи в Византии

103. Кто такой Фома Славянин
Византийский император
Византийский патриарх
Лидер восстания в Византии
Византийский ученый

104. Когда был сооружен Софийский собор в Константинополе
В IV в.
В V в.
В VI в.
В VII в

105. Начало официальной борьбы с иконами
VI в.
VIII в.
IX в.
V в.

106. Окончание официальной борьбы с иконами в Византии
VII в.
VIII в.
IX в.
V в.

107. Основное отличие раннесредневековой Византии от стран Западной Европы
Территориальное расположение
Наличие мощного флота
Сохранение большей централизации и развитых городов
Слабая христианизация

108. Кто такой василевс
Должностное лицо
Наемный воин
Проповедник
Византийский император

109. Чем знаменито Косово поле
Высокими урожаями
Архитектурными памятниками
Победой сербов над крестоносцами
Поражением сербов от турок

110. Комнины – это правящая династия в
Болгарии
Византии
Венгрии
Сербии

111. Как называлось государство крестоносцев, созданное после разгрома Византии в Четвёртом крестовом походе
Латинская империя
Никейская империя
Трапезундская империя
Эпирский деспотат

112. Какие иностранные купцы контролировали экономическую жизнь Византии в XIV-XV вв.
Немецкие
Французские
Итальянские
Английские

113. Когда Константинополь был захвачен турками
В 1204 г.
В 1400 г.
В 1453 г.
1500 г.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ КРЕСТЬЯНСТВО ФРАНЦИИ

114. Что такое баналитеты
Обязательные платежи зависимых крестьян
Обязанность выполнять определенные работы только на господских приспособлениях
Обязательные отработки зависимых крестьян
Воинская повинность зависимых крестьян

115. Что такое оброк
Обязательные платежи зависимых крестьян
Обязательные отработки зависимых крестьян
Посещение суда по приказу феодала
Воинская повинность зависимых крестьян

116. Что такое барщина
Обязательные платежи зависимых крестьян
Обязанность выполнять определенные работы только на господских приспособлениях
Воинская повинность зависимых крестьян
Обязательные отработки зависимых крестьян

117. Какой из нижеперечисленных поборов со средневековых крестьян был побором с наследства
Произвольная талья
Право «мертвой руки»
Формальяж
Чинш

118. Десятина – это
Мера длины
Налог в пользу государства
Десятая часть дохода, взимавшаяся в пользу церкви
Земельный надел в общине

119. Что такое формальяж
Брачный побор
Поголовный побор
Побор с наследства

120. Что такое шеваж
Отработочная рента
Денежная рента
Поголовный побор

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД

121. Как называлось сословие средневековых горожан в Западной Европе
Плебеи
Патриции
Бюргеры
Подмастерья

122. Что такое средневековый ремесленный цех
Объединение мастеров одной специальности
Организация подмастерьев
Организация по сбыту продукции
Организация по контролю за городскими властями

123. Цеховая революция – это
Движение за создание цехов
Движение подмастерьев за свои права
Борьба цеховых мастеров за власть в городе
«Замыкание цеха»

124. Что такое шедевр
Уникальное изделие средневекового мастера
Образцовое изделие подмастерья, желающего стать мастером
Выдающаяся картина средневекового художника
Корпорация ремесленников

125. Что такое «замыкание цехов»
Запирание мастерских на ночь
Экзамен для поступления в цех
Ограничение доступа в цех
Запрет на создание цехов

126. Что являлось главной задачей средневекового ремесленного цеха
Увеличение количества продукции
Разнообразие ассортимента изделий
Профессиональная помощь друг другу
Защита городского ремесла от конкуренции пришлых ремесленников

127. Слово «цех» первоначально означало
Братство
Союз
Пирушка
Праздник

128. Время массового «замыкания цехов» в Западной Европе
XI – XII вв.
XII – XIII вв.
XIII – XIV вв.
XIV – XV вв.

129. Как назывались основные организации подмастерьев в Западной Европе
Компании
Союзы
Объединения
Братства

130. Как назывались первые капиталистические предприятия
Фабрики
Мастерские
Мануфактуры
Заводы

131. Наиболее распространенное название средневековых купеческих объединений в Европе
Собрания
Гильдии
Союзы
Конфедерации

132. Происхождение средневековой поговорки «что с воза упало, то пропало»
Из-за массовых грабежей на дорогах
Из-за плохих, часто ломавшихся повозок
Из-за плохих дорог
Из-за права феодалов на товар, выпадавший из повозок при проезде по их землям

133. Где впервые появились банки
Во Франции
В Италии
В Германии
В Англии

134. В какой стране были распространены города-государства
Во Франции
В Германии
В Северной Италии
В Южной Италии

135. Что такое коммутация крестьянских повинностей
Распространение барщины
Усиление повинностей
Замена барщины денежным оброком
Закрепощение

136. Когда в странах Западной Европы завершилась коммутация крестьянских повинностей?
В IX – X вв.
В XI – XII вв.
В XIV – XV вв.
В XV – XVI вв.

137. Ратуша – это
Здание для заседаний городского совета
Тип церковного здания
Объединение немецких городов
Здание для заседаний парламента

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

138. Общие даты крестовых походов на Восток
970 – 1125 гг.
1096 – 1270 гг.
1125 – 1310 гг.
1215 – 1405 гг.

139. Что такое реконкиста
Подавление крестьянского восстания
Освобождение Пиренеев от мусульман
Усобицы между феодалами
Нападение на купеческие караваны

140. Кого европейцы называли маврами
Пиратов
Наемников
Испанских арабов
Королевских гвардейцев

141. Время Первого крестового похода на Восток
1025 – 1027 гг.
1096 – 1099 гг.
1125 – 1128 гг.
1256 – 1260 гг.

142. Основные результаты Первого крестового похода на Восток
Разгром арабов
Разгром Византии
Захват о. Крит
Образование государства крестоносцев в Палестине

143. Основной инициатор крестовых походов на Восток
Король Людовик VII
Король Людовик IX
Папа Урбан II
Император Фридрих I

144. Сколько государств крестоносцев возникло на Ближнем Востоке
1
2
3
4

145. Какой крестовый поход возглавили сразу три государя: германский император, короли Франции и Англии
Второй
Третий
Четвертый
Пятый

146. Результаты Четвертого крестового похода
Повторный захват Палестины
Захват Византии
Захват Египта
Захват о. Крит

147. Куда был направлен Восьмой крестовый поход
В Египет
В Палестину
В Тунис
В Алжир

148. Кто возглавил Восьмой крестовый поход
Генрих II
Генрих III
Людовик VII
Людовик IX

ФРАНЦИЯ В X–XV вв.

149. Битва при Азенкуре состоялась в
1340 г.
1346 г.
1356 г.
1415 г.

150. Основатель французской королевской династии Капетингов
Людовик Благочестивый
Людовик VI Толстый
Гуго Капет
Филипп I

151. Родовой домен Капетингов
Анжу
Мен
Прованс
Иль де Франс

152. Дофин – это
Должность в Англии
Титул наследника короля во Франции
Вид оружия
Крестьянин в Италии

153. Прозвище французского короля Филиппа II
Ангел
Благочестивый
Красивый
Август

154. Что такое альбигойские войны
Освобождение Пиренеев от мавров
Походы против еретиков на юге Франции
Походы викингов
Борьба с турецкой агрессией

155. Какой из французских королей был канонизирован в святые
Людовик Благочестивый
Людовик VII
Людовик IX
Людовик X

156. Сколько палат было в Генеральных штатах во Франции
1
2
3
4

157. С участием в Столетней войне Жанна д'Арк был освобожден
Реймс
Орлеан
Бордо
Кале

158. Какой французский город остался за англичанами после завершения Столетней войны
Гавр
Дувр
Ла-Рошель
Кале

159. При каком короле произошло окончательное объединение средневековой Франции
Людовике VII
Людовике IX
Людовике X
Людовике XI

160. Впервые Генеральные штаты были созваны
Филиппом II
Филиппом IV Красивым
Людовиком 1X
Людовиком X1

161. Какое прозвище получил французский король Филипп IV
Красивый
Счастливый
Безземельный
Завоеватель

162. В какой средневековой западноевропейской стране созывались Генеральные штаты
В Англии
В Германии
В Испании
Во Франции

163. Общие даты Столетней войны
1256 – 1358 гг.
1301 – 1401 гг.
1337 – 1453 гг.
1415 – 1529 гг.

164. Кто такие катары
Французские крестьяне
Еретики на юге Франции
Монахи
Наемники

166. Вилланы во Франции – это
Поземельно зависимые крестьяне
Лично зависимые и поземельно зависимые крестьяне
Вассалы второй руки
Старосты сельских общин

167. Самое крупное в истории Франции восстание
Восстание Уота Тайлера
Жакерия
Восстание Дольчино
Восстание под руководством Фомы Славянина

168. Кто такой цензитарий
Служитель церкви
Немецкий наёмник
Лично-свободный крестьянин во Франции, владелец цензивы
член городского патрициата в Германии

169. Ценз во Франции – это
доход свободного человека, позволявший выкупать рыцарское звание
количество лет, которые ученик обучался у мастера
денежная рента французского крестьянина
вид налога

170. Высшей судейской инстанцией во Франции являлся
королевский совет
парижский парламент
рейхстаг
консулат

171. Орден тамплиеров был упразднен при
Филиппе II Августе
Людовике IX Святом
Филиппе IV Красивом
Карле V

АНГЛИЯ В XI–XV вв.

172. Копигольд – это
Военный предводитель племени
Крестьянское держание в Англии в позднее Средневековье
Головной убор
Натуральный оброк в Англии

173. Когда нормандский герцог Вильгельм завоевал Англию
В 1042 г.
В 1066 г.
В 1088 г.
В 1096 г
.
174. Какая королевская династия воцарилась в Англии в середине XII в.
Саксонская
Валуа
Плантагенетов
Штауффенов

175. Щитовые деньги в Англии (со второй половины XII в) – это
Налог на крестьян
Налог на города
Налог с побеждённых
Плата рыцарей за право не участвовать в походах

176. Прозвище английского короля Ричарда I
Буйная Голова
Львиное Сердце
Решительный
Бесстрашный

177. Кого из английских королей прозвали Безземельным
Генриха II
Иоанна
Ричарда III
Генриха IV

178. Когда была подписана Великая Хартия вольностей
В 1196 г.
В 1202 г.
В 1215 г.
В 1225 г.

179. Когда впервые был созван английский парламент
В 1215 г.
В 1225 г.
В 1265 г.
В 1315 г.

180. “Палата шахматной доски» -- это
Ведомство в Китае
Высший орган финансового управления в Англии
Судебный орган в Германии
Название одной из палат парламента

181. Сколько палат было в английском парламенте
1
2
3
4

182. Барон Симон де Монфор – это
Внебрачный сын Людовика X1
Барон, который впервые созвал парламент в Англии
Руководитель французских войск в Столетней войне
Военачальник, подавивший восстание Уота Тайлера

183. Манор – это
Английская феодальная вотчина
Крестьянское держание в сеньории
Повинность английских крестьян
Французский город

184. Манориальная курия – это
церковное ведомство
поместный суд, в котором разбирались дела копигольдеров
земля, на которой велось собственное хозяйство лорда
часть манора, на которой размещались земли крестьян

185. Кто такой Джон Виклиф
Английский церковный реформатор
Вожак крестьянского восстания
Писатель
Спикер парламента

186. Война Алой и Белой роз – это
Война в Англии
Война во Франции
Война в Китае
Война в Японии

187. Суть войны Алой и Белой роз
Война Англии с Шотландией
Завоевание Англией Ирландии
Борьба феодальных группировок в Англии
борьба городских группировок в Лондоне

188. Кто такие фригольдеры
французские горожане
лично свободные английские крестьяне
нормандские рыцари
швейцарские наемники

189. Кто такие английские шерифы
должностные лица короля
наиболее состоятельные горожане
английские безземельные крестьяне
члены народного ополчения

190. Кто такие английские вилланы
лично свободные крестьяне
лично зависимые крестьяне
английские ремесленники-сукноделы
должностные лица короля в графствах

191. Кто такие лолларды
безземельные крестьяне в Англии
народные проповедники, выступавшие против официальной церкви и сословного неравенства в Англии
низы горожан в Италии
лично свободные крестьяне в Дании

192. Кто такие йомены
богатые крестьяне в Англии
держатели земли в Германии
дворяне в Англии
зажиточные горожане во Франции

193. Какая династия воцарилась в Англии в конце XV в.
Валуа
Плантагенетов
Штауффенов
Тюдоров

ГЕРМАНИЯ В XII–XV вв.

194. Кто такие Штауффены
Династия французских королей
Династия испанских королей
Династия итальянских королей
Династия германских императоров

195. Прозвище императора Фридриха 1 Штауффена
Смелый
Решительный
Безземельный
Барбаросса

196. Место постоянного пребывания императора Фридриха II Штауффена
Германия
Италия
Дания
Сицилия

197. Что такое *Ганза*
Объединение северных стран
Союз северогерманских торговых городов
Союз южно – германских земель
Союз немецких рыцарей

198. Курфюрсты – это
Южно – немецкие герцоги
Аугсбургские купцы и банкиры
Правители Баварии
Немецкие князья, имевшие право избрания императора

199. Мейерская аренда – это
Крупная крестьянская аренда в средневековой Германии
Мелкая крестьянская аренда в Германии
Краткосрочная аренда в Англии
Пожизненная аренда во Франции

200. «Золотая булла» – это
Законодательный акт, утвердивший избрание пап кардиналами
Акт, узаконивший избрание императора коллегией 7 князей-курфюрстов
Папская печать
Королевская печать

201. «Золотая булла» была утверждена германским императором Карлом 1V
В 1122 г.
В 1356 г.
В 962 г.
В 1077 г.

202. Как называлось сословно-представительное учреждение в Германии
Парламент
Рейхстаг
Кортесы
Сейм

ИТАЛИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

203. К концу VI в.Северная и Центральная Италия были завоеваны
готами
лангобардами
франками
вандалами

204. Лангобарды, завоевавшие значительную часть Италии, исповедовали
язычество
арианство
католичество
ислам

205. Лангобардское обычное право (7 в.) было зафиксировано в
Салической правде
Эдикте Лотари
Книге Эпарха
Саксонском Зерцале

206. В Южной Италии феодальный уклад формировался путем
Синтеза германских и романских элементов
Трансформации преимущественно поздней римской хозяйственной системы
Разложения германских порядков

207. Феодальный уклад сформировался в Южной Италии
К концу IX в.
К концуX в.
К XI в.
К XII в

208. Феодальный уклад сформировался в Средней и Северной Италии
В IX в.
в X в.
в XI в.
в XII в.

209. К концу раннего средневековья характерной чертой Италии стало (а)
Бурное развитие скотоводства
Высокая степень урбанизации
Возникновение мануфактур
разработка серебряных рудников

210. Где впервые в Европе началось изготовление шелковых тканей на местном сырье
В Испании
Во Франции
В Южной Италии
В Германии

211. Пополаны в средневековой Италии – это
Низы города
Незнатные граждане итальянских городских коммун
Чиновники
Наёмные воины

212. Первые мануфактуры возникли
Во Флоренции
В Милане
В Венеции
В Генуе

213. В XI в. многие крупные года начали «войну с замками» в
Германии
Византии
Италии
Испании

214. Итальянские города-коммуны превратились в самостоятельные городские республики
в X в.
в конце XI в.
в конце XII в.
в XIII в.

215. Южная Италия была завоевана во второй половине 12 века
византийцами
норманнами
мусульманами
турками

216. Сицилийское королевство было основано
Фридрихом II Сицилийским
Рожером II Норманнским
Фридрихом Барбароссой
Юстинианом

217. Кто такие либеллярии
Лично – зависимые крестьяне в Италии
Свободные наследственные арендаторы
Жители городских коммун
Мелкие феодалы в Италии

218. Борьба гвельфов и гибеллинов – это
Борьба сторонников папы и императора в Италии
Борьба между феодалами и горожанами
Борьба между крестьянами и феодалами

219. Для Северной и Центральной Италии к концу 12 века была характерна (ен)
Феодальная раздробленность
Сильная централизация
Городской полицентризм

ИСПАНИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

220. Мусульманская Испания была
Отсталой частью Европы
Высокоразвитой городской цивилизацией
Исключительно сельским регионом
Регионом с классическим натуральным хозяйством

221. Кто такие инфансоны
Высшая знать Франции
Средние и мелкие феодалы в Испании
Французские крестьяне
Испанские крестьяне

222. Кабальерос – это рыцари
В Испании
В Германии
Во Франции
В Италии

223. Когда образовалось королевство Испания
В XП в.
В XШ в.
В XIV в.
В XV в.

224. Как называлось сословно-представительное учреждение в Кастилии
Парламент
Генеральные штаты
Рейхстаг
Кортесы

225. Когда завершилась Реконкиста на Пиренеях
В конце XШ в.
В конце XIV в.
В конце XV в.
В конце XVI в

226. Законодательное оформление личной зависимости в Каталонии и Арагоне произошло в
X в
XII вв.
конце XIII – пер. пол. XIV вв.
XIV-XV вв.

227. В XIV в. в экономике Испании возросла роль
Зернового хозяйства
Скотоводства
Рыболовство
виноградарства

228. Кто такой Торквемада
Архиепископ Толедский
Глава испанской инквизиции
Король Кастилии
Король Арагона

229. Инквизиция в Испании была учреждена в
1188 г.
1340 г.
1479 г.
1481г.

230. Кто такие мориски
Жители испанских городов
Крещеные мавры
Испанские крестьяне
Крещеные евреи

231. Что такое консехо
ценз в Испании
Поземельный налог в Кастилии
Сельская и городская община в Испании
Правовой обычай в Испании

232. Высшая знать в королевствах Пиренейского полуострова
идальго
фуэро
рикос-омбрес
кабальерос

233. Леоно-кастильские кортесы имели
1 палату
2 палаты
3 палаты
4 палаты

234. Особенностью сословного представительства в Леоно-Кастильском королевстве было
Наличие 1 палаты
Участие в кортесах свободного крестьянства
Отсутствие в кортесах духовенства
Отсутствие в кортесах горожан

ЦЕРКОВЬ В СРЕДНИЕ ВЕКА

235. Что такое клир
Объединение дворян
Профессиональное духовенство
Профессиональные воины
Объединения купцов

236. Устав Б. Нурсийского был написан
В III в.
В VI в.
В VII в.
В IX в.

237. Что означает слово католический
Правильный
Истинный
Всеобщий
Прочный

238. Что означает понятие целибат
Отлучение от церкви
Запрет клирику заводить семью
Призыв к войне с неверными
Призыв к молитве

239. Кто такой аббат
Священник
Настоятель монастыря
Монах
Проповедник

240. Что означает понятие инвеститура
Право назначать епископов
Право смещать епископов
Право выхода из общины
Право вызова на дуэль

241. Когда была образована Папская область
В 395 г.
В 576 г.
В 715 г.
В 756 г.

242. Скрипторий – это
Тип школы
Мастерская по переписке книг, обычно в монастырях
Ремесленник, переписывающий книги
Тип письма

243. Что такое аутодафе
Наделение земельным владением
Сожжение на костре
Присяга на верность
Освобождение вассалов от присяги верности королю

244. Что такое "Диктат папы"
Документ, в котором папа Григорий VП утверждал идею Папской теократии (1075 г.)
Документ, констатирующий создание Папского государства в 756 г.
Документ, отлучающий от трона Филиппа IV Красивого
Произведение папы Иннокентия Ш

245. Симония – это
Продажа и купля церковных должностей или духовного сана
Введение в духовный сан
Часть литургии
Обет безбрачия

246..Что такое *монастырь*
Вид крепости
Вид храма
Обитель общины верующих
Административный центр

247. Кто такой *аскет*
Участник состязаний
Легко – вооружённый воин
Человек, отказывающийся от всех жизненных удовольствий
Слуга

248. Высшая должность в христианской церковной иерархии
Диакон
Епископ
Митрополит
Патриарх

249. Что такое *индульгенция*
Грамота об отпущении грехов
Грамота на владение землёй
Охранная грамота
Право на беспошлинную торговлю

250. Разделение церквей на католическую и православную произошло в
В 815 г.
В 843 г.
В 1054 г.
В 1204 г.

251. Клюнийское движение – это
Движение за реформу монашества и церкви
Движение за городские вольности
Еретическое движение в Англии
Еретическое движение в Византии

242. Кто такие *альбигойцы*
Еретики в Южной Франции
Еретики в раннесредневековой Византии
Еретики в Южной Италии
Еретики в Чехии

243. Кто такой Пьер (Петр) Вальдо
Крупный военачальник
Создатель еретического движения
Правитель в Южной Италии
Один из организаторов Четвёртого крестового похода

244. Кто такой Франциск Ассизский
Видный богослов
Создатель еретического движения
Создатель монашеского ордена
Французский военачальник

245. Что такое *инквизиция*
Форма судопроизводства
Монашеская организация
Учреждение по борьбе с ересями
Вид христианской обрядности

246. Считали себя «псами господними»
Францисканцы
Доминиканцы
Августинцы
Бенедиктинцы

247.Что такое ордалии
Судебные испытания
Рыцарские турниры
Собрания горожан
Собрания крестьян

248. Что такое собор
Здание городского совета
Главная церковь города
Народное собрание
Ополчение у славян

249. Что такое *ересь*
Философское учение
Политическая организация
Религиозное инакомыслие
Городская корпорация

250. Что такое *интердикт*
Запрет на богослужение
Вид награды рыцарей
Приём в сражении
Воинское подразделение

251. Нищенствующие ордена появились
в VI в.
в VIII в.
в XI в.
в XIII в.

252. Член францисканского ордена являлся
аскетом-отшельником в закрытом от мира монастыре
аскетом-проповедником, странствующим по миру +
аскетом-воином, защищающим паломников
аскетом-богословом, углубленно изучающим теологию

253. «Капитулярий о науках», обязывающий создавать школы при каждом монастыре, издан
Хлодвигом
Карлом Мартеллом
Карлом Великим
Альфредом Великим

254. К началу II тысячелетия оставалась языческой
Англия
Прибалтика
Византия
Скандинавия

255. Что такое «Великая схизма»
Философское учение
Городской союз
Раскол в католической церкви в XIV- XV вв.
Рыцарская организация

СРЕДНЕВЕКОВАЯ КУЛЬТУРА

1. Кто такой *Алкуин*
Поэт
Создатель еретического движения
Создатель монашеского ордена
Сподвижник Карла Великого

2. Первые университеты возникли в
Оксфорде и Кембридже
Болонье и Париже
Праге и Варшаве
Лейпциге и Неаполе

3. Какие факультеты были в парижском университете
Артистический, богословский, медицинский, юридический
Артистический, исторический, медицинский, юридический
Географический, богословский, медицинский, юридический
Физический, артистический, богословский, юридический

4. Боэций – это
Церковный реформатор
«Отец схоластики»
Предводитель крестьянского восстания
Художник

5. Аверроэс – это
Предводитель крестьянского восстания
Художник
Философ
Поэт

6. Абеляр – это
Церковный реформатор
Философ
Художник
Король

7. Фома Аквинский – это
Церковный реформатор
Художник
Поэт
Создатель философского учения – «томизма»

8. «Жизнеописание Карла Великого» написал
Эйнгард
Алкуин
П. Диакон
Г. Турский

9. «Каролингское возрождение» – это
Подъем экономики в эпоху Каролингов
Реформа монашества
Культурный подъем во Франкской империи периода Карла Великого
Определенный культурный подъем в период немецких Каролингов

10.Кто такой Иоганн Гуттенберг
Философ
Известный монах
Государственный деятель
Создатель книгопечатания в Европе

11. Прокопий Кесарийский – это
Византийский богослов
Византийский писатель
Византийский художник
Византийский поэт

12. «Песнь о Роланде» относится к
Городской литературе
Рыцарскому эпосу
Куртуазной поэзии
Рыцарским романам

13. «Песнь о Сиде» посвящена
Подвигам французских рыцарей
Подвигам английских рыцарей
Реконкисте в Кастилии
Крестовым походам в Прибалтику

14. Кто такие трубадуры
Южнофранцузские поэты
Городские ремесленники
Воины-наёмники
Участники рыцарских турниров

15. Кто такой Кретьен де Труа
Полководец
Автор рыцарских романов
Церковный реформатор
Философ

16. Кто такой Джеффри Чосер
Полководец
Философ
Церковный реформатор
Автор «Кентерберийских рассказов»

17. Кто такие ваганты
Бродячие поэты
Бродячие артисты
Воины-наёмники
Участники рыцарских турниров

18. Расцвет готического архитектурного стиля приходится
На IX-X вв.
На X-XП вв.
На XШ-XIVвв.
На XI- XП вв.

19. Каким наиболее популярным зрелищем в раннесредневековой Византии были заменены гладиаторские бои
Рыцарскими турнирами
Театром
Карнавалами
Конными бегами

20. Наиболее распространённые жилища рыцарей
Крепости
Города
Замки
Военные лагеря

21. Кто такой Леонардо Бруни
Средневековый богослов
Итальянский политический деятель
Итальянский банкир
Итальянский гуманист

22. Что написал Данте
Кентерберийские рассказы
Роман о Тристане и Изольде
Декамерон
Божественную комедию

23. Что написал Боккаччо
Кентерберийские рассказы
Роман о Тристане и Изольде
Декамерон
Божественную комедию

24. Чем прославился Петрарка
Рассказами
Сонетами
Политическими трактатами
Картинами

25. Кем был Джотто
Художником
Поэтом
Философом
Архитектором

26. Кем был Донателло
Художником
Поэтом
Скульптором
Архитектором

27. Кем был Брунеллески
Художником
Поэтом
Скульптором
Архитектором

АРАБО-МУСУЛЬМАНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

28. Когда возник ислам
В начале V в.
В начале VI в.
В начале VII в.
В начале VIII в
.
29. Что такое мюльк (мулк)
Земельное владение арабского крестьянина
Мусульманская община
Наследственное земельное владение в исламских странах
Городской квартал в исламских странах

30. Арабы издавна населяли
Пиренейский полуостров
Балканский полуостров
Аравийский полуостров
Аппенинский полуостров

31. Мухаммад считал Иисуса
Богом
Богочеловеком
Пророком
Святым

32. Город пророка – это
Мекка
Медина
Иерусалим
Вифлеем

33. Первая мечеть была возведена
В Мекке
В Медине
В Иерусалиме
В Антиохии

34. Сунна – это
Запись откровений, полученных Мухаммадом от Аллаха
Сборник изречений Мухаммада и рассказов о его жизни
Арабское песнопение
Название храма

35. Минарет – это
Мусульманский храм
Высокая башня при мечети
Городская площадь
Учебное здание

36. Арабы считали «людьми Писания»
Только иудеев
Иудеев и христиан
Только христиан
Язычников

37. В битве при Пуатье арабы были остановлены (732 г.)
Вандалами
Кельтами
Франками
Бургундами

38. Кто был первым халифом
Абу Бекр
Осман
Омар
Али

39. Наместник отдельной области Халифата
Имам
Эмир
Вазир
Сеид

40. Мавзолей – это
Дворец
Крепость
Гробница
Храм

41. Для мусульманской культуры не характерна
Мозаика
Резьба
Орнамент
Икона

42. Началом мусульманского летоисчисления является
620 год
622 год
620 год
634 год

43. Молитвенное здание у мусульманских народов
Медресе
Мечеть
Собор
Умма

44. Что такое Кааба
Рыночная площадь в арабских странах
Главное святилище ислама
Место небесного блаженства в мусульманстве
Мусульманская школа

45. Что такое хадж
Обязательная милостыня
Паломничество в Мекку
Мусульманская молитва
Течение в исламе

46. Коран был написан
На латыни
По-арабски
По-гречески
По-персидски

47. Верховным собственником всех земель халифата считалось
Государство
Община
Духовенство
Все население

48. Что такое арабеска
Арабское четверостишье
Арабский танец
Орнамент
Арабская живопись

49. Что такое вакф
Земли общины
Земли религиозных учреждений
Земли халифа
Земли чиновников

50. Шариат – это
Город
Арабское огнестрельное оружие
Свод исламских религиозных и юридических норм
Староста общины

51. Корабль пустыни – это
Караван
Верблюд
Оазис
Ишак

52. Джихад – это
Налог на торговую сделку
Священная война за ислам
Мусульманская община
Паломничество в Мекку

53. Кто такие бедуины
Арабские ремесленники
Арабские торговцы
Арабские скотоводы-кочевники
Арабские воины

54. Иное название халифата Омейядов
Багдадский
Сирийский
Делийский
Дамасский

55. Иное название халифата Аббасидов
Багдадский
Сирийский
Делийский
Дамасский

КИТАЙ

56. Эпоха троецарствия (220-280) – это
Период в истории Китая
Период в истории Японии
Период в истории Индии
Период в истории Турции

57. В китайском обществе не был почетен
Статус военных
Статус крестьян
Статус чиновников
Статус ученых

58. Что оказало огромное влияние на китайскую государственность
Даосизм
Синтоизм
Конфуцианство
Христианство

59. Что такое «сильные дома»
Крупное частное землевладение в Китае
Родственники императора
Военачальники в военном поселении
Купеческие корпорации в Китае

60. Надельная система была впервые введена в Китае
Сыма Янем
Тоба Гуем
Ян Цзянем
Ли Юанем

61. Целью реформы Сыма Яня (280 г.) было
Создание военных населений
Ограничение частного землевладения «сильных домов»
Ограничение землевладения церкви
Введение новых налогов для строительства Великого Канала

62. После долгого периода раздробленности Китай был вновь объединен в единое государство
В IV в.
В VI в.
В III в.
Во II в.

63. Поднебесная империя – это
Япония
Китай
Индия
Арабский халифат

64. В эпоху династии Тан чиновничество в Китае делилось
На 3 ранге
На 6 рангов
На 9 рангов
На 16 рангов

65. Китай был подчинен монголами при
Хане Батые
Хане Хубилае
Чингис – хане
Хане Аспарухе

66. Специфически китайский метод отбора чиновников в госаппарат
Назначение близких родственников
Назначение по рекомендации
Назначение по воле императора
Отбор через систему экзаменов

67. В каком средневековом индийском государстве господствовал ислам
В империи Гуптов
В государстве Харши
В государстве Паллавов
В Делийском султанате

68. Древняя народная религия Китая
Буддизм
Индуизм
Ислам
Даосизм

69. Древняя народная религия Японии
Буддизм
Даосизм
Синтоизм
Индуизм

70. В какой стране средневекового Востока статус военных был наиболее близок статусу европейских рыцарей
В Индии
В Китае
В Японии
В Иране

71. Где впервые был изобретен порох
В Индии
В Китае
В Византии
В Турции

72. В какой из стран Азии формы земельной собственности были близки западно-европейским
В Индии
В Китае
В Японии
В Турции

73. Компас был изобретен
Японцами
Китайцами
Индийцами
Корейцами

ИНДИЯ

74. Кто такой Чандрагупта
Китайский правитель
Индийский правитель
Японский правитель
Иранский правитель

75. Касто-варновый строй в Индии освящался
Буддизмом
Индуизмом
Даосизмом
Конфуцианством

76. Почитание рек (в первую очередь – Ганга) – это характерная черта
Индуизма
Даосизма
Конфуцианства
Синтоизма

77. Раджпуты – это
Каста воинов в Индии
Территориальные князья в Индии
Секта в индуизме
Секта в буддизме

78. Джаджмани – это
Дуалистическая секта на Востоке
Староста индийской общины
Традиционная система взаимообмена видами деятельности в индийской общине
Купеческая корпорация в Китае

79. Брахманы – это
Жрецы в Индии
Жрецы в Иране
Молитвенные здания индусов
Ремесленные цехи в Индии

80. Икта – это
Земли общины в Индии
Мусульманские чиновники в Индии
Служебный надел в Арабском Халифате
Сборник налогов в мусульманских странах

81. Ближайшим помощником султана являлся
Великий вазир
Диван
Губернатор-вали
Гулям

82. Мусульманское государство в Индии возникло
В VII в.
В XIII в.
В XIV в.
В XV в.

ЯПОНИЯ

83. Ямато – это
Старинное наименование Японии
Старинное наименование Китая
Бог в индуизме
Бог в синтоизме

84. Что такое джизья
Подушная подать на немусульман
Торговая пошлина
Арабская одежда
Арабское оружие

85. Централизованное государство возникло в Японии
В III в.
В V в.
В VII в.
В VI в.

86. Первый сегунат появился в Японии в
В X в.
В XI в.
В XII в.
В VII в.

87. Первый сегун в Японии был представителем дома
Минамото
Фудзивара
Тайра
Сиракава

88. Что такое бакуфу
Храм в Японии
Крепость в Японии
Военное правительство в Японии
Судно в Японии

89. Кто такая Аматэрасу
Императрица
Главная богиня синто
Главная богиня индуизма
Глава буддийской секты

90. Цель реформ Тайка
Реорганизация всей жизни Японии по китайскому образцу
Ликвидация китайского влияния
Перестройка японской армии
Перестройка японских городов

91. Кто такой сегун
Японский император
Верховный военный правитель, реально управляющий Японией
Настоятель буддийского монастыря
Самурай, не имевший господина

92. Монгольские войска Хубилая пытались захватить Японию
В XII в.
В XIII в.
В XIV в.
В XV в.

93. Что такое бусидо
Кодекс поведения японских самураев
Синтоистский храм
Ересь в буддизме
Японское судно

94. Кто такой микадо (в Японии)
Первый министр
Император
Наместник провинции
Военачальник

95. Что такое «переворот Тайка»
Серия реформ в Японии
Серия реформ в Китае
Серия реформ в Индии
Серия реформ в Иране

ВОПРОСЫ К ЭКЗАМЕНУ

1. Происхождение и содержание термина «Средние века» в исторической науке. Периодизация. Источники по истории Средних веков.
2. Понимание сущности феодализма в исторической науке. Феодальная собственность на землю и её характерные черты.
3. Генезис феодализма в Западной Европе и его типологизация.
4. Древние германцы: хозяйственный строй, община, социально-политическая организация.
5. Падение Западной Римской империи и образование варварских государств.
6. Франкское государство Меровингов. «Салическая правда».
7. Франкское государство Каролингов.
8. Складывание основ феодальных отношений в Каролингской державе.
9. Западноевропейское общество раннего средневековья.
10. Византия в IV–XII вв.
11. Юго-западная Европа в VII–IX вв.
12. Западноевропейское общество высокого средневековья (X–XIII вв.).
13. Церковь в период раннего средневековья. Возникновение монашества.
14. Северная Европа в VIII–XI вв. Эпоха викингов.
15. Англия в период раннего средневековья.
16. Политическое развитие Франции в X–XIII вв.
17. Социально-экономическое развитие Франции в X–XIII вв.
18. Германия в X–XIII вв.
19. Англия во второй половине XI–XII вв.
20. Англия в XIII в. «Великая хартия вольностей».
21. Италия в X–XIII вв.
22. Крестовые походы. Причины, характер, значение.
23. Католическая церковь и государство. Клюнийское движение и борьба за инвеституру. Монашеские ордены и их роль в укреплении церкви.
24. Средневековый европейский город. Проблема происхождения. Внешний облик, население и быт средневекового города.
25. Политическая история города. Городское самоуправление и городское сословие.
26. Функции, структура и эволюция средневековых цехов. Характеристика устава средневекового цеха.
27. Развитие торговли и кредитного дела в Западной Европе. Купцы и купеческие гильдии. Характеристика купеческой хартии.
28. Особенности социально-экономического и политического развития цивилизаций Востока в средние века.
29. Индия в IV–XII вв. Общинно-кастовая система в Индии.
30. Индия под властью мусульманских правителей. Делийский султанат.
31. Китай в III–XII вв.
32. Монгольское владычество в Китае (Династия Юань).
33. Китай во второй половине XIV–XV вв. (Династия Мин)
34. Доисламская Аравия. Возникновение ислама и его роль в объединении арабов.
35. Халифаты Омейядов и Аббасидов. Особенности политического строя и социально экономических отношений.
36. Арабо-мусульманская культура. Картина мира, образ жизни.
37. Основные этапы и характерные черты развития Японии в III–XII вв.
38. Япония в конце XII–XV вв.

39. Западноевропейское общество позднего средневековья (XIV–XV вв.).

40. Сословно-представительная монархия: сущность, функции и значение в разных странах Западной Европы.

41. Аграрное развитие Западной Европы в XIII–XV вв. кризис домениального хозяйства. Изменения XIV–XV вв.

42. Социально-экономическое развитие Франции в XIII–XV вв.

43. Политическое развитие Франции в XIV–XV вв.

44. Столетняя война: причины, этапы, итоги.

45. Социально-экономическое развитие Англии в XIII–XV вв. Восстание У. Тайлера. Изменения в положении крестьянства и дворянства.

46. Политическое развитие Англии в XIV–XV вв.

47. Социально-экономическое и политическое развитие немецкого города в XII–XV вв.

48. Основные тенденции социально-экономического развития немецкой деревни в XII–XV вв.

49. Политическое развитие Германии в XIV–XV вв. «Золотая булла».

50. Италия в XIV–XV вв.

51. Страны Пиренейского полуострова в X–XV вв.

52. Скандинавские страны в XII–XV вв.

53. Византия во второй половине XIII–XV вв.

54. Раннее Возрождение и гуманизм в Италии в XIV–XV вв.

55. Средневековая культура Западной Европы V–XV вв.

56. Средневековая картина мира. Повседневная жизнь средневекового европейца.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КАРТА ДИСЦИПЛИНЫ

Номер раздела, темы	Название раздела, темы	Количество аудиторных часов				Количество часов УСР	Форма контроля знания
		Лекции	Практические	Семинарские	Лабораторные		
1	2	3	4	5	6	7	8
3 семестр							
Модуль 1. Введение. Западноевропейская цивилизация в Раннее Средневековье (V–IX вв.)							
1.1	Введение в учебную дисциплину «История средних веков»	2				1	Проверка конспекта, письменный ответ, подготовка реферата или доклада, защита группового проекта
1.2	Эпоха Великого переселения народов. Генезис феодализма в Европе	2	2				
1.3	Франкское государство в V–IX вв.	4	4				
1.4	Юго-Западная Европа в VII–IX вв.						
1.5	Византийская империя в IV–IX вв.	2					
1.6	Страны Северной Европы: Англия и Скандинавские страны	2					
Всего по модулю 1		**12**	**6**			**1**	***Устный опрос***
Итоговый контроль по модулю 1							
Модуль 2. Западноевропейская цивилизация в Высокое Средневековье (X–XIII вв.)							
2.1	Церковь и ее организация в Западной Европе		4			1	Проверка конспекта, письменный ответ, подготовка реферата или доклада, защита группового проекта
2.2	Средневековая западная цивилизация и ее духовные основы		2				
2.3	Социально-экономическое развитие Западной Европы. Западноевропейский средневековый город.		2				
2.4	Франция в X–XIII вв. Вассально-ленные отношения	2	2				
2.5	Англия в X–XIII вв.	2					
2.6	Германия в X–XIII вв.	2					
2.7	Италия в X–XIII вв.						
2.8	Страны Пиренейского полуострова в X–XIII вв. Скандинавские страны						
2.9	Византия в X–XIII вв.	2					
Всего по модулю 2		**8**	**10**			**1**	***Устный опрос***
Итоговый контроль по модулю 2							

Модуль 3. Западноевропейская цивилизация в Позднее Средневековье (XIV–XV вв.)							
3.1	Франция. Средневековое крестьянство	2	2			1	Проверка конспекта, письменный ответ, подготовка реферата или доклада, защита группового проекта
3.2	Англия. Сословно-представительная монархия	2	2				
3.3	Германия	2					
3.4	Италия						
3.5	Страны Пиренейского полуострова						
3.6	Скандинавские страны						
3.7	Византия в XIV–XV вв.						
3.8	Средневековая культура западноевропейской цивилизации (V–XV вв.)						
Всего по модулю 3		**6**	**4**			**1**	***Устный опрос***
Итоговый контроль по модулю 3							
Модуль 4. Восточные цивилизации в период Средневековья							
4.1	Арабо-исламская цивилизация		4			1	Проверка конспекта, письменный ответ, подготовка реферата или доклада, защита группового проекта
4.2	Иран и Средняя Азия в V–XV вв.						
4.3	Индо-буддистская цивилизация	2					
4.4	Китайско-конфуцианская цивилизация и Япония	2	2				
Всего по модулю 4		**4**	**6**			**1**	***Устный опрос***
Итоговый контроль по модулю 4							
На контроль УСР						**2**	**См. соотв. раздел**
ИТОГО по дисциплине		**30**	**26**			**6**	***ЭКЗАМЕН***
ИТОГОВЫЙ контроль							

СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА

МОДУЛЬ 1
ВВЕДЕНИЕ. ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (V–IX вв.)

Тема 1.1. Введение в учебную дисциплину «История средних веков»

История средних веков – органичная и неотъемлемая часть мировой истории. Методологические основы и принципы изучения истории, периодизация истории средних веков. Формационный, цивилизационный и культурно-антропологический подходы к изучению исторического процесса. Общая характеристика источников и историографии. Сущность феодализма и его трактовка в мировой исторической науке.

Тема 1.2. Эпоха Великого переселения народов. Генезис феодализма в Европе.

Древние германцы, их занятия, общественный строй. Причины массовых вторжений германских, славянских, угро-финских и тюркских племен на территорию Римской империи в IV–VII вв. Вторжение вестготов на территорию Западной Римской империи. Образование Вестготского, Вандальского, Свевского и Бургундского королевств. Нашествие гуннов. Падение Западной Римской империи. Образование Остготского и Франкского королевств. Лангобардское королевство в Италии. Англосаксонское завоевание Британии. Последствия варварских завоеваний.

Теория о двух путях генезиса феодализма у народов Европы – синтезного и безсинтезного. Концепция континуитета. Концепция феодальной революции. Этапы процесса феодализации Европы в период Раннего Средневековья.

Генезис феодализма в Византии. Особенности генезиса феодализма в Юго-Западной Европе. Генезис феодализма во Франкском государстве. Особенности генезиса феодализма в Англии, Скандинавии и Германии.

Экономическая основа феодального общества. Его социальная основа и политическая организация. Феод. Субинфеодация. Домен. Отношения вассалитета-сюзеренитета. Феодальная иерархическая лестница.

Тема 1.3. Франкское государство в V–IX вв.

Франкское государство Меровингов. Франки до их вторжения в Северную Галлию. Завоевание франками Галлии. Возникновение государства у франков. Общественный строй и хозяйство франков в VI–VII вв. Распад родоплеменных связей. Выделение аллода и возникновение соседской общины-марки. Социальное расслоение во Франкском обществе. Рост крупной земельной собственности. Галло-римское население и его роль в феодализации франкского общества. Ослабление центральной власти при преемниках Хлодвига. Дробление государства. Объединение страны майордомами Австразии.

Франкская монархия Каролингов. Начало переворота в поземельных отношениях. Политика Карла Мартелла. Бенефициальная реформа, её предпосылки и последствия. Начало династии Каролингов. Завоевания Пипина Короткого. Возникновение светского государства пап. Рост Франкского государства при Карле Великом. Основание империи, её международное и внутреннее положение.

Развитие феодальных отношений в Каролингском государстве. Завершение переворота в поземельных отношениях. Рост светского и церковного землевладения. Прекарий и его роль в процессе феодализации. Развитие личной, поземельной и судебной зависимости крестьян. Коммендация. Иммунитет. Вассалитет. Структура и хозяйство феодальной вотчины. Виды феодальной ренты.

Политическая организация Каролингского государства. Феодализация местного управления. Упадок императорской власти. Распад Каролингского государства при преемниках Карла Великого. Верденский раздел.

Тема 1.4. Юго-Западная Европа в VII–IX вв.

Характерные черты развития Юго-Западной Европы (Западного Средиземноморья). Общество и государство в Италии под властью лангобардов. Особенности социально-экономического развития лангобардского королевства. Своеобразие политической организации лангобардского общества. Италия в VIII–IX вв. Политическая карта Италии. Основные области Италии. Образование Папского государства. Различия в характере и темпах развития феодализма в Северной, Средней, Южной Италии и Сицилии. Развитие городов. Начало формирования итальянской народности.

Арабское завоевание Пиренейского полуострова. Мусульманская Испания. Образование христианских государств. Начало Реконкисты и её влияние на социальное и политическое развитие стран Пиренейского полуострова. Христианские государства Пиренейского полуострова.

Тема 1.5. Византийская империя в IV–IX вв.

Образование Восточной Римской (Византийской) империи. Территория империи. Особенности её развития. Аграрный строй, ремесло, торговля. Государственная система. Разложение рабовладельческого строя и зарождение раннефеодальных отношений. Правление Юстиниана. Его внутренняя и внешняя политика. Законодательство Юстиниана и его социальная направленность. Развитие кризиса в конце VI–VII вв. Экономический упадок. Социально-политический кризис. Массовые вторжения славян и их расселение на византийской территории. Роль славян в возрождении и укреплении общинных форм землевладения в Византии и в формировании византийского феодализма. Особенности процесса феодализации Византии.

Аграрный строй Византии в VII–VIII вв. Упадок городов. Развитие феодальных отношений в Византии VII–IX вв. Правление Исаврийской династии. Фемный строй и поселения стратиотов. Внутреннее и внешнее положение Византии в VII–IX вв. Иконоборческое движение и его социальная сущность. Усиление крупного светского землевладения.

Христианская церковь в Византии. Монашество. Еретические движения. Массовые народные движения. Павликиане. Восстановление иконопочитания.

Тема 1.6. Страны Северной Европы: Англия и Скандинавские страны

Англосаксонские королевства, их общественный и политический строй. Гептархия. Христианизация. Собор в Уитби. Бретвальда. Особенности генезиса феодализма в англосаксонских королевствах. Организация управления в англосаксонских королевствах. Экберт и объединение Англии. Социально-экономическое развитие. Керлы. Эрлы. Фольклэнд. Бокленд. Глафордат. Борьба с датчанами. Дэнло. Альфред Великий и его политика. Развитие процесса феодализации. Роль королевских пожалований и раздачи иммунитетных прав (сока) в этом процессе. Начало формирования вотчинной системы (манор).

Народы Скандинавии в раннее Средневековье. «Эпоха викингов» в Северной Европе. Общий характер походов викингов. Своеобразие развития феодальных отношений в Скандинавских странах и его причины. Общественно-политический строй скандинавов. Бонды. Одали. Тинги. Начало усиления королевской власти. Закладывание основ политического объединения. Христианизация скандинавов.

МОДУЛЬ 2
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ВЫСОКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (X–XIII вв.)

Тема 2.1. Церковь и ее организация в Западной Европе

Роль христианской религии и церкви в феодальном обществе. Идейные основы средневекового христианства. Августин Блаженный. Экономическая база церкви. Организационное укрепление церкви. Возникновение папства.

Союз между церковью и государством в раннее средневековье. Восточная экспансия папства и разделение церквей. Упадок папства в IX–XI вв. Клюнийское движение. Теократическая политика Григория VII. Борьба пап с германскими императорами за инвеституру. Возвышение папства в XII–XIII вв. и его предпосылки. Средневековые ереси, их социальная сущность. Народно-еретические движения XI – начала XIII вв. Катары. Вальденсы. Патары. Иоахимиты. Амальрикане. Борьба церкви с еретическими движениями. «Нищенствующие» ордены. Инквизиция. Упадок папства и влияния официальной церкви в XIV–XV вв., его причины. «Авиньонское пленение пап» и «великий раскол». Поздние ереси (лолларды). Соборное движение в XV в. Крушение политических притязаний папства в XV в. Роль католической церкви и папства в истории средневековой Европы.

Тема 2.2. Средневековая западная цивилизация и её духовные основы

Цивилизационные истоки Западноевропейской средневековой цивилизации. Образ средневекового человека. Средневековая философия о сущности человека. Образ человека в Раннее, Высокое и Позднее средневековье. Мировоззрение. Картина мира. Восприятие пространства и времени средневековыми людьми. Микро и макрокосм. Сакральное, социальное и историческое время. Символический и мифологический тип средневекового мышления. Представления об обществе и его социальной иерархии. Система духовных ценностей, мир эмоций, формы поведения. Большая и малая эсхатологии. Фобии. Болезни, представления об их причинах и лечении. Социально-психологические установки. Представление о грехах и греховности. Особенности сословного мышления и быта. Статус женщины в средневековом обществе Запада. Отношение к детям и старикам.

Тема 2.3. Социально-экономическое развитие Западной Европы. Западноевропейский средневековый город

Политическая карта Европы в X–XIII вв. Политическая раздробленность. Утверждение феодального строя в Западной Европе к концу XI в. Господство феодальной собственности. Сословная структура средневекового общества.

Природные условия. Географическая среда и производственная деятельность европейцев. Народонаселение. Земледелие. Скотоводство. Рыболовство, охота, лесные промыслы. Прогресс техники. Добыча и обработка металлов. Новые виды оружия. Строительное дело. Средства сообщения. Стеклоделие. Текстильное дело. Книжное дело.

Развитие городской жизни в раннее средневековье. Отделение ремесла от сельского хозяйства и его причины. Возникновение средневековых городов. Теории происхождения средневековых городов в Западной Европе. Основные типы развития средневековых городов.

Западноевропейские города, их внешний вид и топография. Городское население: особенности городской демографии, социальной структуры и хозяйственной жизни.

Борьба городов с сеньорами и её результаты. Складывание городского самоуправления. Формирование городского сословия. Городское ремесло, его характери-

стика, цеховая организация. Значение и роль цехов в жизни города. Борьба цехов с городским патрициатом. Расслоение внутри цехов и начало их разложения. Социальная борьба внутри цехов.

Развитие торговли и кредитного дела в Западной Европе. Развитие товарно-денежных отношений, изменения в социально-экономической жизни феодального общества и последствия этих процессов. Завершение формирования городского сословия и его социально-политическая роль в обществе.

Тема 2.4. Франция в X–XIII вв. Вассально-ленные отношения

Формирования французского королевства. Раннее завершение процесса феодализации во Франции и его особенности. Первые Капетинги и политическая раздробленность Франции. Формирование северо-французской и провансальской народностей на территории Франции.

Особенности аграрной эволюции Франции в этот период и положение крестьянства. Влияние развития товарно-денежных отношений на французскую деревню в XIII в. Распространение денежной ренты и личное освобождение крестьян.

Экономическое развитие Северной и Южной Франции в XI–XIII вв. Рост городов в XI–XIII вв. Их борьба с сеньорами. Различия между городами Северной и Южной Франции.

Усиление королевской власти в XII–XIII вв., его экономические и социальные предпосылки. Борьба королей с крупными феодалами и союз с городами. Филипп II Август и Плантагенеты. Альбигойские войны. Реформы Людовика IX.

Тема 2.5. Англия в X–XIII вв.

Социально-экономическое развитие. Зарождение манора. Особенности вассально-ленной системы. Внутриполитическая борьба во второй половине X в. Датские нашествия в начале XI в. Англия под властью Кнута Датского. Восстановление независимости Англии.

Нормандское завоевание и его влияние на развитие феодализма в Англии. Вильгельм I Завоеватель. Усиление королевской власти. Социальная структура Англии по данным «Книги страшного суда». Король и церковь. Королевская власть и города. Особенности феодального строя в Англии. Возникновение городов и особенности их развития в XI–XII вв. Феодальные усобицы в Англии в первой половине XII в. и дальнейшее укрепление феодального государства во второй половине XII в. Генрих II Плантагенет и его реформы. Завоевание Ирландии.

Экономическое развитие Англии в XIII в. Особенности аграрного развития. Города. Внешняя и внутренняя политика Иоанна Безземельного, недовольство внутри Англии. Великая хартия вольностей. Генрих III. Политическая борьба в Англии и возникновение парламента. Особенности формирования сословной монархии в Англии.

Тема 2.6. Германия в X–XIII вв.

Особенности развития феодальных отношений. Возникновение немецкого раннефеодального государства. Саксонская династия. Церковная политика Оттона I. Итальянская политика германских королей и создание империи. Искусственный характер этого политического образования. Начало агрессии немецких феодалов против полабских славян. Политика королей Франконской династии. Рост частной власти крупных феодалов. Ослабление центральной власти. Политический кризис второй половины XI в. Борьба империи и папства за инвеституру. Крушение церковной политики германских императоров. Вормский конкордат.

Германия в XII–XIII вв. Особенности аграрного развития. Денежная рента. «Чистая сеньория». Рост городов и их борьба с сеньорами.

Особенности политического развития Германии. Экономические предпосылки образования системы территориальных княжеств в Германии. Города и центральная власть в Германии. Немецкая агрессия против полабских славян и народов Прибалтики. Итальянская политика германских королей и императоров. Борьба Фридриха I Барбароссы с папой и ломбардскими городами. Продолжение борьбы с папой при Фридрихе II. Крах итальянской политики германских императоров в середине XIII в. Укрепление самостоятельности немецких территориальных князей во второй половине XШ в. и упадок императорской власти. Междуцарствие и начало династии Габсбургов. Образование Швейцарского союза.

Тема 2.7. Италия в X–XIII вв.

Политическая раздробленность Италии. Основные области и важнейшие государства Италии. Различия в характере и темпах развития феодализма в разных областях Италии. Развитие городов Северной и Средней Италии. Борьба городов с сеньорами в XI–XII вв. Городские коммуны и их превращение в города-государства. Роль городов в политическом развитии Италии. Сельские коммуны и их последующее подчинение городам. Втягивание деревни в товарно-денежные отношения. Изменения в положении крестьянства.

Особенности развития Папской области в XI–XШ вв. Теократические притязания папства. Римская республика и Арнольд Брешианский.

Особенности развития Южной Италии. Завоевание Южной Италии и Сицилии норманнами в XI в. Образование Сицилийского королевства в XII в. Влияние норманнского завоевания на развитие феодальных отношений. Особенности аграрной эволюции и развития городов Сицилийского королевства.

Политика Гогенштауфенов в Италии. Ломбардская лига городов и её борьба с Фридрихом I Барбароссой. Гвельфы и гибеллины.

Тема 2.8. Страны Пиренейского полуострова в X–XIII вв. Скандинавские страны.

Христианские государства на Пиренейском полуострове. Реконкиста и её основные этапы. Роль крестьянства, городов и дворянства в Реконкисте. Духовно-рыцарские ордены. Успехи Реконкисты в XIII в.

Особенности социально-экономического и политического развития Кастилии, Арагона и Португалии. Особенности формирования сословной монархии в этих государствах. Королевская власть и кортесы. Системы местного самоуправления. Социально-экономическое развитие христианских государств Пиренейского полуострова. Особенности вассально-ленных отношений и сословной структуры. Аграрная эволюция (месты, бегетрии и консехо), города и торговля.

Своеобразие социально-экономического развития и феодализма в Скандинавских странах и его причины. Усиление королевской власти. Христианизация скандинавов. Образование Датского, Шведского и Норвежского королевств. Политико-административная структура. Рост крупного церковного и светского землевладения. Сословие феодалов и особенности его иерархии в Дании, Швеции и Норвегии. Особенности социально-правового положения крестьян в странах Скандинавии. Формирование городского строя. Роль немецкого купечества в экономической жизни Скандинавских стран.

Тема 2.9. Византия в X–XIII вв.

Византия во второй половине IX–XI вв. Дальнейшее развитие феодализма при Македонской династии. Формирование сословия феодалов. Основные категории

крестьянства. Аграрное законодательство Македонской династии. Изменения в государственном управлении.

Разрыв восточной церкви с западной римской. Внешняя политика Византии в X–XI вв. Завершение генезиса феодализма к началу XII в. Феодальная вотчина в конце XI–XII вв. Рост системы проний и феодальная децентрализация. Обострение внутренних противоречий в Византии. Усиление политического влияния крупных феодалов.

Византийский город, ремесло и торговля в X–XII вв. Династия Комнинов и их внешняя политика. Византия в борьбе с турками-сельджуками и норманнами. Византия и крестовые походы. Социальные и еретические движения. Богомилы. Четвертый крестовый поход и падение Византии. Латинская империя и греческо-византийские государства в XIII в. Восстановление Византийской империи.

Предпосылки крестовых походов. Общий характер и состав участников крестовых походов. Роль папства и католической церкви в их организации. Клермонский собор. Начало крестоносного движения. Поход бедноты. Первый крестовый поход. Государства крестоносцев на Востоке. «Иерусалимские ассизы». Духовно-рыцарские ордены. Потери крестоносцев на Востоке к середине XII в. Второй крестовый поход. Государство Саладина. Третий крестовый поход. Четвертый крестовый поход и Венеция. Разгром Константинополя крестоносцами, основание Латинской империи. Последние крестовые походы. Упадок крестоносного движения и его причины. Последствия крестовых походов.

МОДУЛЬ 3
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (XIV–XV вв.)

Тема 3.1. Франция. Средневековое крестьянство

Дальнейшее укрепление королевской власти. Политика Филиппа IV Красивого. Борьба королевской власти с папством. Начало сословной монархии во Франции, её особенности. Возникновение Генеральных штатов, их состав и компетенция. Феодальная оппозиция королевской власти.

Причины и начало Столетней войны. Поражения при Креси и Пуатье. Генеральные штаты 1356–1357 гг. Мартовский ордонанс. Восстание в Париже в 1356–1358 гг. Жакерия. Карл V Валуа и его реформы.

Франция во второй половине XIV в. Феодальные усобицы. Городские и крестьянские восстания. Возобновление Столетней войны. Жанна д'Арк и патриотическое движение во Франции в XV в. Окончание Столетней войны. Налоговая и военная реформы Карла VII. Рост государственной централизации. Генеральные штаты в условиях укрепления королевской власти. Банкиры и купцы в финансовом управлении. Людовик XI, его борьба с феодалами и его экономическая политика. Завершение политического объединения Франции в конце XV в.

Экономическое развитие Франции в XIV–XV вв. Дальнейшие изменения в аграрной системе французской деревни и положении крестьян. Изменения в природе вассальных отношений.

Тема 3.2. Англия. Сословно-представительная монархия.

Особенности сословной монархии в Англии. Социально-политическая роль парламента в конце XIII – первой половине XIV в. Парламент в период Столетней войны, его организация. Внешняя политика Англия в XIV в.

Социально-экономическое развитие Англии в XIV в. Рост товарно-денежных отношений. Коммутация ренты. Усиление эксплуатации крестьянства. «Черная смерть», «Рабочее законодательство» и сеньориальная реакция. Движение за реформу церкви. Выступление Джона Виклифа. Движение лоллардов, Джон Болл. Восстание Уота Тайлера.

Особенности социально-политического развития Англии в XV в. Ланкастерская династия. Окончание Столетней войны. Феодальная анархия и её предпосылки. Война Алой и Белой розы. Династия Йорков и усиление королевской власти. Политика Эдуарда IV. Начало династии Тюдоров. Завершение процесса складывания английской народности.

Экономическое развитие Англии в XV в. Кризис барщинного манора и зарождение капиталистических отношений в деревне. Положение крестьян. «Старое» и «новое» дворянство. Развитие английской промышленности и торговли в XV в.

Тема 3.3. Германия

Территория. Император и территориальные князья. Упадок императорской власти. «Золотая булла» Карла IV и закрепление раздробленности Германии. Династия Габсбургов. Немецкие сословно-представительные органы в XIV–XV вв. Упадок империи и попытки имперских реформ в XV в.

Экономическое развитие Германии в XIV–XV вв. Города и союзы городов в XIV–XV вв. Ганза. Новые явления в хозяйственной и социальной жизни немецкого города. Появление мануфактуры. Основные тенденции в аграрном развитии в XIV–XV вв. Положение крестьян.

Тема 3.4. Италия

Особенности развития Северной и Средней Италии в XIV–XV вв. Различия в политическом строе городов-государств Северной и Средней Италии в XIV (Флоренции, Венеции, Генуи, Милане). Изменения в политическом строе многих городов-государств Северной и Средней Италии в XV в. Установление тирании и её предпосылки. Синьория Медичи во Флоренции.

Разложение цехового строя и зарождение раннекапиталистических отношений в городах Северной Италии и Тосканы. Ранние формы мануфактуры. Крестьянские движения. Экономическое и политическое развитие Папской области в XIV–XV вв. Ослабление папской власти. Авиньонское пленение. Социально-политическая борьба в Риме. Римская республика. Патримоний святого Петра в XV в.

Особенности экономического и политического развития Южной Италии и Сицилии в XIV–XV вв. Крестьянство и города. Анжуйская и Арагонская династии в Южной Италии. Экономический и политический упадок Неаполитанского королевства. Объединение Сицилии и Неаполитанского королевства Арагонской династией. Италия к концу XV в.

Тема 3.5. Страны Пиренейского полуострова

Особенности экономического и политического развития Арагона, Кастилии и Португалии. Особенности формирования сословной монархии в этих государствах. Королевская власть и кортесы. Особенности развития сословия феодалов. Города и положение крестьянства в странах Пиренейского полуострова. Объединение Кастилии и Арагона и образование единого Испанского королевства. Роль католической церкви и инквизиции в Испании. Завоевание Гранады и завершение Реконкисты. Колониальная экспансия в Атлантике и её предпосылки. Экономическая политика королей во второй

половине XV в. Рост международного значения Испании. Экономическое развитие Португалии в XIV–XV вв. Структура португальского общества.

Тема 3.6. Скандинавские страны

Дальнейшее развитие феодализма в Норвегии, Дании и Швеции в XIV в. Германская экспансия. Развитие сельского хозяйства и укрепление феодальных отношений в деревне. Горнорудная промышленность в Швеции.

Слабость королевской власти. Вальдемар IV Датский, победа над знатью, борьба против Ганзы. Кальмарская уния и подчинение Данией Швеции и Норвегии. Борьба Швеции за независимость. «Вечная уния» Дании и Норвегии. Скандинавские страны во второй половине XV в. Система государственных органов в Скандинавских странах. Риксрод и данехов. Возникновение сословных монархий в Швеции и Дании. Состав и функции сословно-представительных учреждений. Политика регентов из дома Стуре в Швеции. Кристиан I Датский.

Тема 3.7. Византия в XIV–XV вв.

Поздневизантийский феодализм. Экономический упадок Византии в XIV–XV вв. Развитие вотчинной системы. Положение крестьянства. Упадок византийских городов, их аграризация. Доминирование итальянских купцов.

Гражданская война в Византии (1341–1355). Восстание зилотов. Феодальные междоусобицы. Внешнеполитическое положение Византии в XIV–XV вв. Византия, западноевропейские страны и папство. Турецкие завоевания на Балканах XIV–XV вв. Борьба внутри господствующего слоя Византии. Взятие Константинополя турками. Причины и последствия падения Византийской империи.

Тема 3.8. Средневековая культура западноевропейской цивилизации (V–XV вв.)

Средневековая культура средневековой западноевропейской цивилизации как синтез античного наследия (Боэций, Кассиодор, Исидор Севильский) и народных варварских культур. Каролингское возрождение. Роль религиозной идеологии в этом процессе. Аврелий Августин. Социальная структура феодального общества и дифференциация художественной культуры (церковная, феодально-светская, народная, городская). Дуалистическое сосуществование церковной и светской художественной культуры, их взаимодействие. Хронология и периодизация развития художественной культуры – доромански (меровингский – (VI–VII вв.)), каролингский – (VIII–IX вв.), романский (X–XII вв.), готический (XIII–XIV вв.) периоды.

Господство феодально-церковной идеологии в период раннего средневековья. Монополия церкви в сфере образования. Образование. Монастырские, кафедральные и приходские школы. Городские нецерковные школы. Университеты и их организация. Расширение спроса на книги. Начало книгопечатания. Библиотеки.

Философия в период раннего средневековья. Рождение схоластики. «Реализм», «номинализм», «концептуализм». Пьер Абеляр и его борьба с Бернаром Клервосским. Учение Фомы Аквинского. Аверроисты. Роджер Бэкон и начало опытного знания. Поздняя схоластика. Дунс Скотт и Уильям Оккам. Натурфилософия Николая Кузанского.

Рыцарская культура. Куртуазная литература. Творчество трубадуров и миннезингеры. Героический эпос. Народная культура и фольклор. Развитие городской культуры, ее светский характер. Музыка, театр, искусство, литература. Ваганты и их поэзия. Средневековое искусство. Романская и готическая архитектура. Скульптура и живопись. Религиозный аскетизм.

Особенности развития византийской культуры. Роль в ней античной традиции. Развитие научных знаний в Византии (Лев Математик, Косьма Индикоплов). Образова-

ние. Богословие и философия. «Великие Каппадокийцы». Богословско-философский рационализм (Михаил Пселл, Варлаам, Мануил Хрисолот, Гемист Плифон, Виссарион Никейский и др.). Исторические сочинения (Прокопий Кесарийский, Феофилакт Симокатта, Никита Хониат и др.). Византийская литература. Изобразительное искусство и архитектура.

Раннее Возрождение и гуманизм. Хронологические рамки итальянского Возрождения. Исторические предпосылки возникновения культуры Возрождения в Италии, её характерные черты и особенности. Гуманизм и его основные этапы. Гуманистическое просвещение и его центры. Отношение гуманизма к религии и церкви. Данте, Петрарка, Боккаччо, Салютати. Изобразительное искусство и архитектура Италии XIV-XV вв. Раннее Возрождение в других странах Европы.

МОДУЛЬ 4
ВОСТОЧНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Тема 4.1. Арабо-исламская цивилизация

Природные условия и население Аравийского полуострова. Кризис арабского общества в конце VI – начале VII вв. Мухаммед и возникновение ислама. Объединение Аравии, образование халифата. Период первых четырёх халифов. Кризис в халифате и гражданская война. Династия Омейядов и её завоевания. Социально-экономические отношения в Дамасском халифате, политическая система. Падение халифата Омейядов. Халифат Аббасидов. Социально-экономическое и политическое развитие. Распад халифата. Сельджукские и монгольские завоевания.

Тема 4.2. Иран и Средняя Азия в X–XV вв.

Иран и Средняя Азия после распада Арабского халифата. Сельджукские завоевания. Особенности общественных отношений в государстве Великих Сельджуков. Государство исмаилитов. Идеология исмаилитов. Монгольские завоевания. Освобождение Ирана от монгольского ига. Государство сербедаров. Общественные отношения. Тимур и его походы. Государство Тимура. Возникновение Бухарского ханства.

Тема 4.3. Индо-буддистская цивилизация

Население Индии. Особенности государственного строя, касты. Индийские города. Государство Гуптов. Нашествие эфталитов.

Религии Индии. Судьба буддизма. Индуизм. Проникновение ислама. Вторжение мусульманских завоевателей. Политическая раздробленность. Основание Делийского Султаната. Территория, этнический состав населения. Государственный и общественный строй. Хозяйственная жизнь. Ислам и индуизм. Внешняя политика делийских султанов. Индия в XIV в. Делийский Султанат. Политическая система и экономическое развитие. Нашествие Тимура и распад Делийского султаната. Индия в конце XV-XVI вв. Появление в Индии европейцев и начало колониальных захватов.

Тема 4.4. Китайско-конфуцианская цивилизация и Япония

Территория средневекового Китая. Природные условия, основные занятия населения. Своеобразие китайского феодализма. Империя Цзинь. Восстановление государственной надельной системы землепользования. Нашествие кочевников. Политическое объединение. Империя Суй. Крестьянская война и падение империи Суй. Империя Тан. Завершение формирования феодальных отношений. Государственная и частная собственность на землю. Надельная система. Китайские города.

Социальная структура. Внешняя политика империи Тан. Ослабление и распад империи Тан. Междоусобная борьба и внешние вторжения. Империя Сун. Хозяйственная жизнь. Расширение частного крупного землевладения. Попытка верхушечных реформ. Монгольское нашествие на Китай. Упадок экономики, культуры. Китай под властью династии Юань. Освобождение Китая от монгольского ига. Династия Мин. Рост городов. Аграрные и социальные отношения в XV в. Ослабление императорской власти. Внешняя политика династии Мин.

Природные условия и основные занятия населения Японии. Образование японского раннефеодального государства. «Переворот Тайка». Введение государственной надельной системы. Государственный строй. Развитие японского феодализма. Образование самурайства. Установление диктатуры Минамото. Микадо и сёгуны. Борьба с монгольским нашествием. Развитие экономики. Феодальная раздробленность. Сёгунат Асикага. «Смутное время».

ТРЕБОВАНИЯ К КУРСОВОЙ РАБОТЕ

В соответствии с учебным планом учреждения высшего образования по специальности 1-02 01 01 История и обществоведческие дисциплины на третьем курсе в **5 семестре** предусмотрена курсовая работа по выбору студента по историческим дисциплинам. Время отводимое на подготовку курсовой работы составляет **40 часов** (1,0 з.е.)

Курсовая работа – вид самостоятельной учебной работы и контроля качества обучения студента.

Цель курсовой работы – углубленное изучение дисциплины, закрепление практических умений и навыков в соответствии с учебной программой по дисциплине.

Задачи курсовой работы:

- овладение навыками самостоятельной учебной и научно-исследовательской работы;
- овладение методикой исследования при решении актуальной задачи в области избранной студентом специальности;
- выработка умения логически строить и последовательно излагать материал по теме, формулировать суждения и убедительные выводы; формирование умения публичной защиты.

Требования к курсовой работе:

1. Курсовая работа должна носить творческий характер и содержать анализ различных точек зрения по освещаемым дискуссионным вопросам, а также практическую оценку и свое отношение к ним. Органическое сочетание теоретических знаний с примерами из практики определяет качество выполненной курсовой работы.
2. Объем курсовой работы должен составлять 20-25 страниц.

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ

I. Самостоятельная работа (СР)

Методические рекомендации по организации самостоятельной работы студентов

Самостоятельная работа студентов организуется в соответствии с учебным планом специальности. Цель самостоятельной работы студентов – содействие усвоению в полном объеме содержания учебной дисциплины, а также формирование у студентов умений систематизировать, планировать и контролировать собственную деятельность.

Задача самостоятельной работы студентов – усвоение знаний, умений и навыков по курсу, закрепление и систематизация полученных знаний, их применение при выполнении практических заданий и творческих работ, а также выявление пробелов в системе знаний по предмету.

С учетом содержания, цели и задач дисциплины целесообразно осуществлять следующие основные виды самостоятельной работы по дисциплине, которая обеспечивает подготовку к аудиторным занятиям по курсу:

- изучение базовой и дополнительной литературы (учебники, монографии, периодические издания);
- составление конспектов и развернутых планов-конспектов к практическим занятиям;
- конспектирование источников;
- составление глоссария;
- подготовка рефератов и докладов;
- подготовка рецензий на научную литературу;
- составление хронологических таблиц и структурных схем;
- написание эссе;
- подготовка групповых проектов

Организация и контроль процесса и содержания самостоятельной работы студентов по курсу и ее результатов осуществляются в соответствии с Методическими рекомендациями по организации самостоятельной работы студентов (курсантов, слушателей), утверждёнными Министром образования Республики Беларусь, и с графиком контроля самостоятельной работы.

Задания самостоятельной работы

Базовые задания:

1. Понятийный диктант
2. Хронологический диктант
3. Составление глоссария
4. Развернутый письменный ответ
3. Подготовка презентации

В качестве темы выбирается любая на усмотрение студента. Условие – соответствие темы рабочей программе по дисциплине (полное совпадение темы занятия или одного из пунктов содержания темы занятия)

Задания повышенного уровня:

Подготовка рефератов, научных статей, докладов, аналитического обзора историографии по темам:

Модуль 1. Введение. Западноевропейская цивилизация в Раннее средневековье (V–IX вв.)

1) Эпоха Великого переселения народов. Генезис феодализма в Европе
2) Франкское государство в V–IX вв.
3) Юго-Западная Европа в VII–IX вв.
4) Византийская империя в IV–IX вв.
5) Страны Северной Европы: Англия и Скандинавские страны

Модуль 2. Западноевропейская цивилизация в Высокое средневековье (X–XIII вв.)

1) Церковь и ее организация в Западной Европе
2) Средневековая западная цивилизация и ее духовные основы
3) Социально-экономическое развитие Западной Европы. Западноевропейский средневековый город.
4) Франция в X–XIII вв. Вассально-ленные отношения
5) Англия в X–XIII вв.
6) Германия в X–XIII вв.
7) Италия в X–XIII вв.
8) Страны Пиренейского полуострова в X–XIII вв. Скандинавские страны
9) Византия в X–XIII вв.

Модуль 3. Западноевропейская цивилизация в Позднее средневековье (XIV–XV вв.)

1) Франция. Средневековое крестьянство
2) Англия. Сословно-представительная монархия
3) Германия
4) Италия
5) Страны Пиренейского полуострова
6) Скандинавские страны
7) Византия в XIV–XV вв.
8) Средневековая культура западноевропейской цивилизации (V–XV вв.)

Модуль 4. Восточные цивилизации в период Средневековья

1) Арабо-исламская цивилизация
2) Иран и Средняя Азия в V–XV вв.
3) Индо-буддистская цивилизация
4) Китайско-конфуцианская цивилизация и Япония

II. Управляемая самостоятельная работа (УСР)

Перечень трехуровневых заданий УСР

	Уровень УСР	**Характер познавательной деятельности студента**	**Форма СР (традиционная реализация)**	**Контролирующее мероприятие (КМ)**
1	Уровень узнавания (оценка 4–5)	Восприятие, запоминание и идентичное воспроизведение информации о свойствах изученных предметов, объектов, явлений, копирование действий по заданным образцам, ответы на репродуктивные вопросы, ответы на задания с выбором ответа	Понимание и узнавание содержания лекционного материала и учебной литературы, составление традиционного конспекта лекции, запоминание понятий, терминов, определений, фрагментов материала, образцов и т.д. составление глоссария по тексту	Тест, конспект, диктант, глоссарий, устный ответ по содержанию учебного материала, презентация конспекта
2	Уровень воспроизведения (оценка 6–7)	Сбор и обработка информации, формулирование проблемы, перевод проблемной ситуации в постановку задачи, анализ проблемы и поиск путей решения, запрос на опережающее обучение, поиск материалов, отражающих междисциплинар-ность проблемы, аргументация выбранного варианта решения, разнонаправленная коммуникация по проблеме саморефлексия процесса и результата обучения	Подбор и систематизация источников, составление аналитических обзоров литературы, интернет-источников, создание функционального конспекта, подготовка к практическим занятиям, деловым играм, подготовка аннотаций, рефератов, докладов, рецензий, групповой мини-проект по заданной теме, рефлексивное эссе по результатам обучения, участие в конференциях	Презентация выступления в рамках семинара, коллоквиума, деловой игры, реферат, аннотация, рецензия, защита мини-проекта, блог, сайт, wiki-документ, по теме, проекту
3	Уровень применения (оценка 8–10)	Анализ и проектирование, моделирование, выдвижение гипотезы, научно-исследовательская деятельность	Написание научных статей, участие в научно-исследовательской работе, подготовка выступлений на студенческих научно-практических конференциях, выполнение междисциплинарных проектов	Написание эссе, защита группового проекта, выступление на научной конференции

Задания управляемой самостоятельной работы

№	Тема	Уровень узнавания	Уровень воспроизведения	Уровень применения
Модуль 1. Введение. Западноевропейская цивилизация в Раннее средневековье (V–IX вв.)				
1.1	Введение в учебную дисциплину «История средних веков»	**1.** Понятийный диктант **2.** Хронологический диктант **3.** Составление глоссария	**1.** Развернутый письменный ответ **2.** Устный ответ **3.** Подготовка презентации по теме	**1.** Написание научной статьи в рамках темы **2.** Участие в научных конференциях с докладами по теме **3.** Подготовка плана-конспекта урока или фрагмента урока **4.** Составление аналитического историографического обзора по теме **5.** Проведение урока на базе филиала **6.** Подготовка реферата по теме
1.2	Эпоха Великого переселения народов. Генезис феодализма в Европе			
1.3	Франкское государство в V–IX вв.			
1.4	Юго-Западная Европа в VII–IX вв.			
1.5	Византийская империя в IV–IX вв.			
1.6	Страны Северной Европы: Англия и Скандинавские страны			
Модуль 2. Западноевропейская цивилизация в Высокое средневековье (X–XIII вв.)				
2.1	Церковь и ее организация в Западной Европе	**1.** Понятийный диктант **2.** Хронологический диктант **3.** Составление глоссария	**1.** Развернутый письменный ответ **2.** Устный ответ **3.** Подготовка презентации по теме	**1.** Написание научной статьи в рамках темы **2.** Участие в научных конференциях с докладами по теме **3.** Подготовка плана-конспекта урока или фрагмента урока **4.** Составление аналитического историографического обзора по теме **5.** Проведение урока на базе филиала **6.** Подготовка реферата по теме
2.2	Средневековая западная цивилизация и ее духовные основы			
2.3	Социально-экономическое развитие Западной Европы. Западноевропейский средневековый город.			
2.4	Франция в X–XIII вв. Вассально-ленные отношения			
2.5	Англия в X–XIII вв.			
2.6	Германия в X–XIII вв.			

2.7	Италия в X–XIII вв.			
2.8	Страны Пиренейского полуострова в X–XIII вв. Скандинавские страны			
2.9	Византия в X–XIII вв.			
Модуль 3. Западноевропейская цивилизация в Позднее средневековье (XIV–XV вв.)				
3.1	Франция. Средневековое крестьянство	**1.** Понятийный диктант **2.** Хронологический диктант **3.** Составление глоссария	**1.** Развернутый письменный ответ **2.** Устный ответ **3.** Подготовка презентации по теме	**1.** Написание научной статьи в рамках темы **2.** Участие в научных конференциях с докладами по теме **3.** Подготовка плана-конспекта урока или фрагмента урока **4.** Составление аналитического историографического обзора по теме **5.** Проведение урока на базе филиала **6.** Подготовка реферата по теме
3.2	Англия. Сословно-представительная монархия			
3.3	Германия			
3.4	Италия			
3.5	Страны Пиренейского полуострова			
3.6	Скандинавские страны			
3.7	Византия в XIV–XV вв.			
3.8	Средневековая культура западноевропейской цивилизации (V–XV вв.)			
Модуль 4. Восточные цивилизации в период Средневековья				
4.1	Арабо-исламская цивилизация	**1.** Понятийный диктант **2.** Хронологический диктант **3.** Составление глоссария	**1.** Развернутый письменный ответ **2.** Устный ответ **3.** Подготовка презентации по теме	**1.** Написание научной статьи в рамках темы **2.** Участие в научных конференциях с докладами по теме **3.** Подготовка плана-конспекта урока или фрагмента урока **4.** Составление аналитического историографического обзора по теме **5.** Проведение урока на базе филиала **6.** Подготовка реферата по теме
4.2	Иран и Средняя Азия в V–XV вв.			
4.3	Индо-буддистская цивилизация			
4.4	Китайско-конфуцианская цивилизация и Япония			

Перечень используемых средств диагностики результатов учебной деятельности и критерии их оценки

Для диагностики сформированности теоретических и профессиональных компетенций рекомендуется использовать следующие формы контроля: входной, промежуточный и итоговый.

В качестве диагностируемого материала для оценки компетенций используются учебные работы, выполненные во время аудиторных и внеаудиторных занятий (рефераты, устные выступления, тесты и т.д.). Критерии оценки по формам контроля утверждаются на заседании кафедры ежегодно.

Входной контроль осуществляется в виде контрольного среза (выполнения какого-либо задания (упражнения) или другого вида работы за короткий промежуток времени).

Другим средством диагностики компетенций является промежуточный контроль в виде просмотра выполненных или самостоятельной работы связанных одной темой согласно учебной программе. Просмотр осуществляется преподавателем кафедры, ведущего занятия по данной дисциплине на соответствующем курсе. Оценка выставляется по десятибалльной системе.

Итоговый контроль по учебной дисциплине может быть проведен как в устной, так и в письменной форме.

Критериями оценки являются наличие определенного уровня научно-теоретических знаний по учебной дисциплине, а также степень сформированности и развития практических умений и навыков для осуществления самостоятельной аналитической деятельности.

Оценка по дисциплине формируется из оценок по модулям (суммарный рейтинг по дисциплине) и оценки, полученной на экзамене.

Студенты могут ознакомиться с критериями оценки форм контроля в системе «Moodle»: http://www.newsdo.vsu.by/.

Технологии, методы и формы обучения

Итог обучения	Технологии	Формы и методы
Уровень **«Знать»** (оценка 4-5)	*Традиционные технологии*: лекционно-семинарская система обучения	Лекции, практические занятия: устная форма, устный и письменный опрос, тест, составление конспекта, проведение терминологического диктанта, составление глоссария
Уровень **«Уметь»** (оценка 6-7)	Технология *проблемного обучения*	Проблемное изложение учебного материала: диалогический режим семинара; частично-поисковая деятельность; самостоятельная исследовательская деятельность.
	Технология *проектного обучения*	Методы: проектов, сбора и обработки данных, исследовательский и проблемный, анализа справочных и литературных источников, поискового эксперимента, опытной работы, обобщения результатов. Форма – научный доклад, реферат, презентация.
Уровень **«Владеть»** (оценка 8-10)	Технология *формирования опыта* профессиональной деятельности	Проведение занятий на филиалах кафедры. Метод моделирования и имитационной технологии (проведение импровизированного школьного учебного занятия).

Баллы	Критерии оценки
1 (один)	Отказ от ответа, полное отсутствие профессиональных компетенций.
2 (два)	Фрагментарные знания в рамках образовательного стандарта; знание отдельных фактов из литературных источников, которые рекомендованы программой дисциплины; неспособность использовать научную терминологию; пассивность на занятиях.
3 (три)	Отсутствие полного объема знаний в рамках образовательного стандарта; знание части основной литературы, которая рекомендована учебной программой; значительные лингвистические и логические ошибки в использовании научной терминологии; неспособность ориентироваться в основных теориях и концепциях дисциплины; пассивность на лабораторных и семинарских занятиях.
4 (четыре)	Достаточный объем знаний в рамках образовательного стандарта; усвоение основной литературы, которая рекомендована учебной программой; умение использовать научную терминологию и делать выводы без существенных ошибок; способность ориентироваться в основных теориях и концепциях предмета и давать им оценку; работа на занятиях под руководством преподавателя.
5 (пять)	Достаточный уровень знаний в рамках учебной программы; умение использовать учебную терминологию, способность делать выводы; владение основными теориями дисциплины; знание основной литературы, которая рекомендована учебной программой; несущественные ошибки при выполнении учебных и профессиональных задач.
6 (шесть)	Систематизированные знания в объеме учебной программы; использование необходимой научной терминологии; логично выдержанные ответы; умение ориентироваться в базовых терминах и концепциях дисциплины, давать им сравнительную оценку; самостоятельная оценка на семинарских и лабораторных занятиях; участие в обсуждениях, высокий уровень выполнения заданий.
7 (семь)	Систематизированные, глубокие и полные знания по всем разделам учебной программы; использование научной терминологии; логично выдержанные ответы, способность делать обоснованные выводы; усвоение основной и дополнительной литературы, которая рекомендована программой дисциплины; способность ориентироваться в основных теориях и давать им критическую оценку; самостоятельная и активная работа на лабораторных и семинарских занятиях.
8 (восемь)	Систематизированные и глубокие знания по всем вопросам; использование научной терминологии; способность делать обоснованные выводы; владение методами комплексного анализа и способность самостоятельность решать сложные проблемы в рамках учебной программы; усвоение основной и дополнительной литературы, которая рекомендована программой; способность ориентироваться в основных теориях и концепциях и давать им критическую оценку; активная самостоятельная работа, участие в обсуждениях.
9 (девять)	Выполнение требований учебной программы на высоком уровне; полное и глубокое усвоение основной и доп. литературы по предмету; безукоризненное владение теоретич.знаниями и практическими навыками; стилистически грамотное, логично правильное изложение материала; точное использование научной терминологии; умение ориентироваться в теориях, концепциях и направлениях дисциплины, давать критическую оценку, использовать достижения других дисциплин; умение самостоятельно решать проблемы в нестандартной ситуации; знание и умелое использование современных технологий.
10 (десять)	Безукоризненное выполнение требований программы на высоком уровне; умение самостоятельно выявлять и использовать внутрипредметные и межпредметные связи учебной дисциплины; свободное владение информацией из основных и дополнительных источников при решении профессиональных задач; поисковая творческая деятельность по решению актуальных проблем изучаемой дисциплины.

ЛИТЕРАТУРА

Учебники и хрестоматии

1. Васильев, Л.С. История Востока / Л.С. Васильев. – Т. 1. – М., 1993.
2. Дворецкая, И.А. Западная Европа V–IX веков / И.А. Дворецкая. – М.: МГПИ, 1990. – 322 с.
3. История Китая: учеб. для студентов вузов, обуч. по спец. «История» / Л.С. Васильев [и др.]. – М.: МГУ, 1998.
4. История средних веков / под общей ред. С.Д. Сказкина. – М.: Высшая школа, 1977. – Т. 1.
5. История средних веков / под ред. З.В. Удальцовой и С.П. Карпова. – М.: Высшая школа, 1991. – Т.1.
6. История средних веков: учеб. пособие для студ. ист. спец. вузов: в 3 ч. Ч. 1: Раннее средневековье / под ред. В.А. Федосика, И.О. Евтухова. – Минск: Изд. центр БГУ, 2008. – 255 с.
7. История средних веков: учеб. пособие для студ. ист. спец. высш. учеб. заведений: в 3 ч. – Ч. 2: Высокое средневековье / под ред. В.А. Федосика, И.О. Евтухова. – Минск: Изд. центр БГУ, 2008. – 327 с.
8. История средних веков: учеб. пособие для студ. исторических спец. высш. учеб. заведений: в 3 ч. – Ч. 3: Позднее средневековье / под ред. В.А. Федосика, И.О. Евтухова. – Минск: Изд. центр БГУ, 2008. – 287 с.
9. История средних веков: хрестоматия: пособие для учителей: в 2 ч. – Ч. 2: V–XV века / сост. В.Е. Степанова, А.Я. Шевеленко. – 3-е изд. – М., 1988.
10. История средних веков: в 2 т.: учебник / под ред. С.П. Карпова. – Т. 1. – М.: Изд-во МГУ, 2005.
11. История средних веков: учебно-методическое пособие для студентов-заочников / под ред. М.Л. Абрамсон, К.Д. Авдеевой. – М., 1991.
12. История стран Азии и Африки в средние века. – Т. 1–2. – М.: МГУ, 1987.
13. Культурология. Теория и история культуры. – Часть 2. История культуры, Книга 2. Культуры цивилизаций Средневековья и Возрождения / под ред. В.А. Космача, А.В. Русецкого. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2005.
14. Практикум по истории средних веков / сост. М. Л. Абрамсон [и др.]. – М., 1971.
15. Риер, Я.Г. История средневековых цивилизаций: учеб. пособ.: в 5 ч. / Я.Г. Риер. – Ч. 1–4. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2001–2002.
16. Семенов, В.Ф. История средних веков / В.Ф. Семенов. – М., 1975.
17. Средневековая Европа глазами современников и историков. Книга для чтения: в 5 ч. – М., 1995.
18. Средневековый мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник / науч. ред. В.А. Федосик, Е.Д. Смирнова; сост. Е.Д. Смирнова. – 2-е изд., испр. – Минск: Беларусь, 2001. – 383 с.
19. Фильштинский, И.М. История арабов и Халифата (750–1517 гг.) / И.М. Фильштинский. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ: Восток-Запад, 206. – 352 с.
20. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. В.М. Корецкого. – М., 1961.
21. Хрестоматия по истории средних веков / под ред. С.Д. Сказкина. – Т. 1. – М., 1961. – Т.2. – М., 1963.

Источники

1. Богословие в культуре средневековья. – Киев, 1992.
2. Византийская книга эпарха / вступ. статья, пер. и коммент. М.Ю. Сюзимова. – М.: Изд-во вост. лит., 1962.

3. Византийский земледельческий закон / под ред. И.П. Медведева. – Л.: Наука, 1984.
4. Виллардуэн, Ж. Завоевание Константинополя / Ж. Виллардуэн. – М., 1993.
5. Григорий Турский. История франков / изд. подгот. В.Д. Савукова. – М.: Наука, 1987.
6. Жизнеописание трубадуров. – М., 1993.
7. Заборов, М.А. История крестовых походов в документах и материалах / М.А. Заборов. – М.: Высшая школа, 1977.
8. История средних веков: хрестоматия / сост. М.М. Стасюлевич. – Спб., 1999.
9. Коммин, Ф. де. Мемуары / Ф. де Коммин; пер. статьи и примеч. Ю.П. Малинина. – М.: Наука, 1990.
10. Коран. – Разн. изд.
11. Купеческие хартии в Англии XIV в. и их предистория / пер. Ю.Б. Борисова // Средние века. – М., 1992. – Вып. 55.
12. Песни трубадуров. – М., 1979.
13. Регистры ремесел и торговли города Парижа / пер. Л.И. Киселевой; под ред. и с предисл А.Д. Люблинской // Средние века. – М.: Наука, 1957. – Вып. 10. – С. 306–364; М.: Наука, 1958. – Вып. 11. – С. 171–224.
14. Салическая правда. – М., 1950
15. Средневековое городское право. – Саратов, 1989.
16. Средневековый роман и повесть. – М., 1974.
17. Тацит, П.К. Анналы; Малые произведения: История. / П.К. Тацит; пер с лат. – М., 2003.
18. Франциск Ассизский. Сочинения. – М., 1995.
19. Хроники длинноволосых королей / пер. с лат., статьи и сост. Н. Горелова. – СПб.: Азбука-классика, 2004.
20. Чосер, Дж. Кентерберийские рассказы / Дж. Чосер. – Разн. изд.
21. Эйнгард. Жизнь Карла Великого // Прометей. Историко-биографический альманах серии “Жизнь замечательных людей”. – М.: Молодая гвардия, 1977. – Т. II. – С. 153–169.

Исследования

1. Алаев, Л.Б. Средневековая Индия / Л.Б. Алаев. – СПб., 2003.
2. Амбелен, Р. Драмы и секреты истории. 1306–1643. / Р. Амбелен. – М., 1993.
3. Амирофян, К.В. Восточный феодализм. Особенности структуры / К.В. Амирофян. – М., 1966.
4. Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес. – М., 1992.
5. Баткин, Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности / Л.М. Баткин. – М., 1989.
6. Блок, М. Короли-чудотворцы / М. Блок. – М., 1998.
7. Блок, М. Феодальное общество / М. Блок; пер. с фр. М. Ю. Кожевниковой. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003.
8. Буданова, В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов / В.П. Буланова. – М., 2000.
9. Будур, Н. Викинги. Пираты севера / Н. Будуар. – М.: ОЛТА–ПРЕСС, 2005.
10. Варьяш, И.И. Правовое пространство ислама в христианской Испании XIII–XV вв. / И.И. Варьяш. – М., 2001.
11. Варьяш, О.И. Пиренейские тетради. Право, общество, власть и человек в Средние века. / О.И. Варьяш. – М., 2006.
12. Ведюшкин, В.А. История Испании. – Том 1. С древнейших времён до конца XVII в. / В.А. Ведюшкин, Г. А. Попова (отв. ред.). – М., 2012.
13. Виппер, Р.Ю. История средних веков / Р.Ю. Виппер. – М., 1993.

14. Воскобойников, О.С. Средневековье крупным планом / О.С. Воскобойников. – М., 2022.

15. Всемирная история: в 6 т. / А.О. Чубарьян [гл. ред.]; Ин-т всеобщ, истории РАН. – М.: Наука. – Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П.Ю. Уваров. – 2012.

16. Глебов, А.Г. Альфред Великий и Англия его времени / А.Г. Глебов. – Воронеж, 2003.

17. Глогер, Б. Император, Бог и дьявол. Фридрих II Гогенштауфен в истории и легенде / Б. Глогер. – СПб., 2003.

18. Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4 т. / под ред. А.А. Сванидзе. – М., 1999–2000. – Т. 1–4.

19. Грацианский, Н.П. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья / Н.П. Грацианский. – М., 1960.

20. Гуревич, А.Я. Избранные труды / А.Я. Гуревич. – Т. 1–2. – М.-СПб., 1999.

21. Гуревич, А.Я. «Феодальное Средневековье»: что это такое? Размышление медиевиста на грани веков / А. Я. Гуревич // Одиссей. – М., 2002.

22. Гуревич, А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе / А.Я. Гуревич. – М., 1970.

23. Гутнова, Е.В. Классовая борьба и общественное сознание крестьян в средневековой Западной Европе (X1–XVI вв.) / Е.В. Гутнова. – М., 1984.

24. Двор монарха в средневековой Европе: Явление, модель, среда / под ред. Н.А. Хачатурян. – М.; СПб., 2001.

25. Делюмо, Ж. Грех и страх. Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII вв.) / Ж. Делюмо. – Екатеринбург, 2003.

26. Демурже, А. Рыцари Христа. Военно-монашеские ордены в Средние века, XI–XVI вв. / А. Демурже. – СПб., 2008.

27. Другие Средние века. – М.; СПб., 2000.

28. Дюби, Ж. Время соборов. Искусство и общество, 980–1420 / Ж. Дюби. – М., 2002.

29. Дюби, Ж. История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк. 987–1460 / Ж. Дюби, пер. с фр. – М., 2000.

30. Дюби, Ж. Трехчастная модель, или представления средневекового общества о себе самом / Ж. Дюби. – М., 2000.

31. Заборов, М.А. Крестоносцы на Востоке / М.А. Заборов. – М., 1980.

32. История Византии. – М., 1967. – Т. 1–3.

33. История Европы. – М., 1993. – Т. 2–3.

34. История крестьянства в Европе. – М., 1985–1986. – Т. 1–2.

35. История Франции. – М., 1972. – Т. 1.

36. Кардини, Ф. Истоки средневекового рыцарства / Ф. Кардини. – Разн. изд.

37. Карсавин, Л.П. Монашество в средние века / Л.П. Карсавин. – М., 1992.

38. Кенигсберг, Г.Г. Средневековая Европа, 400–1500 года / Г.Г. Кенигсберг; пер. с англ. – М., 2001.

39. Классы и сословия средневекового общества / под ред. З.В. Удальцовой. – М., 1988.

40. Корсунский, А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе / А.Р. Корсунский. – М., 1963.

41. Курбатов, Г.Л. История Византии (от античности к феодализму) / Г.Л. Курбатов. – М., 1984.

42. Ле Гофф, Ж. Людовик IX Святой / Ж. Ле Гофф. – М., 2001.

43. Ле Гофф, Ж. Средневековый мир воображаемого / Ж. Ле Гофф; пер. с фр. – М.: Прогресс, 2001.

44. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – М., 1992.
45. Ле Руа Ладюри, Э. Монтайю. Окситанская деревня (1294–1324) / Э. Ле Руа Ладюри. – Екатеринбург, 2001.
46. Левандовский, А.П. Карл Великий. Через Империю к Европе / А.П. Левандовский. – М., 1995.
47. Лучицкая, С.И. Источниковедческие особенности «Иерусалимских ассиз» / С.И. Лучицкая // Средние века. – М., 1988. – С. 51–68.
48. Лучицкая, С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов / С.И. Лучицкая. – СПб., 2001 (2-е изд. 2017).
49. Малинин, Ю.П. Общественно-политическая мысль позднесредневековой Франции XIV–XV вв. / Ю.П. Малинин. – СПб., 2000.
50. Малявин, В.В. Китайская цивилизация / В.В. Малявин. – М., 2000.
51. Опыт тысячелетий. Средние века. Эпоха Возрождения: быт, нравы, идеалы. – М., 1996.
52. Перну, Р. Жанна д'Арк / Р. Перну, М.-В. Клэн. – М., 1992.
53. Петрушевский, Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства / Д.М. Петрушевский. – СПб., 2003.
54. Пиотровский, М.Б. Коранические сказания / М.Б. Пиотровский. – М., 1991.
55. Портных, В.О. Крестовые походы в Палестину (1095–1291). Аргументы для привлечения к участию / В.О. Портных. – СПб., 2017.
56. Поршнев, Б.Ф. Феодализм и народные массы / Б.Ф. Поршнев. – М., 1964.
57. Право в средневековом мире / под ред. О.И. Варьяш. – М., 1996.
58. Право в средневековом мире. Вып. 2–3 / под ред. О.И. Варьяш. – СПб., 2001.
59. Пти-Дютайн, Ш. Феодальная монархия во Франции и Англии X–XIII веков / Ш. Пти-Дютайн. – СПб.: Евразия, 2001.
60. Сидоров, А.И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII–X века / А.И. Сидоров. – СПб., 2018.
61. Сказкин, С.Д. Избранные труды по истории / С.Д. Сказкин. – М., 1973.
62. Спеваковский, А.Б. Самураи – военное сословие Японии / А.Б. Спеваковский. – М., 1981.
63. Суворов, Н. Средневековые университеты / Н. Суворов. – М., 1989.
64. Теган. Деяния императора Людовика / Теган. – СПб., 2003.
65. Уикхем, К. Средневековая Европа: От падения Рима до Реформации / К. Уикхем. – М., 2019.
66. Уоллес-Хедрилл, Д.М. Варварский Запад: Раннее Средневековье. 400–1000 / Д.М. Уоллес-Хедрилл. – СПб., 2003.
67. Успенский, Ф.И. История Византийской империи / Ф.И. Успенский. – Т. 1–3. – М., 1997.
68. Фиджеральд, Ч.П. История Китая / Ч.П. Фиджеральд; пер. с англ. Л. Л. Каламинцевой. – М.: Центрполиграф, 2004.
69. Флори, Ж. Идеология меча. Предыстория рыцарства / Ж. Флори. – СПБ.: Евразия, 1999.
70. Флоровский, Г.В. Восточные отцы V–VIII вв. / Г.В. Флоровский. – М., 1992.
71. Хачатурян, Н.А. Возникновение Генеральных штатов во Франции / Н.А. Хачатурян. – М., 1976.
72. Хачатурян, Н.А. Сословная монархия во Франции XIV–XV вв. / Н.А. Хачатурян. – М., 1989.
73. Хвостова, К.В. Социально-экономические процессы в Византии и их понимание византийцами-современниками (XIV–XV вв.) / К.В. Хвостова. – М., 1992.
74. Хёйзинга, Й. Осень Средневековья / Й. Хёйзинга. – М., 1988.
75. Червонов, С.Д. Испанский средневековый город / С.Д. Червонов. – М., 2005.

Учебное издание

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ
ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНОСТИ
1-02 01 01 ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Учебно-методический комплекс по учебной дисциплине

Составитель
ЯКОВЛЕВА Галина Николаевна

Технический редактор *Г.В. Разбоева*
Компьютерный дизайн *Л.В. Рудницкая*

Подписано в печать 2022. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 17,67. Уч.-изд. л. 22,62. Тираж экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.